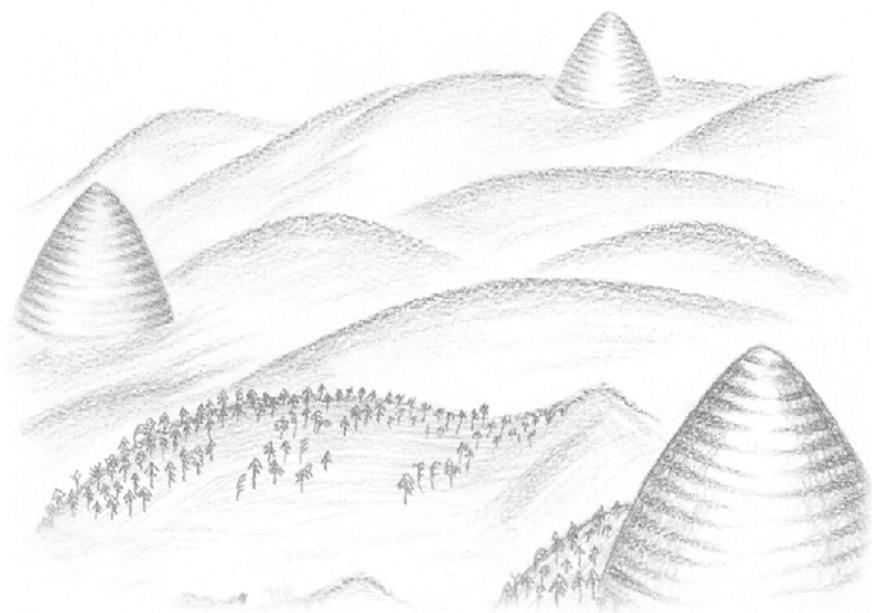

ПРОПАВШЕЕ **ЗОЛОТО**
ЛЕВАНЕВСКОГО

ПО СЛЕДАМ
ЯКУТСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
1982-85 гг.

ЭРНСТ МУЛДАШЕВ

МУЛДАШЕВ
Эрнст Рифгатович

Доктор медицинских наук, профессор, генеральный директор Всероссийского центра глазной и пластической хирургии Минздрава РФ, заслуженный врач России, лауреат премии «За выдающиеся заслуги перед отечественным здравоохранением», хирург высшей категории, почетный консультант Луисвилльского Университета (США), член Американской Академии офтальмологии, дипломированный офтальмолог Мексики, мастер спорта, трехкратный чемпион СССР по спортивному туризму.

Э. Р. Мулдашев — крупный российский ученый с мировым именем. Он является изобретателем биоматериала «Аллоплант», который стал основой нового направления в медицине — регенеративной хирургии, т. е. хирургии по «выращиванию» человеческих тканей.

Ученым разработано более 150 видов новых операций, изобретено более 100 видов «Аллопланта», опубликовано свыше 400 научных работ, получено 58 патентов России, США, Франции, Германии, Италии и Швейцарии. Разработки ученого внедрены более чем в 600 клиниках России и других стран. С лекциями и операциями он побывал в 53 странах мира. Ежегодно проводит до 800 сложнейших операций. Им успешно произведена первая в мире трансплантация глаза.

Э. Р. Мулдашев признает, что до сих пор не может понять суть своего главного изобретения — биоматериала «Аллоплант», который стимулирует регенерацию человеческих тканей. Понимая, что «Аллоплант», изготовленный из тканей умерших людей, несет в себе глубинные природные механизмы по созданию человеческого тела, Э. Р. Мулдашев в процессе исследований сотрудничает не только с учеными разного толка, но и обращается к основам древних знаний.

Именно для этого им были организованы научные экспедиции в Гималаи, Тибет, Индию, Сирию, Ливан, Египет, Монголию, Бурятию, острова Пасхи, Крит и Мальта, которые не только углубили понимание проблем медицины, но и позволили по-иному взглянуть на загадки мироздания и антропогенеза. Им написано 9 книг, которые переведены на многие языки мира и во многих странах стали бестселлерами.

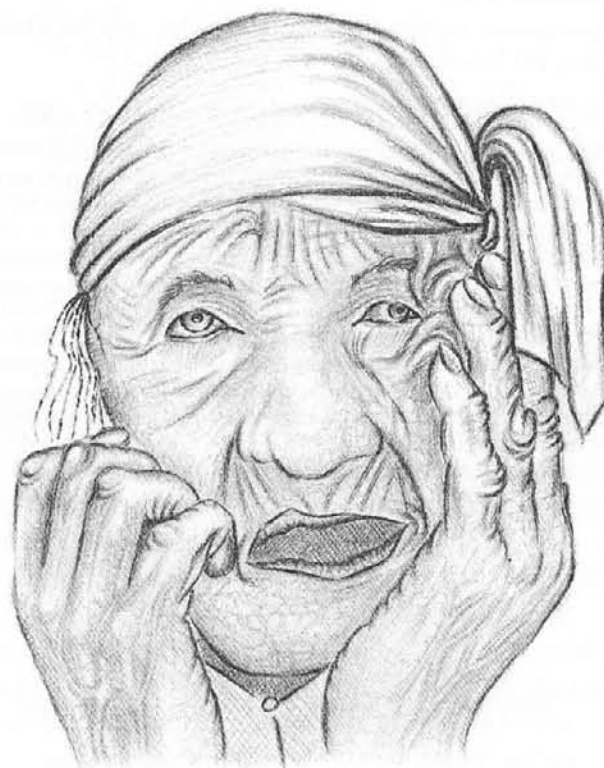
Предлагаемая читателю новая книга автора «Пропавшее золото Леваневского» является воспоминанием о четырех якутских экспедициях 1982–1985 годов, когда он, будучи на грани лишения диплома врача за «еретические научные мысли», всю свою страсть отдал разгадке тайны трагического перелета через Северный Полюс. Книга написана в приключенческом стиле. В книге нет вымысла, она основана на фактах, которые сохранились в дневниках автора.

Р. Т. Нигматуллин
доктор медицинских наук, профессор,
заслуженный деятель науки России

Эрнст Мулдашев

ПРОПАВШЕЕ ЗОЛОТО ЛЕВАНЕВСКОГО

 ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

Москва
2013

УДК 133
ББК 86.42
М 90

Исключительное право публикации книги Эрнста Мулдашева «Пропавшее золото Леваневского» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Мулдашев Э. Р.

М 90 Пропавшее золото Леваневского. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. — 432 с.

ISBN 978-5-373-05054-8

Автор книги — всемирно известный офтальмолог и исследователь Э. Р. Мулдашев решает поднять свои старые дневники четырех якутских экспедиций 1982–1985 годов по поискам пропавшего экипажа Леваневского и написать по ним книгу... почти через 30 лет. Он вчитывается в свои полевые записи и как бы заново переживает те приключения со смертельным риском, которые выпали на долю членов экспедиций. И только сейчас, через много лет, автор начинает осознавать, что экспедиция попала в Зону, где не только гибнут самолеты с золотом, но и диктуются иные принципы жизни. В книге описываются найденные «золотые могилы» и психология людей, страдающих «золотой лихорадкой», которая, к сожалению, мало чем отличается от психологии современных людей.

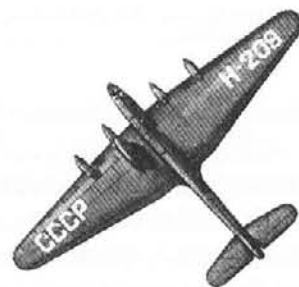
Книга написана для широкого круга читателей.

УДК 133
ББК 86.42

Книга иллюстрирована рисунками автора

ISBN 978-5-373-05054-8

© Мулдашев Э. Р., 2013
© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Закон-тайга»

Шел август 1984 года. Уже третья якутская экспедиция по поискам погибшего экипажа Леваневского близилась к концу. Мы были в тех местах, где, как говорится, нога человека не ступала.

Я, имея при себе ружье-двустволку двенадцатого калибра, спускался в одиночку с высокого бугра, на который взобрался, чтобы осмотреть окрестности в надежде обнаружить погибший самолет. Под гору идти было легко. Ноги, отталкиваясь то от кочек, то от коряг, прямо-таки несли меня вперед. Молодость кипела во мне. И вдруг...

Вдруг я увидел всадника на коне и, как вкопанный, остановился.

— Неужели они догнали нас?! — промелькнула мысль. — Вооруженный конный отряд, преследующий нас! Да плевать мы хотели на ваше золото!!! Подавитесь своим золотом!!! Неужели вы не понимаете, что мы ищем самолет, а не золото! Всадник пока один. А где же остальные?!

В ходе этих мыслей я нечаянно оступился. Хрустнула ветка. Всадник, услышав звук, резко обернулся и увидел меня. Он одернул коня. Конь остановился. До меня было около 50 метров.

А я, молодой еще тогда дурак, машинально снял с плеча ружье.

Всадник, увидев это, тут же спрыгнул с седла и, прикрываясь конем, дошел до дерева и лег под него, выставив ружье.

— Геть!!! — крикнул он, отгоняя коня, чтобы он не оказался в зоне обстрела.

Я тоже, выйдя из замешательства, бросился за первое попавшееся дерево. К счастью, дерево оказалось достаточно толстым, чтобы скрывать меня. Правда, у меня было худшее положение, чем у моего соперника, поскольку я до этого шел под гору и мне пришлось лежать несколько «головой вниз», что не только мешало сделать хороший прицельный выстрел, но и заставляло меня постоянно корректировать положение моих ног, чтобы они не высунулись из-за дерева. А мой соперник лежал «ногами вниз», когда его туловище и ноги скрывал бугор, и ему было удобнее, высунув голову из-за дерева, посмотреть или сделать выстрел.

Конь отошел в сторону и стал мирно щипать травку. А мы лежали каждый за своим деревом, не решаясь стрелять друг в дру-

га. Я не знал, кто он, и он, наверное, не знал, кто я. Я понимал, что выстрелить в человека не так-то легко, и он, наверное, понимал то же самое. Я никогда не стрелял в человека, и он, наверное, тоже. Я никогда не убивал человека, и он, наверное, тоже. Мой отец в уральской деревне воспитал меня как охотника, и его отец, наверное, вырастил из него охотника в якутской тайге. Я хорошо стрелял, но он, наверное, лучше...

Мы оба лежали, каждый за своим деревом, и лишь иногда на мгновение выглядывали, боясь выстрела. Я, спрятавшись за деревом, пересчитал свои патроны: у меня в патронташе оказалось восемь пуль «Жакан», две картечи и шесть патронов с дробью № 4 для куропаток. Я перезарядил ружье, в верхний ствол я положил пулю «Жакан», а в нижний, почему-то, дробь для куропаток... чтобы не убить. Напряжение нарастало. Зловещая тишина звенела в ушах. Слышался стук сердца. Неудобное положение «головой вниз» стало мучить меня. Хотелось разрядки. Но он не стрелял.

И в этот момент к нам подлетела птица, сойка, по-моему. Эта противная птица, увидев с дерева двух людей, лежащих за деревьями, вдруг подала сигнал тревоги, истошно закричав. Причем, она кричала так долго и омерзительно, что у каждого из нас — лежащих за деревьями — начали сдавать нервы.

В это время, когда я высунулся из-за дерева, раздался выстрел. Пуля ударилась о ствол моего дерева, содргнув его. Я съежился. Мне стало не по себе.

Птица улетела. Но скоро возвратилась вновь, начав опять истошно кричать. У меня закипело в душе. Я не хотел стрелять в человека. А эта ужасная птица своими криками как бы призывала к этому. Птица кричала, а я кипел, птица кричала, а я кипел... А когда эта птица подлетела ближе ко мне, я проговорил:

— Тварь!!!

Но эта тварь все вопила и вопила истошным голосом, подавая свой тупой сигнал тревоги.

Я много раз бывал в тайге и хорошо знал, что такие птицы, как сойки и кедровки, могут вопить бесконечно, действуя на нервы. А нервы в тот момент многого стоили. Я чувствовал, что тот человек

не хочет убивать меня... как и я его. Ведь первый его выстрел был в ствол моего дерева, а не в меня.

А птица вопила, как ненормальная.

Тогда я поднял ружье и, памятуя, что в моем нижнем стволе находится дробь, выцелил эту поганую птицу и с удовольствием выстрелил. Птица со стуком ударилась о землю.

В ответ раздался выстрел в воздух. По звуку я понял, что он стрелял из карабина. Захотелось встать, выйти из-за дерева и подать ему руку. Но я боялся, что это «завлекуха».

Я уткнулся головой в мох у ствола дерева. Нервы начали сдавать. Выступили слезы. Нахлынули воспоминания.

— За что? За что меня так полощет жизнь! Меня до сих пор бьют за «еретические» научные мысли, связанные с тем, что Бог мне дал идею «Аллопланта», который помогает тем больным людям, которые считаются безнадежными. Ну почему к нам, в Уфу, приехала группа из десяти именитых московских профессоров, чтобы оценить новые операции какого-то мелкого периферийного врача?! Ну почему они, несмотря на очень хорошие результаты операций, посчитали, что «без бумажки я букашка» и что я должен был вначале получить бумажку в Минздраве СССР на свою новую мысль, потратив на это несколько лет, и лишь потом оперировать... хотя операции изобретаются во время операций?! Ну почему Минздрав разослал по всем медицинским учреждениям СССР информационное письмо о том,

что уфимский врач Э. Р. Мулдашев проводил эксперименты над советским человеком?! Ну почему аж сама Коллегия Минздрава СССР рассматривала вопрос о лишении меня диплома врача, когда только отчаянная фраза председателя комиссии «Его нельзя закапывать в могилу! Он — настоящий хирург!» спасла меня?! Ну по-

чему в мой диплом врача вклеили бумажку с печатью, где написано «Без права хирургии!»?! Ну почему я должен слоняться по поликлиникам и подбирать очки и лишь иногда, как вор, исподтишка оперировать тех людей, которые уж очень просят?! Может, лучше остаться здесь, в Якутии, и работать оленеводом, чем прозябать в Уфе и глушить свои хирургические страсти! Ну почему так несправедлива жизнь!!! Ну почему мне приписали «эксперимент над советским человеком», хотя люди прозревали?! Ну за что плюнули в душу?!

Тогда я еще не понимал, что в мире, кроме Бога, существует и Дьявол — хитрый и лукавый Дьявол, который извечно борется с Богом. До меня еще не доходило, что лукавство Дьявола проявляется, прежде всего, в том, что он шепчет каждому человеку, даже самому серенькому, что он велик, что он неподражаем, что он Бог... вот только другие этого не понимают... Однако, как только человек схватит этот «сладкий подарок Дьявола», то тут же появляется угнетающая душу зависть к людям, которые хоть чем-то выбиваются из «общечеловеческого стада». Зависть выражается, чаще всего, в постулате «бумажка решает все», который доводит до отчаяния человека, выбившегося из «общечеловеческого стада», но... отводит его от «звездной болезни» по принципу «в борьбе рождается истина». То есть

Завистник —
— стимулятор прогресса

завистник как бы навязывает борьбу ученому, которому Бог подарил идею, чтобы «жизнь не казалась слишком сладкой». Положительную роль играет завистник, не позволяя ученому «завездиться», воистину являясь стимулятором прогресса. И... наверное, чем сильнее страсть завистника, тем сильнее страсть ученого. Таким Бог создал мир.

А тогда, в августе 1984 года, я лежал за деревом, уткнувшись носом в мягкий мох. Я понимал, что смерть совсем рядом. Только высунь голову... Я, уйдя в мысли о тех обидах, которые перенес, почувствовал, что смерть не страшна. Она, почему-то, меня не пугала. Обиды, пусть прошлые, сильнее ранили душу.

— А может быть из-за обиды на тех людей, которые меня превратили в ничто, я приехал в Якутию в поисках погибшего экипажа Леваневского, — подумалось мне. — Может быть, я хочу убежать от обид?! Может быть, я слабак и плохо «держу удар», погружаясь в сладкую обиду?!

Я даже помотал головой... за деревом, скрываясь от выстрела... и попытался отогнать эти мысли о столь большой значимости обид в моей жизни. Обиды обидами, а жизнь есть жизнь. Вот уже третий год мы достаем невесть каким путем деньги, и прилетаем сюда, в этот забытый Богом край, где на территории размером с Францию живет небольшая кучка оленеводов и где, как мы предполагаем, погиб легендарный экипаж Сигизмунда Леваневского, который, совершая перелет через Северный Полюс в Америку в 1937 году, вез в преддверии войны дар... политический дар...

Советского Союза Америке в виде золота, мехов и икры. Разведань героической памяти летчиков сравнима с какими-то обидами, которые я перенес, чтобы думать, что я вот сейчас лежу за деревом, скрываясь от выстрелов только потому, что я глушу в себе эти обиды. В каждом человеке заложено общечеловеческое начало, которое выступает, чаще всего, в экстремальных ситуациях и сравнимо с солдатским криком «Ура!» или «За Родину!», но которое, почему-то, все время перебивается чем-то личностным, когда какие-то несчастные обиды выступают как главенствующая струя твоей жизни. Мы склонны умять общечеловеческий компонент в нашей жизни и гипертрофировать личностный компонент, хотя это несправедливо. Я глубоко сомневаюсь, что кого-либо из членов нашей экспедиции повело сюда, в эти дикие края, где нас еще и преследует вооруженный конный отряд, желание заглушить в душе всего лишь неурядицу со своей очередной женой. Нет, нас вел вперед какой-то мощный патриотический дух, для которого слово «Родина» сродни слову «Жизнь».

Я тогда, конечно же, не понимал, что жизнь изменится и, к тому времени когда я буду писать эти строки (зимой 2010 года), предстанет совершенно в ином обличии. Жизнь войдет в парадоксальное состояние по принципу «Или пан, или пропал». То есть духовное божественное начало, живущее в каждом человеке, перестанет быть главенствующим, как положено, а станет... о, ужас... наравне с материальным началом — тем самым «пищеварительным началом», над которым главенствует другой «Бог» — Деньги. Именно они создают парадокс, связанный с тем, что если Деньги победят, то человечество скатится к пропасти только на том основании, что Деньги, как единица измерения труда... или воровства... станут столь грандиозно значимыми, что затмят главный божественный постулат «Человек есть самопрогрессирующее начало», имея в виду, прежде всего, духовный прогресс, включающий такие понятия, как Любовь, самопожертвование, романтичность, мечтательность, дружба и тому подобное. Ну, зачем тупо копить деньги на тысячи или

миллионы жизней вперед ради своего «сытого живота», когда можно насладиться счастьем от благодарных глаз человека, которому ты помог! Ну, зачем обворовывать старушек! Ну, зачем быть жадным...

Я не мог и подумать тогда, в годы советской уравниловки, что жадность начнет конкурировать с самим Богом, создавшим человека по принципам безденежной Любви! Я не мог и подумать, что Жадность столь сильна!

Но... получилось так. В этом-то и весь парадокс, парадокс нашей Жизни, когда ты можешь быть «паном», если осознаешь значимость Любви к людям, или будешь катиться вниз под символом «пропал» со своими деньгами. Но тогда были другие времена, когда понятие «трудное счастье» было значимым.

А тогда, в августе 1984 года, я, лежа за деревом, решил тихонько выглянуть из-за него. Выглянув, я увидел, что мой соперник лежит, высунув голову с карабином на изготовку. В это время прозвучал выстрел. Я не знаю, может быть, мне удалось успеть убрать голову за дерево, но пуля пролетела мимо. О ствол дерева она не ударилась.

— Он уже стрелял не в дерево! — сделал я неприятный для себя вывод. — Как бы отсюда выбраться живым?!

Особенно меня донимало положение моего тела, лежащего головой вниз. Было страшно неудобно. Да еще и какой-то корень все время тыкался в грудь, так что мне приходилось ерзать.

А ерзать было опасно, поскольку часть моего тела могла вылезти из-за дерева и попасть в зону обстрела. К тому же у него был карабин, с помощью которого можно было произвести более прицельный выстрел, чем из моей двустволки.

— Как быть?! Как быть?! — прошептал я, полностью осознав сложность создавшейся ситуации... смертельной ситуации.

Я быстро высунулся и увидел, что он спрятался полностью за деревом. Воспользовавшись этим моментом, я вынул ружье и взял под прицел его дерево, ожидая того момента, когда он высунется. И он высунулся, буквально через минуту высунулся, стараясь направить свой карабин в мою сторону. И в этот момент я выстрелил и увидел, как моя пуля «Жакан» мощно ударилась в дерево рядом с его лицом. Нет, я не промазал, попав вместо головы в дерево, я стрелял в дерево, хорошо выцелив. Я осознавал, что удар пули «Жакан» о дерево мощнее сотрясает его, чем пуля от карабина, и, в связи с этим, надеялся, что это произведет должное психологическое воздействие, заставив его уползти вниз под гору, что ему бы, в принципе, удалось.

Однако, периодически выглядывая, я понял, что уползать вниз он не собирается. Он, так же как и я, на мгновение выглядывал и тут же прятал свою голову за деревом. Но свой карабин он оставлял снаружи, понимая, видимо, что из моей двустволки попасть пулей точно в ствол карабина и повредить его мне вряд ли удастся.

И именно этим я решил воспользоваться. Я вложил в ствол картечь, которая представляет собой крупную дробь в количестве 8–16 штук в патроне. Я знал, что на расстоянии 50 метров картечь, конечно же, разлетается и ложится в круге этак 1–2 метра в диаметре. Но я рассчитывал на удачу, надеясь, что хотя бы одна из картечин попадет в его карабин и хоть чуть-чуть повредит его.

Я тщательно выцелил его карабин и, внимательно посмотрев, чтобы он не высунул голову, произвел выстрел. Карабин его аж подскочил на месте.

— Ура! — проговорил я, хотя и не очень надеялся, что картечь сильно повредит карабин.

Он тут же убрал свой карабин за дерево. А еще через минуту я услышал выстрел в воздух. Этим он показывал, что его карабин цел.

Тем не менее, я ощутил, что некий психологический перевес достигнут. По крайней мере, он понял, что перед ним «ногами вверх» лежит не какой-то городской мальчик, которого можно убить как зайца, а вполне профессиональный охотник, который даже попал в его нагло оставленный снаружи карабин и как бы предупреждает: «Я не хочу убивать тебя и тебе лучше уползти вниз по склону. Я сам не могу этого сделать, так как, если я поползу от тебя в гору, то ты меня обязательно убьешь».

Наступила тишина. Мы оба боялись друг друга. Я периодически выглядывал, и он, как я видел, тоже периодически выглядывал. Никто из нас уже не стрелял. Каждый ждал ошибки другого. Мысли о смерти и страх растаяли как дым. Остался только азарт — «Кто кого?!».

Я поймал себя на мысли, что могу убить человека. Но эта мысль свергла меня в смятение. С одной стороны, я понимал, что нахожусь в той ситуации, где есть один закон, называемый «Закон-тайга»... Но с другой стороны, даже этот закон не мог оправдать убийства... возможно, невинного человека. Я чувствовал, что он тоже боится убить человека. Но азарт... этот ужасный азарт шептал и шептал: «Убей! Убей! А то он убьет тебя!»

Я еще раз выглянул из-за дерева. Он не выглядывал. Я начал как бы телепатировать ему, приговаривая:

— Уползай, дорогой, уползай вниз! Я ведь не могу уползти вверх, когда ты сможешь, подчиняясь азарту и «тайга-закону», расстрелять меня! Я ведь тоже не хочу умирать... по принципу «закон-тайга»! У тебя лучшее положение! И, если даже твое тело появится на каком-то бугре, я не буду стрелять. Обещаю! Обещаю...

Я опять выглянул из-за дерева и увидел, что он, высунув карабин с другой стороны дерева, целится. Раздался выстрел. Пуля ударила о землю рядом с моей ногой, оставив на моих штанах след с запахом гари.

— Блин!!! — выругался я и убрал свою ногу за дерево. — Как неудобно лежать головой вниз по склону! Ему-то хорошо, его ноги и тело скрыты бугром! У меня одна мишень — голова!

Азарт охватил меня. Я понял: чтобы поразить соперника, мне нужно высунуть ружье и, взяв под прицел то место, где у него появляется голова, тут же стрелять. Но высунуть ружье было не так-то легко. Он ведь тоже ждал этого, чтобы произвести прицельный выстрел.

Тогда я тихонько, согнувшись, нарвал травы и положил ее туда, где я должен был высунуть из-за дерева ружье. Потом я незаметно подсунил под траву ружье и даже смог сделать в ней дырку для прицеливания. Он, казалось, этого не заметил.

Я лежал за травой и ждал, когда он выглянет. И он это сделал, сделал как мишень и даже на мгновение застыл как мишень. Мой палец начал нажимать на спусковой курок. Я понял, что он замешкался и я его сейчас убью. Мощная пуля «Жакан» должна была разнести его череп в клочья.

Но в последний момент я чуть-чуть повернул ружье и, взяв на прицел край дерева, вцепил туда мощную пулю. Я увидел, как отлетевшая кора ударила его по лицу и он упал. Я с испугом подумал, что произошел рикошет, и я попал в него, но он через несколько секунд поднял голову и стал неистово озиаться, не веря, что жив и не боясь выстрелов.

— Понял, сука! — проговорил я. — Зачем по ноге-то надо было стрелять! Тварь!!! Твою мать!!!

Азарт не угасал во мне. Чтобы его унять, я, воспользовавшись моментом, вцепил еще одну пулю в ствол дерева, за которым он лежал... чтобы страшнее было.

Мне от этого полегчало. И он, наверное, понял, что перед ним лежит отнюдь не мальчик. Наступила тишина. А вместе с тишиной пришло и понимание того, что мы оба не хотели

убивать друг друга. До меня даже дошло, что, возможно, он стрелял не в мою ногу, а в мои штаны... Да и я ведь не выстрелил ему в лицо, а направил пулю рядом... чтобы лишь слетевшая кора ударила ему по лицу. Но как объясниться?! Как поверить друг другу?! Да и этот смертельный азарт, сметающий все на своем пути, азарт, для которого есть один закон, называемый «закон-тайга»!

Я, опустив голову за деревом, даже как бы слегка прикорнул. Нет, снов я не видел, но какая-то благодать вошла в мою душу. Стало неестественно хорошо. А вслед за этим нахлынула какая-то философская волна.

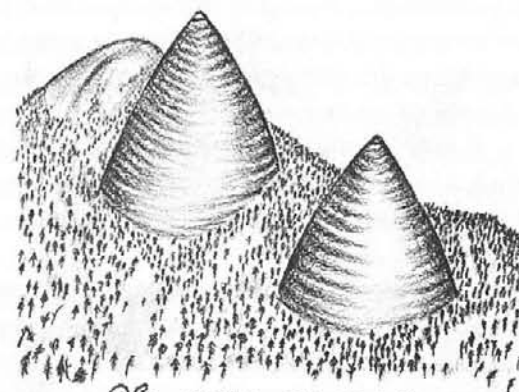
— Вот уже третий год мы ищем погибший самолет Леваневского здесь, в якутской тайге. Как он мог оказаться здесь? Как? Ведь Леваневский, совершая перелет через Северный Полюс в Америку, свернул с линии маршрута на 90° — ровно на 90° , чтобы оказаться здесь, в районе озера Сегян-Кюель... чтобы погибнуть! Как мог ошибиться столь опытный пилот! Что свернуло его аж на 90° ! Неужели и в самом деле здесь находится Зона, которая затягивает в себя самолеты, везущие золото?! О, сколько самолетов, которые везли золото, погибли здесь! Мистика какая-то!

Я еще раз на мгновение выглянул из-за дерева. Все было тихо. Он, видимо, тоже отдыхал после стресса. Ведь... смерть витала в воздухе.

— Золото! Золото! — стал с негодованием приговаривать я. — Люди будто сошли с ума из-за этого дьявольского желтого металла. Сколько его здесь... в Зоне! Даже в могилу закопали несколько тонн золота. И над златом чахнут. Даже в меня стреляли, пытаясь испугать. Даже вооруженный конный отряд организовали. Из-за него, этого проклятого золота, я лежу сейчас за деревом и играю со смертью в прятки. Никто ведь не верит, что мы плевать хотели на золото и что дань героям первых трансполярных перелетов — для нас главное.

А потом перед моими глазами всплыли три остроконечных пика, на которые мы поднимались и которые назвали, поставив

туры и вложив туда записки, пиками Леваневского, академика Федорова и 30-летия газеты «Советская Россия». Уж больно необычными мне показались эти пики; они как бы торчали из земли, будучи похожими на что-то инопланетное, вытолкнутое из недр. Они были так похожи на перевернутое сердце, о чем сообщал и чего боялся Леваневский. Я даже сделал с самолета рисунок двух из трех этих вершин.

Два пика, похожие на перевернутое сердце

О, как многого я не знал тогда! Я и предположить не мог, что через много-много лет я стану тщательно изучать легенды о подземном мире — Шамбале и даже найду информацию, что где-то на Севере находится так называемая Чан-Шамбала. В то время, когда я лежал за деревом и перестреливался, я, конечно же, не знал, что в 1999 году во время тибетской экспедиции увижу огромные штыри, торчащие из земли и называемые «Башнями Шамбалы». Тогда я, естественно, не знал, что в 2005 году на побережье острова Пасхи увижу гигантский штырь, торчащий из глубины 3333 метра, а на самом острове мы найдем входы в подземный мир в виде труб, облицованных чем-то типа толстой керамики. Тогда я и подумать не мог, что во время экспедиции 2006 года на Алтай и в Монголию мы тоже найдем проходы в подземный мир. Тогда я, вполне понятно, не знал, что во время экспедиций 2008 и 2009 годов мы найдем легендарный Лабиринт Минотавра — грандиозное строение подземного мира, а гениальный математик Шамиль Цыганов по теореме Лобачевского-Пуанкаре рассчитает «линию Лабиринтов» с узловыми ее точками, создающими геопатогенные Зоны, одна

из которых... выведет точно на озеро Сегян-Кюэль, недалеко от которого я находился тогда — в августе 1984 года — и вокруг которого погибло так много самолетов. Тогда я еще был глуп и малообразован.

Я как бы очнулся и проверил положение своих ног, чтобы они не попали в зону обстрела. Когда в голове промелькнуло слово «зона», я с каким-то трепетом в душе понял, что я ведь нахожусь... в Зоне.

Меня все больше беспокоило положение моего тела «головой вниз». Руки затекли, так как вес сползающего вниз тела приходилось удерживать на локтях. Голова налилась кровью, веки набухли и мешали хорошо видеть. А этот корень, этот проклятый корень все давил и давил в область груди. Я хотел достать свой якутский нож и отрезать его, но при попытке сделать это понял, что из-за дерева высунется задняя часть моего тела, в которую можно было бы получить пулю.

— Терпи, Мулдашев! — сказал я сам себе, ощущая боль от давления корня.

Я, конечно, терпел еще где-то полчаса. Но вскоре до меня дошло, что больше терпеть я не смогу: ноги волей-неволей начали делать сгибательные движения, хотелось выпрямить затекшие руки и поднять голову.

— Что делать, а! — в отчаянии проговорил я.

Я понимал, что мне нужно продержаться еще 2–3 часа до наступления темноты, когда мы «втихаря» сможем разойтись каждый своей дорогой. Но как мне выдержать эти 2–3 часа?! Я стал даже завидовать положению моего соперника.

— Эх, мне бы быть на его месте! — посетовал я.

Отчаяние от положения «головой вниз» стало нарастать, и я решил сменить свое местоположение, несмотря на смертельный риск. Я, тихонько выглядывая из-за дерева, стал озираться вокруг в поисках нового места за деревом. Везде был ровный склон горы. И тут, этак в 15 метрах от меня слева и чуть-чуть вниз по склону, я увидел небольшую ложбинку, в которой я бы мог, по крайней мере, скрыть свои ноги. Правда, дерево, за ко-

торым я должен был спрятаться, показалось мне более тонким. Кроме того, ведь мне надо было пробежать эти 15 метров!

Я стал обдумывать свой план, взвешивая «за» и «против» такой авантюры. Главное, чего я боялся, — это моего затекшего тела, которое могло не позволить мне быстро сделать перебежку. К тому же я чувствовал, что мой соперник стреляет хорошо и, наверняка, умеет стрелять на бегу, когда нужно взять упреждение.

— Надо идти на авантюру! — решил я, попробовав двинуть затекшими руками и ногами. — Через полчаса я вообще не смогу двигаться.

И в это время раздался выстрел. Пуля ударилась о мое дерево. Мой соперник как бы приглашал меня продолжить бой.

— Сука! — проговорил я.

Я быстро выглянул из-за дерева и заметил, что он держит то место, откуда я выглядываю, на мушке. Я успел убрать голову. Запоздало прозвучал выстрел. Пуля содрала кору на моем дереве.

— Твою мать! — выматерился я.

Я залег за деревом. У меня закралась мысль, что мой соперник понимает мое невыгодное положение «вниз головой» и ждет, когда я не выдержу и захочу размять свои конечности.

А я и в самом деле уже плохо терпел свое положение. Ситуация накалялась. На какое-то мгновение появилось чувство отчаяния, но я его тут же отогнал.

— Ты что, Мулдашев, слабак, что ли?! — прошептал я.

Я вложил в оба ствола две пули «Жакан», взвел курки и, быстро выглянув из-за дерева, увидел, что мой соперник «отдыхает», спрятав голову за своим деревом. Я высунул ружье, взял под прицел середину ствола его дерева и стал ждать, когда он выглянет. Я все еще не хотел стрелять в него... не мог как-то... Моей целью было испугать его, чтобы он хоть на какое-то время перестал выглядывать, позволив мне пробежать эти самые 15 метров до нового, более удобного укрытия. Кроме того, по ходу бега я планировал стрелять в сторону его дерева дробью, чтобы он не мог высунуть голову. Только один нюанс смущал меня, — я дол-

жен был бежать налево, а стреляю я только с правого плеча, в связи с чем я должен был приостанавливаться для выстрела. Стрелять с руки, как в боевиках, я не умел. Но, куда денешься! Придется приостанавливаться, хоть это и опасно!

И вот наступил кульминационный момент. Я в напряжении держал под мушкой ствол дерева, за которым лежал мой соперник. А он все не выглядывал и не выглядывал. У меня даже возникла мысль просто так выстрелить в ствол его дерева, но я понимал, что это не обеспечит желаемого «пугающего» эффекта. Чтобы не терять времени даром, я стал тихонько двигать затекшими ногами, чтобы хоть как-то размять их. Время текло. Я боялся лишь того, что у меня ослабнет внимание все время держать его дерево на мушке.

И тут он выглянул. Я немедленно нажал на курок и увидел, как пуля ударила в ствол рядом с тем местом, откуда он выглядывал. Он даже не совсем успел убрать голову. Вслед за первым выстрелом я вцепил вторую пулю в ствол его дерева; дерево содрогнулось, какая-то ветка с грохотом упала на землю.

Я стал быстро перезаряжать ружье, но... о, ужас... увидел, что одна гильза застряла в патроннике.

— Черт побери! Теряю «золотое» время, когда он после двух выстрелов явно лежит, уткнувшись лицом в землю за деревом! — мелькнула паническая мысль.

Уже не оберегаясь выстрелов, я встал на корточки и, выхватив свой якутский нож, обратной стороной его стал вытаскивать гильзу. А она не шла, проклятая, не шла. Затекшие руки плохо слушались меня. На лбу выступила испарина. Еще через несколько мгновений я понял, что не вытащу гильзу. У меня оставался один ствол.

Я в бешенстве засунул туда один из двух заранее отложенных патронов с дробью для куропаток и, не забыв засунуть второй патрон в карман, встал на ноги. Я не стал выглядывать из-за дерева стоя и, напоследок взглянув на ненавистный корень, измучивший меня, что есть силы рванул к той ямке на склоне, которую приметил.

Мне казалось, что я бегу как в замедленном кино. Ноги с хрустом ломали какие-то корни, спотыкались о какие-то кочки... Но я бежал, ожидая выстрела в себя — неприкрытого. Но выстрела не было. Через 6—7 метров я резко остановился и, развернувшись, выстрелил дробью в дерево, за которым лежал мой соперник. Дробь с неприятным шорохом обсыпала пространство вокруг этого дерева, произведя, как я думал, дополнительный пугающий эффект.

До искомой ямки на склоне оставалось еще 8—9 метров... всего-то 8-9 метров. Я поднял ногу, чтобы побежать вновь. И вдруг... Вдруг я упал, да упал так, что ткнулся носом о какую-то корягу. К тому же ремень от ружья запутался в этой коряге. В каком-то экстазе я вырвал эту корягу и, осознавая, что, если я буду вставать, меня точно убьют, что есть силы пополз к ближайшему дереву.

Я скреб пальцами землю-матушку! Каждый сантиметр казался километром! Но, все-таки, я успел поползти до ближайшего дерева и даже скрыться за ним... пока меня не убили.

Я осмотрел свое новое убежище и поморщился. Дерево, за которым я лежал, было значительно тоньше предыдущего. К тому же, я вновь лежал вниз головой на крутом склоне, правда, не было того противного корня. Я, найдя взглядом дерево моего соперника, постарался расположить свое тело так, чтобы оно скрывалось за этим тонким деревом. Вроде бы

*Мне ничего не оставалось,
как ползти*

у меня получилось, но я не был уверен.

Вдруг раздался выстрел. Но пуля не ударилась о мое дерево, и не было характерного свиста, означавшего бы, что она пролетела где-то рядом. Я буквально врезался в землю,

боясь перезарядить единственный ствол своей двустволки.

Вслед за первым выстрелом, раздался второй. Я услышал, что пуля ударилась о дерево, но не о мое, а о какое-то другое. Я проанализировал ситуацию и... тут понял, что мой соперник стреляет в сторону того дерева, за которым я недавно лежал.

— Ура! — прошептал я. — Значит, он не видел, как я перебежал... переполз... за это дерево. Ура! Это шанс! Мне надо пробежать всего-то 5–6 метров до желанной ямки. Ноги я уже немного размял. За этим деревом лежать опасно. Быстрее!!! Быстрее!!!

Я судорожным движением открыл ружье. Проклятую застрявшую гильзу эжектор ружья не выбросил. Я достал из кармана патрон с дробью и засунул его в мой единственный ствол. Я поднялся на корточки, поднял ружье и выстрелил, целясь в его дерево, после чего встал и, согнувшись, побежал к желанной ямке.

И я добежал до нее, добежал! Но в самый последний момент, когда я прыгнул, чтобы головой «вписаться» в эту спасительную ямку, прозвучал выстрел. Однако пуля, просвистев рядом, в меня не попала... к счастью.

Я лежал в ямке, свернувшись калачиком. Мне даже стало как-то хорошо и спокойно. Но вскоре я осознал, что так долго лежать нельзя, ведь мой соперник увидел меня и теперь знает

место моего положения. Неизвестно, что он предпримет. Я открыл ружье, достал нож и стал пытаться вынуть застрявшую гильзу. Теперь я уже мог зажать ствол ружья коленями и тащить гильзу, взявшись за нож двумя руками: одной — за рукоятку, второй — за лезвие.

— Ы-ых! — прохрипел я, напрягаясь. — Руку бы, черт побери, не порезать!

Гильза скрипнула и чуть подалась.

— Давай, давай! — Я напрягся еще.

Наконец-то гильза вышла. Я с негодованием взглянул на нее.

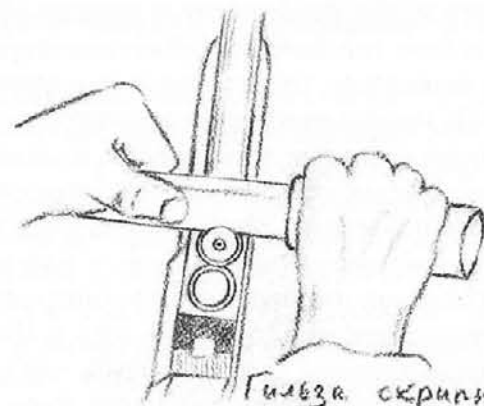
— Всегда ведь говорю себе, что надо брать латунные гильзы, а не картонные. Правда, они тяжелее, — прошептал я.

Я вложил в оба ствола пули «Жакан» и стал подбираться к дереву на краю ямки. Дерево это оказалось тоньше, чем то мое — первое, зато мое тело было укрыто в ямке. Правда, мне пришлось придать своим ногам положение, похожее на лягушачье, растопырив колени, чтобы они не высовывались из ямки. Но это было терпимо.

Перед тем, как выглянуть, я снял свою фуражку, надел ее на приклад ружья и высунул. Выстрела не последовало. Но я не был уверен, что мой соперник не разгадал имитацию — ведь мы теперь находились ближе друг к другу. Тогда я выглянул сам и увидел, что

он, подняв голову, озирается по сторонам. До меня дошло, что мой противник не может понять — где же я?

Ямку он, находясь ниже по склону, не мог видеть, и ему, возможно, казалось, что я обхожу его стороной.

Гильза скрипнула и чуть подалась

Я тихонько высунул ружье и взял его на мушку. Между нами было всего-то около 40 метров. Я ведь сократил расстояние. Мне ничего не стоило убить его, но... я никогда не убивал человека. До наступления темноты оставалось около полутора часов. Да и азарт, этот смертельный азарт, прошел. Лучше было дожидаться темноты. Лучше было потянуть время.

Я перевел мушку на ствол его дерева и с удовольствием нажал на курок. Пуля содрогнула дерево. Какой-то кусок коры с шорохом сполз на землю. Мой соперник аж встал, озираясь, но тут же кинулся на землю. Но он вертелся за деревом, не понимая, с какой стороны я стрелял, чтобы надежно скрыться. Я влепил еще одну пулю в ствол его дерева и, перезарядив ружье, с чувством выполненного долга сполз в ямку, скрыв голову за деревом.

И в этот момент прозвучал выстрел. Пуля ударила о ствол моего дерева. Вслед за ним прозвучал еще один выстрел. Пуля опять попала в мое дерево.

— Он понял, где я нахожусь. Он понял, что я не стреляю в него. Этими двумя выстрелами он показал, что тоже не хочет стрелять в меня, — подумал я.

До темноты оставалось не так много времени. Каждый из нас ждал ее. Даже какие-то философские мысли появились.

А эти мысли философского порядка опять-таки возвратили меня к Зоне, той Зоне, где гибнут самолеты, где процветает «золотая лихорадка», где некоторые люди впадают в какой-то психоз, называемый «омроче», и становятся похожими на зомби, где находится локомобиль, неизвестно с какой целью привезенный сюда по зимнику, где люди только и говорят о подводных входах в подземный мир и... где все не так, как в других местах.

О, как многого я не знал тогда — в августе 1984 года. Я и подумать не мог, что через много-много лет, в 2000-х годах, мы с гениальным математиком Шамилем Цыгановым рассчитаем на математической модели глобуса, что расстояние между основными монументами древности мира (например, расстояние между священной горой Кайлас на Тибете и монументом

Стоунхендж в Англии) составляет ровно 6666 км, в связи с чем нам удастся разработать целую систему так называемых мистических треугольников, вершина одного из которых будет точно выводить на... озеро Сегян-Кюэль, то самое якутское озеро, вокруг которого и находится Зона. В то время я, конечно же, не знал, что еще один мистический треугольник соединяет озеро Сегян-Кюэль в Якутии с Сейдозером на Кольском полуострове, то есть те места, где распространено зомбирование людей, называемое по-якутски «омроче», что переводится на русский язык как мерячение, которое мы тщательно изучали во время экспедиции 2010 года на Кольский полуостров. А еще я не знал тогда, что на острове Крит в Греции мы во время экспедиции 2008 года встретим пещерного колдуна, который умеет зомбировать людей и вводит их в такое же состояние, как и мерячение. Но больше всего меня удивит, что на том же острове мы найдем сведения о локомотиве, который привезли гитлеровцы из организации «Аненербе», чтобы, проложив дорогу в подземный мир, на нем въехать туда, как... возможно, это же планировало сделать НКВД СССР, заташив по зимнику к озеру Сегян-Кюэль локомобиль, рассчитывая найти наземные входы в Шамбалу. А что касается подводных входов в подземный мир, о чем тогда, в 1984 году, говорили местные жители, то таких сведений в мире мы найдем множество, особенно во время экспедиции на остров Мальта в 2009 году.

А тогда, в августе 1984 года, когда я лежал, перестреливаясь в ямке, я и представить не мог, что вскоре Советский Союз с надоевшим символом Ленина и пустыми магазинными полками развалится, что вслед за этим наступят «черные девяностые» под эгидой пьяного Ельцина, которые смог выдержать только народ, закаленный в «коммунистических боях», и что... о, ужас... не останется никаких идеалов, кроме, возможно, такого как — «вор — это звучит гордо!». Но даже в то время, в 1984 году, я где-то краем уха слышал, что с приходом второго тысячелетия наступит «Золотой Век», когда начнется возрождение Духовного, чтобы вытащить человечество из «материальной ямы».

И вот «Золотой Век» наступил. Целых десять лет прошло после его наступления. Я, слушая шепот интуиции, в которую искренне верю, закоулками Души чувствовал, что древнее предсказание о «Золотом Веке» верно. Вот только вопросы: «Где же он, Золотой Век?» и «Почему мы не чувствуем возрождения Духовного?» — не давали мне покоя. Напротив, реалии жизни стали бросать вызов Духовному: люди стали отдавать предпочтение тупым кровавым боевикам, основным критерием счастья стало богатство, врачи стали бездушными, гомосексуализм и педофилия стали нормой жизни, женщины стали выбирать себе мужчину по принципу «Сможет ли он меня удовлетворить?», стало входить в моду быть матерью-одиночкой, чтобы не связываться с каким-то «козлом»... и так далее. Вот только странная тяга появилась у многих людей, даже у молодежи, к советскому прошлому... ну, например, к тем годам, когда я мотался по якутской тайге в поисках погибшего самолета Леваневского. Молодежь, как ни странно, смотрит советские фильмы, а каналы «Ретро» для многих девушек и парней являются любимыми. Они знают песни ансамбля «Самоцветы», песни Муслима Магомаева, ранние песни Иосифа Кобзона и многое другое советское.

В нашем центре работает медсестрой некая сверхмолодая и сверхбойкая девушка по имени Лилия, которая весело ходит по миру на своих сверхдлинных ногах. Комплексов у нее, конечно же, нет. Откровенность прет из всех щелей. Уколы больным с любовью делает. Гладит их по спинке, приговаривая: «Выздоровливайте!»

Однажды я задал этой Лиле такой вопрос:

— Почему ты смотришь современную эстраду, иногда приговаривая «Козлы какие-то!», а на исполнителей старых советских песен смотришь с умиленным выражением лица?

— А потому, — ответила Лилия, — что у них, у советских, лица добрые и светлые. Таких сейчас нет. Теперь козлы поют. Только дешевки любят козлов.

— Неужели и вся современная молодежь...

— Козлы, — отрезала она. — Современная молодежь — козлы. Для них жизнь — это сегодняшний день. Лишь бы он прошел. Плевать, что будет завтра. Не интересные они. Хорошо, что себе хорошего парня нашла... не такого.

Я задумался над такой оценкой современного бытия. Какая-то безысходность сквозила в ее откровенном ответе. Я подумал над этим, подумал еще и понял, что в советский период люди жили идеей, пусть глупой и дьявольской коммунистической идеей, но идеей, которая, озаряемая лозунгом

«светлого будущего», вела людей к свершениям, заставляла работать во имя народа и толкала на риск и героические поступки... такие, как трансполярный перелет Леваневского. А сейчас такой идеи общенародного масштаба нет. Есть лишь индивидуалистическая идея «Разбогатеть любыми средствами, даже путем воровства». Но такая «общенациональная» идея не устраивает людей, не устраивает только на том основании, что каждому человеку присущи Богом данные душевные качества — совесть, сострадание, любовь и многое другое тому подобное. Но, поскольку дикий рынок, в котором живет Россия, гнетет Душу, человеку становится душно в таком мире, ему даже не хочется жить, ощущая себя в качестве «душевного козла». Вот и появляется наплевательское отношение к жизни.

Далее я задал сверхмолодой медсестре Лиле такой вопрос:

— Кто такой Ленин?

— Это рок-музыка... Ой! Рок-музыкант — это Джон Леннон. А Ленин — это президент СССР. В Мавзолее лежит.

Сверхмолодая
медсестра Лилия

— Кто такой Сталин?

— Сталин — это вождь. Он выиграл войну, — уверенно ответила Лиля.

— Кто такой Троцкий? — не унимался я.

— Не знаю. По-моему, бандит.

— Кто такой Павлик Морозов?

— Это мальчик, которого отец убил топором.

— Кто такой Хрущев?

— Человек, который построил пятиэтажки и хотел засадить всю страну кукурузой, хотя она у нас растет плохо, — Лиля улыбнулась.

— Кто такой Брежнев?

— Он целовал всех мужчин.

— Кто такой Горбачев?

— Лысый такой, с родинкой. Ничего не делал. Жена у него умерла.

— Кто такой Ельцин?

— Старый пенсионер, который постоянно сердце свое лечил.

— Кто такой Иван Грозный?

— Он всех мочил. И своего сына тоже.

— Кто такой Петр I?

— Он отрубал у всех бороды, рукава и прорубил окно в Европу. Умер от пневмонии.

— Кто такой Шалапин?

— Водка, — уверенно ответила Лиля.

— Как так? — удивился я.

— В каждом магазине продается водка «Шалапин», — еще больше удивилась Лиля.

— Что было в 1812 году?

— Точно не знаю, война с Турцией, по-моему.

— Чего бы ты, Лиля, хотела пожелать людям?

— Хотела бы, чтобы люди думали о Любви, больше работали и меньше ныли.

Разговор с этой красивой и бойкой девушкой навел меня на определенные размышления. Да, история забывается, и можно

простить, что уже Ленина путают с Ленноном, а войну с Францией с войной с Турцией. Время неизбежно стирает из памяти прошлое и, прежде всего, плохое прошлое. А хорошее прошлое остается, — не зря ведь современные люди любят советские песни и советское кино, поскольку в них всего-то навсего больше Любви, той самой общечеловеческой Любви и, прежде всего, Любви к Родине, благодаря которой наши отцы, деды и прадеды выжили, противопоставляя эту величайшую силу Вселенной дьявольскому молоху коммунистического режима. Слово «Родина» грело людей... А сейчас это слово уже трудно писать с большой буквы, — символ олигарха мешает, да и веры нет.

Сейчас, зимой 2010 года, когда я пишу эти строки, мне грустно. А тогда, в августе 1984 года, когда я лежал за деревом и перестреливался, мне не было грустно. Пусть я рисковал своей жизнью, но мне было даже весело, потому что я, пусть через поиски погибшего экипажа Леваневского, хотел сделать что-то значимое и этим выразить свою любовь к Родине.

И, если уж мы отвлеклись от повествования, давайте, дорогой читатель, возвратимся опять к тому, что сейчас мы, вроде бы, живем в «Золотом Веке», когда началось возрождение Духовного. Думая на эту тему и осознавая, что действительность свидетельствует об обратном, я, слушая интуицию, стал вскоре понимать, что Бог, который управляет нами, склонен находить такие оригинальные решения, о которых бы ты, простой человек, никогда и не подумал.

— В чем же проявление возрождения Духовного в современном мире? — раз за разом задавался я вопросом.

Думал я на эту тему очень сильно. До такой степени сильно думал, что аж псих напал. Походил я нервно по комнате, рюмку водки выпил, и вдруг меня осенило.

— Ах, вот оно в чем дело! — пронзила неожиданная мысль. — У людей слишком далеко зашла «телесная болезнь», когда Душа служит только утехам Тела. Потребности тела стали столь преобладающими, что появилось наплевательское отношение к душевным порывам, даже к личным, не говоря уж о таких порывах

вах, как свершить что-то значимое во имя Родины. Газеты, книги и телевидение клеймят позором жадных и вороватых олигархоподобных людей, а им наплевать. Они просто говорят «собака лает, ветер носит», обдумывая покупку очередного дворца, принимая ванну из шампанского. Бесплезно критиковать таких людей! У них атрофировалась Совесть, та самая Совесть, которая является главным критерием Божьего Суда в сиреневой колбе Хроник Акаши, где решается

вопрос: кем будет этот человек в будущей жизни — червяком, курицей или человеком. Эти больные денежной шизофренией люди думают, что и на Том Свете все покупается, а при разговорах на эту тему говорят: «Да любой бы на моем месте стал таким. Все люди из одного теста состряпаны». Разговоры о Боге не трогают их, они им напоминают скучные проповеди одетого в рясу попа, который, как они думают, хочет выманить у них деньги. Но самое главное в том, что фраза этих больных деньгами людей «да любой бы на моем месте стал таким» в той или иной степени верна, — слишком долгое время шла пропаганда «денежного счастья», в связи с чем Души многих людей инвертировались, приняв в себя дьявольский компонент. Общество с инвертированными Душами возникло. Да разве в этом обществе кто-нибудь уже выкрикнет: «Вперед, Россия!» или пойдет в бой со словами «За Родину!»? «Телесная болезнь» поглотила людей, но... не всех, далеко не всех! Вот и слушают эти «не все» совет-

ские песни, слушают только на том основании, что в этих песнях слышен душевный полет советских людей, которые жили больше Душой, чем Телом. «Телесной болезнью» они не болели.

Погрузившись в эти мысли зимой 2010 года, когда я писал эту книгу, я еще раз с удовольствием вспомнил то время (1982—1985 годы), когда мы в якутской тайге искали погибший самолет Леваневского.

— А ведь тогда я был более счастлив, чем сейчас, когда «телесная болезнь» общества зашла слишком далеко, — подумал я.

Как врач я знал, что если болезнь зашла слишком далеко, то вылечить ее нельзя. Получалось так, что и наше общество с далекозашедшей «телесной болезнью» вылечить тоже нельзя. Как же быть... в «Золотой Век»?

И тут я понял оригинальность решения Бога, который, вообще-то, управляет Душами людей, но... оставляет и свободу по принципу «Реализуй себя сам!». А суть этого решения состоит в... массовом увлечении людей Интернетом и вхождении через него в виртуальный мир, где, собственно говоря, нет ничего материального, а в реалиях существует Мир Мыслей, чем-то похожий на тот великий Мир Мыслей, в котором мы будем жить после смерти. Если верить трудам Посвященных, в Мире Мыслей Того Света стоит лишь представить, что ты на Луне, то ты в мгновение ока окажешься там, стоит подумать, что ты внутри атома, — ты там... Так же и с Интернетом, — стоит двинуть мышкой, подумав, что ты на Луне, — ты увидишь ее на экране компьютера, стоит подумать о строении атома — ты увидишь все это.

Виртуальность, не обремененная Телом, великолепна. Вот где можно найти счастье: я здесь, я там, я часть Вселенной! А страсть, какая страсть познания божьих творений овладевает человеком... сидящим своим неказистым Телом на неудобном стуле перед компьютером. Да причем тут стул?! Счастье ведь не в том, чтобы удобно сидеть, а в том, что ты сам, человек, есть уже частичка великого Мира Мыслей, который люди называ-

ют виртуальным. О, как здорово быть там! Как здорово! И так порой не хочется возвращаться в этот унылый мир брюхатых мужиков и похотливых баб, где ведутся разговоры о качестве пива и где причитают об отсутствии нормальных мужиков.

Разве этим людям, переваривающим пищу, докажешь, что в Мире Мыслей с помощью Интернета можно творить, да так творить, как конечно же невозможно... в теснинах своего Тела! Чего только стоит компьютерная графика — величайшее достижение современности, позволяющее претворить в жизнь любые фантазии, любые, даже самые невероятные! Чего только стоит фильм «Аватар», позволивший в реалиях увидеть фантастический мир чужой планеты через компьютерную графику! И не зря ведь этот фильм стал самым рейтинговым в мире! Значит, люди тянутся к виртуальному миру, тому миру, где нет денег, голубоватых мужиков, дешевых баб и сошедших с ума бизнесменов.

А ведь... ведь скоро, очень скоро наступят времена, когда с помощью компьютеров удастся нарисовать целую жизнь, новую жизнь нашей планеты. Много энтузиастов-мастеров компьютера будут работать над этим. И эта нарисованная жизнь будет, конечно же, миром Мечты, той самой Мечты, которой живут дети. Эта новая виртуальная жизнь войдет в Интернет, и любой человек будет иметь доступ к ней. А дети, эти мечтатель-

ные дети, конечно же, будут просто «купаться» в этом добром и сказочном виртуальном мире, с детства освоив, что Мир Мыслей прекрасен, а с реалиями телесного бытия надо мириться. Это будет сигналом

уменьшения роли денег и исчезновения «телесной болезни». «Телесно больные» люди станут изгоями. Одно лишь важно, чтобы этот «фильм-жизнь» был добрым и не был похож на американские мультфильмы, которые дети-то не очень и смотрят.

Виртуализация жизни четко прослеживается и сейчас, уже сейчас. Почти в каждом доме есть компьютер. Существует сеть интернет-кафе. Вот только бизнес через Интернет идет не очень хорошо. Многие выставляют свой сайт с условием оплаты за пользование им. А люди просто игнорируют его. Вот и приходится обладателю сайта снимать свои условия оплаты. Западло, как-то, платить деньги в виртуальном мире! Не те там законы! Там Мир Мыслей, там Душа командует, не задумываясь о Теле.

Виртуализация жизни, на мой взгляд, имеет еще один аспект — уменьшение численности населения Земли. Если посмотреть на молодых людей, которые увлекаются компьютерами и которых порой называют «компьютерными мальчиками», то с уверенностью можно сказать, что в подавляющем большинстве они — положительные люди. Они хорошо работают на основной работе (инженером, токарем, программистом...), не напиваются как свиньи, не дебоширят, не сплетничают, а, возвратившись домой и покушав, добираются до своего любимого компьютера, где их ждет другая, более завлекательная и светлая виртуальная жизнь. Появляется даже привычка каждый день окунаться в виртуальный мир. Куда уж тут до девочек, которые толпами ходят за хорошим «компьютерным мальчиком», всем своим обликом выбивающимся из рядов туповатых «козлов»! Ведь виртуальный мир интереснее, чем какая-то Маша, которая, если «освоит тебя», обязательно превратится в стерву, все более и более приземляя тебя в порыве ревности к... компьютеру. Так уж лучше иметь одиночество... хотя с Интернетом одиночество (физического характера!) не чувствуется, ведь там, в Интернете, так много друзей (виртуальных!), которым можно открыть душу, не боясь каких-то там сплетен и передраг. Там, в Интернете, можно даже завести Любовь (виртуальную!), да такую светлую и чистую Любовь, которой не встретишь в этом

мире, пропахшем водкой и людской низкопробностью. Компьютер роднее, светлее и чище, чем эта самая Маша, которая так и хочет подловить тебя, чтобы ты, когда тебя «положат в карман», сидел там и не смел высовываться, бросая взгляды на свой любимый компьютер.

А как же секс, самый натуральный физический секс? Его очень много в Интернете, как в виде эротики, так и в виде «жесткого порно». И в этом, как убежден психолог Амир Раши-тович Шарипов, нет ничего плохого, потому что секс в любом варианте несет в себе Богом данные функции деторождения и Любви. Более того, из тибетской медицины явствует, что во время оргазма человек входит в пространство Того Света, называемого по-другому Миром Мыслей, который... так близок к виртуальному миру и в котором человек ощущает невероятное наслаждение — наслаждение общения с Богом. Кому-то хватает виртуального компьютерного секса, а кто-то находит проститутку и, закрыв глаза и представляя ее как ту самую... виртуально-любимую, с таким наслаждением «делает свое дело», что даже выдавшая виды старая проститутка входит в раж, поймав себя на мысли, что она сейчас орет не для показухи, а в натуре. Вот только к Машке не очень тянет, потому что она

не такая, как та — виртуально-любимая, да и в «кармане сидеть» не хочется. Вот и получается, что семьи нет, детей тоже... Как ни падать численности населения Земли?!

Опытный «виртуальщик» никогда не смотрит кровавые боевики, которых, кстати, немного в Интернете. Он считает, что смако-

вание крови, насилия и предсмертных судорог есть удел тех самых «козлов», называемых в компьютерном мире «быдлом» или «школотой», которые по причине своей тупости не могут войти в виртуальный мир Интернета, где нет маленьких и больших людей и где каждый — свободная личность, не отравленная пивом с добавлением наркотиков. Уж лучше бы «козлы» смотрели секс, который они же возвели с помощью «правительственных козлов» в ранг «запретного плода». Ан нет, «козлы», воспитанные на насилии, склонны к импотенции, впадая в гнев от своего... невставания и избивая девушку или проститутку. Героической профессией можно назвать самую древнюю профессию. Поэтому «козлы» со своими любимыми боевиками тоже вносят свою лепту в уменьшение численности населения Земли.

Бог сверху видит все. И уменьшение населения Земли тоже, наверное, видит и, возможно, даже целенаправленно делает это. Для чего? Мне трудно ответить на этот вопрос, но, вполне возможно, освобождается место для так называемых детей-индиг, которые рождаются уже с приличным запасом знаний. Я сам знаю двух таких девочек, которые в своем юном возрасте... знают о Шамбале, священной горе Кайлас, о строителях египетских пирамид из параллельных миров и многое другое. К этому я бы хотел добавить, что в результате анализа Города Богов, найденного нами во время тибетской экспедиции 1999 года, мы пришли к выводу, что Город Богов есть Матрица Жизни на Земле, на которой был создан... новый человек в бестелесном варианте. И кто знает, а может быть, пошел процесс материализации этих новых людей, которые уже начали появляться в облике детей-индиг?!

Дьявол тоже, конечно, проник в Интернет в виде тупой пропаганды здорового образа жизни с рекламой сделанных из мела таблеток, но опытный «виртуальщик», познавший чистоту и свободу Мира Мыслей Интернета, быстро отсеивает этот дьявольский мусор. К тому же он подсознательно чувствует, что «процесс пошел», а именно пошел процесс возрождения Духовного, по которому мы так соскучились, так соскучились...

Человек-индиго

«виртуальщики» заводят прислугу, расплачиваясь с ней по Интернету, чтобы она, когда нужно, подносила ему банку для мочи, чтобы он, даже в момент мочеиспускания, не выходил из виртуального мира компьютера.

Но так бывает не всегда. Подавляющее большинство «виртуальщиков» все же не сходит с ума, а просто живет в более духовном мире.

Когда я писал эти строки, шел 2010 год. Мне было как-то не по себе. И вдруг закралась шальная мысль:

— Зачем я пишу книгу о давних-давних экспедициях 1982–1985 годов. Только ради того, чтобы «не пропали» три большие папки аккуратно записанных дневников? А может быть...

Я подумал, подумал еще и вдруг понял, что во время этих экспедиций мы испытывали то же, что и сейчас испытывают современные люди, а именно — борьбу между приземленным

Никто не знает, во что выльется этот «процесс», но к плохому он не приведет. Это точно.

Конечно, бывает и так, что иногда опытные «виртуальщики» до такой степени «завиртуализовываются», что «выпадают» из реальной жизни. Такой человек вообще не хочет выходить из виртуального мира, зарабатывая деньги на программировании и складывая их в «интернет-банке», расплачиваясь по Интернету, когда нужно, например, чтобы ему домой принесли пиццу. Бывает, что такие «сверх-

и Духовным. Только сейчас — это борьба между «козлами» и «виртуальщиками», а тогда, в экспедиции — борьба между «золотой лихорадкой» и поисками самолета.

Я снова стал читать свои дневники. Шел август 1984 года. Я лежал в ямке, скрыв голову за деревом. Лежать, конечно, было не очень удобно, но намного лучше, чем тогда, когда я лежал «головой вниз». Только что я, выглядывая, увидел, что мой соперник озирается по сторонам, думая, что я обхожу его стороной. Мне было очень легко убить его, но я, для остроты, вцепил две пули в ствол его дерева. Он, наконец, поняв, где я, тоже в ответ вцепил две пули в ствол моего дерева. Мы оба дождались темноты.

А темнота все не наступала и не наступала. Но мы уже не стреляли друг в друга. Так, для приличия выглядывали, иногда видя, как выглядывает другой. Ружье никто не поднимал.

И вдруг где-то справа хрустнула ветка! Потом раздалось тяжелое дыхание.

Я выглянул и увидел, что лошадь моего соперника приближается к нам. Мой соперник два раза выстрелил в воздух, стараясь отпугнуть животное.

Но оно, будучи лошадью охотника, видимо, привыкло к выстрелам, продолжая шагать в нашу сторону. Мой соперник стал кричать «Геть! Геть! Геть!», но и это не повлияло на лошадь. Она просто от каждого окрика «Геть!» пригибала уши. Более того, крики «Геть!» сослужили обратную службу; лошадь, чуя двух человек, слегка

Лошадь стояла, понуро опустив голову

изменила свой маршрут и стала подходить ко мне, тому, кто не кричал «Геть!». В конце концов, получилось так, что она остановилась этак в 7–8 метрах от меня и, понуро опустив голову, стала ждать. Она стояла как раз в зоне обстрела.

Я увидел, что лошадь была оседлана. Два баула висели по бокам. Да и еще один карабин был подвязан к седлу. Но самым любопытным мне показалось, что из баула торчало несколько изогнутых железных предметов. Один из них, почти вылезший из баула, мне удалось хорошо разглядеть.

— Это ножовки, ножовки по металлу! — прошептал я. — Они боятся нас, боятся того, что мы найдем части самолета, которые могли не утонуть в болоте после того, как они зимой этого года распилили погибший самолет и по частям положили его туда, где весной их засосет болото. Но могли остаться части...

Меня охватила злость. Я высунул ружье. Но стрелять в лошадь, добро смотрящую на меня, мне не хотелось. А мой соперник выстрелил, да выстрелил так умело, что его пуля, пугая, пролетела над головой лошади. Но она, будучи привычной к выстрелам, только нагнула голову. Ситуация опять стала накаляться.

Не знаю, понимал мой соперник или нет, что я разглядел ножовки в поклаже и догадался о цели его приезда сюда. Вполне возможно, он был одиноким посланцем, направленным с целью «дочистить» место падения самолета. Остальной вооруженный конный отряд, скорее всего, сидел где-то в укромном месте и ждал возвращения разведчика, чтобы потом решить — какие меры принять. Вот только не повезло одинокому посланцу — совершенно случайно он нарвался на меня.

Я даже стал жалеть, что не убил его во время тех двух возможностей, которые представились мне. Но я мог сейчас убить лошадь, и тогда мой соперник оказался бы в трудном положении — без еды, палатки и многого другого. Но... но рука не поднималась... ни на человека, ни на лошадь.

Я стал судорожно искать выход из положения, вспоминая карту местности, оставленную в лагере.

— Мы уйдем через другие заснеженные перевалы более длинной дорогой, — прошептал я, — но грех на душу я брать не буду. Вряд ли они нас догонят. А этот разведчик, несчастный посланец одержимых золотом людей, наверное, деморализован и вряд ли скажет своим хозяевам, что нас — членов экспедиции — можно перестрелять как куропаток. Пока он возвратится... А, может быть, он все-таки пойдет выполнять задание, без чего его, возможно, ждет смерть... от его хозяев?! Тогда мы еще выиграем время.

Я стал разрывать мох рядом со своей правой ногой. Корни, которые мешали, я перерезал ножом. И, наконец, я добрался до камней, достал один камень с полкулака величиной и, быстро выглянув, метнул его в лошадь. Но не попал в нее. Лошадь только вздрогнула.

Я достал второй камень и, даже забыв об осторожности и слишком сильно высунувшись, бросил его в лошадь. Камень смачно ударил ее в ногу. Лошадь дернулась и отбежала метров на тридцать в сторону своего хозяина. Я вдогонку бросил еще один камень, не попав в нее. Лошадь осталась стоять на том же месте. В ответ прозвучал выстрел в воздух, который как бы говорил: «Спасибо». Я тоже выстрелил в воздух, приговаривая, «Уходи!»

Вскоре наступила темнота. Были облака, которые стужали ночь. Я слышал, как мой соперник подзывает коня. Это длилось долго, слишком долго. Конь тупо стоял на месте. И вот, наконец, раздались звуки, похожие на те, когда человек садится в седло. Послышался топот. Я встал, поднял ружье и выстрелил дробью для куропаток в ту сторону. Выстрел гулко раздался в ночи, осыпав дробью кусты.

— Уходи! — проговорил я.

По направлению топота я понял, что мой соперник не стал возвращаться. Он поехал в сторону утопленного в болоте самолета. Он понимал, что без этого...

Я, уже не скрываясь, сел на бугорок и закурил, с удовольствием закурил. После этого я достал небольшой фрагмент карты этой местности, компас и, чиркнув спичкой, сориентировался

при ее слабом свете. Я взял азимут на наш лагерь, расположенный где-то в 4–5 км, подождал, пока глаза отойдут от света спички, и постарался, сняв очки, разглядеть в темноте стрелку компаса. Вначале мне это не удалось, но, когда глаза окончательно привыкли к темноте, я смог различить стрелку компаса. Это меня обрадовало. Фонарика у меня не было.

Направление топота лошади моего соперника во многом совпадало с направлением, по которому я планировал выйти к нашему лагерю. Идти по азимуту было опасно, поскольку мой соперник мог поджидать меня в кустах. Не пересечь его следа по пути к лагерю я мог только в том случае, если я уйду налево и буду выходить на наш лагерь, сделав круг. Но я не мог быть уверенным, что в этом случае я не наткнусь на остальных членов вооруженного конного отряда. Поэтому я решил уйти направо и, сделав поправку к азимуту, пересечь след моего соперника перпендикулярно, что увеличивало мои шансы не наткнуться на засаду.

Я, поднявшись по склону сопки, остановился, еще раз проверил направление азимута на наш лагерь и, свернув направо, прошел около 800 метров. Здесь я взял поправку к азимуту и пошел по нему, чтобы перпендикулярно, как мне казалось, пересечь путь моего соперника. Я старался идти тихо, но в темноте это не всегда получалось. К тому же по пути встретился болотистый ручеек, где было много кочек, и ноги смачно чавкали.

— Вот примерно то место, где должен был проехать на лошади мой соперник, — подумал я.

Я остановился и прислушался. Все было тихо. Я, постоянно занимаясь спортивным ориентированием и достигнув в этом виде спорта определенных успехов, понимал, что иду по так называемому «трапецевидному азимуту», когда у тебя нет точной «точки-привязки», от которой ты бы мог «прицелиться» компасом и выйти точно на наш лагерь, обозначенный на карте. Но куда деваться? Мне ведь нужно было, прежде всего, перпендикулярно пересечь след моего соперника!

Я продолжал двигаться по заболоченной тайге. Днем все эти коряги и кочки можно обойти, а ночью ты вечно натыкаешься на них, вечно падаешь... Один раз я так «шлепнулся», а мое ружье, повешенное на плечо, так треснуло меня по голове, что аж искры полетели из глаз. Да и стрелку компаса было плохо видно в темноте, что меня, конечно, нервировало.

Но я шел. А куда было деваться? Один раз, когда я, пробираясь через болото, с хрустом (о, черт побери!!!) наступил на корягу, раздалось то ли всхлипывание, то ли стон, после чего я услышал топот.

— Неужели он здесь? — По моей спине пробежали мурашки. — Этот топот мог принадлежать или коню, или лосю. Это не медведь, который бежит бесшумно. Ничего не видно, черт побери!

Но темнота спасала меня. Я кинулся на мокрую болотистую землю. Мох, которого касалась моя щека, был холодным. Я почувствовал, что мой живот стал погружаться в болотистую жижу.

— Патронташ!!! Он ведь промокнет! — промелькнула бешеная мысль. — Патроны промокнули!!!

Я, повернувшись на бок, со скрипом повернул ремень так, чтобы патронташ оказался на спине.

Я окинул взглядом, насколько это было возможно в темноте, окрестности и понял, что сухого места мне не найти. Везде было болото. Мне не было холодно; стресс выручал.

И тут у меня начали сдавать нервы. Мне стало жалко себя, лежащего в болоте.

— Опять лежу, ведь, а! Опять лежу, ведь, а! — стал причитать я.

У меня даже, вроде как, выступили слезы. Но мне удалось погасить в себе приступ слабости, после чего я, не забывая прислушиваться, задумался над вопросом — как же мне удалось не допустить во время перестрелки ошибки, которая могла оказаться фатальной? Как у меня не сдали нервы? Как получилось так, что я даже иногда имел преимущество перед настоящим якутским охотником? Я вдруг прошептал:

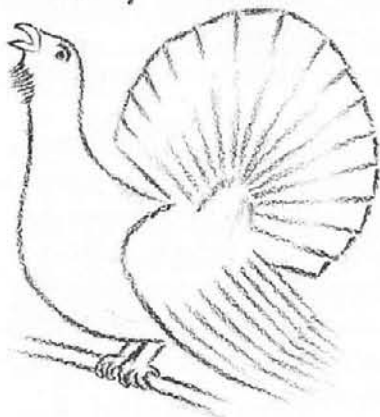
— Спасибо, папа!

Мой дед, Искандар Лутфуллович Мулдашев, был дважды репрессирован (Абакан и Сахалин), чудом остался жив, наша семья попала в ранг «врагов народа» и была сослана в глухие уральские деревни. У дяди Акрама отрезали ногу из-за остеомиелита, а мой отец, Рифгат, будучи еще подростком, стал кормить семью охотой. Добытую дичь (глухарей, зайцев и т. п.) обменивали на хлеб. А позже он добровольцем пошел на войну, под Сталинградом получил 61 рану от немецкой мины, перенес много операций, но остался жив.

Так получилось в нашей семье, что охота и рыбалка стали не просто увлечением, а чем-то святым, за счет чего выжила наша семья. Я прекрасно помню, как в третьем классе, когда мне было 9 лет, отец начал учить меня стрелять. А в четвертом классе, то есть в 10 лет, я уже стал самостоятельно ходить на охоту. Блуждал, конечно, но, зная указание отца о том, что, найдя ручеек, надо идти вниз по течению к большой реке, вдоль которой всегда есть деревни, выбирался, порой ночуя в лесу. Мама, конечно, пилила отца за это, а он говорил: «Валя! Зато вырастет настоящий охотник!»

Особенно мне запомнилась охота на глухарей на току. Глухарь — это огромная, величиной с индюка, птица. Самцы

Глухарь

глухарей ранней весной токуют, издавая звуки «Тик-ток, тик-ток, тик-ток, тик-ток», переходящие впоследствии в шипение, во время которого глухарь глохнет, позволяя подбирающемуся к нему охотнику сделать два-три прыжка. Но сложность в том, что глухари токуют только на заре, в связи с чем приходится идти на ток ночью, проходя в кромешной тьме 8–10 км. О, сколько страхов я натерпелся в детстве во

время таких ночных переходов! О, как много было волков в тех краях, где я вырос! Однажды, помню, когда я в возрасте этак 12–13 лет шел к току, на хребте, называемом Карака, были волки. Я пришел на ток немного раньше, сел под сосну и стал ждать рассвета. И вдруг волки завывали совсем рядом. Я через минуту оказался чуть ли не на вершине дерева. Сидел я там довольно долго, стрелял из малокалиберной винтовки в ходивших вокруг волков, но, конечно, не попал. В общем, страшно было.

Помню еще охоту на лосей на уральских хребтах, когда мы с отцом залезали на один хребет и на склоне другого хребта высматривали в бинокль лосей, чтобы потом, взяв азимут по компасу, спуститься с хребта и скрадом подобраться к лосю. Помню охоту на медведя на лабазе, когда поджидаешь его ночью, и... многое другое.

Очень значимым для меня явилось то, когда в седьмом классе отец отправил меня на сенокос, чтобы я выкосил еще одну небольшую поляну. Я, помню, взял косу, весело пробежал 8 километров и стал косить. И... надо же... гадюка попала на косу! Нет, она не перерезалась, а застряла на изгибе косы. Я испугался и дернул машинально косу, бросив гадюку себе на ногу. Она меня укусила. Я, плача, побежал к ручью, косой разрезал место укуса и что есть силы побежал в сторону дома. Добежать я не успел. Подействовал яд, и я, потеряв сознание, остался лежать на обочине дороги. Отец меня нашел. Но самым страшным оказалось, что от испуга у меня «вырубилась» речь, и я даже не мог сказать «мама» или «папа». Я просто мычал. Меня, конечно же, отдали на лечение в интернат для неполноценных детей в маленьком городке Белорецк, но жизнь среди олигофренов в комнате на 35 человек не научила меня говорить. Я возвратился в свою деревню. Я учился в школе, сдавая предметы письменно, а когда учителя, думая, что я стесняюсь, заставляли меня говорить, я тупо мычал. О, сколько злости людей я испытал на себе! Ведь люди склонны срывать свою злость на неполноценных.

Однако любой человек, даже неполноценный, имеет право на счастье... хоть на какое-то счастье. И это свое счастье я на-

ходил в лесу, куда постоянно уходил с ружьем. Нет, я не всегда охотился. Порой я просто разводил костер, ел рябину и наслаждался тем, что вокруг нет людей... злых людей. Здесь, в лесу, среди зверей и птиц я чувствовал себя полноценным. А зимой, когда на белом покрывале ты можешь видеть следы зверей, я стал постигать науку промыслового охотника, который добывает зверя капканами. О, какой это азарт! О, как хорошо у костра зимой, когда выроешь яму в снегу и сидишь в ней, наслаждаясь теплом, отражаемым от снега!

У меня в то время была мечта.

— Вот закончу школу и уеду в Сибирь, чтобы стать охотником-промысловиком, — думал я. — Я буду жить в избушке вдаль от людей, я стану частью природы, я добыюсь...

Правда, человеческое одиночество порой глодало меня, да и любви девушки хотелось, но я отгонял эти мысли, сравнивая добрую Природу со злыми людьми.

Так что, дорогой читатель, вырос я как самый натуральный «лесной мальчик», для которого лес — дом родной. А когда, на третьем курсе мединститута, я научился говорить, я всю свою страсть, вырвавшуюся из оков неполноценности, направил на науку. Только вот... тяга к лесу, родному лесу, осталась в душе. Да и ружье для меня осталось очень и очень родным инструментом, не менее родным, чем хирургический скальпель.

А тогда, в августе 1984 года, когда я, услышав ночью странные всхлипывания и топот, упал в болото и лежал там, повернув патронташ на спину, я, вспоминая все это, подумал:

— А я ведь дичее тебя, якутский охотник.

А потом я поднял голову и, ощутив холод, прошептал еще раз:

— Спасибо тебе, папа!

Я встал, еще раз огляделся... в темноте... и решил идти дальше по азимуту. Зверей я не боялся. Я знал, что звери добрые. Я боялся только людей, злых людей. А их ведь много, очень много... даже в тайге.

Я шел по азимуту. Вначале мокрая одежда холодила меня, но потом она согрелась и стала как бы составной частью моего

тела. Стрелка компаса вела меня. Под ногами хрустели корни и коряги, кочки заставляли вечно спотыкаться, ветки хлестали по лицу, норовя попасть в глаз, ружье, повешенное на плечо, вечно цеплялось за кусты... Но я был счастлив, счастлив оттого, что мне удалось выжить.

Я, конечно же, понимал, что мне вряд ли удастся точно выйти на наш лагерь по «трапециевидному азимуту», да еще и ночью. Но это было не главное. Ну, заплутаюсь! Ну, разведу костер и пересижу ночь! А днем-то я все равно найду лагерь; карта и компас у меня есть.

Вскоре появился ивняк — прибрежное растение. Я находился где-то рядом с рекой. Шума реки я не слышал. Около получаса я продирался по этим кустам и, когда вышел к реке, понял, что я попал на ее изгиб и довольно долго шел вдоль него.

— Черт побери! — проговорил я.

Зайдя по колено в воду, я стал думать — где же лагерь, справа или слева? Думал я, думал, но ничего путного не придумал, как идти наугад вверх по течению, то есть направо. Где река была не очень глубокая, я шел по реке, а где было глубоко, я привычно продирался по прибрежным зарослям, подбадривая себя песенкой:

*Нету другой такой
Ни за какой рекой
Ни за туманами
Дальними странами*

Прибрежные кусты

И вдруг я увидел отсвет костра. Я приблизился и, выйдя на болотистый прогал, заметил, что ребята не спят и развели большой костер. Я понял, что угадал направление хода.

— О! — крикнул я.

— О-о-о! — ответили они.

Я подошел к костру и сказал:

— Здорово, мужики!

А сейчас, дорогой читатель, я перейду к написанию самой книги. И первая глава, которую я напишу, будет называться «Как погиб экипаж Леваневского».

ГЛАВА 1

Как погиб экипаж Леваневского

Вполне возможно, вы, дорогой читатель, и не знаете, кто такой Сигизмунд Леваневский. Прошло ведь 74 года со дня его таинственной гибели во время трансполярного перелета из Москвы в Фербенкс (Аляска, Соединенные Штаты Америки). Память — странная штука. Она до поры до времени хранит информацию, но, будучи прессуемой новой информацией, идущей от жизни, постепенно стирает старую информацию, даже если она очень значима. Но она, эта память, не просто стирает старую информацию, а погружает ее в подсознание, чтобы когда-нибудь в порыве интуитивного экстаза вытащить ее и использовать в качестве опыта, столь необходимого для разрешения какой-либо сиюминутной задачи. Существует даже память прошлых жизней, проявляющаяся в виде подсознательного давления по поводу чего-либо, когда ты чувствуешь, что так делать нельзя, поскольку это «уже проходили».

Однако память о трагической гибели экипажа Леваневского — это не что-то личное. Это, можно сказать, «общесоветская память», то есть память той страны, которая построила почти все заводы, на которых жируют современные олигархи, выжимая из устаревшего оборудования последние соки. Вот только один нюанс выплывает из этой «общесоветской памя-

ти», а именно тот нюанс, что все эти заводы строились во имя Родины, той самой Родины, которая в последние годы стала уходить в тень под звон наворованных денег. Общечеловеческое начало превалировало тогда. А по нему люди, честно говоря, соскучились, даже приняв облик поганых «денежных шизофреников». Бессмысленность национальной идеи, отображаемой словами «обогащайся любыми средствами», вытаскивает из памяти что-то совершенно противоположное, когда Личное было подчинено Общему, тому Общему, которое выражается словами «патриотизм» и «Родина» и которое не менее сладко, чем звон твоих личных монет в швейцарском банке.

Более того, это Общее манит и даже, вроде как, требует свершения героических поступков, по которым так соскучилось наше общество, в котором героизмом считается соревнование в рейтинге самых богатых людей или плевок в лицо людей в виде создания «Е-мобиля» за сотни миллиардов рублей. Все мы, господа, под Богом, а на Том Свете деньги не помогут.

Времена обязательно изменятся. И олигархи останутся в памяти как вонючее стадо жирных людей с фужером дорогого вина в руке. На смену им обязательно придут люди с горящими и романтичными глазами, а слово «Родина» вновь обретет свое значение.

Поэтому, на мой взгляд, имеет смысл вспомнить те времена, когда, несмотря на сталинские репрессии, люди были готовы к героизму, да к такому героизму, сильнее которого никто не видел на всем белом свете.

Шел 1937 год.

**Кто он —
Сигизмунд Леваневский?**

Этот человек польского происхождения родился в дореволюционной России в

1902 году в семье кузнеца. В 1914 году он был вынужден бросить школу, чтобы помочь овдовевшей матери поддержать семью. Работал фабричным чернорабочим. Когда в 1917 году свершился коммунистический переворот и к власти пришел Ле-

нин, во время гражданской войны Леваневский вступил в Красную Армию и служил как на восточном, так и на западном фронтах. Уже в семнадцать лет он командовал батальоном.

В 1922 году, когда в стране были голод и разруха, двадцатилетний Леваневский стал членом руководства Воздушного Флота страны, отвечая за неуправляемые аэростаты. Будучи очень рискован человеком, он даже совершал полеты на них. В 1923 году его направили в Военный институт гидропланов, после окончания которого он стал пилотом.

Сигизмунд Леваневский

Карьера Леваневского, как летчика, быстро прогрессировала. В 1933 году, когда ему исполнился 31 год, о нем узнала Америка в связи с тем, что он подобрал американского летчика Джимми Маттерна, совершавшего кругосветный перелет и потерпевшего катастрофу в Сибири. Леваневский доставил искалеченного американца из Анадыря (СССР) на Аляску (США). По словам Маттерна Леваневский был лучшим летчиком России. Благодаря своей светловолосой внешности Леваневский получил прозвище «советский Лундберг».

В 1934 году Леваневский участвовал в спасении челюскинской экспедиции, дрейфовавшей на льдине в Чукотском море. За это ему было присвоено звание Героя Советского Союза — второго по счету героя в Советском Союзе*.

После этого, будучи уже маститым полярным летчиком, Леваневский увлекся проблемой перелета из России в Америку

* Первым героем стал летчик А. В. Ляпидевский за спасение терпящих бедствие пассажиров и членов экипажа парохода «Челюскин».

Трансполярный перелет

перелететь через Северный Полюс из России в Америку. Тем не менее, атеизм*, процветавший в то время в СССР, не позволил Леваневскому прислушаться к подобного рода опасениям. Он еще не знал, что станет первым летчиком, который погибнет во время трансполярного перелета, причем погибнет при весьма загадочных и даже, я бы сказал, мистических обстоятельствах.

Леваневский не успокаивался. В 1936 году он совершил перелет протяженностью 11 800 миль (18 880 км) из Лос-Анджелеса в Москву, но не беспосадочно через Северный Полюс, а с посадками в Сиэтле, Джуно, Фербенксе, Номе, Уэлене, Якутске

через Северный Полюс, то есть трансполярным перелетом. Инициатива его была услышана Сталиным, и в августе 1935 года ему было разрешено совершить первый в истории человечества трансполярный перелет из Москвы в Америку. Однако, пролетев 900 км, Леваневский был вынужден вернуться обратно из-за утечки горючего.

Неудача больно ударила по самолюбию Леваневского. Друзья говорили ему, что эта неудача есть божье предостережение, и что не следует предпринимать следующих попыток

* Безбожие.

и Красноярске. Он готовился к невероятному беспосадочному перелету из России в Америку через Северный Полюс.

Наступил 1937 год — год, когда должен был состояться долгожданный трансполярный перелет, который был запланирован на август месяц. И тут... оказалось, что Леваневского опередили.

Чкалов, Громов и Леваневский

В июне 1937 года американцы были взволнованы и удивлены прибытием в Ванкувер (штат Вашингтон) русского одномоторного самолета АНТ-25, который совершил беспосадочный перелет из Москвы в США через Северный Полюс. Этот самолет, пилотируемый Чкаловым, Байдуковым и Беляковым, не только перелетел через Северный Полюс, но и пересек Аляску, Канаду и даже долетел до штата Орегон, расположенном на западном побережье США. Американцы были шокированы еще и тем, что Чкалов счел горные условия Орегона худшими, чем условия на Северном Полюсе, в связи с чем он развернулся и полетел назад, приземлившись в Ванкувере на границе с США и Канады. Американцы восторгались русской технической мыслью, которая смогла создать уникальный самолет АНТ-25, способный совершить трансполярный перелет.

А Леваневский, являвшийся автором идеи трансполярных переле-

Громова не только пересек Северный Полюс, но даже перелетел Аляску, Канаду, Соединенные Штаты и достиг Мексики. Покружившись над Мексикой, Громов развернулся и полетел обратно в США, чтобы приземлиться на территории именно этой страны. Приземлился он в местечке Сан-Джасинто, недалеко от Лос-Анджелеса. Америка рукоплескала еще одним русским героем. Выяснилось, что этот полет превысил рекорд дальности полетов на 658 миль (1059 км) и составил 6295 миль (10 130 км).

А Леваневский грустил. Сильно грустил. Казалось, что почва была полностью выбита из-под его ног. Тем не менее, он смог собраться и доказать Сталину, что нужен еще один трансполярный перелет, но на большом тяжелом четырехмоторном самолете, который мог бы перевозить грузы или пассажиров, чтобы показать миру, что русские могут иметь экономические связи с США даже в том случае, если все пути коммуникаций

тов из СССР в Америку и совершивший в 1935 году первую... неудачную... попытку сделать это, грустил. Сильно грустил.

В июле 1937 года, когда мир едва только осознал достижение Валерия Чкалова, еще один советский экипаж (Громов, Юмашев и Данилин) вылетел на самолете АНТ-25-1 по тому же маршруту, чтобы подтвердить возможность трансполярных перелетов из СССР в Америку. Экипаж

будут отрезаны... кроме Северного Полюса. Леваневский рассказал Сталину, что такой самолет в СССР уже создан и прошел испытания. Это был самолет Н-209.

Каким был самолет Н-209?

Этот самолет лучше всего описал американец Стефансон — историк авиации того времени. Вот что он писал:

«Самолет Н-209 просто колоссален. Стоящий на краю бетонной полосы, на военном аэродроме в Щелково под Москвой, он производит впечатление необычайной мощи и прочности. Четыре его двигателя 34-R сообщают пропеллерам мощность 4 тысячи лошадиных сил. Размах его крыльев — более 40 м. Огромный салон вмещает 25 пассажиров, оставив много места для груза. Крылья машины окрашены в ярко-красный цвет, а фюзеляж — в темно-синий. Самолет имеет большой запас кислорода и может лететь на высоте до 10 000 метров в субстратосфере. Крейсерская скорость — 350 км/час. Леваневский собирается лететь с крейсерской скоростью — 200 км/час, но на значительно большей высоте, чем Чкалов и Громов, которые в районе Северного Полюса натолкнулись на сплошную облачность. У этого самолета значительно больший потолок».

Эту информацию восторженного характера историк Стефансон тут же передал в Соединенные Штаты. Надо сказать, что неоднозначное отношение к Советской России, бытовавшее в те годы в США, уже начало меняться в положительную сторону после героических перелетов Чкалова и Громова на легких одномоторных самолетах АНТ-25. А после того, как Стефансон сообщил о созданном русскими великолепном грузопассажирском самолете Н-209, который тоже способен совершить трансполярный перелет, американцы, образно говоря, зауважали нас.

О, как это было важно в те времена, когда по миру распространялась «коричневая чума» гитлеровской коалиции и когда дружба между США и СССР могла стать «краеугольным камнем истории»! Шел 1937 год.

Политическое значение трансполярного перелета Леваневского

Этот самый 1937 год мы, россияне, ассоциируем, прежде всего, как год «расцвета» ужасных сталинских репрессий. Но это был и год подъема Советской России, которая смогла создать передовую промышленность, ту промышленность, которая по многим показателям опережала общемировой уровень. Советская Россия, несмотря на отчужденность от всего мира, хотела показать, что «русские не лыком шиты» и что могут, например, летать в Америку через Северный Полюс на своих (!!!) самолетах. Страстность Сталина, делавшего все для того, чтобы СССР стал первой державой мира, вызывала не просто уважение, а являлась главной силой противодействия страсти другого человека — Гитлера.

Сталин

Надо признать, что диктатор Гитлер являлся отнюдь не полоумным человеком, а был тем самородком-лидером, который должен был появиться в недрах германской нации, которая после поражения в Первой мировой войне вошла в апатию и стала прозябать в бесконечных разговорах о смысле жизни. Понятие «Родина», зовущее людей к великим свершениям, стало увядать. Дотоле неизвестный Шикльгруббер (Гитлер) смог зарядить немцев своей страстью, уповая на то, что болтовня о смысле жизни и всеобщем равенстве может привести к власти евреев-коммунистов,

которые уже показали себя в России, организовав геноцид русского народа. На этой волне, поставив перед немецким народом мировую цель освобождения от «коммунистической чумы», Гитлеру удалось за короткое время так поднять народный дух, что промышленность Германии стала развиваться «не по дням, а по часам».

Гитлер

Кто мог вмешаться в борьбу двух страстных лидеров за мировое господство? Вполне понятно, что только США — сильное государство, порожденное Великобританией, но живущее где-то на отшибе — в Америке. Поэтому контакты СССР с США больно ранили Гитлера, не говоря уж о том, что русские стали летать в Америку через Северный Полюс. У немцев таких самолетов пока не было. Нельзя даже исключить того, что первые трансполярные перелеты оттянули начало войны Германии с СССР, — немцы присматривались к экономической мощи СССР.

А Америка рукоплескала СССР. Вот как описывает историк авиации Стефансон ожидание прилета экипажа Леваневского в Фербенкс (Аляска, США):

«На станции кампании Аляска Эйрмотиве подготовили полный запас бензина и масла. Посадочную полосу привели в идеальный порядок. Привлекли двух русских (радиоинженер С. А. Смирнов и гидрометеоролог М. Б. Беляев) для сотрудничества с бюро погоды США. Мэр города Коллинз и другие чиновники были заняты организацией стражи для охраны воздушного корабля, чтобы не допустить толпы людей на взлетное поле. Все знали, что после Фербенкса Леваневский полетит в Нью-Йорк».

Сталин, когда разговаривал с Леваневским, понимал политическое значение этого перелета. Поэтому Сталин сказал, что Леваневский должен взять с собой груз — дар Советского Союза Америке.

Какой груз вез самолет Леваневского?

По официальной информации Леваневский вез в качестве дара Советского Союза Америке

меха и черную икру. На борту была и почта.

Однако полярные летчики тех времен (В. И. Аккуратов, В. И. Колошенко, Ю. Е. Векслер), с которыми мне доводилось встречаться, говорили, что, по слухам, Леваневский вез в качестве дара что-то более ценное. А более ценным могло быть только золото.

Член наших экспедиций 1982—1985 годов Анатолий Степанович Вакула, руководивший геофизическими исследованиями акватории озера Сегян-Кюэль, встретился однажды с женой Сигизмунда Леваневского, которая и поведала ему, что на борту самолета Н-209 было... 5 тонн золота. Более того, она говорила, что Леваневский был взбудоражен тем, что везет такой груз. Золото было в слитках.

И скажу я вам, дорогой читатель, что это самое золото и сыграло ту роковую роль, которая чуть не погубила нашу экспедицию. Оно, оказывается, не утонуло вместе с самолетом. Его удалось неким людям вытащить и... захоронить в могиле, зловещей могиле под флагом Дьявола... в том зловещем районе, который называют «кладбищем самолетов». Но об этом мы, дорогой читатель, поговорим несколько позже. А сейчас давайте познакомимся с членами экипажа самолета Н-209.

Экипаж Леваневского Вторым по опыту после Леваневского был Виктор Левченко (31 год), который был штурманом. Этот человек, родившийся в 1906 году, был учеником сапожника, но комсомол послал его в Военно-морскую академию, после окончания которой он начал летать

в Арктике. Начиная с 1933 года Левченко летал вместе с Леваневским.

Григорий Побежимов (40 лет), бортмеханик, начал летать в 1917 году. С 1927 года он стал специалистом по арктическим полетам. В 1937 году он обратился с просьбой о зачислении его в экипаж Н-209 в качестве механика. Он досконально знал все самолеты, начиная с самых ранних моделей.

Остальные члены экипажа Н-209 не имели опыта работы в Арктике, но были очень высокого уровня специалистами. Второй пилот Николай Кастанаев (33 года) был одним из наиболее известных советских летчиков-испытателей. Помощник бортмеханика Николай Годовиков (44 года) тоже, как и Григорий Побежимов, досконально знал все советские самолеты. А радист Николай Галковский (32 года) считался одним из лучших радиоинженеров СССР. Кроме того, он сам сделал и взял в полет запасную радиостанцию, которая, видимо, и сыграла свою роль тогда, когда радиogramмы, источником которых мог быть только Н-209, выходили в течение нескольких дней после 13 августа — дня гибели самолета.

Именно этот экипаж отправился в трансполярный перелет из Москвы (СССР) в Фербенкс (США) 12 августа 1937 года.

Они отправлялись как на казнь

Уже значительно позже, после гибели самолета Леваневского, в кругах полярных летчиков стали будироваться

слухи, что все члены экипажа отправлялись как на казнь. Один вспоминал одно, второй другое... но все утверждали, что у членов экипажа не было приподнятого настроения. Злые языки говорили, что сам Леваневский излишне ревностно относился к тому, что не ему первому удалось совершить трансполярный перелет в истории мировой авиации, и поэтому нервничал. Люди даже поговаривали, что на членов экипажа, в том числе и на Леваневского, напал какой-то непонятный мистический страх, который преследовал их до момента взлета. Все прощались со своими семьями, как будто бы навсегда. Было такое

ощущение, что какие-то высшие силы шептали им, что сейчас, именно сейчас, не надо отправляться в полет. Интуиция давила на них, как бы предупреждая, что... именно на Северном Полюсе, в момент ликования, их вдруг неведомым образом развернет на 90° направо и поведет к тому месту, которое называют «кладбищем самолетов».

А взлетал самолет Н-209 очень красиво.

О взлете Н-209 Этот момент очень хорошо описал тот же Стефансон:

«С видом спокойной уверенности Леваневский забрался в кабину и начал прогревать моторы. Его товарищи, окруженные членами семей и друзьями, говорили слова прощания.

Сиденье Леваневского было завалено цветами. Чтобы наблюдать взлет, гости бросились к краю полосы. Вскоре сигнальная ракета известила о приближении старта.

Медленно, как будто совершая огромное усилие, машина оставила землю в 6.15 вечера московского времени 12 августа 1937 года. Постепенно самолет набрал высоту и развернулся на север, чтобы взять курс на полюс».

О чем говорили члены экипажа, взяв курс на Северный Полюс, никто не знает. Все шестеро были настоящими мужиками, для которых, как говорится, смерть не страшна. Груз, этот самый золотой груз, лежал в хвостовой части самолета. Мерно гудели моторы. Мистический страх, преследовавший членов экипажа перед взлетом, начал проходить, и вскоре от него остались лишь отголоски. Настроение улучшилось и стало даже радужным. Вот только тоненькая ниточка непонятного страха продолжала оставаться в душе, тихонько нашептывая: «Полюс, Полюс, Полюс».

О чем поведали радиোগраммы

Радист Галковский постоянно посылал радиোগраммы. Множество радиостан-

ций всего мира ловили позывные «РЛ», что переводится как «радиостанция Леваневского». Были подключены радиостанции Москвы, Архангельска, Якутии, Аляски и многие другие. Кроме того, радисты-любители многих стран мира старались выйти на волну «РЛ». Вот основные из радиогамм, которые посылал экипаж Леваневского после взлета в Москве в 18 часов 15 минут 12 августа 1937 года:

«12 августа 1937 года. 18:25. Слушайте меня на волне 55 метров. Как вы меня слышите?».

«12 августа 1937 года. В 20:37 прошли траверз озера Воже. Архангельск, передавайте на волне 51,2 метра. Москву слышу хорошо. Галковский, Левченко».

«13 августа 1937 года. 0:35. Все в порядке. Материальная часть работает хорошо. Самочувствие хорошее. Перехожу на волну 26,54 м. Галковский».

«13 августа 1937 года. 2:54. Нахожусь: широта 72°15', долгота 45°47'. Высота полета 2300 метров. Идем над сплошными облаками. Все в порядке. Самочувствие экипажа хорошее. Левченко, Галковский».

«13 августа 1937 года. 8:30. Остров Рудольфа. Я — РЛ. Дайте зону радиомаяка на север».

«13 августа 1937 года. 9:15. Идем по маяку. Все в порядке. Самочувствие хорошее. Галковский».

«13 августа 1937 года. 11:50. По пути к полюсу в зоне маяка. Высота полета 5400. Материальная часть работает отлично. Температура воздуха — 28°С. Все в порядке. Самочувствие экипажа хорошее. Как меня слышите. Галковский».

«13 августа 1937 года. 12:32. Широта 87°55'. Долгота 58°. Идем над облаками, пересекаем фронты. Высота полета 6000 метров, имеем встречные ветры. Материальная часть работает отлично. Самочувствие хорошее. Левченко, Галковский».

«13 августа 1937 года. 13:40. Пролетаем полюс. Достался он нам трудно. Начиная с середины Баренцева моря все время мощная облачность. Высота 6000 метров. Температура — 35°С.

Стекла кабины покрыты изморозью. Сильный встречный ветер. Сообщите погоду по ту сторону полюса. Все в порядке (подписал весь экипаж)».

«13 августа 1937 года. 14:32. Отказал правый крайний мотор из-за неисправности маслосистемы. Идем на трех моторах. Очень тяжело. Идем в сплошной облачности. Высота 4600 метров. Леваневский».

«13 августа 1937 года. 15:58. Все в порядке. Слышимость Р-1 (плохая). Информацию принял Якутск».

«13 августа 1937 года. Вечером. Правый крайний вышел из строя. Иду на двух. Пришлось снизиться. Впереди вижу ледяные горы. Принял Ф. М. Пилясов (Якутск)».

«13—14 августа 1937 года. Неразборчивые радиосигналы, принятые двумя радиостанциями в Якутии: на волне 26 метров в Среднеколымске и на волне 34—35 метров в Булуне (Тикси)».

«14 августа 1937 года. В 12 часов 25 минут захвачен конец передачи неизвестной радиостанции, похожей на РЛ и точно на его настройке. Принята цифра 83, повторяемая три раза, и знак ждать. Соловей, радист из Якутска».

«16 августа 1937 года. Позывные РЛ с самолета Леваневского. 21:45».

«16 августа 1937 года. Позывные РЛ».

Анализируя все эти радиограммы, можно сказать, что полет самолета Леваневского благополучно продолжался до Северного Полюса. Но сразу после пересечения его отказал один из двигателей, в связи с чем возникли сложности, хотя самолет мог лететь и на трех моторах. А потом... потом радиограммы принимал в основном Якутск, как будто бы самолет от Северного Полюса повернул чуть ли не на 90° направо. Мистика какая-то!!! Понятно, что на полюсе все направления идут на юг, но ведь есть и гирокомпас, который показывает направление полета вне зависимости от магнитного склонения! Да и опыт летчиков был весьма велик! Неужели они потеряли ориентировку?! Маловероятно.

Кроме того, складывается впечатление, что экипаж не погиб, а смог где-то приземлиться, поскольку в течение трех дней кто-то на волне «РЛ» старался выйти на связь. Вот только выражение «кладбище самолетов, привлекающее на себя самолеты, везущие золото», не выходило из головы.

Вскоре все, и СССР и США пришли к выводу, что самолет Леваневского где-то погиб по пути от Северного Полюса на Аляску (США).

Погиб ли Леваневский?

Когда случается какая-либо катастрофа, например, гибель самолета, то люди никогда не остаются равнодушными к этому и никогда не приговаривают «Что ж поделаешь?!», а начинают интенсивные и порой весьма рискованные поиски, не задумываясь, естественно, о затрачиваемых на поиски средствах. Так устроен любой человек, будь то русский, будь то американец, будь то немец... Каждый ведь перед Богом, и у каждого в душе есть частичка общечеловеческого начала, которая в обыденной жизни тонет в куче мелочей и разноречий, но которая во время катастроф всплывает, да всплывает так ярко, что человек порой погибает... погибает ради того — погибшего, чтобы ни на йоту не спекулировать душой перед великим общечеловеческим началом, как бы понимая, что катастрофы объединяют людей, вызывая к давно уже забытым чувствам благородства, человеколюбия и героизма. Люди, воспринимающие преимущественно личностные критерии оценки понятия «счастье», в экстремальных ситуациях почему-то резко меняются, без сожаления расставаясь с «личным» ради «общего». Люди, к сожалению, не совсем понимают, что основой Человека является отнюдь не тело, а Дух, который, несмотря на свою индивидуальность, является составной частью общеродового, общенационального и, наконец, общечеловеческого Духа, в связи с чем все деяния общечеловеческого характера оцениваются Богом значительно выше.

После исчезновения самолета Леваневского, как мы, так и американцы, вполне понятно, всполошились. Вполне по-

пilot, как Леваневский, смог совершить посадку. Было даже высчитано ориентировочное место нахождения Леваневского — в 150—400 км от полюса со стороны Аляски.

Следует отметить, что многие исследователи Севера придерживались тогда концепции «дружелюбной Арктики», когда оставшиеся наедине с природой люди могли выжить в снежных домах, как эскимосы, питаясь тем, что «Бог пошлет». У всех на слуху был случай с четырьмя русскими моряками, которые были выброшены на маленький островок в районе Шпицбергена в 1743 году и прожили там 6 лет и 3 месяца, питаясь плодами охоты и рыбной ловли. Советская дрейфующая станция в составе Папанина, Кренделя, Ширшова и Федорова доказала, что

ннятно, было принято решение — искать. Все сходились во мнении, что самолет Н-209 после поломки правого крайнего мотора совершил посадку на льдину где-то между Северным Полюсом и Аляской. И даже, несмотря на то, что полет Леваневского проходил в самое неблагоприятное время года, когда в Северном Ледовитом Океане остается не так много льдин, неповрежденных дождем и снегом и подходящих для аварийной посадки, советские и американские эксперты верили, что столь искусный

в Арктике можно выжить, поскольку сеть, вынутая со дна океана, кишела моллюсками и ракообразными, а белые медведи, весящие 300—400 кг, подходили к станции каждый месяц, не говоря уж о том, что тюленей можно было видеть почти каждый день.

У Леваневского провианта хватало на 3 месяца, который можно было растянуть на 6 месяцев. Еще не было ни одного случая гибели людей в северных морях, — их всех удавалось спасти. Поэтому имело полный смысл вести поиски, причем вести, прежде всего, со стороны Аляски.

США ищут Леваневского

Уже 13 августа в 23 часа Вашингтонского времени поверенный в делах советского посольства Константин Уманский позвонил в «Исследовательский клуб по полярной авиации» в Нью-Йорке. Люди не спали всю ночь. Уже на следующее утро была принята программа поисков.

Роль координационного центра была возложена на «исследовательский клуб», а руководителем поисков был избран сэр Джордж Хуберт Уилкинс, имевший самый богатый опыт арктических перелетов.

Анализ авиационного парка США и Канады показал, что для поставленной задачи поисков Леваневского в районе, близком к Северному Полюсу, подходит только один тип самолета серии «Консолидейтед», выполненный в виде летающей лодки и имеющий радиус действия 4000 миль (7200 км). Однако оказалось, что все эти самолеты изготовлены в качестве дальних бомбардировщиков. Тем не менее, удалось найти один такой самолет гражданского предназначения, принадлежавший некоему Ричарду Акбольду, который собирался совершить на нем полет в Новую Гвинею.

Джордж Хуберт Уилкинс

По условиям контракта этот самолет был приобретен СССР и получил название «Губа».

Особое внимание американцы уделили прогнозу погоды. Два лучших сотрудника бюро погоды США были немедленно направлены в Фербенкс (Аляска). Туда же были приглашены два советских лучших специалиста по метеорологии и радиосвязи, чтобы оказать помощь при приеме сигналов с 50 советских станций арктической и субарктической Сибири и островов Северного Ледовитого Океана. Прогноз погоды достиг очень высокого уровня.

21 августа 1937 года Уилкинс с экипажем прибыл в поселок Аклавик в районе устья реки Маккензи на северном побережье Канады рядом с Аляской, чтобы на самолете «Губа» начать поиски. С 22 августа по 21 сентября 1937 года Уилкинс налетал более 18 000 км (10 000 миль). 23 сентября Уилкинс вылетел в Нью-Йорк, так как вся акватория Северного Ледовитого Океана закрылась льдом и летающей лодке «Губа» было негде приводниться.

Для продолжения поисков Уилкинс выбрал самолет «Электра» фирмы «Локхид». Наступала полярная ночь. Искали при лунном свете до января 1938 года. Особые надежды возлагали на февраль, когда наиболее полная луна. Но при взлете самолет наткнулся на палку, которую кто-то воткнул. Пропеллер был поврежден. Февраль пропал. С 10 марта поиски возобновились, но 15 марта Уилкинс

получил приказ Советского Правительства, предписывающий прекратить американское участие в поисках Леваневского.

Пытались еще искать Гарленд Линкольн, Вильямур Стефансон, Боб Рэндолл и Джимми Маттерн, которого спас несколько лет назад Леваневский в Сибири. Но никто ничего не нашел.

Кроме того, никто не мог пренебречь возможностью, что Леваневский «дотянул» до материка и приземлился где-то на Аляске. Американец Роберт Рэнделл тут же арендовал небольшой самолет и с 15 августа по 1 сентября 1937 года вел поиски Леваневского как на Аляске, так и в Канаде. При этом он часто приземлялся (приводнялся) и расспрашивал местных эскимосов, хотя знал, что эти примитивные люди считают своим моральным долгом говорить то, чего хочет спрашивающий, чтобы угодить ему. Одни говорили, что слышали звук моторов, другие видели пролетающий самолет... но не более. Ничего найти не удалось.

Впоследствии Роберт Рэнделл продолжил свои поиски в акватории Северного Ледовитого Океана. А Уилкинс, разочаровавшись найти там Леваневского, начал поиски на Аляске, прочесав горные цепи Брукс и Ендикот, с интервалами 10 миль. Самолет не был обнаружен.

Подводя итог поискам Леваневского Соединенными Штатами Америки, можно сказать следующее. О, какой энтузиазм проявили американские полярные летчики! О, какая страсть кипела у них! О, как сильно рисковали они... ради спасения пропавшего русского!

К сожалению, Леваневский не был найден. Не складывалось что-то.

СССР ищет Леваневского

Первым делом Советское Правительство решило искать пропавший экипаж Леваневского в Северном Ледовитом Океане со стороны Аляски, то есть там, где по просьбе СССР должны были вести поиски американцы. Опытный летчик Грацианский был немедленно отправлен на самую северную часть Аляски — мыс

Алексей Грацианский

Барроу, откуда он производил поисковые полеты на американском самолете С-43. Грацианский столько летал, что его самолет вскоре превратился в развалину, и его пришлось отправить на ремонт в городок Фербенкс на Аляске.

Тем временем ледокол «Красин» взял курс к Северному Полюсу. Летчик Василий Задков долетел 5 сентября 1937 года до ледокола и, заправляясь от него, тоже начал поиски Леваневского. Однако уже 8 сентября при посадке рядом с ледоколом лед треснул и самолет был потерян. На борту ледокола «Красин» были еще самолеты, но ровного участка льда для взлета и посадки не находилось.

Кроме этого, поиски были организованы и с европейской

Полярный исследователь
Иван Папанин

Ледокол Красин

Полярный летчик
Михаил Водопьянов

стороны Северного Полюса, поскольку экспедиция Папанина на дрейфующей льдине показала, что дрейф в сторону Европы происходит не со скоростью 2,5 км/сутки, а со скоростью 6–7 км/сутки, в связи с чем к середине зимы Леваневский теоретически мог оказаться и в зоне Старого Света.

Поиск со стороны Старого Света осуществлялся с острова Рудольфа (группа островов Франца-Иосифа), расположенного в 750 км от Северного Полюса. Много рейсов было сделано с острова Рудольфа. Выдаю-

щийся рейс был выполнен 7 октября 1937 года, когда летчик Водопьянов (один из героев высадки профессора Шмидта на Северном Полюсе в 1936 году) долетел до Северного Полюса и пролетел еще около 150 км в сторону Аляски. При этом добрая часть полета сопровождалась перекрестным поиском. Водопьянов пролетел более 2000 км. Но Леваневский не был найден.

Из многочисленных полетов следует также отметить полет И. Д. Мошковского 31 марта 1938 года и его перекрестный поиск в районе широт 82–84° к востоку от Гренландии. Но и там Леваневского не оказалось.

Как мы уже отмечали, поиск со стороны Евразии осуществлялся с некоего острова Рудольфа, находящегося на земле Франца-Иосифа. Этот небольшой остров имел ледяной купол с ровной площадкой наверху, пригодный для посадки самолетов. Там и располагалась главная база советской полярной авиации, предназначенная для страховки трансполярных перелетов Чкалова, Громова и Леваневского. Не так далеко от острова Рудольфа располагались остров Райнера, мыс Желания и местечко Тихая, где тоже могли сесть самолеты. Это была самая северная база авиации, поскольку со стороны Москвы земля Франца-Иосифа наиболее близко приближается к Северному Полюсу.

И именно там, на острове Рудольфа в августе 1937 года находился легендарный штурман Валентин Иванович Аккуратов, с которым мне удалось познакомиться и даже подружиться, несмотря на огромную разницу в возрасте. Я как сейчас помню его скромную квартиру в Москве, его гостеприимную жену и весь пыл страстей, который исходил от этого незаурядного человека,

Валентин Иванович
Аккуратов

вобравшего в себя всю героику тех времен под эгидой слова «Родина». Я также помню легендарного летчика-испытателя Василия Петровича Колошенко — друга В. И. Аккуратова, когда они оба, будучи уже глубокими стариками, организовывали кругосветное путешествие на вертолете МИ-26, чтобы доказать миру, что лучше вертолетов советского производства нет на свете и что этот вертолет сможет перелететь через Северный Полюс, как некогда... в 1937 году... делали это их соратники — Чкалов, Громов и Леваневский — на еще примитивных тогда самолетах. Они и меня (учитывая заслуги в поисках пропавшего эки-

пажа Леваневского) включили в состав экспедиции. Президент СССР М. С. Горбачев подписал указ «О кругосветном перелете на вертолете МИ-26», были выделены деньги, началась подготовка, но... к власти пришел Ельцин, и все было похоронено. Да и слово «Родина» стало увядать.

Валентин Иванович Аккуратов много рассказывал мне о том, как они страховали трансполярный перелет Леваневского на острове Рудольфа, и даже показал дневники тех героических времен. Я читал эти дневники, как говорится, взахлеб. Я воочию представил, какой духовной мощью обладали наши мужики, какой энтузиазм кипел в них, какому риску они подвергались, если бы... Если бы не то фатальное невезение, называемое в народе «невезухой» или «черной полосой», которое преследовало их в течение всего периода поисков пропавшего экипажа Леваневского. Как будто злой рок навис, как будто бы судьба распорядилась так, что... не надо искать Леваневского там, где вы предполагаете! То сломалось шасси самолета, то один из летчиков сломал ключицу, то другой получил ожог глаза, то все вдруг заболело гриппом, то туман, то пурга... Будто бы какой-то высший разум, наблюдающий за нами, посчитал, что будет мудрее и добрее сделать «мелкие пакости», но не пустить этих жаждущих истины чистых ребят на верную смерть, которая может оказаться далеко не героической, а всего-навсего глупой.

Вот что писал в своих дневниках 1937 года В. И. Аккуратов.

12 августа. Получили, наконец-то, сообщение, что Леваневский вылетел. Пурга. Большие заносы, самолеты откапываем постоянно.

13 августа. Леваневский летит на 6000 м, ветер встречный 100 км/час. Полюс прошел 13.40. В 14.32 получена тревожная радиограмма: «Правый крайний вышел из строя. Высота 4600. Идем в сплошной облачности... Ждите». Сейчас уже 22 ч. Якутск сообщает, что получена радиограмма с Н-209 «Все в порядке, слышимость Р-1 (слабая)».

14 августа. Гололед на куполе о. Рудольфа, порвана обшивка самолета Н-128, самолет Н-169 превратился в глыбу льда. Чистим, ремонтируем. Москва сообщает о посылке на помощь нам в поисках Леваневского трех самолетов с экипажами Водопьянова (Н-170), Молокова (Н-171) и Алексеева (Н-172).

15 августа. Туман. Молчит Леваневский. Молчит Тихая.

16 августа. С утра купол острова открыт, но над архипелагом туман. Леваневского не слышно. Получили сообщение, что американские летчики приступили к поискам с берегов Аляски. А у нас нет погоды. Чертовски досадно!

17 августа. С утра заняты очисткой и перевозкой горючего. Накатали 250 бочек: 50 000 бензина и 10 бочек масла. Аэродром готов к приему тяжелых самолетов.

18 августа. День авиации. Праздник не клеится. Мазурук к нам вылететь не может из Тихой.

20 августа. Тепло, туман.

21 августа. Туман. Дождь. Дима, наш первый бортмеханик, попал под гусеничный трактор. Отделался разрывом мышц и связок, но к полету не годен. Вот еще непредвиденное несчастье!

22 августа. Туман.

23 августа. Вечером Козлов пороховым обжег себе лицо. Глаза целы, но правый не видит. Вот комедия! Мазурук застрял в Тихой.

25 августа. Солнце и туман. Самолеты Н-170, Н-171, Н-172 стартовали из Москвы и сели в Архангельске.

26 августа. Купол закрыт. Н-170, Н-171 и Н-172 уже в Амдерме. Вид Козлова ужасен. Бровей и ресниц нет.

27 августа. Купол закрыт. Получена радиogramма от Мазурука из Тихой. Сообщает, что один из его самолетов, готовых вылететь на о. Рудольфа, Н-36 сломан ураганом. Ремонт невозможен.

28 августа. Купол закрыт. Туман. Снегопад. Такая же погода у Папанина. Они деятельно готовят аэродром для нашего прилета.

29 августа. Туман, снегопад. Вылет самолетов из Амдермы задерживается.

30 августа. Туман. Гололед. Мазурук вылететь не может. Пурга в Тихой.

1 сентября. На самолете Н-169 льдаросло 30 см. Более 9 часов сбивали лед. Туман. Снегопад.

2 сентября. Ура! Самолеты Н-170, Н-171 и Н-172 поднялись в Амдерме и сели на мысе Желания. До Рудольфа не долетели. Туман.

3 сентября. Туман. Гололедом порвало антенны радиомаяка. Отремонтировали.

4 сентября. Туман.

5 сентября. Туман. Снегопад.

6 сентября. Туман. Забрасывают радиogramмами о возможности приземления.

7 сентября. Туман. Получили приказ вылететь для разведки погоды и поиска запасных аэродромов.

8 сентября. Подготовились к вылету, но купол закрыло туманом. Дождь со снегом.

9 сентября. Готовы к вылету на разведку. Дежурил у самолета. Но купол не открыло.

10 сентября. Купол то открывается, то закрывается. Самолеты Н-170, Н-171 и Н-172 вылетели с мыса Желания. Но из-за тумана на о. Рудольфа они сели на о. Райнера.

11 сентября. Идет непрерывная вахта. Погода меняется буквально ежесекундно. В радиogramмах появились тревожные нотки.

12 сентября. Туман, туман и туман. Кажется, его промозглость ядовитая сырость проникла в наши кости. Тихая сообщает, что Мазуруку удалось в 15.10 вылететь к нам на Рудольф. Но в расчетное время он не прибыл. Видимо, где-то пошел на вынужденную посадку. А если нет? Как только рассеется туман, вылетаем с Козловым на поиски Мазурука.

13 сентября. Над Рудольфом ясно. День хороших событий. В 23.40 сел отряд Водопьянова, сел на Рудольфе, а через два часа сел Мазурук. Оказывается, Мазурук на Н-36 был вынужден сесть на... Райнере! Но... самолета Водопьянова там не видел. Ночью все кошки серы, а туман — это похуже ночи.

14 сентября. Идет зарядка горючим. В каждый самолет входит по 45 бочек. Качаем вручную.

15 сентября. Купол открыт. Продолжается заправка горючим.

Самолеты Водопьянова, Молокова
и Алексеева на о. Рудольфа

16 сентября. Купол закрыт.

17 сентября. Купол закрыт.

18 сентября. Купол открыт, но внизу туман. Козлову не везет: при спуске с купола на лыжах упал и повредил ключицу.

19 сентября. Летная погода. Решили вначале пу-

стить разведку на Н-169. Греем моторы.

20 сентября. Вылетели на Н-169 на разведку до 84° , за нами должны были вылететь Водопьянов (Н-170), Молоков (Н-171) и Алексеев (Н-172). Но на $83^{\circ}30'$ встретил туман. В 8.55 возвратились на Рудольф.

21 сентября. Снегопад. Туман.

22 сентября. Пурга.

23 сентября. Пурга стихла. Освобождаем самолеты от снега.

24 сентября. Чистим самолеты от снега.

25 сентября. Кругом туман.

26 сентября. Купол открылся, но опять затянуло.

27 сентября. Метель.

28 сентября. Переставляем самолет Водопьянова (Н-170) на лыжи. Ночью устроили баню.

29 сентября. Мазурук заболел. Похоже на грипп. Заболело звено. Больных 13 человек. В 15 часов взлетаем на Н-128. Но при взлете лыжа провалилась в замаскированную трещину. Шасси снежены, разбиты винт, радиатор и правое нижнее крыло. Отделались испугом. Опять туман.

30 сентября. Мороз -22°C . Масло в бочках замерзло. 6 часов запускали. Масло так и не разогрелось на Н-169 Мазурука.

1 октября. Пурга.

2 октября. Метель. Получена радиограмма о вылете к нам спасательного отряда Б. Чухновского на четырехмоторных са-

молетах. Уилкинс из-за наступления морозов прекратил поиски и улетел в Нью-Йорк.

3 октября. Туман сковал все!

4 октября. Пурга.

5 октября. Пурга. Туман.

6 октября. К высоким широтам должен вылететь Водопьянов (Н-170). Мы с целью их возвращения должны лететь на землю Александра. Прогноз Дзердзеевского не из блестящих, но лететь решено. Отряд Чухновского вылетел из Москвы и сел в Архангельске.

7 октября. Ночь на куполе. Ясно. Мороз -16° . Горят прожектора. В 4.15 стартовал Н-170, в 7.23 — наш Н-169. Мы вначале подошли к о. Тихая, но он закрыт туманом. Переговорив по радио, взяли курс на Землю Александра. Но она тоже закрыта туманом. Изменили курс и пошли на о. Артура. Сесть не решились. Туман. Полетели на полуостров северной части Георга. Сидим. Снег глубокий. Подкрадывается туман. Толкаем самолет. Он улетает. Садится снова. Наша задача — на ходу впрыгнуть на трап. Удалось. Идем обратно к Рудольфу. Садимся. Водопьянов уже здесь. Он был в воздухе 10 часов 02 мин. Леваневский не обнаружен.

8–9 октября. Пурга.

10 октября. Пурга.

Вот в такой обстановке проходил поиск Леваневского.

А с отрядом Чухновского приключился весьма невероятный случай. Они сообщили, что из-за тумана на о. Рудольфа они приземлились на о. Джексона в 40 км южнее. Однако когда мы сделали разведку, там самолетов не оказалось, хотя с ними была постоянная связь. Из-за снега они не могли взлететь, т. к. были на колесах. На Рудольфе у нас был мощный потолочный прожектор. Мы его включили (в последнюю ночь) и внезапно увидели в полосе света силуэты трех самолетов... в 4 километрах от нас.

Вот что такое Арктика!

Читая эти дневники, можно сказать, что как будто бы злой рок повис над поисками пропавшего экипажа Леваневского.

И... вполне возможно... это и был тот самый злой рок, в существование которого верят люди, но каждый раз думают, что злой рок приключается с другими людьми, а не с ними самими непосредственно. Люди верят в существование высших сил, верят в их могущество, но никак не могут согласиться с тем, что высшие силы могут вовлечь в свою орбиту и тебя самого. Люди склонны наблюдать за всем мистическим как бы со стороны и склонны давать советы, козыряя своей эзотерической эрудированностью. Однако, когда мистика и рок подступают непосредственно к тебе и наступают тебе на горло, то люди делают все возможное и невозможное, в том числе и героическое, руководствуясь... отнюдь не мистическими критериями, а всецело погружаясь в традиционно-бытовые представления о жизни, где нет места мистике... хотя она только что показала свою силу и мощь.

Да разве мог кто-нибудь подумать тогда, что самолет великого летчика Леваневского могло развернуть на Северном Полюсе на 90° направо и повести его в Якутию, к тому месту, где, как антенны Шамбалы, торчат из земли три остроконечные вершины! Мистика какая-то!!! Неужели такое могло произойти?! Неужели столь сильны неведомые мистические силы?!

Если верить влиянию мистических сил во время полета Леваневского, то вполне резонно задаться вопросом — а почему эти силы погубили героических летчиков? На эту тему можно рассуждать долго, но есть один аспект — поиски Леваневского объединили США и СССР.

Поиски Леваневского объединили США и СССР

Более 9 месяцев 15 советских и 7 американских самолетов искали самолет Н-209.

Увы, Арктика не раскрыла своих тайн. Однако эти поиски не пропали даром. Возникла самая натуральная дружба между США и СССР, которая заменила соперничество между двумя великими державами. О, как это было важно в преддверии Второй мировой войны! Вполне даже возможно, что едине-

ние двух великих народов, возникшее «на беде», отодвинуло начало войны.

Общая беда всегда сближает людей. Во время общей беды просыпаются самые высокие качества человека, а качества обыденного порядка, такие как соперничество, лидерство или рассудительность, уходят на второй план. Герои появляются только тогда, когда есть беда. Герои труда, извините, не пользуются тем почетом, какой имеют, например, герои войны, то есть... «герои беды». Беда является стимулятором, вызывающим к самым высоким чувствам людей, погрязших в ежедневных разборках на тему — «Кто хозяин в моем огороде?». Беда продуктивна, заставляя людей работать под символом Родины. Беда принуждает смотреть на какого-то Колю с другой точки зрения, дав возможность осознать, что этот самый Коля, оказывается, не просто лопух, а такой мужик, который может жизнь положить ради друга и Родины. Беда пинает под заживший зад. Беда сбивает «звезды». Беда выводит на искренность. Беда выявляет слабаков. Беда является проверкой настоящей Любви...

И кто знает, а может быть, Высший Разум, властвующий над планетой Земля, сделал так, что «создал беду», пожертвовав экипажем Леваневского ради... дружбы между США и СССР?! Ведь это, пусть даже временная «дружба на беде», сохранила, наверное, миллионы жизней и стала одним из препятствий поглощения человечества мощнейшим в то время «коричневым Дьяволом» Гитлера! И пусть все члены экипажа Леваневского погибли, зато... зато благородные мистические силы, положившие их на алтарь и «отдавшие им честь» на Том Свете, сделали свое доброе общечеловеческое дело.

Но... но, все-таки, вроде как, один из членов экипажа Леваневского остался жив. И об этом свидетельствует невесть каким образом объявившийся «черный блокнот».

ГЛАВА 2

Таинственный черный блокнот

Шел 1982 год. У меня было плохое настроение. Все не клеилось в этой жизни. Я, совсем еще недавно «вылупившийся из яйца» в качестве ученого-хирурга, никак не мог осознать того, что новые операции, которые удалось изобрести, почему-то встречают не просто отпор среди коллег-офтальмологов, а вызывают у них гневную реакцию с эпитетами такого рода, как «запретить», «ликвидировать» и тому подобное. Романтика кипела в моей душе, которая ну никак не хотела совмещаться с заскорузлым чинопочтением перед реальными авторитетами в науке. Мне, дураку, казалось, что романтический порыв на основе человеколюбия решает все, сметая преграды... Что ученому-романтику надо верить, обязательно верить, потому что он все делает от всей души, совершенно не задумываясь о карьере, деньгах и тому подобных банальных вещах. О, как многого я не понимал тогда! О, как я был глуп, не осознавая, что в жизни бывает и «черное», призванное, прежде всего, отшлифовывать и доводить до жизненной кондиции то новое, что родилось во время романтического порыва.

Энергия кипела во мне. Ее было некуда девать. Я стал пытаться тратить эту энергию на что-то другое, отходя мыслями от медицины, в пределах которой я никак не мог реализовать самого себя, встречая бесконечные препятствия. Я увлекался то

Юрий Лобанов

Михаил Чванов

тем, то этим. И, в частности, я стал увлекаться трансполярными перелетами. Моим друзьям — авиатору Юрию Лобанову и писателю Михаилу Чванову — такой ход мыслей был не чужд, и они стали все больше и больше привлекать меня к изучению истории полярной авиации. Информация о наших устремлениях просочилась в прессу. А очень авторитетная в то время газета «Советская Россия» проявила интерес к нашему желанию попытаться понять, где же погиб экипаж Леваневского.

**Как появился
черный блокнот**

И именно в этот момент в адрес редакции газеты «Советская Россия» кто-то прислал издавший виды блокнот, читая который, можно было понять, что эти записи делал... кто-то из членов погибшего экипажа Леваневского. Этот черный блокнот сопровождался письмом некоего С. Воронцова из подмосковного города Чехова, который... почему-то... не указал своего адреса, а поиски его через адресное бюро не привели к успеху. Фотокопию этого черного блокнота прислала к нам заведующая отделом газеты «Советская Россия» Валентина Степунина.

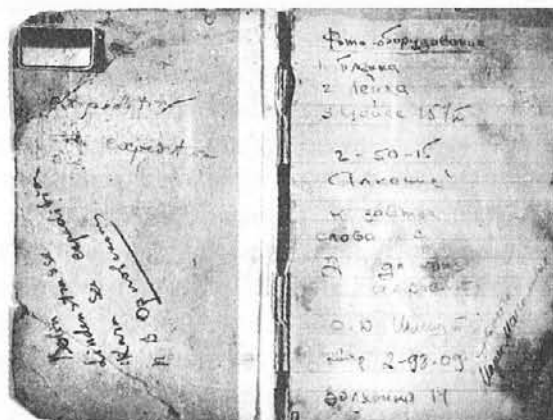
Вот что было написано в письме, сопровождающем черный блокнот.

«В Игарке я был знаком с полярным механиком Фрутецким (ныне покойным), который участвовал в высадке папанинцев. Как-то выпросил я у него очень старый кожаный планшет довоенного еще производства, в котором оказалась затрепанная промасленная записная книжка. Хотел ее вернуть, но Фрутецкий сказал, что эти записи не его, а кого-то из полярной братии. А планшет с черным блокнотом он нашел на какой-то зимовке. Полистал я этот блокнот и увидел фамилии Шмидта и Алксниса — известных полярных исследователей. Забросил черный блокнот на полку в мастерской. А сейчас подумал, — а может быть, эта книжка пригодится во время поисков Леваневского?»

Как описывает В. Степунина, это был блокнот черного цвета обычного карманного размера, клеенчатая обложка поломалась, страницы пожелтели и были в пятнах, очень похожих на масло. Блокнот был заполнен карандашом.

Что было написано
в черном блокноте

На первой странице были записаны довоенные пятизначные телефонные номера полярных ис-

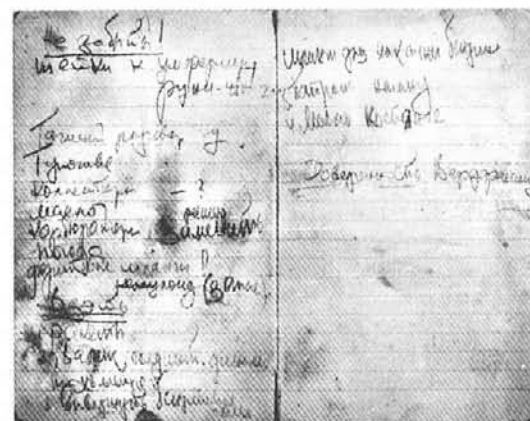

Черный блокнот.
Телефоны Алксниса и О. Ю. Шмидта

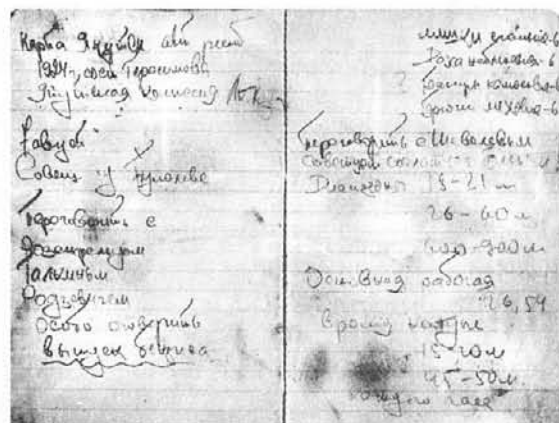
следователей Алксниса и О. Ю. Шмидта, что свидетельствует о принадлежности человека, заполнявшего черный блокнот, к «полярной братии».

О том, что этот человек имел отношение к высшим авиационным кругам СССР, говорит запись «Тяжелый разговор у Туполева» на странице, где перечисляется то, что надо не забыть, — ракеты, дюралевые шланги, шейки и прочее. Складывается впечатление, что Туполев «взгорел» экипаж Леваневского так, чтобы не оставалось ни грамма бравады, да и заставил его в деталях подготовиться к возможности вынужденной посадки. Вполне возможно, он не был доволен техническими характеристиками самолета Н-209.

Возможно, Туполев курировал полет Леваневского. Об этом свидетельствует запись в блокноте «Совещание у Туполева», датированное 7 августа. Никто не может уже знать, о чем шел разговор во время этого совещания, но настораживает запись на этой же странице «Карта Якутск... якутская комиссия». А на другой странице опять упомянут Якутск (Якутск 150 № ко...). Нельзя исключить, что Туполев считал одним из запас-

Черный блокнот. Фраза «Тяжелый разговор у Туполева»
и перечисление того, что надо не забыть в полет

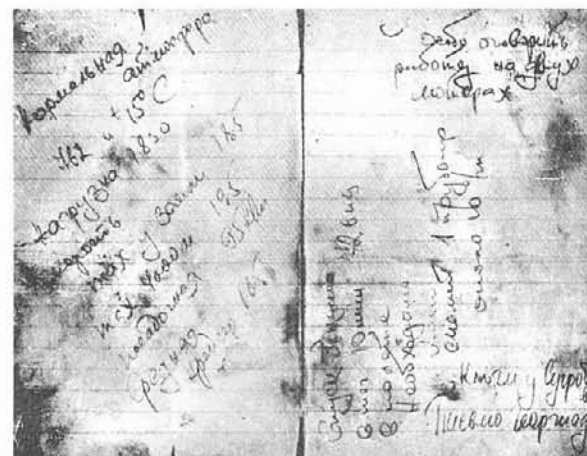
Черный блокнот. Две любопытные фразы: «Совещание у Туполева» и «Карта Якутск... якутская комиссия»

ных вариантов приземления Якутск. А может быть, была важна радиосвязь с Якутском.

В тексте дневника упоминается и Дзержевский — метеоролог, курировавший полет Леваневского.

Черный блокнот. «Не забыть отослать письма из Фербенкса» и «С. А. распорядился снять аварийную»

Черный блокнот. «Особо оговорить работу на двух моторах»

Далее в черном блокноте можно найти страницу, где написано следующее: «Икра — зачем? Два мешка писем № 500 шт. Не забыть отослать письма из Фербенкса. С. А. распорядился снять аварийную». Вполне понятно, что Фербенкс (конечная точка полета Леваневского в США) и аббревиатура «С. А.» (Сигизмунд Александрович) достаточно прозрачно намекают, что записи в черном блокноте делал член экипажа Сигизмунда Александровича Леваневского. Вот только почему «С. А.» распорядился снять аварийную... скорее всего, радиостанцию? Веса большого она не имела.

Если верить в то, что записи в черном блокноте принадлежат кому-то из членов экипажа Леваневского, то настораживает фраза «Особо оговорить работу на двух моторах». Складывается впечатление, что экипаж Леваневского (возможно, под давлением Туполева!) понимал конструктивные недостатки самолета Н-209 и заранее готовился к тому, что, возможно, придется лететь на двух (из четырех!) моторах.

Особо выделена запись от 12 августа — «С. А. будет вечером. Спирт для винтов. Масла больше? 50 кг?».

17h 30
пробный запуск.
Температура
в норме. 18h 15 старт. Сильно
бросало. Обороты 1550.
Высота 300 м...

Черный блокнот. «17h 30 — пробный запуск. Температура в норме. 18h 15 старт. Сильно бросало. Обороты 1550. Высота 300 м...»

12 августа
С.А. будет вечером
Стартер без вибрации
Масло обогрето? 50°C
о расходе масла...
в норме...
на улице...
Ваня, Житковича,
Киринска(?)
Ваня...
10h 40...
10h 40...
10h 40...
10h 40...

Черный блокнот. «12 августа. С. А. будет вечером...»

13 августа
Прошли траверз
Канина Носа
Высота 2700 м.
Галковский говорит,
что слышит
сигналы от Р₁ до Р₅
Галковский говорит,
что слышит
сигналы от Р₁ до Р₅

Черный блокнот. Упоминание радиста Галковского в дневниках

8 августа
10h 20
Прошли траверз
Рудольфа
Высота 6000 м.
Антенны РЗ
Антенны РЗ
расход 12 400 л.
Температура масла
повысилась
Весь бак Севера и Юга
сгорел
Кирин 15 минут

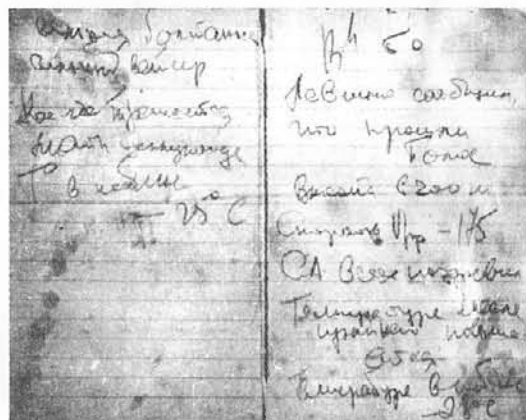
Черный блокнот. Сведения о прохождении о. Рудольфа, а также информация о повышении температуры масла

Потом в черном блокноте следует запись о взлете, который в отношении самолета Леваневского, как известно, состоялся 12 августа 1937 года в 18 часов 15 минут московского времени — «17 часов 30 минут — пробный запуск. Температура в норме. В 18 часов 15 минут — старт. Сильно бросало. Обороты 1550. Высота 300 м».

Следующая запись датирована 13-м августа (час ночи), из которой явствует, что черный блокнот заполнял именно член экипажа Леваневского, поскольку появляется фамилия радиста Галковского, участие которого в перелете Леваневского бесспорно. А именно, написано следующее: «13 августа. 1h. Прошли траверз Канина Носа. Высота 2700 м. Галковский говорит, что

слышимость меняется от Р₁ до Р₅, даже до Р₆. Облачность. С. А. доволен».

Еще одна запись, датированная тоже 13 августа (в 8 часов и 10 часов 20 минут утра), говорит о том, что самолет летит именно в сторону Северного Полюса, поскольку по ходу повествования появляется расположенный недалеко от Полюса остров Рудольфа, где, как я уже писал, находилась советская база полярной авиации по страховке полетов Чкалова, Громова и Леваневского. Проскальзывает тревожный сигнал о повышении температуры масла. Вот что написано в дневнике: «8h все в порядке. 10h 20 прошли траверз Рудольфа. Высота 6000 м. Слышимость Р₃. Сплошная облачность. Расход 12 400 л. Тем-

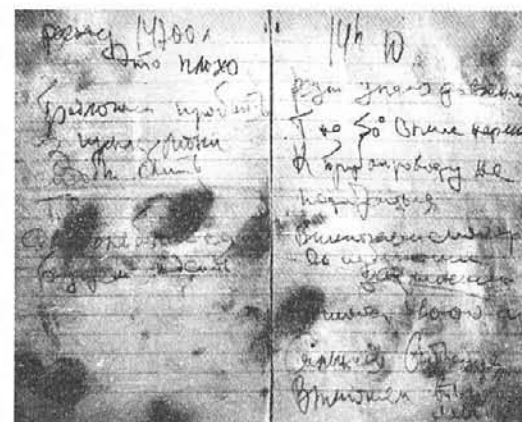
*Черный блокнот. Информация о прохождении
Полюса. Левченко. Повышение температуры масла.*

пература масла повышается. Идем над верхним краем облаков. Приблизительно 125 км/час».

Далее следует запись о прохождении Северного Полюса: «13^h 50. Левченко сообщил, что прошли Полюс. Высота 6200 м. Скорость — 175. С. А. всех поздравил. Температура масла крайне повышается. Температура в кабине — 28° С». Эта запись почти точно перекликается с радиосообщением Галковского о прохождении Северного Полюса, с тем лишь отличием, что Галковский указал время прохождения Полюса — 13:40, а не 13:50, а высоту — 6000 м, а не 6200 м. В сообщении Галковского не указана информация о крайне сильном повышении температуры масла. В записи в черном дневнике появляется фамилия штурмана Левченко.

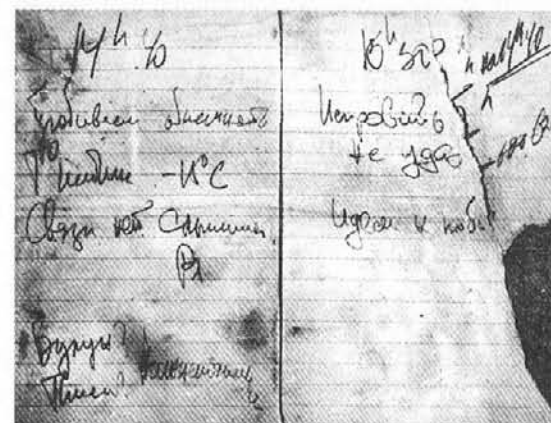
Следующая запись в черном дневнике: «14^h 10. Резко упало давление. Т до 50° выше нормы. К трубопроводу не подобраться. Вентилятор заклинило. Высота 4000 м. Сильная вибрация. Выключаем второй мотор».

Если эту запись сопоставить с радиосообщениями Галковского, то особых противоречий не находится. Запись в черном

*Черный блокнот. Информация о поломке трубопровода.
Отключение второго мотора*

дневнике сделана в 14:10, а радиосообщение было сделано в 14:32. В записи нет информации о том, что правый крайний мотор вышел из строя, зато есть информация о выключении

*Черный блокнот. Последняя запись: «Исправить не удастся.
Идем к побережью»*

второго мотора. Высота полета сопоставима в обоих случаях — 4000 м и 4600 м. Все эти разногласия объяснимы — была экстремальная ситуация.

Фраза в черном блокноте «**выключаем второй мотор**» находит подтверждение в радиосигнале, принятом Пилясовым в Якутске вечером 13 августа 1937 года: «Правый крайний вышел из строя. Иду на двух. Пришлось снизиться. Впереди вижу ледяные горы».

Последняя запись в черном блокноте такая: «**Исправить не удае... Идем к побе...**» Листок наполовину оборван.

Кто же был автором записей в черном блокноте?

Сейчас резонно задаться вопросом — кто же мог быть владельцем черного блокнота, автором записей? Из экипажа Леваневского в блокноте указаны он сам (С. А.), штурман Левченко и радист Галковский, а вот второй пилот Кастанаев и два бортмеханика Побежимов и Годовиков не указаны. Кто же из этих троих делал записи в черном блокноте?

Газета «Советская Россия» провела криминалистическую экспертизу почерков и пришла к выводу, что черный блокнот

Николай
Николаевич
Годовиков

заполнял... бортмеханик Годовиков, и никто иной. Да и записи преимущественно технического характера подтверждали, что их вел именно бортмеханик.

Криминалисты изучили также возможность фальсификации черного блокнота и пришли к выводу, что она сомнительна. Еще более сомнительно, чтобы кто-нибудь столь «квалифицированно» создал фальшивку в отношении давно забытых героических дней. Вот только ложный адрес некоего С. Воронцова из города Чехова, приславшего черный блокнот, настораживает. Но этому могут быть и другие объяснения.

Почему черный блокнот должен был остаться под завесой тайны? Если верить в истинность письма С. Воронцова, то вполне

логично, что не имеет никакого смысла скрывать свой адрес, тем более что этот самый С. Воронцов мог стать «героем наших дней». Значит, надо было что-то скрывать. Что?

Мы недоумевали и не понимали, что скрывать-то было что. Мы еще не осознавали, каким был дар Советского Союза Америке, который вез самолет Леваневского. Да и дьявольская сила золота не укладывалась в наших советских головах.

Шел 1982 год. Была весна. Нам еще было неизвестно, где погиб экипаж Леваневского. И тут появились сведения, что он погиб не где-то в Арктике, а в... Якутии.

ГЛАВА 3

Неужели Леваневский погиб в Якутии?

Шел 1982 год. Была весна. На душе у меня было плохо. Со всем плохо. Возглавляемый мною отдел в Уфимском научно-исследовательском институте глазных болезней, где я работал, ликвидировали, мое, пусть еще сырое научное направление «Аллоплант»* предали анафеме, а меня, молодого поверженного дурака, посадили в отдельном кабинете (аж в отдельном кабинете!!!) между новой заведующей и новой старшей сестрой, чтобы я... писал докторские диссертации сразу двум высокопоставленным людям из этого института. И я писал. А куда мне было деваться! Я был сломен, а поговорка «рожденный ползать летать не может» постоянно звучала в моих ушах. Но я чувствовал, что нельзя полностью погружаться в черноту и что надо искать в этой жизни просветы, хотя бы маленькие просветы, чтобы хоть чуть-чуть ощутить счастье, то счастье, когда душа хоть чуть-чуть могла бы рваться наверх. И это счастье, называемое отдушиной, я находил в попытках разгадать тайну гибели экипажа Леваневского.

* Кстати, сейчас по технологии «Аллоплант» оперируют 596 клиник России.

Загадка черного блокнота увлекла меня. Мне до такой степени надоело положение «рожденного ползать...», что я был готов рвать, метать и рисковать ради чего угодно, лишь бы... не «ползать». Мне так хотелось найти погибший самолет Леваневского, но я не знал, где его искать. Мне так хотелось идти в бой, но я был вынужден «ползать».

Я раз за разом анализировал черный блокнот и не мог в нем найти ничего, кроме как «идем к побе... (побережью)». А побережье Северного Ледовитого Океана очень большое. Правда, мое внимание привлекло упоминание дважды в черном блокноте города Якутска, но я все же отмахнулся от этого. Чуть-чуть «стрельнуло», что последнюю радиogramму «Правый крайний вышел из строя. Иду на двух. Пришлось снизиться. Впереди вижу ледяные горы» принял опять-таки якутский радист Федор Матвеевич Пилясов. Но разве можно было поверить, что столь опытный пилот, как Леваневский, мог оказаться вместо Фербенкса (Аляска) где-то на просторах Якутии?! Ведь для этого надо было повернуть на Северном Полюсе почти на 90° направо!

И тут, как по мановению волшебной палочки, до нас дошла информация от заслуженного штурмана СССР Валентина Ивановича Аккуратова, из которой явствовало, что на берегу какого-то неведомого озера Сегян-Кюэль в Якутии (!!!) некий вертолетчик Евгений Васильевич Попов из города Ленска (Якутия) видел доску, на которой было написано, что здесь 13 августа 1937 года погиб

Якутия

экипаж самолета Н-209, и были перечислены фамилии, одна из которых читалась как «Леваневский».

Эту доску он увидел впервые в 1965 году, но осмелился сообщить об этом лишь в 1970 году, когда подробно изучил материалы о загадочной гибели экипажа Леваневского. И, будучи умным человеком, Попов смог предположить, что Леваневский, в принципе, мог погибнуть и в... Якутии. На его сообщение долгое время никто не обращал внимания, пока оно не дошло до папанинца, академика Евгения Константиновича Федорова. В 1981 году он позвонил в обком КПСС Якутии и организовал поездку на озеро Сегян-Кюэль, во время которой, к сожалению, выяснилось, что доска с надписью о гибели экипажа Леваневского, вроде как, была, но... ее забрал экипаж вертолета, базирующийся в г. Жиганске (Якутия), который потерпел катастрофу, в связи с чем доска сгорела.

Все как бы заглохло до 1982 года. И тут мы узнали про «доску Попова». Была весна.

Надо организовывать экспедицию

Меня это сообщение так вдохновило, что я стал буквально рвать и метать.

— А вдруг найдем! А вдруг найдем! — периодически приговаривал я, мечтая об экспедиции.

Я отыскал на карте озеро Сегян-Кюэль в Якутии и так «замечтал» побывать там, что аж дух перехватило.

— И пусть доска, на которой была надпись о гибели экипажа Леваневского, сгорела в потерпевшем катастрофу вертолете, но мы найдем другие доказательства, а... может быть... найдем и сам самолет Леваневского, найдем... скорее всего... на дне этого неведомого якутского озера! — восторженно думал я. — Надо взять в экспедицию водолазов! Обязательно взять.

Три энтузиаста — Юрий Лобанов, Михаил Чванов и я — так зажглись этой идеей, что, наверное, «встряхнули эфир», который, возможно, и «возбудил» газету «Советская Россия», согласившуюся финансировать нашу экспедицию. Деньги

вскоре пришли в башкирский корпункт этой газеты. Все стало вырисовываться в реалиях.

Однако я лично имел одну сложность с неким политическим оттенком. Дело в том, что московская комиссия, ликвидировавшая мое научное направление, не просто ограничилась вынесением вопроса на коллегию Минздрава РСФСР о лишении меня диплома врача, а организовала информационное письмо о том, что в Уфе некий безвестный врач «проводил эксперименты над советским человеком». Это письмо было отправлено в каждое медицинское учреждение СССР. Куда бы я ни приходил, мне показывали это письмо и приговаривали: «Ах, это вы...!»

Как об этом письме не узнала вторая по значимости в СССР газета «Советская Россия», я не знаю?! Более того, она представила меня перед Башкирским обкомом Коммунистической Партии Советского Союза в качестве патриота-энтузиаста, желающего приоткрыть завесу тайны над одной из трагических страниц советской истории. Я воспользовался этим и попросил газету «Советская Россия» походатайствовать, чтобы мне... патриоту... всего-то навсего разрешили уволиться с работы по собственному желанию, а не по статье «33», которая бы наложила клеймо на мою биографию и не позволила бы устроиться на более приличную работу, чем дворник. И, о чудо, газета «Советская Россия» сделала это. А через некоторое время я стоял у ворот родного Уфимского научно-исследовательского института глазных болезней с трудовой книжкой в руке, где было написано: «Уволен по собственному желанию». Хмарь на душе прошла. Денег не было. Зато удалось через забор ночью вынести гистологические и электронно-микроскопические препараты, научным путем подтверждающие сущность моего главного изобретения — биоматериала «Аллоплант», на месте которого при пересадке растут новые человеческие ткани. Я еще надеялся продолжить науку... даже без диплома врача.

И скажу я вам, дорогой читатель, что свобода многого стоит. О, как она чувствуется после того периода, когда ты должен был «ползать»! Сладка она, свобода-то!

Я просто летал... без денег, конечно... но летал. Жена у меня хорошая. Кормила она меня.

Вскоре случилось так, что я, назначенный газетой «Советская Россия» заместителем руководителя экспедиции по поискам пропавшего экипажа Леваневского, отправился раньше других членов экспедиции в Якутию для предварительных встреч с радистом Ф. М. Пилясовым и вертолетчиком Е. В. Поповым.

В Якутии. Встреча с Федором Матвеевичем Пилясовым

Я летел в Якутию как на крыльях. На душе было хорошо. Обиды стали от-

ходить на второй план. У меня были командировочные деньги. А счастье, то счастье, что ты чувствуешь себя человеком, переполняло меня.

Приземлившись в Якутске, я с удовольствием вышел из самолета и ступил на холодную якутскую землю. Был вечер. Получив свой багаж, я даже захотел устроиться на ночь в гостиницу, чтобы уж совсем почувствовать себя человеком и стряхнуть с себя комплекс «рожденного ползать». Правда, в привокзальную гостиницу меня не пустили, сказав, что нет мест. Но это не удручило меня. Я возвратился в аэропорт, расстелил на каменном полу спальник, подложил под голову рюкзак (чтобы не украли!) и заснул праведным сном. А утром, встав, я сложил спальник, засунул его обратно в рюкзак и вместе с ним (чтобы не украли!) пошел в туалет, где холодной водой почистил зубы и побрился, экономно окропив свое лицо одеколоном «Шипр».

Я достал из рюкзака «неодеванный» анорак оранжевого цвета, сшитый из парашютного шелка, и надел его, а свою мятую штормовку засунул в рюкзак. Я сдал рюкзак в камеру хранения, после чего опять завернул в туалет, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Мое изображение понравилось мне. Я даже поправил очки. А на душе было хорошо. Пол якутского аэровокзала показался мне теплым, грязный туалет чистым, а уж оранжевый анорак был выше всяких похвал.

Гордо расправив плечи, я сел в автобус и, заплатив 6 копеек, доехал аж до самого якутского обкома Коммунистической партии Советского Союза. Я важно сошел с автобуса и дошел до дверей respectable здания. Вахтер, увидев мой ярко-оранжевый анорак, с уважением посмотрел на меня и спросил:

— Вы к кому?

— Да вот... я бы хотел найти радиста Пилясова... Федора Матвеевича... — пробормотал я. — Он живет здесь, в Якутии.

Вахтер почувствовал мою растерянность и, прищурив глаза, вошел в роль сыщика, выводящего на чистую воду агента иностранной разведки.

— А вы кто такой будете? Покажите паспорт! — грозно сказал он.

Я протянул ему свой паспорт.

— Советский, значит... — проговорил он. — А почему у вас одежда такая яркая, как у иностранца? Где вы ее приобрели?

— Мы сшили из парашюта... для экспедиции... по поискам Леваневского.

— Кого, кого?

— Леваневского... Сигизмунда Александровича.

— А кто он такой?

— Летчик... Летел в Америку.

— Америку? — Глаза вахтера расширились. — Я сейчас позвоню в спецотдел, где разберутся, кто такой летел или... прилетел из Америки.

Вахтер стал звонить. А у меня... у меня возникла грусть на душе. Я так устал «ползать», я так хотел чувствовать себя больше человеком, но советская психология давала о себе знать.

*Якутский обком КПСС
(современный вид)*

В конце концов, пришел какой-то человек в сером и «под ручки» повел меня куда-то. Я много раз показывал свой паспорт, долго объяснялся, пока меня не привели к какому-то человеку, который, позвонив в газету «Советская Россия», удостоверился, что я не «чумло иностранное», а заместитель руководителя экспедиции по поискам погибшего экипажа Героя Советского Союза Сигизмунда Леваневского.

Отношение ко мне резко изменилось. А вслед за этим ушла психология «рожденного ползать». Я уже важно говорил с самим заведующим отделом якутского обкома КПСС и даже требовал найти мне радиста Федора Пилясова, который принял последнюю радиogramму с борта самолета Н-209.

Часа через два они нашли адрес Федора Матвеевича Пилясова. Я, поблагодарив, поехал к нему... в том же оранжевом анорাকে.

Скромная квартира. Плюшевый мишка на диване. Чай. Но пенсионным духом здесь не пахло, несмотря на то что

Таким я запомнил Федора
Матвеевича Пилясова

Федор Матвеевич был стар, очень стар. Глубокие морщины бороздили его лицо, которые, когда он заговаривал, так приятно и эмоционально двигались, что вся эта «морщинистая свистопляска» доставляла удовольствие. Я даже пытался в ходе разговора то рассмешить его, то ввести в состояние грусти, чтобы любоваться «игрой морщин». А они, эти морщины, играли, как будто были составной частью его лица, без которой оно бы проигрывало, представля

собой маскообразное создание с носом, глазами и ушами, чем порой грешит молодость.

Мне, как врачу, вообще-то, подумалось, что люди склонны считать красотой только красоту молодости и «канать» под эту красоту, делая бесконечные пластические операции по «выглаживанию» лица и не понимая, что существует и красота старости, когда на первый план выступает обаяние мудрости, не менее прекрасное, чем сексапильное обаяние молодости под флагом детородных функций, называемое в народе «заманухой». Но «замануха» есть и в мудрости, да такая, что порой «замануха молодости плакала». А порой, когда какой-то старик перестанет говорить о том, что у него болит бок, и так «заиграет морщинами», сверкая глазами, в которых светится опыт прожитой жизни в нашем мире, называемом на Востоке «миром испытаний», то сразу становится понятным, что «жизнь прожить — не поле перейти» и что любому молодому дураку, пока еще любующемуся своей красотой молодости, придется, «переходя поле», постепенно войти в состояние красоты мудрости, то состояние, когда в глазах светится «победитель в жизненных боях», когда даже незадолго до перехода в новую жизнь остается искорка, не «запятнанная болящим боком», и когда проявляется Любовь — главная путеводная звезда жизни, проявляется в виде добрых горящих глаз и прекрасной «игре морщин»... которые некоторые пожилые люди убирают, забывая о красоте «переходного периода», того периода, когда человек готовится к новой жизни. И я совершенно убежден, что человек, познавший красоту мудрости, будет в новой жизни вознагражден красотой молодости, да такой, что от его сексуальной страсти будет «содрогаться» вся его... деревня. О, как важно не привычно канать под молодость, изображая из себя безморщинистого субъекта, и содрогаться при вопросе «А сколько вам лет?», а воспринимать красоту мудрости с блестящими глазами, которые порой так разжигают обладательниц красоты молодости, что они, приговаривая «Эх, если бы вам было на сорок лет меньше...», буквально влюбляются в «обладателя морщин», считая всех

«представителей красоты молодости» козлами! О, как глупо делать подтяжки лица, убирая «прекрасные» морщины, в которых, может быть, и выражаются эмоции прожитой жизни! О, как глупо игнорировать красоту мудрости! О, как глупо казаться «вечно молодым»! О, как важно знать, что на лице превалируют горящие глаза, будь то в обрамлении молодой натянутой кожи, будь то в обрамлении уютных и красивых морщин! Да и сексуальный напор определяется по блеску глаз... а не по количеству морщин.

Федор Матвеевич Пилясов был, конечно же, весьма морщинист и, как я уже писал, обладал способностью во время разговора устраивать аж «морщинистую свистопляску», чтобы лучше выразить свои эмоции. Волосы его были, конечно, седыми, но видно было, что они совершенно не поредели, сохранив великолепную шевелюру, когда каждая прядь волос, несмотря на усилия, упрямо ложилась на то место, куда ей положено. В общем, хорошими были волосы. Под стать его волосам были и брови, которые, сохранив по несколько черных волосков на каждой брови, так курчавились, что... вызывали чувство негодования у меня — глазного хирурга, поскольку эти курчавые волоски имеют склонность лезть в глаза и мешать проведению глазных операций. Я, как замороженный, наблюдал за этими лезущими в глаза волосками, желая все время их состричь. Нос его был, конечно же, мясист, как подобает настоящему русскому мужику, да и мощная и еще не начавшая усыхать шея показывала былую стать покорителя Сибири, когда «ни ветра, ни морозы не страшны». Но самым главным на лице Федора Матвеевича были его глаза, которые не просто не вязались с его морщинистым обликом, а являлись каким-то «молодым анахронизмом», выдавая блеск страждущего до секса человека... несмотря на обрамление морщин. Эти глаза жили еще прошлым, бурно переживая страсти прошедших лет, но в них уже светилась страсть новой жизни, в которую он хотел вступить... во всем накале страстей, и никак иначе, поскольку главным наказанием по жизни все же является человеческое занудство под девизом

«правильно жить», чего Федор Матвеевич, конечно же, не хотел, как и любой нормальный человек.

А рассказал мне Федор Матвеевич вот что.

— В 1937 году служил я, короче говоря, начальником приемной станции в Якутске и был, несмотря на свою молодость, уже мастером связи* за то, что держал связь с экипажами Чкалова, Громова, Коккинаки, Фариха, Говарда, Хьюса и других, а позже с Гагариным и Титовым. Естественно, мне было поручено следить и за перелетом Леваневского 13 августа 1937 года. Чкалова и Громова я весь полет слышал хорошо, а вот Леваневского — плохо. Наверное, подсели аккумуляторы. Но текст последней его радиogramмы **«Правый крайний вышел из строя. Иду на двух. Пришлось снизиться. Впереди вижу ледяные горы»** я расслышал очень хорошо и тут же передал в центр. Меня удивило, что за «ледяные горы» он может видеть, ведь ледяные торосы в Северном Ледовитом Океане трудно принять за горы?! Я подумал — не залетел ли он на материк, где за «ледяные горы» можно принять заснеженные хребты, например, Верхоянского хребта, где снег часто выпадает и летом?! Но я тут же откинул эту мысль, понимая, что столь опытный пилот, как Леваневский, не мог повернуть на Северном Полюсе почти на 90° направо. Но... кто его знает?! На Северном Полюсе все направления на юг.

— Скажите, Федор Матвеевич, — спросил я, — Леваневский мог оказаться вместо Аляски в Якутии?

— Ох! — вздохнул он. — Мог, скажу я вам, мог!!! Я даже думаю, что он... он и погиб-то в Якутии, а не на Аляске. Ой, как трудно мне об этом говорить!!! Здесь в Якутии есть Зона... страшная Зона. Я ловил позывные многих самолетов, которые погибали там, в Зоне. Паника была там... в Зоне.

— Что это за Зона?

— Зона... — глаза Федора Матвеевича расширились, — это там... куда ввозили локомотивы, чтобы на нем доехать до центра Зоны.

* Высшая награда у радиостов в СССР.

— Какой локомотив? — тут уже расширились мои глаза.

— Да так, — отмахнулся он, — чтобы достигнуть... доехать... как и Гитлер... до центра Зоны, чтобы Зона дала Силу, большую Силу... которая губит все то, что связано с... с... Золотом.

— Каким золотом?

Тут Федор Матвеевич напрягся и, пристально посмотрев на меня, спросил:

— Вы в Зону хотите, что ли, попасть?

— А почему бы и не...

— Там все гибнут.

— А все-таки...

Федор Матвеевич посмотрел на меня, как на ненормального и начал тихо, почти заговорщицки говорить:

— Когда аккумуляторы передаточной радиостанции подсядут, толовишь те радиосигналы, которые вблизи. Могу вам сказать, что высота полета Леваневского была 600 метров, всего 600 метров... это я точно слышал, но не поверил, думая, что Леваневский должен быть в Америке. Радист Троценко, работавший в якутском радиоцентре Главсевморпути, тоже слышал, что высота полета Леваневского была 600 метров. А потом, поздно вечером 13 августа 1937 года, я услышал, правда, плохо: «Приземляемся в горах». С высоты 600 метров в Америке я бы не смог, будучи в Якутске, принять этот сигнал; значит, Леваневский приземлялся не в Америке, а в... Якутии... в Зоне.

— Вы говорите все время — Зона, Зона... Локомотив, говорите, туда завезли... Что же такое Зона? Скажите, Федор Матвеевич! — потеряв терпение, начал я напирать на радиста Пилясова.

— Вы знаете, — Федор Матвеевич аж съежился, — я не знаю, что такое Зона, но знаю, что там гибнут самолеты. Я радист, понимаете, радист! И я ловлю сигналы летящих самолетов и... ловлю также те сигналы, когда самолеты терпят катастрофу. Я специалист, понимаете, специалист! Я даже чувствую, когда самолет терпит крушение. Понимаете!!!!???

— Так... самолеты терпят крушение именно в Зоне? — начал более спокойно говорить я.

— Там.

— Вы были в Зоне?

— Нет.

— Неужели не интересно?

— Страшно.

— Сколько самолетов там погибло?

— Много.

— Не считали?

— Нет.

— Самолет Леваневского погиб именно там?

— Хм... — Федор Матвеевич ухмыльнулся, — думаю, да.

— Где эта Зона? — Я пристально посмотрел на него.

— На северо-востоке от Якутска.

— А точнее?

— Не знаю. Радиосигналы такой информации не дают, — отрезал радист Пилясов.

Я понял, что эта Зона является большим вопросом для Федора Матвеевича. А также я понял, что своей занудностью начал раздражать его.

— Федор Матвеевич! — тихо проговорил я. — Не сердитесь на меня. Я ведь хочу понять... эту Зону.

— А я вот, — морщины на лице его заходили ходуном, — хочу тоже понять Зону, но не могу. Не могу! Не могу!!! Не могу!!!

Мы оба замолчали. А потом Федор Матвеевич, успокоившись, сказал:

— Если верить в то, что Леваневский погиб здесь, в Якутии... в Зоне, то я могу смело заявить, что кто-то из экипажа остался жив.

— ???

— Мне 14 августа 1937 года, то есть на следующий день после исчезновения самолета Леваневского, позвонил радист из якутского поселка Учур Оглоблин Михаил Иванович и сказал, что в 5 и 7 утра поймал два раза позывные «РЛ», которые были

очень слабые, с натяжкой на «3». Далее 15 августа он еще два раза поймал позывные «РЛ». А сам я ловил позывные радиостанции Леваневского «РЛ» 15, 16, 17 и 18 августа 1937 года. Эти позывные были очень слабые, чувствовалось, что передатчик был плохо настроен. А еще я вам могу показать вот что.

Федор Матвеевич долго рылся в каких-то бумагах и, найдя какой-то пожелтевший лист, показал его мне. Вот что было там написано:

«Якутск 052/080 17/08 8.30. Экватор, выделенный Пилясову. Средне-Колымск (Якутия) около 26 метров слышали радио. Предполагается РЛ тчк Булун (Якутия) на волне 26 слышал то же самое зпт 05 40 волне ниже 35 рация давала настройку текст разобрать нельзя Тон постоянный но передатчик плохо настроен получаются точки меняется тон слышимость 3/4 тчк Учтите эти данные своей работе наблюдению самолетом РЛ УН Пунчуков».

— Получается так, что еще две радиостанции в Якутии — в Средне-Колымске и Булуне — слышали позывные «РЛ», слышали 17 августа 1937 года, то есть через 4 дня после предполагаемой гибели экипажа Леваневского. И слышали, — я сделал особый акцент на этом, — именно в Якутии, а не... в Америке, куда должен был прилететь Леваневский.

— Вот и получается, дорогой человек, — нравоучительно, опустив веки, произнес Федор Матвеевич, — что самолет Леваневского потерпел катастрофу в Якутии, а кто-то из экипажа остался жив, причем тот, кто умел пользоваться рацией. Именно он пытался выйти на связь, пока аккумуляторы не сели. Да и чувствовал я, что позывные шли из какой-то котловины, а не с высокой горы, не говоря уж о летящем самолете. Так называемых «мертвых зон» тогда не было, но передатчик работал слабо. Недалеко от Якутска это было... чувствовалось, но не в Америке — это точно!

— А, все-таки, что же такое Зона? — Я вопросительно посмотрел на него.

— Ой, не знаю, что это такое, — опустив плечи, прошептал Федор Матвеевич. — Но там гибнут самолеты.

— А золото...?

— Не знаю! — чуть ли не вскричал он. — Но гибнут самолеты, которые везут золото!!!

— Самолет Леваневского вез золото?

— Дар Советского Союза Америке... Не знаю!

Мы обнялись с Федором Матвеевичем. На прощанье он, заиграв морщинами, тепло сказал:

— Опасно там. Берегитесь!

Я возвратился в свой родной аэровокзал. Поел какой-то дрянн в буфете. Переночевал в спальнике на полу. Утром почистил зубы в туалете. А потом, зная телефон вертолетчика Евгения Васильевича Попова, который нашел доску с надписью о гибели Леваневского, позвонил ему из телефонной станции в городок Ленск в Якутии. Мы договорились, что я прилечу к нему.

Якутия. Встреча с вертолетчиком Поповым

Вместо рассказа об этой встрече я лучше приведу выдержку из дневника, который я вел.

Сидя на скамейке в аэровокзале Якутска, я думал — оставить в камере хранения свой рюкзак или нет? А может взять с собой только спальник? Не знаю, приютят меня или нет! Попов по телефону разговаривал со мной сухо, будто я «враг народа» какой-то. Он чего-то боится. А может он соврал, что видел доску с надписью о гибели здесь Леваневского?! Но, скорее всего, он боится, боится, даже несмотря на то, что доска эта уже сгорела в вертолете, который летел от озера Сегян-Кюель в Жиганск! Загадочно сгорела... вместе с вертолетом. Может быть, Попов боится таинственной Зоны, о которой говорил Пилясов?

Все-таки я сдал свой рюкзак в камеру хранения... вместе со спальником. Как хорошо, что я живу в аэропорту! Волокиты меньше. Какая толчея у кассы! Все давятся. Наконец, случайно, пройдя испытание давкой, мне удалось купить билет на Ленск. Радость прет из меня.

Приземлились в Ленске. Этот город находится выше по течению реки Лены, в более благоприятных климатических условиях, чем Якутск. Вокруг красивейший лес. Здесь растут березы, ели, осины, лиственницы, сосны и ольха. Лес гуще, чем в районе Якутска.

На автобусе доехал до городка. Ленск — весь деревянный. Очень тихий. Мостовые сделаны из досок. Чувствуется, что их моют. Из памяти всплывают слова туристской песни:

«...А я иду по деревянным городам.
Где мостовые скрипят как половицы...»

Перед тем, как по адресу найти дом Попова, зашел в столовую, чтобы своим чревоугодничеством не беспокоить хозяев. Кормят здесь не очень вкусно, но лучше, чем в Якутске.

Попова дома не оказалось. Дверь открыла его жена, на вид учительница. Оказалась приветливой и улыбчивой дамой. Пригласила в скромную комнату, усадила за стол и предложила поест с дороги. Я отказался, сказав, что уже сходил в столовую в Ленске, чтобы не докучать.

— Зачем? У нас же плохо кормят! — сказала она.

— Лучше, чем в Якутске, — ответил я.

Жена Попова извинилась, что муж с сыном пока еще в огороде, но скоро придут. После этого она начала излагать их семейную душевную боль, связанную с находкой мужем той самой доски с надписью о Леваневском.

— Все подумали, даже друзья, — с напором говорила она, — что Женя... то есть Евгений Васильевич Попов, карьерист и погнался за дешевой сенсацией, чтобы стать знаменитым. Он ведь эту доску даже не сфотографировал! Ну, такой он у меня! До него все потом доходит. К тому же, эта доска, которую позже нашли, сгорела в потерпевшем катастрофу вертолете. Его чуть с работы не уволили! Да какой он карьерист?! Всю жизнь работает командиром вертолета. Никуда не стремится. Живем, как видите, скромно. Да и врать-то он не умеет! Мне ни разу за всю жизнь не изменил! А вот умом Женя удался. Все анализирует. Историю знает. Завидуют ему многие.

Вскоре пришел Евгений Васильевич Попов. Это был моложавый, лысеющий и слегка полнеющий человек лет сорока пяти. Глаза его были воистину честными. Он смотрел прямо и не отводил взгляда, в котором чувствовалось напряжение вперемежку

с грустью. Речь Попова оказалась богатой, дикция была великолепной. Я сразу понял, что этот человек не склонен врать и будет говорить только то, что хорошо знает. Даже простоватым можно было его назвать.

Первым делом Попов вручил мне пачку писем некоего Алексева из Москвы, который буквально «задолбал» Попова своей критикой. Читая критику Алексева, я понял, что это матерый и даже беснующийся «фома неверующий». Зато ответы Попова вызывали уважение; достоинство и хладнокровие сквозили из них.

Потом Е. В. Попов начал свой рассказ:

— Летом 1965 года мы базировались в районе озера Сегян-Кюэль, — с расстановкой стал говорить он, — где стояла геологическая партия. Именно туда приехали трое геодезистов из Ташкента, один из которых поймал медвежонка. Медведица ходила рядом и звала его. И тут... исчез тот, кто поймал медвежонка. Исчез и все. Все начали искать. Летали на вертолетах, ходили пешком... Нашли его через 20 дней с разодраным боком, полуживого. Но суть не в этом. Суть в том, что и я с бортмехаником А. Кирсановым тоже искали пропавшего геодезиста, как на вертолете, так и пешком. И вот однажды в районе перешейка между двумя озерами мы наткнулись на доску, которая лежала на сухом участке земли.

— Расскажите про эту доску подробнее.

— Она была размером, — продолжал Попов, — ориентировочно 30 x 40 см и сделана явно не из местного дерева. Было четко заметно, что она не выброшена, а уложена на землю; края доски были аккуратно присыпаны землей, явно свежей землей. Скла-

Таким я запомнил Евгения
Васильевича Попова

Предположительно
так выглядела
«доска Попова»

здесь, возможно, польский! Точно запомнилось — «погиб экипаж».

— Цифры «N-209» не читались?

— Я знаю, что самолет N (H)-209 — это самолет Леваневского, — Попов поморщился, — но... возможно, не обратил внимания. Хотя... хотя... вроде как... цифру «2» помню. Устали мы тогда с Кирсановым...

— Фамилия «Леваневский» не читалась?

— Да вот! — Попов стукнул кулаком об стол. — Вроде как читалась... но точно не помню. Помню только то, что, когда мы с Кирсановым возвратились в лагерь, мы оба стали наперебой говорить о Леваневском.

— Фамилия «Галковский» не читалась?

— Не помню... запомнил только еще одну «...ский». Не буду врать.

— Почему же вы не принесли доску в лагерь? — продолжал домогаться я.

— Мы с Кирсановым не осмелились даже сдвинуть ее, — вроде как на могиле была.

дывалось впечатление, что эту доску совсем недавно перенесли с другого места, но не решились выбросить, а уложили на сухой участок земли. Кому-то она была дорога. На ней была надпись, обведенная рамкой, в которой явно читалась дата — 13 августа 1937 года. Эту дату я запомнил особенно хорошо, так как сам родился 13 сентября 1937 года. Хорошо врезались в память латинская транскрипция буквы «N» и пять фамилий, две из которых оканчивались на «...ский». Мы с Кирсановым даже подумали, уж не иностранный ли экипаж погиб

запомнилось — «погиб экипаж».

— А почему на следующий день не сходили и не сфотографировали доску?

— Ха!!! — тут Попова аж пробило. — Когда мы в лагере сказали, что здесь погиб экипаж Леваневского, нас так высмеяли, так... Куда уж пойти туда!!!

— Вы сообщили о находке доски только через 5 лет. Почему, Евгений Васильевич?

— Обдумывал... — замешкался Попов. — Изучал материалы о гибели Леваневского... Невероятно слишком это, что Леваневский погиб в Якутии. Вот и колебался.

— В каком году и кто забрал «доску Попова» в вертолет из Жиганска, который потерпел катастрофу?

— Ха!!! — тут Попова еще раз пробило. — Никому это ведомо! Это говорю я — житель Якутии, который всех вертолетчиков этой республики знает и который много раз бывал в Жиганске, откуда прилетел этот злополучный вертолет. Одни говорят, что доску забрали сразу после моего сообщения, другие — когда узнали, что в 1981 году на поиски доски вылетает академик-папанинец Е. К. Федоров с группой.

— Возможно, никакого вертолета из Жиганска и не было, просто убрали доску, да и все, — предположил я.

— Вертолет из Жиганска был, потому что... останки его нашли, — Попов начал нервничать. — Но это был «черный вертолет».

— Как понять «черный вертолет»?

— Эх! Вы так мало знаете о наших краях! — Губы Попова сжались. — Наш край — «золотой край». А желтое золото всегда связано с... черными мыслями. Не просто так погиб вертолет из Жиганска!!! «Доска» этому виной!!!

— ???

— Пойдемте, выпьем и поедим!

— Подождите! — остановил его я. — А Зона... говорят, там есть Зона...

— Зона?! — Попов ухмыльнулся. — Там и в самом деле есть Зона. Там, когда летишь, всегда кажется, что земля далеко, а на самом деле она близко. Там всегда лихачество преследует тебя. Там всегда «море по колено». Там дурь мутит тебе голову. Давайте выпьем!!!

Попов открыл бутылку шампанского и выставил на стол две бутылки портвейна. Мы выпили. Поели. Мне, конечно, очень хотелось попросить затопить баню, памятуя свои ночевки на полу аэровокзала. Но не посмел. Так и остался грязным. А потом мы с Евгением Васильевичем Поповым вышли на улицу, ходили и говорили, ходили и говорили, периодически заходя домой, чтобы попить чаю и кофе.

В моих дневниках осталось довольно много пометок об этой встрече, которые, по прошествии времени, мне удалось расшифровать вот так.

— «Черный вертолет» из Жиганска — это вертолет «золотой мафии»? — спросил я.

— Конечно.

— А как можно просто так вылететь?

— За золото все можно, — отрезал Попов.

— А причем тут Леваневский?

— Не исключено, — Попов смахнул каплю пота со лба, — что и он вез золото... дар Советского Союза Америке. Но главное в том, что гибель знаменитого Леваневского могла привлечь к этой... Зоне внимание, в связи с... «доской Попова». Но почему эту «доску» не сожгли на костре, а уничтожили вот так, через гибель вертолета?! Если изучить историю КГБ СССР, то она полна ляпов, когда обуреваемые страстью «люди тени» перебарщивали, чтобы отрапортовать своему начальству, что, например, «доска Попова» уничтожена аж вместе с вертолетом, что более смачно и доказательно, чем рассказы о ее сжигании. А КГБ проявлял большой интерес к Зоне.

— С чем это связано?

— Здесь есть два аспекта. Туда, на озеро Сегян-Кюэль, завезли локомобиль, чтобы, построив короткую железную дорогу, вытащить на берег из озера самолет Леваневского с... даром Советского Союза Америке. Но сомневаюсь я в этом! Сомневаюсь в том, что КГБ догадался о гибели Леваневского именно там. Не такие они умные — «люди тени»! Более вероятен другой аспект... — Попов замолчал.

— Какой?

— С шаманами это связано и... с Гитлером, — недовольно проговорил он. — Что-то там есть на этом загадочном озере! Входы в подземный мир, что ли? Шаманы-то много знают! А НКВД в борьбе с Гитлером была нужна особая сила... подземная или подводная сила. Но здесь я уже не силен.

Спать меня... грязного... уложили на чистую постель. Утром накормили завтраком. Было вкусно. А потом мы встретились с бортмехаником Кирсановым, который подтвердил все слова Попова. Меня даже проводили в аэропорт, где по блату, через черный ход, без толчеи купили билет на Якутск.

— Будьте осторожны! — напоследок крикнул Попов.

ГЛАВА 4

А вы не боитесь, что приехали сюда?

Когда я летел из Ленска в Якутск, мысли о Зоне не покидали меня. Мне то становилось страшно, то какая-то тупая бравада с элементами лихачества выступала на первый план. В общем, было не по себе. Клокотало все внутри.

В Якутске я «уютно» переночевал на полу аэровокзала, понимая, что мне... грязнее быть некуда. Я переночевал там же еще одну ночь, ощущая прелести «половой жизни». Правда, днем я времени даром не терял: я опросил многих геологов, летчиков и партийных деятелей. Но ничего путного узнать у них не удалось. А еще через одну ночь, когда слово «бомж» стало почти родным, прилетели наши ребята из Уфы.

Я их встретил «с почетом», усадив на свою родную скамейку в аэропорту, и даже, вроде как, предложил кому-то прилечь на полу, укрывшись спальником, чтобы отдохнуть. Но никто не согласился, поскольку ребята привезли две бутылки водки, которые мы с удовольствием выпили на скамейке. О размещении в гостинице не было и речи, — там, естественно, не было мест. Советская действительность давила своим естеством.

— А что, руководитель экспедиции-то не прилетел? — спросил я ребят.

— Странно, — Юра Лобанов повел плечами. — Ему был и билет куплен, и одежду новую пошили... Сослался на неотложные дела.

— Какие такие неотложные дела! — вспыхнул я.

— Это только он знает. — Ришат Булатов опустил голову. — Дачу, может, строит...

— М-да, — прорычал я. — Он, хоть, снял с себя полномочия руководителя экспедиции?!

— Нет, — Юра Лобанов усмехнулся. — Он сказал, что можно руководить и... из Уфы, главное, чтобы мы весь экспедиционный материал передали ему, который он обработает... в Уфе.

На общем собрании группы порешили, что руководить экспедицией буду я.

— Как хорошо, что я не звонил ему и ничего не сказал про Зону, — подумал я.

Всего-то две ночи, когда мы «охотились» за билетами на самолет в поселок Семян-Кюэль, мы провели все вместе на полу аэровокзала. Мне было весело спать на полу среди своих ребят и слушать их храп. Даже страх перед Зоной отошел на второй план.

И тут нам в аэропорту сказали, что завтра будет самолет в Семян-Кюэль, куда могут взять только трех человек из нас. Решили, что полетят я, Юра Лобанов и Амир Салихов, а остальные продолжают вести «половой образ жизни» в ожидании следующего самолета.

Когда мы трое летели в Семян-Кюэль, было хорошо на душе. Экспедиция началась. Все закрутилось. Загадка приятно щипала душу.

В поселке из 30—40 дворов мы разместились в маленькой деревенской гостиничке на панцирных койках, которые на тюремном языке называются «шконками». Мне попалась не очень удобная «шконка», которая продавливалась чуть ли не до пола, но я понимал, что я буду спать в этой «яме» так сладко, что никакой сон на полу аэровокзала не смог бы с ним сравниться.

В тот же день вечером мы начали расспрашивать местных жителей о гибели самолетов в этой... Зоне. И вдруг мы заметили, что люди смотрят на нас с каким-то сожалением и даже с какой-то грустью. Мы будто бы попали в некий заколдованный мир,

где все какие-то смурные, угрюмые и нелюдимые, и где какая-то тайна довлеет над ними, да такая тайна, про которую нельзя и рта раскрыть. Эти люди были чем-то похожи на зомби, но глаза у них горели, желая скинуть неведомую завесу.

А у нас глаза горели еще сильнее. В конце концов, этот «жар в глазах» дал о себе знать, что люди стали цокать языком и приговаривать: «А вы не боитесь, что сюда приехали?»

А вы не боитесь? Этот вопрос, произносимый с загадочным видом, начал даже злить меня.

— Черт побери! — приговаривал я. — И Пилясов, и Попов говорили, чтобы мы были осторожнее, но не сказали, чего мы должны бояться. Чего??? Людей, потусторонних сил или еще чего-нибудь? Какой-то страх нагнетается, что ли?! Понятно, что мы находимся в Зоне, где гибнут самолеты, везущие золото, но мы ведь не самолеты, и золота у нас нет.

Сила искренности О, как многого я не понимал тогда! Я был до такой степени по-глупому искренен, что больше некуда. Мне казалось, что все люди, если к ним обратятся с идущей от души искренностью, ответят тебе тем же. Меня даже ничему не научила «научная бойня» с последующим возможным лишением диплома врача. Мне, дураку, мерещилось, что любой, абсолютно любой человек воспримет на ура! идею возвращения памяти героического трансполяр-

ного перелета Леваневского, поскольку это была страничка величия нашей страны, нашей Родины, которую все люди должны любить так сильно... так сильно, что сильнее некуда... даже сильнее, чем мать или отца. Я тогда и представить не мог, что Родину можно не любить... как сейчас. Я просто искренне напирал на людей, как бы понимая, что искренность обладает силой.

Все знают, что люди, не открывающие душу и молчаливо вззирающие на вас, не очень приятны в общении. Про таких людей говорят: «Он держит камень за пазухой». И насколько приятны люди с открытой душой, когда человек искренне рассказывает о своих удачах и неудачах, порой приговаривая: «Какой я был тогда дурак!» Любой, кто слушает выражение «Какой я был дурак!», внутренним чувством понимает, что так «плохо» высказаться про самого себя — это смелость, большая смелость, потому что идеалом поведения современного человека считается уравновешенная непогрешимость, скорее всего, «рисованная» в нашем стереотипно-рисованном мире! А душевные откровения под девизом «какой уж есть — хороший или плохой» считаются непозволительной роскошью, поскольку в открытую Душу всегда может всунуться энергетический вампир, или твою искреннюю доверчивость могут использовать рациональные люди, которые только и ждут, когда откроет душу какой-нибудь... дурак.

От искренности «балдеют» все, будь то рационалисты, будь то романтики, «балдеют» от того, что искренность идет от Бога и является порождением божественного того Света, где все мысли читаются и где нет поганого «камня за пазухой». А принимая во внимание общечеловеческий «инстинкт возвращения» после смерти на Тот Свет, где властвует Искренность, можно с уверенностью сказать, что Искренность манит всех... потусторонне манит, да так сильно манит, что сильнее некуда. Вот и получается, что искренний «дурак» порой сильнее рационального умника, у которого не хватило ума быть искренним, как повелел Бог.

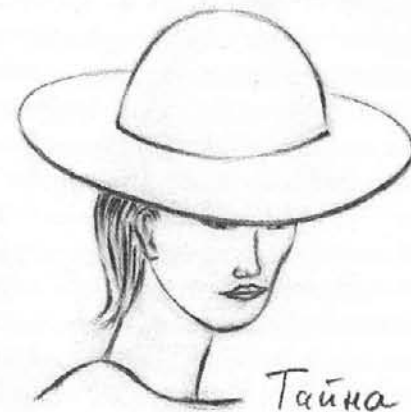
А там, в Богом забытом якутском поселке Сегиан-Кюэль, куда мы прилетели и оказались как бы в заколдованном мире, наша искренность сыграла свою роль, а именно она, вернее Сила Искренности, позволила «открыть рты» многим людям, которые... устали молчать и жить под гнетом тайны, как зомби.

Тайна Тайна всегда завлекательна и манит человека. Тайна имеет особый смак. Тайна соблазняет человека. Тайна сродни загадочной женщине в шляпке. Тайна обладает чем-то магическим, тем магическим, от которого веет принципом бесконечности познания под эгидой слова «тайна». Тайна обладает силой, той самой, которая называется Влечением и которая, порой, способна не просто взывать к свершениям, но и «закрывать рты», чтобы... тайна всегда оставалась тайной — соблазнительной и прекрасной... которая должна присутствовать в жизни как нечто само по себе разумеющееся. Жить без тайны скучно. Как без нее-то?!

Однако нередко так хочется снять с таинственной женщины шляпку, чтобы заглянуть ей в глаза и увидеть в них противоположность Тайны — Искренность. Сокрытой Искренностью можно назвать Тайну. Да и сила Искренности проявляется в степени ее затаенности. Тайна хранит Искренность, в которой есть Божья Сила. О, как нелегко переступить через Тайну... особенно если ее насадили и повелели хранить как зеницу ока!

Тем не менее, тогда, в 1982 году, когда мы втроем оказались в маленьком якутском поселке Сегиан-Кюэль, наша искренность, сметающая даже страх смерти, сыграла свою роль, — она начала «открывать рты» у людей, похожих на зомби.

Но в то время я ничего не знал о зомбировании людей.

Тайна

Несколько слов о зомбировании

Отвлекаясь от повествования, мне хотелось бы сказать вам, дорогой читатель, что зомбирование (или, на современном языке, биороботизация) испокон веков являлось мечтой многих правителей. Всем ведь хочется, чтобы подчиненные тебе люди или народы были послушны и беспрекословно выполняли твои команды, возвеличивая тебя — Великого. Ради этого можно пожертвовать индивидуальными способностями какого-то таланта, заглушить всякие там личные переживания и страсти, наложить вето на Любовь к женщине, заменив ее на инстинкт воспроизводства, и сделать многое такое, что делает человека машиноподобным существом, подобострастно смотрящим на тебя — Хозяина и открывающим шамкающий рот в ожидании команды, той команды, которая вносит хоть какую-то жизнь в скучающее роботизированное тело. Собственно говоря, такой человек есть идеал для любого правителя. Эх, если бы все стали такими! С таким зомби-народом можно было бы весь мир завоевать! Сказал — иди в бой, пойдешь, сказал — рожай, нарождает... Вот только где найти такие силы, чтобы все, поголовно все люди стали зомби и служили достижению какой-либо «великой» цели?!

Надо сказать, что зомбирование (или введение в сознание людей зомби-психологии) является не всегда отрицательным моментом. В Южной Америке до сих пор существуют достаточно многочисленные племена так называемых «макумберос», которыми управляют жрецы, способные за счет заклинаний вводить свой народ в такое зомби-состояние, когда люди приобретают свойства, присущие животным (спать под открытым небом, довольствоваться редкой незатейливой пищей и тому подобное), что позволяет им

выживать в диких джунглях. Культ неприхотливых, близких к животным людей, или анимализация населения (от слова *animal* — животное), распространен во всей Латинской Америке, которую мне довелось объездить вдоль и поперек во время моих хирургических вояжей по миру. Этот культ достиг своего апогея на острове Гаити (в районе Карибского моря), где местные жрецы разработали методику создания зомби — «живых мертвецов», напавая людей специальным зельем и хороня их на 10 дней, чтобы потом извлечь из могилы и пользоваться ими, как роботами. Люди, по своей природе, ленивы и высокомерны, а зомби работоспособны и послушны, поэтому... вроде как... сам Бог велел создавать их... ради прогресса человечества.

Делая одну за другой экспедиции в самые затаенные уголки земного шара, я все больше замечал, как распространено зомбирование и как оно разнообразно. Например, так называемое «кевве-зомбирование», до сих пор бытующее в среде саами-лопарей на Кольском полуострове, является средством, позволяющим заставлять лентяев работать... или идти в бой. Не

зря Гитлер направлял свои экспедиции «Аненербе» в эти края, чтобы поучиться методикам управления людьми у местных шаманов. Не зря Сталин делал то же самое, отправив экспедицию Барченко на Кольский полуостров. О, как значимы секреты управления людьми! Да и современное общество людей в той или иной степени биороботизировано, будучи подвластным тупой и смердящей рекламе, от которой всех тошнит!

Однако, надо сказать, история знает прецедент весьма благого зомбирования, когда удалось захватить полмира, заставив людей отказаться от кровопролитных междоусобных войн. Это сделал великий Чингисхан, который, как рассказывали монголы во время нашей монгольской экспедиции 2006 года, смог внедрить в сознание людей постулат, что люди разных наций не враги, а братья. Но... сделал он это с помощью девятого фрагмента легендарного камня Шантамани, которым владел. Зато 300 лет мир жил без войн.

А тогда, в августе 1982 года, я мало чего понимал в отношении зомбирования, да и слово «зомби» с трудом осознавал, будучи продуктом советского воспитания. И вот только сейчас, зимой 2010 года, когда я сел писать книгу об этих давних экспедициях, мне стало более понятно, что эти странные и угрюмые люди в забытом Богом поселке Сегян-Кюэль, были в той или иной степени зомби, но зомби особого порядка — зомби Зоны. Той Зоны, которая «заставляла» не просто падать самолеты, везущие золото, но и заставляла живущих здесь людей думать по иному, чтобы они, будучи, как и остальные люди, по природе охочими до дьявольского золота, стали хоть чуть-чуть иными... пусть угрюмыми и диковатыми, но иными. О, сколько соблазнов давала Зона, «разбрасывая» по тайге дьявольское золото! И... о, какие сложности испытывали люди, живущие здесь... тем более что здесь порядком наследил сталинский НКВД, а эта Зона является одной из Зон, которые на эзотерическом языке называются Беловодьем или Чан-Шамбалой!

Чан-Шамбала Беловодьем, как пишут, считается некая сказочная страна, где текут молочные реки. Но в реалиях молочных рек не бывает, зато бывают реки, где течет белая известковая вода, например, на Алтае. Я все время думал, что во многих смыслах загадочный Алтай и есть то самое Беловодье, о котором сложены легенды и где столько чудес, что их и не перечесть, включая и то, что здесь сбываются все желания. Однако сибирские шаманы, с которыми мне довелось много раз общаться, развеяли мои предположения о локализации страны Беловодье на Алтае, сказав, что русское выражение «Беловодье» не совсем корректно из-за этих самых молочных рек, но чудесная страна и в самом деле существует где-то в Сибири. И название этой страны — Чан-Шамбала.

Под словом Шамбала, как явствует из легенд разных народов мира, понимается подземный мир, поскольку считается, что Земля полая. Там светит внутреннее Солнце, плещется желтый океан и находится Земля семи уровней. В подземном мире живет многоликое общество Лучших из Лучших людей, некогда существовавших на поверхности Земли, но не погибших, а спустившихся под Землю. Там представлены все пять земных человеческих рас: ангелы, призраки, лемурийцы, атланты и мы, арийцы. Все они, образно говоря, сидят за одним столом. Но самым главным для подземного мира является беспрекословное соблюдение великих законов Чистой Души, которые позволяют им обходиться без денег, войн и многого другого плохого, чем сопровождается наша жизнь. Подземные люди больше всего боятся контакта с нами — наземными людьми, считая нас чуть ли не «инфекционной бомбой», поскольку наши Души «заражены» душевной грязью, которая может распространиться и запоганить чистый подземный мир. Подземные люди наблюдают за нами — «обителью душевной грязи», выставляя на поверхность свои антенны в виде необычных остроконечных вершин, скальных штырей и башен, чтобы, прежде всего, читать мысли нас — неказистых назем-

ных людей, погрязших в мелочных разборках и тупо копящих деньги на сто жизней вперед. Но они, эти великие подземные люди, создают кое-где и Зоны, называемые Чан-Шамбалой, чтобы через них воздействовать на наземных людей, наказывая их за дьявольские увлечения... например, золотом — каким-то поганым золотом, от которого и проку-то нет. Эти Зоны воздействуют на мысли людей! Эти Зоны, называемые Чан-Шамбалой, заставляют нас жить... хоть немного жить по великим законам Чистой Души! Эти Зоны наказывают нас! Эти Зоны ведут свою «политику», когда даже твоя смерть представляется малозначимым фактом! Эти Зоны видят Будущее и делают все во имя него... и даже могут погубить, например, экипаж ради хороших отношений между двумя великими странами! Эти Зоны способны зомбировать людей, хотя бы ради того, что порой «зомби» чище в душе, чем обремененный жизненным опытом дурак! Эти Зоны не понимаемы нами — наземными и грязноватыми внутри людьми! Эти Зоны есть порождение подземного мира, который управляет нами, но управляет без диктата и насилия!

Но тогда, в августе 1982 года, я, конечно же, ничего не знал о Чан-Шамбале, но... что-то чувствовал, явно чувствовал. И, о, какое счастье, что я не отошел от, на первый взгляд, глупой Искренности, которая и явилась главной движущей силой во время экспедиции. Особенно важным это оказалось при встрече с местным шаманом, который, вроде как, должен был дать разрешение на разговоры с местным населением и о роли которого... в Зоне... ходили буквально легенды.

Встреча с шаманом Я до этого никогда не видел живого шамана. Мне, когда мы шли на встречу с ним, казалось, что он будет одет в перья и выйдет на крыльцо с бубном.

На самом деле оказалось не так. Дом его, стоявший на окраине поселка, оказался неказистым, да и он сам, вышедший на крыльцо в мятой рубашке без одной пуговицы, показался

мне обычным эвенским* старичком из серии «божьих одуванчиков». Ни о каких перьях и бубне не было и речи. Он даже не пригласил к себе домой. Мы сели на крыльцо и начали разговор.

Разговор не клеился. Шаман говорил лишь «да» и «нет», а порой ссылаясь на головную боль. И вдруг он спросил:

— А вы не боитесь, что у вас возникнет «оморэк»?

— А что это такое?

— Это «бэлдэн» или «иймряч».

— Ничего не понимаю. Поясните, чего мы должны бояться! — слегка возмутился я.

— Хе-хе! — усмехнулся шаман. — На русском языке это называется мерячением.

— Что такое мерячение? — Я вытаращил глаза.

— Хе! — еще раз усмехнулся шаман. — Вы приехали сюда совсем не подготовленными. Вы что, не изучали документы НКВД об этом?

— Нет, — искренне выпучив глаза, ответил я. — Мы приехали сюда искать пропавший самолет Леваневского. Говорят, он упал где-то здесь. Помогите нам, пожалуйста!

— Здесь упало много самолетов, — тихо произнес шаман, не обращая внимания на искренний призыв в моем голосе.

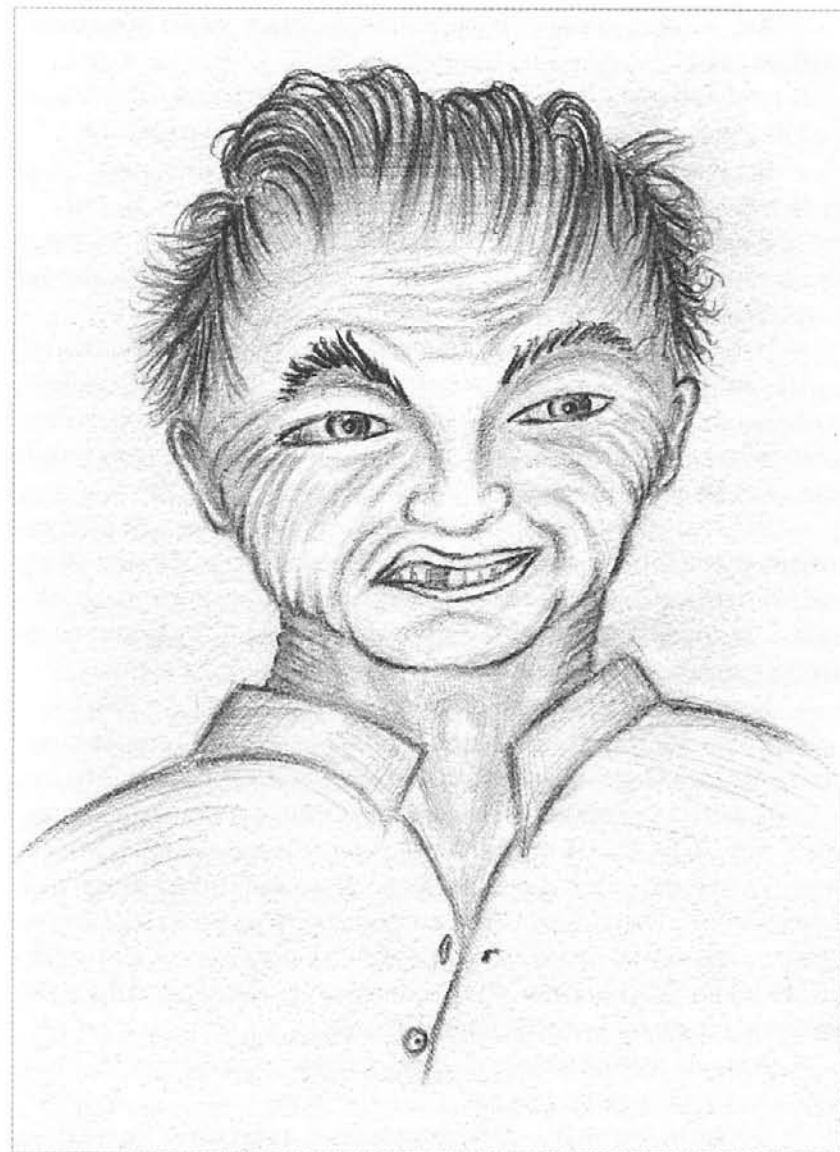
— А почему они падают именно здесь? — продолжал напирать я.

— Хе! — очередной раз усмехнулся шаман. — Вы ничего не понимаете в Огне!

— В каком таком огне?

— Хе! Слово «шаман» переводится как «повелитель Огня». Вы должны бояться Огня!

— Даже огня костра, что ли?! — с негодованием вырвалось у меня. — Почему мы должны все время чего-то бояться, бояться...? Может и своей тени бояться?

Шаман

* Эвены — малочисленная нация, живущая в Якутии и занимающаяся оленеводством.

— Хе! — Глаза шамана повеселили. — Вы должны обязательно бояться!

Я почувствовал, что мое лицо налилось краской.

Увидев это, шаман еще больше повеселел и сказал:

— Вы как дети седьмого неба. Это хорошо.

Я почувствовал, что мы чем-то приятны шаману.

— Вы как дети, как дети, — продолжал шаман уже с теплыми нотками в голосе, — вы ничего не понимаете даже в седьмом, восьмом... не говоря уж о двенадцатом небе.

— Что это за небеса? — Я очередной раз выпучил глаза.

Шаману понравилось, что мы не имеем никакого апломба, присущего «белым людям», и смотрим на него, шамана, как на кладезь знаний, которые могут помочь приоткрыть завесу тайны над этой Зоной.

— Эх! — вздохнул шаман. — Вы ничего не понимаете в шаманизме. Вы не знаете, что шаманами не рождаются. Шаман — это избранный человек. Его выбирают Духи, которые сильнее, чем люди, и которые ведут шамана по небесам — от первого до двенадцатого.

— Как так... ведут?

— Ведут, да и все! — отрезал шаман. — Жизнь, это не только слова, еда и дети. Жизнь — это Огонь! А Огонь это Мысль! У человека со слабыми мыслями мало Огня, с сильными мыслями — много Огня. Огонь идет от Духов, которые дают человеку много или мало Огня. Люди, которых Духи выбирают в шаманы, имеют много Огня. Каждый шаман сдает экзамен на каждом из двенадцати небес, куда взлетает духовно с помощью Огня-Мысли. И не каждый шаман может достигнуть двенадцатого неба, которое отвечает за всю планету Земля.

— А вы на каком небе?

— Хе! Это секрет... для вас.

— Дорогой шаман! — Я пристально и доверчиво посмотрел ему в глаза. — А почему здесь, в этой Зоне, гибнут самолеты? Шаманы, что ли, это делают?

— Хе! Шаманы слабее, чем Зона.

— ...??? — Я вопросительно взглянул в его глаза.

— Хе... хе! Здесь летчики начинают мерячить. Зона заставляет...

— Объясните, пожалуйста, что такое мерячение или... как там... «омрочэ», — попросил я. — Это что-то страшное?

Шаману явно понравилась наша искренность, искреннее любопытство и... искренний испуг в глазах. Он поднял на меня глаза и, посмотрев как на неразумное дитя, стал объяснять:

— «Бэлдэн», «оморэк», «иймряч» или, по-русски, мерячение есть перевод человека в послушное состояние, когда он беспрекословно выполняет команды, которые ему дают. Скажешь человеку — приседай, он и будет приседать до упаду, скажешь — умирай, он пойдет умирать с радостью. Ему, меряющему, все нипочем. Иногда, правда, мерячение бывает агрессивным, когда человек хватается за нож или ружье и убивает других, но его можно остановить командой, например: «Приседай!!!» Он тут же бросит нож или ружье и начнет послушно приседать.

— Неужели такое возможно?! — воскликнул я.

— Хе!!! — вновь хихикнул шаман. — Конечно, возможно. Это не так уж трудно сделать. Люди, которые будут мерячить, даже спасибо будут говорить... не надо им думать и сомневаться, правильно ли они что-либо делают. Люди ленивы и не хотят думать, у людей мало Огня.

— А в поселке есть мерячащие люди? — спросил я.

— Есть две старухи, но они сейчас в стаде.

— Как так... в стаде?

— Они кочуют со стадом оленей.

— Не понял?

— Нет, они не превратились в оленей, — стал разъяснять шаман. — Они живут вместе с оленеводами в палатке. Они люди. Скажут старухе бежать за оленем, она и побежит, как олень. А сколько силы дает ей мерячение! А знаешь, как важно оленеводу мерячить, чтобы не дать стаду оленей разбредиться! Две эти мерячащие старухи пятерых молодых оленеводов заменяют. Духи дают им силу. Только надо четко дать старухе команду,

Бегающая старуха

чтобы... за Верхоянский хребет не убежала. А то, ведь, если скажут старухе — беги прямо, она и будет бежать прямо, даже через вершину горы напрямую будет бежать. Силы-то много... у старухи. Надо четко говорить: «Вон, видишь оленя, отделившегося от стада? Забегни с другой стороны и гони оленя сюда, к стаду». Если плохо дашь команду, то старуха может убежать... а там, ищи ветра в поле! Для старухи главное — команда!

— А быстро бегают эти старухи? — решил уточнить я.

— Ну... — замешкался шаман, — медленнее, чем собаки, но быстрее, чем люди. Не устают старухи. Люди устают. Собаки тоже. А старухи нет.

— Какие старухи, а! — вырвалось у меня.

— Духи им дают силу, — подчеркнул шаман.

— А почему вы все время говорите о старухах? А старики или молодые люди могут мерячить?

— Лучше мерячат женщины. Мужчины хуже мерячат; они часто становятся агрессивными и могут убить даже того, кто им дает команду. Поэтому повелось так, что в мерячение надо вводить лучше женщин. Молодых женщин жалко, им надо рожать и воспитывать детей. Поэтому мы вводим чаще всего в мерячение старух. А что?! — Шаман свернул глазами. — Что? Старухе лежать и жаловаться, что у нее болит бок?! Ей самой это

неприятно, когда болит бок. Пусть уж лучше померячит и погоняет, как молодая, оленей.

— Как часто вы заставляете старух бегать? — Я захопал глазами.

— Как попросят родственники старухи, — ответил шаман. — Если уж совсем сильно болит бок у старухи, они просят. Но я слишком непослушных старух не беру. Они, по причине старости, могут не понять команду и... убежать за Верхоянский хребет.

— А... — мой голос задрожал, — старуха, наделенная силой Духов, может заниматься сексом... так же, как бегать?

— Конечно может, — без сомнения сказал шаман. — Такая старуха, если дать ей команду, может заставить старика так делать... это, что старик может умереть на ней. Не выдерживает силу Духов тело старика. Многие старики умирают на старухах.

— А сколько человек вы, шаман, ввели в мерячение?

— Да кто их считал?! — расхохотался он. — Когда попросят, заставляю старуху бегать, чтобы не жаловалась на бок. Полезно это в оленеводстве. Пусть бегают, чем лежать в чуме.

— Я преклоняюсь перед вами! — вырвалось у меня.

Шаман добро посмотрел и сказал, как бы извиняясь:

— Это, ведь, нужно в суровых условиях. Надо, ведь, выживать.

— Я понимаю, — тихо проговорил я.

Наступило молчание. Лицо шамана, которое бороздили многочисленные морщины, показалось мне уютным и приятным. Я почувствовал, что плохого он нам не сделает.

— Эх! — проговорил шаман. — Во время сталинских репрессий было уничтожено 460 шаманов. Мерячение пришло в упадок. А вместе с этим уменьшилось количество «бегающих старух». Оленеводство упало... из-за старух. Как мало сейчас шаманов, как мало! Духи отвернулись от нас! Духи не выбирают новых шаманов! Мало стало людей, чтобы Духи выбирали их шаманами! Духи разочаровались в нас. Эх!!! А, ведь, были времена, когда шаманы могли вводить людей даже в многовековой

сон*, чтобы они, проснувшись... хоть под водой, хоть в пещере... дали новую жизнь по старым законам. Эх! Как плохо, что уничтожили шаманов!

Шаман горько вздохнул, а потом продолжил:

— Ну, зачем надо было уничтожать шаманов? Что плохого они сделали?! Бегающих старух не стало. Сейчас все старухи лежат в чумах и жалуются на бок. Олени стали разбегаться. Эх, сколько глупых людей было в НКВД! Они, эти «люди в сером», которые следили за всеми, разочаровались в главном шамане, на которого делали ставку, — Агване Доржиеве — буряте по национальности по кличке «Шамбала», жившем на Тибете. Он, как говорят, должен был привести революционера Якова Блюмкина к дверям в Шамбалу, чтобы советские революционеры вперед немцев овладели великой Силой Шамбалы и за счет нее завладели всем миром. Но в последний момент Агван Доржиев, послушав шепот Духов, сказал, что Духи запрещают дотрагиваться до этой Силы. Тут и... наступило разочарование в шаманах, которые, почему-то, слушают Духов, а не революционеров. Вот и понеслись репрессии среди шаманов! Революционеры, ведь, не понимают, что Духи сильнее Ленина и Сталина!

— М-да, — только и проговорил я.

— Вот так вот, — угрюмо выдавил из себя шаман. — Зона потеряла шаманов!!! Зона, которая давала Силу шаманам, потеряла их... из-за этих Блюмкиных!!! Зона стала одинокой!!! Зона стала мстить!!! Зона создала золотые кладбища!!! Зона начала ненавидеть тех, кто не верит в Духов!!! Если раньше здесь бегали старухи, то сейчас здесь лежат самолеты. Зона не прощает подлости!

Наступило молчание. Я тепло глядел на шамана. Он тоже тепло смотрел на нас.

— А шаманы Зоны сильнее, чем обычные шаманы? — задал я вопрос.

* В то время я ничего не знал о феномене Сомати, который мы изучали во время гималайской экспедиции 1996 года. Тогда, в 1982 году, я и представить не мог, что человек за счет медитации может ввести свое тело в состояние самоконсервации, которое может длиться... тысячи и даже миллионы лет.

— Конечно сильнее! — утвердительно сказал шаман. — Зона — место Силы, поэтому к шаманам здесь предъявляются более высокие требования.

— Шаман! Вы такой умный! У вас такой богатый русский язык...

— Я — шаман Зоны, — ответил он.

— А все-таки, — я пристально посмотрел на него, — самолеты падают здесь потому, что летчики начинают мерячить?

— Да, — шаман разочарованно махнул рукой, — мерячение вырвалось из оков. Раньше, когда шаманов было много, они могли регулировать мерячение, направляя его на бегающих старух. А сейчас... хоть кто может замерячить в Зоне: будь то оленивод, будь то летчик... У мерячащего человека нет страха перед смертью. Мерячащий человек, накаченный силой Духов, ничего не боится, — ни стужи, ни холодов, ни расстояний... Не зря ведь бегающие старухи могут убежать за Верхоянский хребет. Вот только...

— А значит, — решительно перебил я шамана, — если летчик в Зоне замерячит, то получается, что... «смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в бою». Такой летчик смело пойдет на посадку туда, где его поджидает смерть. Так это?!

— Это так, — почти прошептал шаман. — Зона видит Будущее и знает, когда и кого... Шаманы уже не могут регулировать силу Зоны. Шаманов уже мало.

— Дорогой шаман! — обратился я к нему. — А как нам, экспедиции, изучающей Зону, не замерячить?

— Хе! — Лицо шамана скривилось в ухмылке. — Вам очень трудно будет не замерячить. Я боюсь за вас, вы можете погибнуть. Кроме того, здесь очень много людей черной стороны Зоны.

— Что это за «черная сторона Зоны»?

— Это желтая сторона или... золото в могиле, — отрезал шаман.

— Поясните?!

— Да стоит ли! И я, ведь, здесь живу... мне тоже хочется жить. Я — шаман белой стороны Зоны, которой противодействует

черная сторона. Никто не знает, какая сторона победит! Вы, экспедиция, не всесильны... вы ведь тоже можете замерячить.

— М-да, — только и проговорил я. — Тогда мы станем, как «бегающие старухи»... Эх!

— Хочу вам дать совет, — продолжил шаман, — не старайтесь быть в Зоне такими же, как другие люди. Старайтесь быть другими... как дети. Как дети!!! Белая часть Зоны сильнее, чем черная, — она зачтет это. И еще один совет хочу я вам дать, — подвергайте сомнению каждую вашу мысль, — а вдруг она наведенная и... смертельная.

— Спасибо, шаман! — прошептал я.

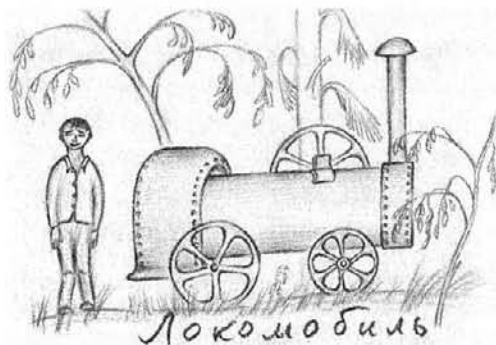
— Счастливо. Кстати, посмотрите локомотив.

— Ладно. А где он?

— Люди вам покажут. Люди вам будут помогать. Я скажу им. А еще... еще скажу я вам, — не трогайте золото!

Локомотив На следующий день весь поселок уже знал, что шаман поддержал нас. Люди стали смотреть на нас по-доброму и стали, вроде как, меньше напоминать зомби. У них, вроде как, открылись глаза, а пресс тайны, которую нужно было все время держать в душе, стал, вроде как, ослабевать.

— Вы как дети, оказывается! Так сказал шаман. Хорошо, что вы... дети! Детям можно верить. Дети не обманут, — сказал кто-то из жителей.

Я понял, что наша надежда на силу Искренности оправдалась. Да и фраза шамана «Будьте как дети!» не выходила из головы... жизнеутверждающе не выходила, как будто намекая, что иное поведение... чем детское...

приведет к мерячению, наведенному Зоной, с последующим лихачеством под девизом «Смерть не страшна...».

Мы попросили людей показать нам тот самый локомотив, про который говорили не только шаман, но и радист Пилясов, и вертолетчик Попов. Оказалось, что он стоит в пяти километрах от поселка Семян-Кюэль в лесу. Какой-то местный мальчик с печальными глазами сопровождал нас туда.

Когда мы дошли до локомотива, то увидели, что это, собственно говоря, небольшой паровозик с колесами для узкоколейки. Но никаких рельсов не было.

Местные жители рассказали, что его завезли сюда в 1953 году, притащив на тракторах по зимнику из Якутска и преодолев расстояние более чем 600 км. Всем сказали, что локомотив завезли, чтобы он вырабатывал электричество для жителей поселка. Однако угля не завезли. А тайга здесь чахлая, дрова, на которых тоже может работать локомотив, найти трудно. Так и не получилось, чтобы локомотив давал электричество. Более того, его, почему-то, первоначально установили не как сейчас, рядом с поселком, а на другом конце озера Семян-Кюэль — примерно в 35 км от поселка, и протянули оттуда провода в поселок, повесив их... на ветки деревьев. Для приличия, вообще-то, протянули провода, которые вскоре порвались во многих местах падающими деревьями. Ветры-то здесь сильные! Странно это!

Но еще более странным было то, что рядом с локомотивом стали появляться русские люди, которые что-то тайно искали. Они встречались с местными шаманами и требовали от них, чтобы те показали вход в... Зону. Шаманы говорили им, что входы находятся под водой озера, но русские не верили им и требовали показать наземный вход. Некоторые шаманы исчезли после этого. Зато появились двое русских — Дворжанов и Слюбченко, которые стали жить около локомотива постоянно, вначале в землянке, а потом построив избы. Кто они были? Никто не знает. Может, дезертиры? А, может, они охраняли локомотив... хотя кому он был нужен! Иногда они ходили далеко на север на озеро Неля, где в одном затаенном месте есть

рельсы на шпалах, но... локомотива нет. Оба они женились на местных эвенках и имели детей, которые всегда чего-то боялись и держали «язык за зубами». Во времена Брежнева они оба — Дворжанов и Слюбченко — вдруг куда-то исчезли вместе со своими семьями, оставив избы.

Слушая все это и вспоминая некоторые намеки во время разговоров с Пилясовым и Поповым, я волей-неволей стал приходить к выводу, что локомотив завезли сюда отнюдь не ради электричества в Богом забытом поселке Семян-Кюэль, а с какой-то очень важной целью, которую можно было объяснить не иначе как... желанием построить дорогу в подземный мир (через какой-то проход туда), чтобы достигнуть центра загадочной Зоны и овладеть секретами воздействия на умы людей, что, вообще-то, может дать власть над всем миром. Не зря сюда приезжали какие-то русские, не зря оставили здесь Дворжанова и Слюбченко, не зря допрашивали шаманов... Все ради того, чтобы «въехать» в подземный мир, где столько загадочной Силы, столько... аж жуть! У меня сложилось впечатление, что советская разведка в лице НКВД знала о Зоне и... очень хотела опередить весь мир, памятуя, что и Гитлер стремился достичь подземного мира ради овладения новыми энергиями.

О, как многого я не знал тогда! Я и думать не смел, что через много-много лет, а именно в 2008—2009 годах, во время двух экспедиций на острова Крит и Делос (Греция), мы найдем реальные доказательства, что Гитлер строил узкоколейную железную дорогу в подземный мир через Лабиринт Минотавра и привез туда локомотив. Я и представить не мог грандиозность Лабиринта, в котором мне удалось побывать и осознать невообразимую мощь подземного мира, к которому стремились Гитлер и Сталин, полагая, что туда... можно въехать на локомотиве. Я ощутил на себе бешеные энергии Лабиринта, я понял «закон игольного ушка». Но самое большое удивление у меня вызвала так называемая «цепь Лабиринтов», рассчитанная гениальным математиком Шамилем Цыгановым, одна из точек которой выводит... точно в район озера Семян-Кюэль в Якутии. Неуже-

ли НКВД СССР догадывался об этом, планируя, как и Гитлер, въехать в подземный мир на локомотиве через якутский Лабиринт?! Неужели НКВД СССР понимал, что Лабиринт ведет себя как живое существо, то открываясь (на поверхности земли или под водой), то закрываясь... и нужно только дожидаться этого момента?! А может быть, как предполагает Попов, локомотив завезли сюда для того, чтобы вытащить из озера затонувший самолет Леваневского?

Сейчас, когда НКВД, да и сам СССР давно канули в лету, ответить на эти вопросы сложно. Тем не менее, складывается впечатление, что сотрудники «тайной полиции СССР» — НКВД (что расшифровывается как «народный комиссариат внутренних дел») — были «не лыком шиты». По крайней мере, они четко следили за деятельностью гитлеровской эзотерической организации «Аненербе» и старались в чем-то ее копировать... например, в стремлении въехать под землю на локомотиве. Да и шаманов они не оставляли в покое, буквально требуя у них открыть источники «новой силы». Вот только зачем они расстреляли так много шаманов? Хотя... и Гитлер был не лучше, сгноив в концлагере Маутхаузен лучших шаманов Европы.

А тогда, в августе 1982 года, когда я стоял и смотрел на «якутский» локомотив, я обратил внимание на мальчика-эвена, который привел нас к нему. Он явно чего-то боялся. Колени его были подогнуты, руки опущены, лицо имело страдальческий вид. Я спросил мальчика:

— Чего ты боишься?

— Его. — Мальчик показал рукой на локомотив.

— Это же всего лишь заржавевшее железо. Чего его бояться-то?

— Нет, — мальчик вытер руками сопливый нос, — мои родители говорили, что локомотив принес в поселок беду. Самых лучших людей убили, старухи начали болеть... Родители мне запретили играть с железом и... с золотом.

**Никогда не играй
с золотом, сынок!**

У меня выпучились глаза.

— Ты и с золотом играл что ли?!!!

— Да, — пацан виновато провел по носу.

— А где ты его нашел?

— На том конце озера, — пацан показал рукой. — Иду по берегу, смотрю, что-то блестит в воде. Зашел в воду и стал доставать. Но тяжелым оказалось. Тяжелее, чем камень. Еле вытащил. Желтое такое. На буханку хлеба похожее.

Мы переглянулись. Было похоже, что мальчик нашел слиток золота.

— Я немножко поиграл с золотом, а потом пошел домой, — продолжал он. — Хорошо, что палатка моих родителей стояла недалеко. Рассказал все родителям. Родители не удивились. Они сильно поругали меня за то, что я трогал золото.

— Что они говорили? — решил уточнить я.

— Они говорили, что никогда нельзя играть с золотом. Никогда не трогай золото, говорили! Это принесет беду! А еще они говорили... — мальчик замешкался, — они говорили, что есть люди, которые очень любят золото. Это люди черные, не понимающие белых шаманов. Эти люди плохие. Они могут убить ради золота. Они убивают всех ради золота. Они любят не людей, а золото. Они... они...

— Что?

— Они хоронят золото.

— Как, хоронят???

*Никогда не играй
с золотом, сынок!*

— Не знаю, — мальчик виновато посмотрел на меня, — так говорили мои родители.

— Для чего они хоронят золото? — стал я напирать на пацана.

— Не знаю. — У него чуть ли не выступили слезы на глазах.

Наступило молчание. Мне стало жалко пацана, которого я мучал вопросами.

— Они пользуются захороненным золотом? — деликатно задал я вопрос.

— Не знаю, — пацан жалобно посмотрел мне в глаза. — Но я знаю... знаю, что это золото охраняют черные Духи. Надо бояться этих Духов. Так говорили мои родители.

— А ты не устал все время бояться и бояться?

— Я привык бояться, — мальчик потупил взгляд.

Когда мы возвратились в поселок, я вышел на крыльцо, закурил и стал думать. Я понимал, что в этой Зоне воистину надо всего бояться, чтобы не попасть под мерячение и чтобы не оказаться в «золотой ловушке». Но также я осознал и силу Искренности, которая способна сломить многие препятствия.

Следующий день мы решили начать с опроса населения, чтобы ответить на вопрос — существовала ли и в самом деле «доска Попова», с которой все, собственно говоря, и началось.

ГЛАВА 5

Куда же исчезла «доска Попова?»

Как бы доверительно не звучали слова вертолетчика Попова, как бы косвенные доказательства не «тыкали нас носом» на предполагаемое место гибели экипажа Леваневского в районе якутского озера Сегян-Кюэль, все равно вопрос о существовании «доски Попова», на которой была сделана надпись о гибели экипажа, оставался краеугольным камнем.

Нас, конечно, смущало, что эта «доска» исчезла где-то в 1980 году, сгорев в потерпевшем катастрофу вертолете из Жиганска (Якутия), буквально через полгода после обнародования информации о ней. Было, конечно, странно, что имя некой журналистки, которая, вроде бы, взяла на борт «доску Попова», до сих пор не известно... как, кстати, неизвестны и имена погибших вертолетчиков, хотя останки погибшего вертолета найдены.

Я сидел на бревне рядом с деревенской гостиницей в поселке Сегян-Кюэль и думал об этом. Сейчас-то я знал больше. Сейчас я уже понимал, что в этом загадочном месте, называемом Зоной, все не так. Здесь все переплелось: и гибнущие самолеты и вертолеты, и бегающие старухи, и золото... это проклятое золото.

Думал я, думал и пришел к выводу, что кроме взывания к искренности у нас путей нет. И решил я для усиления доверительности начать с медицинского осмотра населения. Как

раз в этот день прилетели наши ребята, среди которых было не просто трое врачей, но и был профессор медицины Николай Петрович Ников.

Медосмотр Честно говоря, мы пошли на некоторую хитрость, понимая, что на медосмотр в этом

заброшенном Богом уголке Земли придет чуть ли не все население, которое мы можем одновременно опросить в отношении экспедиционных целей. А попробуй, дозовись людей, чтобы они сами пришли к вам, да еще и раскрыли душу... в Зоне!

План этот удался. Люди после проведения медицинского обследования охотно раскрывали душу, рассказывая бесценные вещи о падающих здесь самолетах, об обычаях эвенов, о вере в существование подземного мира, о силе шаманов, о Зоне и... о тайне «доски Попова».

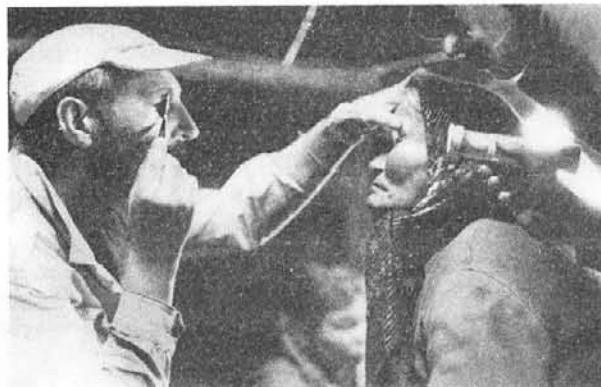

**Профессор
Николай Петрович
Ников**

Но перед тем как я начну писать о «доске Попова», позвольте мне, дорогой читатель, привести некоторые выдержки из моих дневников тех давних лет о том, как шел этот медицинский осмотр. Это, конечно, не очень интересно для вас, но мне это ласкает душу... врач я ведь все-таки.

С утра начинаем осмотр больных в местной маленькой больнице. Работаем в три бригады. Профессор Н. П. Ников консультирует наиболее сложных больных, Сергей Выхрупаев и Амир Салихов курируют хирургию и терапию, а мы с Рашатом Булатовым занимаемся глазными болезнями. Одновременно все доктора, узнав, что пациент что-то знает о погибших самолетах и Зоне, направляют его ко мне, и я его опрашиваю в отдельной комнате, переложив консультации по глазным болезням на Рашата Булатова.

Для осмотра глаз нужна постоянно горящая сильная лампа. Поэтому целыми днями работает движок, вырабатывающий

Осмотр глаз у эвенов

электроэнергию. Нам от этого неловко, поскольку стоимость завозимой на самолетах солянки велика. Но глазных болезней слишком много. К сожалению, отсутствует очковый набор, необходимый для элементарного подбора очков. Неужели нельзя произвести достаточное количество очковых наборов! Даже в этом виден проклятый дефицит... как с колбасой! А за границей, говорят, дефицита ни в чем нет! Неужели жить без дефицита можно!? Из-за этого набора люди для подбора очков должны вылетать в город Якутск или в поселок Сангар, где могут застрять из-за непогоды на 2-3 месяца. Разве это экономически выгодно, когда человек бичует в аэропорту так долго из-за очков?!

С глазными каплями тоже полный кошмар. Обычный альбucid, изредка присылаемый в поселок, имеет срок хранения 3-4 дня, в то время как тот же альбucid в заводской упаковке может храниться несколько лет. Неужели так трудно догадаться, чтобы присылать сюда альбucid с долгим сроком хранения?!

Среди местного населения много долгожителей. Старики, перелезавшие 100-летний рубеж, не редкость в этих краях. Серьезных заболеваний, приводящих к инвалидности или смерти, мы обнаружили немного. Зато много кариеса зубов, ангины, гастрита и конъюнктивита.

Понятно, что много конъюнктивитов, поскольку дым от костра вызывает раздражение конъюнктивы. Понятно, что много заболеваний зубов, поскольку нет стоматологической помощи.

А вот большое количество гастритов непонятно, поскольку эвены имеют традицию кушать часто, прием пищи совершать неторопливо, перемежая с беседами за столом, то есть питаться в том режиме, который наиболее благоприятен для функционирования желудочно-кишечного тракта. Но в дальнейшем мы заметили, что мясо здесь едят недоеденным и плохо пережевывают. Чтобы было сытнее, много употребляют соленой рыбы, а чай пьют очень горячим.

Мы не обнаружили ни одного генетического заболевания. Это очень странно, так как эвены малая нация и у них должны быть близкородственные связи, способствующие наследственной передаче порочного гена. Удалось выяснить, что эвены издревле понимают это и у них есть обычай жениться на женщинах только из другого рода, различающегося по генеалогическому дереву на 5-6 поколений. Понятие «влюбился без ума в близкую родственницу» решительно пресекается шаманами, которые, собственно говоря, и «командуют всем парадом» в отношении предупреждения генетических заболеваний.

Шаманы, по сути дела, и являются «основными врачами» в этих краях, непонятным образом с помощью будна и заклинаний «вышибая болезни» из человека. При этом они, оказывается, не обращают особого внимания на легкие заболевания типа гастрита, конъюнктивита и кариеса зубов, считая их средством лечения самой страшной болезни — зазнайства. Если ничего не болит, то человек быстро зазнается, а человек с болящим зубом вряд ли горделиво поднимет голову. Считается даже, что болящий зуб продлевает жизнь, поскольку зазнавшегося человека убьют Духи. Не в этом ли причина долголетия многих людей в этих суровых краях, где температура зимой достигает -60°C ?

Я еще раз прошу прощения, дорогой читатель, что отвлек вас на не столь интересную выдержку о медицине из моих давних дневников. Но медосмотр здорово помог нам.

А еще помогло нам то, что мы живо интересовались обычаями эвенов, понимая, что интерес к их жизни усиливает доверительность к нам.

**Несколько слов
об обычаях эвенов**

Проводя беседы на эту тему, я всегда помнил наставление местного ша-

мана, звучащее как: «Будьте как дети!» Я даже стал вытаскивать из памяти какие-то эпизоды из моей детской жизни в уральской деревне, чтобы со всей душой окунуться в детскую искренность. Местные жители здорово оценили это, начиная сверкать глазами и как бы выходя из своего полужомбированного состояния. Они даже «входили в раж», рассказывая об обычаях эвенов, и в этом «раже» отвечали на конкретные вопросы по тематике экспедиции, которые я задавал.

Тем не менее, хотя я затягиваю ответ на вопрос, поставленный в этой главе: «Куда же исчезла доска Попова?», я позволю себе снова сделать отвлечение и привести краткие выдержки из моих дневников, касающиеся обычаев эвенов — одной из самых малых наций России, живущей, по сути дела, в самых суровых условиях.

Основная масса эвенов живет в Кобяйском районе Якутии, имеющем территорию, примерно, как Франция. Но эвенов всего около 12 тысяч человек. А французов около 60 миллионов. Говорят эвены на своем языке, который резко отличается от тюркского якутского языка и для меня, знающего татарский и башкирский языки, совершенно непонятен. Чувствуется, что язык эвенов достаточно богат. Эвены имеют монголоидную внешность и сравнительно низкорослы. Когда

Эвены

приглядишься, они достаточно красивы, отличаясь от якутов более мягкими чертами лица. Есть свой вкус в них.

Все эвены говорят тоже на русском языке. Присущий им акцент характеризуется нелепым вставлением гласной буквы (как в испанском языке!!!) между двумя согласными буквами. Например, фамилию «Кривошапкин» они произносят как «Киридашаркин». Первое время трудно понимать, но потом начинаешь привыкать.

Эвены очень не любят давить на других людей, даже своим гостеприимством. Они все время думают: «А вдруг это людям не понравится!», как бы умаляя самих себя. Например, в местной столовой, в которой мы какое-то время питались, однажды на завтрак для нас приготовили чай, оленину и жареную форель, но никто нас не позвал. Мы подумали, что из нас «выжимают деньги», но оказалось, что эвенские девушки просто стеснялись, считая, что «белые люди» с присущим им апломбом должны сами «нагрянуть на еду». А во время завтрака они предложили нам еще и жареные грибы, собранные поутру в ближайшем лесу, не попросив за это денег.

Эвены — кочевники. Они кочуют по безбрежным просторам лесотундры вместе с оленьим стадом. Обычно в оленьем стаде бывает около 1,5 тысячи оленей, которых пасут 5–6 оленеводов. Имеются специальные маршруты для каждого стада, когда за год стадо проходит 300–500 км, останавливаясь на одном месте летом на 6–7 дней, зимой — на 2 месяца. Для оленевода огромной честью является присвоение звания «заслуженный оленевод СССР», а выполнение продовольственной программы КПСС считается чуть ли не стержнем чести человека. Все оленеводческие стада принадлежат совхозам. Частных оленеводов не осталось. Правда, совсем недавно в тундре был обнаружен князь-олeneвод, который жил сам по себе со своим родом, но и его привлекли под «совхозное крыло», присвоив его жене, родившей 10 детей, звание «мать-героиня». Правда, говорят, он повесил эту медаль на себя.

Оленеводы живут в брезентовых палатах с печкой-буржуйкой. Протопить палатку очень трудно, особенно зимой при морозах до -60°C . Спят в меховых спальниках. Лучшие спальники — из шкуры снежного барана. Лучшей одеждой считается малица, сделанная из шкур. Для пошива малиц используют сухожилия оленя, а не нитки. Советские ученые разработали и выпустили палатки из прорезиненной ткани, но оказалось, что

Чучуна

в них летом душно, а зимой холодно. Что уж говорить о новых печках-буржуйках из чугуна, которые и поднять-то невозможно!

Оленеводы-пенсионеры живут, чаще всего, в поселке. Но домов не хватает. Жалко, что не хватает и кирпича для русских печей, которые значительно экономичнее, чем буржуйки. Дрова завозят издалека, чтобы не трогать лес вокруг поселка. Но не все старики могут жить в поселке, — они здесь заболевают и считают, что в поселке шумно. Бегающие старухи в поселке не живут.

Дети чаще всего рождаются в палатках. Новорожденных детей кладут

в деревянное корыто с трухой тополя, которая впитывает мочу и кал. Приемные дети — обычное явление.

В характере эвенов открытость и прямота. Типичны фразы: «Ты плохой человек!» или «Ты хороший человек!» Эвен никогда не возьмет из чужого капкана зверя, а если убил зверя при другом человеке, то отдаст добычу ему. Принято добывать столько, сколько можно съесть. Мясо делят на всех. Больше всего эвены не любят хамая (бродяг), которые могут украсть или убить. Характерно поклонение огню. Первую рюмку всегда выливают в огонь.

Все эвены верят в существование чучуна — снежного человека. Многие видели чучуна. Считается, что чучуна произошли от народа чукчи, которые, будучи одетыми в оленьи шкуры, не меляли ее, в связи с чем одежда прилипала к телу и становилась шкурой.

Эвены никогда не копают землю. Это считается грехом. Когда человек умирает, то труп его кладут на лабаз (настил на дереве), а тропу отводят в сторону. Правда, в последние годы

стали все-таки хоронить людей в земле. Но прикасаться к могиле нельзя. Того человека, кто раскопает могилу, убивают.

Прочитав эти выдержки из моих давних дневников, вы, дорогой читатель, наверное, поняли, что жизнь эвенов, ой-ой, как непроста. Это сплошное выживание! Это вам не жизнь в каком-нибудь Краснодарском крае России, где растут абрикосы и грецкий орех! Здесь ничего не растет. Здесь олень — житница людей.

Но... прошу вас, дорогой читатель, обратить внимание на один, вроде бы незначительный факт о том, что землю копать здесь нельзя и что нельзя прикасаться к могилам. Именно этот факт оказался камнем преткновения, который чуть не погубил нашу экспедицию и вокруг которого развернулись все остальные события, к описанию которых я, наконец-то, приступаю.

Существовала ли доска Попова?

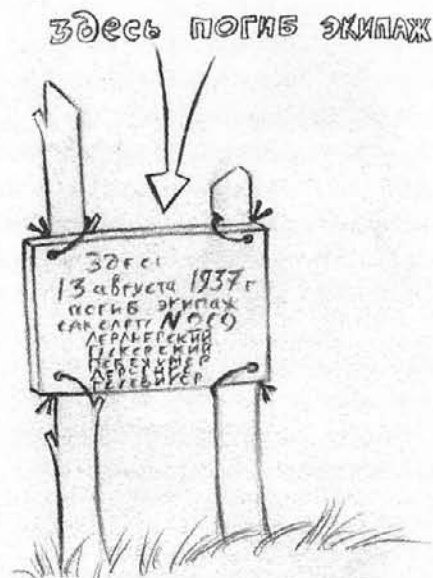
Все началось с попытки ответить на вопрос: «А в самом ли деле существовала доска Попова?» Задавая этот вопрос, я все время держал в голове слова мальчика, игравшего со слитком золота, о том, что здесь... золото хоронят. Но напрямую спрашивать о золоте, вполне понятно, остерегался, понимая, что это очень опасно. Да и не золото искать мы сюда приехали! Плевать я хотел на это золото! Мешает оно только! Но, куда деваться, если Леваневский, возможно, вез золото — дар Советского Союза Америке?!

Однако позвольте мне, дорогой читатель, напомнить вначале в сокращенном варианте описание «доски Попова» самим Евгением Васильевичем Поповым, чтобы сравнить с ним сведения, полученные от местных жителей. Отмечу, что «доску» Е.В. Попов видел летом 1965 года.

Доска размером 40 × 30 см, сделанная явно не из местного дерева, лежала на сухом месте на земле, края ее были присыпаны землей, явно свежей землей. Складывалось впечатление, что эту доску совсем недавно перенесли с другого места, но не решились

выбросить. Кому-то она была дорога. На ней была надпись, обведенная рамкой, в которой явно читалась дата — 13 августа 1937 года. Хорошо врезалась в память латинская транскрипция буквы «N» и пять фамилий, две из которых оканчивались на «...ский». Точно запомнилось выражение «погиб экипаж». Цифру «209» точно не запомнил, но цифру «2» помню. Когда мы возвратились в лагерь, то сразу заговорили о Леваневском.

Во время опроса жителей поселка Сегиан-Кюэль выяснилось, что «доску Попова» видели 16 человек плюс целый класс тогдашних еще школьников, которые ходили в это место на экскурсию. Я хотел бы привести несколько описаний «доски» местными жителями.

Одни люди говорили, что «доска» прикреплена к двум столбикам

Захаров Афанасий Петрович, 41 года, оленевод, рассказал, что в 1963 году на перешейке озера видел два столбика высотой около 1 метра. К ним была прикреплена доска с фамилиями погибших летчиков, которых он не помнит, и была обозначена дата гибели — 1937 год. Четко помнит, что было написано о погибших летчиках, но не было ни слова об их захоронении.

При этом, обратите внимание, пожалуйста, дорогой читатель, что речь идет о двух столбиках и о гибели летчиков (а не о захоронении!).

Следующий свидетель:

Андреев Петр Афанасьевич, 36 лет, заместитель руководителя совхоза, видел «доску» три раза — в 1953, 1963 и 1964 годах. Его отец сказал, что здесь разбился самолет. Помнит, что доска была прибита к двум столбикам высотой около 1 метра (один выше другого!) и на ней было написано, что здесь погибли летчики. Точно помнит слово «экипаж». Помнит также, что доска была повернута на восток, как делают русские. Год гибели не запомнил. С 1965 года он эту доску больше не видел, хотя в этом месте был много раз. Куда-то она исчезла.

Дорогой читатель! Обратите, пожалуйста, внимание на то, что доска была прикреплена опять-таки к двум столбикам, один из которых был короче, а на доске было написано о гибели (а не о захоронении!) экипажа. Кроме того, доска исчезла где-то в 1965 году.

Еще одно свидетельство такое:

Кривошеев Гаврила Геннадьевич, 46 лет, главный оленевод совхоза, видел доску на перешейке озера, тоже на двух столбиках (один из которых был короче!), и где было написано, что здесь погиб... точно погиб... экипаж в 1937 году. Никого здесь не хоронили!!! Это место гибели экипажа! Захоронения здесь нет. Оно в другом месте... в другом... помню еще, что странная фигура, напоминающая «N», была нацарапана на доске. Глубже всех была вырезана эта фигура — «N». Леваневского ищите, да???

Дорогой читатель! Прочитав это очередное свидетельство, обратите, пожалуйста, ваше внимание не только на упоминание о гибели экипажа в 1937 году и на латинскую букву «N» (самолет N-209!!!), но и на то, что этот разговор шел очень нервно, когда запутанно утверждалось, что захоронения тел летчиков здесь нет, а оно в другом месте. И запомните, пожалуйста, эту фамилию — Кривошеев Гаврила Геннадьевич, — она всплывет при весьма серьезных... золотых... обстоятельствах.

Следующее свидетельство имеет несколько иной характер:

Семенов Дмитрий Спиридонович, 55 лет, в 1965–1967 годах жил в избе Слюбченко в районе перешейка озера Сегян-Кюэль. Он занял эту избу после того, как много лет назад появившиеся вместе с локобилем двое русских (Слюбченко и Дворжанов) неожиданно исчезли со своими семьями, а избы остались. Они чего-то очень боялись в последние годы. О золоте говорили. Недалеко от дома Слюбченко стоял столб, глубоко вкопанный в землю, на котором был спил, где была прибита доска. На доске было написано, что здесь похоронены (!!!) летчики самолета, который погиб здесь. Доска была не очень старой. Буквы на доске были вырезаны ножом. Дату захоронения он не помнит. Это был один столб, а не два. Точно один, а не два столба! Точно было написано — «Здесь похоронены», а не «Здесь погибли».

Дорогой читатель! В этом свидетельстве обратите, пожалуйста, внимание, прежде всего на утверждение, что здесь были именно похоронены (!!!) летчики и на то, что доска была прикреплена к одному столбу, (а не к двум!!!), глубоко врытому в землю. А что касается судьбы странных русских людей — Слюбченко и Дворжанова (хранителей локобиля!), то, вполне возможно, их могли где-то в 1964–1965 годах просто убрать... из-за золота, о котором они, возможно, что-то узнали.

Еще одно свидетельство мне бы хотелось представить вашему вниманию, дорогой читатель:

Федоров Клим Владимирович, 50 лет, разнорабочий совхоза, видел в районе перешейка озера Сегян-Кюэль один (!!!) столб, куда была прибита доска, на которой было написано, что здесь захоронены (!!!) летчики погибшего экипажа. Столб был высотой около 1 метра. Также он видел на другой стороне протоки между озерами еще и два столба, где тоже была доска о том, что здесь погиб (!!!) экипаж какого-то самолета. В общем, было

две доски: на одной написано — «здесь похоронены», а на другой — «здесь погибли». Видел это в 1959 году. Считает, что здесь что-то нечисто.

Дорогой читатель! Вы, наверное, начали уже догадываться, что здесь и в самом деле все не так уж чисто. Складывается впечатление, что было две «доски Попова»: одна — на которой написано «здесь погибли», другая — на которой написано «здесь похоронены». Существование доски с надписью «здесь похоронены» подтвердили также многочисленные школьники, которые ходили классом на экскурсию и видели доску с этой надписью именно на одном столбе.

Вроде бы, пора уже делать вывод. Тем не менее, позвольте мне привести еще одно свидетельское показание, причем привести более подробно:

Устинова Лира Владимировна, 48 лет, воспитательница детского сада, видела на перешейке один столб высотой около одного метра, на котором была прикреплена дощечка размером где-то 40 × 20 см. На ней было написано по-русски «Здесь похоронены летчики», а также перечислены несколько фамилий. Какие фамилии, не помнит. Точно помнит фигуру «N», а за ней шли какие-то цифры. Но цифры не помнит. Все говорили, что здесь упал самолет. Но она сомневается, что погибших летчиков похоронили, хоть и было написано, что «здесь похоронены летчики».

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕННЫ
ЛЕТЧИКИ

Другие люди говорили,
что «доска» была прикреплена
к одному столбу

Подумайте сами,
что же там похоронено!

— Почему вы сомневаетесь? — спросил я ее.

— Многие рассказывали, что один летчик оставался жив, а остальные погибли. Но, — Лира Владимировна хихикнула, — разве может один человек похоронить столько людей?! Фамилий-то на доске было написано много — то ли пять, то ли шесть!

— А почему нет? — возразил я.

— Хм, — Лира Владимировна усмехнулась, — извините, а вы пробовали копать вечную мерзлоту?

— Нет... еще.

— Копать ее невозможно. Даже лом не берет. Это как дерево крошить ломом.

— М-м...

— Есть только один способ копать землю, — продолжала она, — надо докопать до вечной мерзлоты и ждать, когда она подтает. А это от погоды зависит. Максимум на 10 сантиметров в день оттаивает земля. Люди, копавшие здесь землянки, знают это хорошо. Мой отец, например, копал землянку. Не один месяц и только летом можно копать землянку.

— М-да.

— Поэтому мы, эвены, не хороним людей в земле. Разве можно столько времени потратить на могилу? Олени разбредутся!

— Я понял ваши сомнения, — задумчиво произнес я. — Если, и в самом деле, один из летчиков оставался жив, то для захоронения нескольких своих товарищей ему бы пришлось совершить титаническую работу, которая бы растянулась на очень долгое

время. Да, к тому же, оставшийся в живых летчик был, скорее всего, ранен.

— Да никто никого не хоронил! — прервала меня Лира Владимировна.

— Почему? — я взметнул на нее глаза.

— А... — несколько замешкалась она, — люди видели, что других летчиков вода выбросила на берег... вороны выклевали глаза.

Я вспомнил мальчика, который играл со слитком золота.

— А что же там похоронено? — спросил я.

— Не знаю, подумайте сами! — Лира Владимировна пристально посмотрела мне в глаза.

— М-м, — только и промычал я.

— Могилы зовут друг друга... — тихо промолвила она. — Здесь много могил.

— Как понять?!

— А! — отмахнулась Лира Владимировна.

— Как понять? — повторил я.

— Только не играйте в... могильные игры, — она добро посмотрела на меня.

— А доску с такой же надписью, но прикрепленную к двум столбикам, вы не видели? Там, вроде как, написано — «здесь погиб экипаж...», а не «здесь похоронены летчики...».

— Сама я не видела. Но, говорят, такая доска есть... вернее, была.

— А Зона...?

— Не Зону надо бояться! — коротко бросила Лира Владимировна.

Итак, прочитав все это, вы, дорогой читатель, наверное, убедились, что «доска Попова» и в самом деле существовала. Об этом говорят: надпись о погибших летчиках, упоминание 1937 года, упоминание слова «экипаж», часто упоминаемая латинская буква «N» и кое-что другое. Получается, что вертолетчик Е. В. Попов, видевший «доску», говорил правду и ... что экипаж Леваневского, скорее всего, погиб здесь.

Но как объяснить, что «доску Попова» видели как минимум в трех местах: на одном столбе (где написано «здесь похоронены»), на двух столбиках (где написано «здесь погиб») и лежащей на земле, как видел Е. В. Попов? Вот тут-то и начинается интрига, которую можно интерпретировать не иначе как, что хоронили... золото, извлеченное из самолета Леваневского, и переносили его из... могилы в могилу, когда появлялись тревожные обстоятельства.

Поняв все это, мне, честно говоря, захотелось плюнуть и уехать отсюда. Жизнь-то дороже! Но азарт, этот проклятый азарт исследователя вел вперед. Я еще не знал, что из-за этого азарта в этих краях погибнет два человека.

В общем, мы приступили к наземным поискам. И, прежде всего, мы начали с анализа могил в данном районе озера.

Наземные поиски.

Прочесывание местности.

Ночной визит

Базовый лагерь мы разбили в районе перешейка озера, недалеко от того места, где вертолетчик Е. В. Попов

видел «свою» доску. Поставили палатки, натянули брезентовый тент, натаскали дров. Все как обычно — по-походному.

Вот только соседство с этим местом меня беспокоило. Не по себе было. Ну а куда деваться? Не будешь же ходить и исследовать это место за 35 километров от поселка. Я, кстати, попросил ребят периодически брать бинокль и осматривать соседние сопки. Да и просить не надо было; ребята сами понимали это.

Мы не стали надеяться, что местные жители покажут нам то, что надо. Мы решили вначале сделать подробную разведку, а потом банально прочесать всю местность, составляя карту-схему, которая на туристическом языке называется кроком. Подозрительные участки мы отмечали на местности оранжевыми флажками.

Любопытной оказалась проверка эффективности прочесывания местности, когда «прочесывающие» ходят зигзагами по определенному маршруту. Во время одной из разведок мы

с Амиром Салиховым нашли две эвенские могилы. А я взял да и отправил туда трех «прочесывающих», каверзно думая: «Найдут ли?!» Прошло какое-то время, ребята возвратились и сказали, что они нашли две эвенские могилы.

— Молодцы! — помню, воскликнул я. — Прочесывание местности эффективно!

В итоге выяснилось, что в этом, достаточно обширном районе, этак 10 × 7 км, существует 8 могил, которые и могли быть... «объектом захоронения золота». Я понимал, что, если мы обнаружим слитки золота, то по номерам, поставленным на них, сможем выяснить принадлежность его к дару Советского Союза Америке, который вез Леваневский в 1937 году. О, каким романтичным дураком я был тогда! Быть «рисковым человеком» хорошо и даже, вроде как, престижно. Но быть «рисковым дураком», извините, плохо. Так вот, и был я тогда этим самым «рисковым дураком», который «под наблюдением безмолвных сопкок» ходил и анализировал могилы, как бы стараясь определить — в какой же из них лежит золото Леваневского.

Все это продолжалось до тех пор, пока откуда-то сбоку из леса не вышел какой-то неказистого вида человек и грозно сказал, что, по местным обычаям, тому, кто тронет могилу, не миновать смерти. Я, послушав это, как говорится, все понял и даже немного подзапис. Азарт с элементами апломба «белого человека» начал поутихать. Жизнь-то была дороже! Иногда, правда, в душе у меня закипало и праведные слова типа «нам же не золото нужно, а истина

о гибели экипажа Леваневского!» пронеслись в моей голове, но... реалии жизни диктовали свои условия.

Сидел я на бревнышке поздно вечером у костра и думал. Курил, конечно. А потом я залез в палатку, достал оттуда поганно-зеленого цвета бутылку с надписью «Спирт питьевой» и, разбавив его в кружке водой из озера, выпил... горько выпил, вспоминая слова из песни военных лет:

*И пил солдат
Из медной кружки
Вино с печалью пополам.*

Не по себе было мне. А когда тебе не по себе, то, наверное, надо искать причину в себе. И я ее искал, дорогой читатель, искал. Страстно искал, разбавляя спиртом. Искал, искал... и, наконец-то, понял, что я слишком рано начал выходить из состояния «битого жизнью», когда твоей единственной путеводной звездой была по-детски непосредственная Искренность, которая «облегчает Душу», взывая к тому неразумному периоду жизни, когда человек смотрит на мир беззащитно детским взглядом и не требует ничего, кроме как, может быть, душевной чистоты. Я понял, что во мне появились командные нотки и... начало отступать то, на чем настаивал местный шаман: «Будьте, как дети!» Я понял, что я стал хуже... за короткое время хуже. А также я понял, что если я стану еще хуже, то в этих краях, которые называют Зоной, я могу замерячить, поведя всю нашу экспедицию к гибели — тупой бездумной гибели.

Помню, я еще налил себе спиртика из поганно-зеленой бутылки в кружку, сходил на берег озера, черпанул ладонью водицы, налил ее в кружку из ладони и здесь же, на берегу, с удовольствием выпил. Без закуси. Воды выпил вместо закуси, бескультурно зачерпнув ладонью и с хлюпаньем засосав ее в рот. Была ночь. Было тихо. Ветра не было. Ночная птица кричала где-то вдали. А мне стало легче, намного легче. Снова вернулось детское восприятие жизни, а вместе с ним ночь ста-

ла казаться прекрасной, якутская тайга — уютной, а люди, эти самые люди, которые хоронят золото, — хорошими и добрыми. Я осознал, что вот сейчас, когда из меня... вместе со спиртом... вышел весь шлак уверенного в себе белого человека, я смогу... смогу посмотреть на кого-либо в этом поселке с такой доверительностью, что он поймет, что я не враг, что мне плевать на золото, что... существуют еще другие критерии жизни, те критерии, которыми пользовались, может быть, какие-то древние цивилизации и когда мир был иным — чистым-чистым, как стеклышко.

Все ребята спали. Я подошел к костру. Пододвинул бревна. Пламя красиво охватило их, завораживая своей первозданностью. Я взглянул на поганно-зеленую бутылку со спиртом, но сказал себе: «Хватит!» А на душе было хорошо. Полегчало мне.

И вдруг я услышал звук шагов. «Хрум, хрум!» — послышалось мне. Я насторожился. Звук повторился.

Я пулей бросился в палатку, нащупал там свое ружье, взял патронташ и, без света зная, где в патронташе лежат пули, вложил их в оба ствола. Я не выходил на свет костра, оставаясь рядом с палаткой в тени.

— Хрум, хрум! — повторились шаги.

В свете костра выступила фигура человека. Я увидел у него ружье. Чувствовалось, что этот человек очень боится. Его даже трясло. Он робко озирался.

Я выступил из темноты, держа ружье на изготовку. Он увидел меня и тоже взялся за ружье.

Ночной визит

— Стой!— прорычал я. — А то я убью тебя.

При виде направленного на него ружья этот человек тут же встал на колени и плаксиво заныл:

— Не убивай меня, дядя!

Подойдя ближе, я понял, что это подросток лет семнадцати-восемнадцати. Я уверенно приблизился, резко взял у него ружье и пригласил к костру.

— Грейся, давай!!!

Подросток подошел к костру, но продолжал дрожать.

— Чая нет! Спирт будешь?! — спросил я его.

Мальчик поднял на меня глаза и сказал:

— Буду. Я замерз.

Я, удерживая на одном плече два ружья, налил ему в кружку спирта и спросил:

— Разбавлять?

— Не надо. Я могу так, — ответил мальчик.

В общем, хряпнул пацан спирта хорошую дозу.

А потом мы начали говорить с ним у костра. Его ружье лежало около меня. Я его держал. Ребята спали в палатке.

— Почему ты появился здесь ночью? — спросил я пацана.

— Меня послали сюда. Но я немножко заблудился и пришел сюда ночью, — ответил он. — Я не хотел делать вам ничего плохого.

— Ты пришел сюда из поселка?

— Да.

— 35 километров прошел?

— Да.

— Зачем тебя послали сюда?

— Чтобы... — мальчик запнулся, — чтобы сказать, что вам надо уходить отсюда.

— А почему именно тебя послали?

— Взрослые не соглашались. Говорили, что вы хорошие люди.

— А ты считаешь, что мы плохие?

— Неет... — мальчик совсем растерялся. — Уходите, пожалуйста! Так будет лучше.

— Ты мог бы убить меня? — грозно спросил я.

— Убить легко. Я мог убить вас, когда вы сидели у костра. Вначале я по траве шел, а потом, когда понял, что убить не могу, стал идти по прибрежному песку, чтобы вы слышали звук шагов, — искренне сказал пацан.

— М-да, — только и проговорил я, сжав его ружье. — Спасибо хоть за это!

Мальчик потупил взгляд и попросил еще спирта. Я налил. Он выпил его неразведенным. Я тоже пригубил неразведенного.

— Чего мы плохого сделали? — задал я вопрос.

— Не трогайте могилы! Не трогайте! В поселке живут хорошие люди, очень хорошие люди! — Глаза пацана расширились. — Они сказали мне, что вы должны жить. Поэтому уходите отсюда...

Итог всей этой ночной истории был таков. Я взял пьяного пацана за руки, завел в палатку и, отобрав у него патроны, положил оба ружья (мое и его) себе под бок, после чего уложил пацана в центре, накрыв спальником. Спал плохо. А утром решил отправить пацана обратно в поселок с посланием о том, что послезавтра мы придем туда просить разрешения на вскрытие одной из могил.

Утром мы накормили пацана, имевшего симптомы похмелья, гречневой кашей с маслом и отправили его в путь с запиской. Ружье я ему вернул, но без патронов, на виду у всех выкинув их в озеро.

— Иди быстро, чтобы засветло пройти 35 километров до поселка по тропе! — сказал я ему.

Я мог убить вас, когда вы сидели у костра

Пацан ушел. Интрига закрутилась. Я понимал, что если мы и в самом деле дотронемся хоть до одной могилы, то нас и в самом деле убьют. Предупредили ведь уже два раза. Третьего предупреждения может и не быть. Спасибо, хотя бы, за то, что предупредили! И поэтому имеет полный смысл пойти в поселок и постараться «навести мосты», чтобы продолжить экспедиционную работу, направленную отнюдь не на поиски этого злосчастного золота, закопанного (возможно!!!) в одной из могил. Но поймут ли нас?!!! Надо в любом случае постараться! Обязательно постараться!!! А то получится, что... нас пугнули, и мы, быстренько собрав лагерь, уехали домой, как трусы.

Думая на эту тему, я стал нервничать. Тем более, было очень много комаров, которых я, хлопая себя по щекам, убивал одного за другим.

— Вот так могут и нас... — промелькнула мысль.

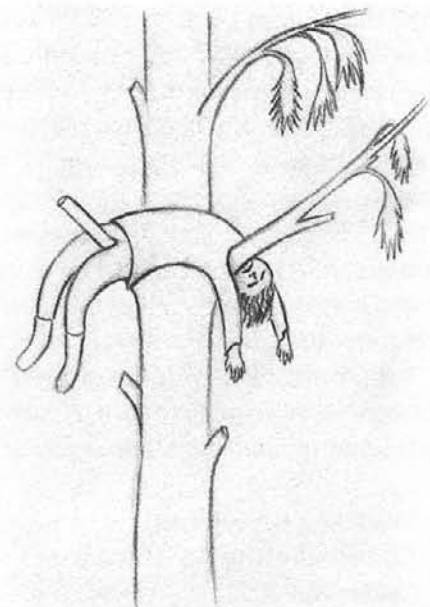
Но я достал флакончик диметилфталата*, жирно смазал им свое лицо и успокоился.

— Нервы надо держать в кулаке! — приказал я сам себе.

Нервы начали сходить, сходить... и постепенно в меня возвратились разумность и способность логически мыслить. И первое, что я решил сделать, это использовать сегодняшний день для подробного анализа могил, которые мы обнаружили, чтобы завтра отправиться в поселок во всеоружии для «наведения мостов». Стресс, в котором мы находились, должен был помочь нам, ведь он «прочищает мозги».

Анализ могил В общем, здесь мы нашли, как я уже говорил, 8 могил. Одна из могил была огорожена срубом, другая была без сруба... Но, в общем, все эвенские могилы были весьма неказистого вида: никаких надгробных плит, никакой ограды и прочих атрибутов захоронения. Чувствовалось, что эвены совсем недавно начали хоронить людей,

закапывая их неглубоко в землю и дополнительно укрывая могилу камнями и дерном. Древний способ «хоронить» на ветвях деревьев стал уходить в прошлое. И в самом деле, приятно что ли видеть истлевающее тело своего родственника на дереве! Ни подойти к нему, ни отдать дань заслугам умершего человека, когда все воспоминания о нем нарушаются ужасным видением трупа, выставленного на дереве для поедания хищными птицами. Да и скелет на дереве, образующийся после поедания

Так раньше хоронили людей

трупа, выглядит не очень эстетично, до смерти пугая путников. Поэтому значительно целесообразнее вырыть яму на 20–30 см глубиной (до вечной мерзлоты), положить туда тело и, закопав, укрепить могилу камнями. Лопаты сейчас есть. Даже медведи не очень трогают такие могилы, в то время как труп на дереве, распространяющий «привлекательный» запах в округе, очень возбуждает этих зверей, выступая в качестве приманки.

Мы, конечно, понимали, что золото (тем более, 5 тонн) нельзя закопать в могиле глубиной 20–30 см. Поэтому мы обращали внимание на те могилы, которые имели признаки того, что здесь рыли яму на большую глубину. А таких могил, среди восьми, было две. Одна из них представляла собой ту самую могилу с одним столбом, на котором некогда была прикреплена доска с надписью «Здесь похоронены летчики». Другая была совершенно свежей могилой старика, похороненного в прошлом, 1981 году...

* Омерзительное по запаху ядовитое вещество, отпугивающее комаров. Тогда еще не было современных противокмарных средств.

том году, когда вдруг потерпел катастрофу вертолет из Жиганска с некой журналисткой, вывозивший «доску Попова». Эта могила была очень красивой, имея надгробие из просмоленных досок, даже выкрашенных в желтый цвет.

Весь анализ могил привел к тому, что надо идти в поселок и просить разрешения на вскрытие могилы с одним столбом, где... вроде как... похоронены летчики, на что указывали свидетельства местных жителей. Я чувствовал, что здесь не должно быть золота... смертельного для нас золота. Красивую могилу старика мы решили оставить в покое.

Наступил следующий день. Рано утром мы вдвоем с Юрой Лобановым отправились в путь, чтобы, пройдя 35 км, попросить разрешение на вскрытие могилы с одним столбом.

Как мы получали разрешение на вскрытие могилы

Придя вечером в поселок и изрядно подустав, мы стали спрашивать, кто бы мог дать нам разрешение на вскрытие могилы летчиков.

Этот вопрос, чувствовалось, был не только неприятен людям, но и вводил их в смятение. Люди чаще всего отмалчивались или мычали что-то невразумительное. И лишь один сказал:

— Разрешение может дать только Кривошеев Гаврила Геннадьевич.

— Как? Ведь он главный оленевод! При чем тут могилы?

— А вот так! — отрезал этот человек.

Пошли мы поздним вечером к Кривошееву Гавриле Геннадьевичу. Он нас встретил. Было такое ощущение, что он ждал нас. Глаза его сверкали. Завязался разговор.

— По эвенским обычаям тому, кто дотронется до могилы, полагается смерть, — проговорил он. — Здесь, извините, тайга-закон.

— Но мы хотим вскрыть не эвенкскую могилу, — робко начал я. — Мы чтим обычаи эвенков. Мы хотим вскрыть могилу с одним столбом, на который была прикреплена доска с надпи-

сью «Здесь похоронены летчики». Летчики-то были русскими! И, если мы там найдем кости, то, возможно, по ним удастся определить принадлежность их к кому-то из членов экипажа. Самое главное — найти череп, по которому в лаборатории знаменитого ученого Герасимова можно воссоздать облик человека и сравнить его с фотографиями членов экипажа Леваневского. Помогите нам, пожалуйста!

*А если Вы
не найдёте костей?!*

— А если не найдете костей? — Глаза Гаврилы Геннадьевича аж загорелись.

— Ну, ведь... — я слегка замешкался, — Местные жители говорили, что там похоронены летчики. Да и Вы сами говорили, что летчики где-то похоронены. Проверить-то надо!

— А если не найдете костей? — еще раз переспросил он.

— Ну, не найдем, так не найдем! Отрицательный результат — тоже результат, — начал я слегка заводить. — Тогда будем искать сам самолет в озере. Это очень сложно. Находка костей членов экипажа — самый легкий путь доказательства, что Леваневский погиб здесь.

— Ну... — Гаврила Геннадьевич поднял на меня глаза, — а если не найдете костей?

У меня на лбу выступила испарина. По телу прошел жар, который докатился до промокших ног, согревая их. Я понял, что костей в могиле с одним столбом мы не найдем, потому что там были... похоронены не люди. Я также понимал, что захороненное там золото было перенесено куда-то, скорее всего в другую

могилу, поскольку рядом с могилой с одним столбом этот самый «локомотившик» Слюбченко построил избу и, видимо, что-то пронохал, после чего и исчез. Остался только столб в пустой «золотой могиле», на который повесили копию «доски Попова» со словами, что здесь похоронены летчики. Конечно, это был отводной вариант. Летчиков никто не хоронил. Зато он уводил от истинной «золотой могилы», куда было перенесено золото.

— Почему вы молчите? А если вы в могиле не найдете костей? — слышался голос Гаврилы Геннадьевича.

Я поднял на него глаза. Промелькнула мысль, что этот вопрос имеет узловое значение для него, поскольку он не знает, как мы себя поведем, когда «могила летчиков» окажется ложной. Не начнем ли мы искать кости летчиков в других могилах?

— Гаврила Геннадьевич, — сказал я с достоинством, — мне даже кажется, что в могиле со столбом мы, скорее всего, не найдем костей летчиков. Все дело в Слюбченко!

— Почему? — Гаврила Геннадьевич насторожился.

— Слюбченко, как мы выяснили в Москве и Якутске, был послан в эти края, чтобы работать с локомотивом, который мы видели здесь у вас.

— Да, да, да...

— Локомотив был завезен сюда, конечно, не для того, чтобы дать поселку электричество, — начал я давить на него.

— Ну... да, вообще-то.

— Все знают, что вы живете в Зоне. Так?

— Так, — ответил Гаврила Геннадьевич, поморщившись.

— Слюбченко хотел найти проход в подземный мир, в существование которого вы, эвены, верите. Так?

— Ну... так.

— Найти он его не смог, чтобы выполнить задание НКВД СССР. Так?

— Проходы под водой! Они редко открываются на поверхности земли. Шаманы так говорят, — Гаврила Геннадьевич искренне возмутился.

— А Слюбченко, что, знал, что ли, это?! Ему было дано задание найти проход под землю и... въехать туда на локомотиве, — продолжал напирать я.

— Ну...

— Поэтому, чтобы выполнить задание НКВД, Слюбченко, отчаявшись, стал рыть землю рядом со своей избой. Он надеялся «дорыть» до подземного мира.

— Хе! — усмехнулся Гаврила Геннадьевич.

— Мы не только ищем самолет Леваневского, — я буквально стал сверлить его взглядом, — мы хотим понять Зону. Зону, еще раз повторяю, Зону!!! Нас послали сюда, чтобы мы поняли ее — Зону! Понятно???

— Да.

— А вы-то думаете!!! Присылаете пацана к нам...

— Ну...

— Мы хотим разрыть могилу с одним столбом для того, чтобы узнать — как далеко продвинулся Слюбченко в отношении... достижения подземного мира. У нас такое задание! — завершил я свою речь.

— А почему вы раньше этого не говорили? — уже спокойным голосом спросил Гаврила Геннадьевич.

— Всему свое время, — важно продекларировал я.

Итог всей этой истории был таков. Нам дали разрешение на вскрытие могилы с одним столбом.

Гаврила Геннадьевич приютил нас у себя дома и даже накормил. А на следующее утро мы с Юрием Лобановым весело побежали по тропе, чтобы через 35 км возвратиться к своим ребятам и завтра начать раскопки могилы с одним столбом.

Раскопки могилы с одним столбом

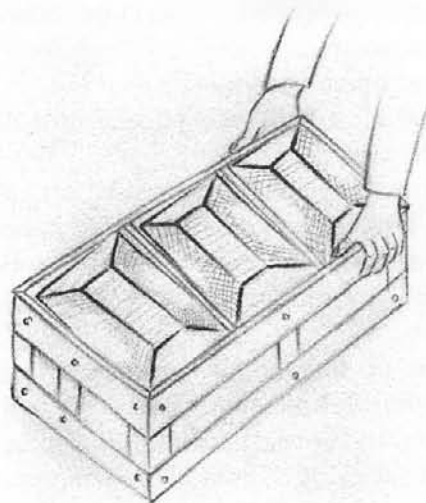
Когда мы подошли к могиле с одним столбом, я признался сам себе, что, в общем-то, мы занимались дурилкой, утверждая, что главная наша цель — проверить, добрался ли некий Слюбченко до подземного мира, роя рядом со своей избой «яму-могилу». Этот «бред сивой кобылы» прошел, но,

вполне возможно, лишь на некоторое время, пока не очухаются «хранители могил». Чувствовалось, что есть главный человек, которого мы еще не знали.

А реальной нашей целью было то, что мы должны были убедиться, воочию убедиться, что здесь что-то хоронили (золото?!), но потом перенесли в другое место. Это позволяло нам составить логическую цепочку, которая могла привести не просто к находке пяти тонн золота, но и определить пути дальнейших поисков погибшего экипажа Леваневского, в ходе которых мы должны были ловко и умно лавировать, чтобы не наступить на смертельную «золотую мозоль». В противном случае, как мы все понимали, нам придется сворачивать экспедицию во избежание гибели.

В основе наших рассуждений было то, что 5 тонн золота Леваневского должны были иметь объем, соответствующий в чистом виде примерно 20 ведрам, каждое из которых должно было весить 230 кг. Но человек может поднять не более 50 кг. В связи с этим, золото, переведенное в слитки, должно было быть упаковано в деревянные ящики этак по 50 кг весом, чтобы его было

удобно переносить двум людям. Если так упаковать, то 5 тонн золота должны были быть размещены в 100 ящиках. Прикинув объем одного ящика, мы высчитали, что все ящики с золотыми слитками должны занимать объем 6–7 м³. То есть для захоронения этого объема золота надо было выкопать весьма большую могилу. При этом надо было копать эту могилу глубоко, поскольку только идиот положит золото на поверхно-

Ящик с золотом

сти, когда даже медведь, порывшись, может отворотить слиток золота.

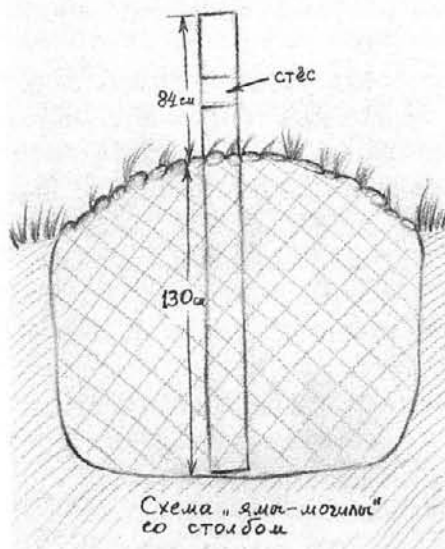
Первое впечатление от могилы с одним столбом было таким, что здесь и в самом деле можно закопать 5 тонн золота. Длина могилы составляла 3 м 43 см, ширина — 3 м 17 см, высота холмика — 67 см. Чуть-чуть в стороне от центра стоял столб диаметром 15 см и высотой 84 см от земли. На нем был сделан стес, куда, скорее всего, прибывалась доска с надписью о захоронении летчиков. Оставшиеся на столбе гвозди свидетельствовали о том, что эта доска была некогда сорвана. Сверху столб имел спил, куда тоже был вбит гвоздь.

Мы начали раскапывать могилу со столбом. Было много камней, — чувствовалось, что, то ли сам столб укрепляли камнями, то ли его вкопали в том месте, где до этого что-то хоронили, укрывая камнями. На глубине 30 см мы наткнулись на вечную мерзлоту. Раскопки затормозились, так как приходилось ждать, чтобы вечная мерзлота подтаяла. А это было нудно и утомительно. Правда, мы времени даром не теряли, дополнительно занимаясь исключительно авантюрными раскопками в том месте, где на двух столбиках когда-то была прикреплена дощечка с надписью «Здесь погиб экипаж». Также мы пытались найти детали погибшего самолета на береговом шельфе озера. Но об этом, дорогой читатель, я расскажу немного позже. А сейчас позвольте завершить рассказ о раскопках могилы с одним столбом.

В общем, целых 20 дней мы раскапывали эту могилу, дойдя до основания столба. Выяснилось, что столб был вкопан на глубину аж 1 м 30 см. Под столбом ничего не было. Но яма получилась очень большой — этак 6–7 м³... как раз такой, чтобы поместить 100 ящиков со слитками золота.

— М-да, — только и проговорил я, почесывая затылок.

В ходе раскопок мы нашли осколок фарфора от тарелки, консервную банку, датированную 1933 годом, на которой читалось что-то типа «Ленин» (возможно, Ленинград), и кость — кусочек ребра размерами 7,5 на 2,5 см, которую с большой натяжкой

можно было интерпретировать как человеческую. Больше мы ничего не нашли.

Вполне резонен вопрос — для чего была выкопана эта яма? Для того, чтобы вкопать на глубину более одного метра этот столбик, чтобы на него повесить табличку о захоронении летчиков... костей которых нет и в помине? Глупо это как-то.

Рядом мы обнаружили остов избы — избы загадочного Слюбченко. Можно

было, конечно, подумать, что он, будучи агентом НКВД, устанавливал антенну, а потом ее спилил... но, как назло, здесь растет высокоствольный лес, что «антенна», имеющая основание всего-то 15 см в диаметре, не могла даже выглянуть из деревьев.

В ходе раскопок к нам два раза приезжал на моторке сам Гаврила Геннадиевич Кривошеев, давший нам разрешение на раскопки. Он спрашивал, нашли ли мы что-нибудь, а мы отвечали — нет, не нашли. Он молчал, и мы молчали. Мы еще не знали, что о наших раскопках узнал сам всемогущий Никифор Павлович Кривошеев, родственник Гаврилы Геннадьевича, и что нам вскоре придется войти в новый виток приключений на грани жизни и смерти.

А тогда все сошлось. Было вполне ясно, что здесь, в так называемой могиле с одним столбом, скорее всего, производилось захоронение золота... 5 тонн золота. Не зря эта «золотая могила» была укреплена камнями. Но потом, когда что-то стряслось, это золото вновь выкопали, а в яму воткнули столб, чтобы на нем написать «здесь похоронены летчики»... как отводной вариант

написать, памятуя, что любой эвен будет бояться прикоснуться к могиле. В то время, когда выкапывали золото и втыкали столб, все, видимо, боялись эвенов-конкурентов и даже думать не могли, что сюда приедет русская экспедиция под эгидой аж самой газеты «Советская Россия». Конечно, все немножко растерялись... но, это жизнь!

Интуиция подсказывала мне, что золото находится в той новой, сделанной в 1981 году могиле старика с надгробием из просмоленных досок. Я запретил членам экспедиции даже подходить к этой могиле. Но...

Суть этого «но» состояла в том, что нам было плевать на золото. Однако оно, по дьявольскому принципу, стало завлекать нас. Мы даже ощутили дьявольскую силу золота, способную сводить людей с ума и превращать их в рабов этого желтого металла, толку от которого нет... тем более в могиле. Я стал осознавать, что нам надо выходить из «золотой ловушки».

Тем не менее, мне очень хотелось еще чуть-чуть порыть землю в том месте, где стояли два столбика, на которых когда-то была прикреплена доска с надписью «Здесь погиб экипаж». А вдруг найдем что-то... найдем то, что мог уронить летчик, оставшийся в живых. Это было логично. Поэтому мы начали рыть в этом месте траншеи... без разрешения рыть.

Мы роем траншеи В общем, прокопали мы три траншеи глубиной этак по 20–30 см и длиной этак по 50–70 метров каждая. Копали еще в кое-каких местах, где было интересно. В итоге, мы нашли 15 костей, похожих на человеческие, и так, всякую дрянь — гвозди, щепки, банки... и больше ничего. Ничего интересного, короче говоря.

Зато мы получили предостережение. Когда одна из траншей приблизилась к той самой могиле старика с красивым надгробием, и я ковырялся в земле, передо мной как бы вздрогнула и закачалась кочка. Лишь после этого я услышал звук выстрела.

Я, конечно, все понял и тихонько, не делая резких движений, стал уходить оттуда. Я уже начал привыкать. Я даже представил,

Мы, рискуя, рыли траншею

что, когда убивают человека, он слышит звук выстрела... только потом.

Когда мы копали траншею, никто к нам не приходил. Никто не грозил. Только этот выстрел... рядом с могилой старика. Люди не хотели уби-

вать нас. Люди предупреждали — не подходите к этой могиле... пожалуйста, не подходите. И, конечно, мы не стали подходить. Жить-то хочется!

Тем не менее, траншею мы рыли не зря. Нам все-таки удалось обнаружить плоский бугор, где было опять-таки много камней, которых не было вокруг. Видимо, камни были принесены с берега озера. Вполне возможно, что это было место второго захоронения золота... но более замаскированное место, чем «могила-бугор со столбом». Но...

Но мы не посмели здесь начать «глубокие раскопки». И правильно сделали. Толку-то... Золото, скорее всего, уже перенесли в новое место.

Вот только один вопрос мучил меня: почему же погиб вертолет из Жиганска, который, как говорится, вывозил «доску Попова».

Почему исчезла «доска Попова»?

Давайте, дорогой читатель, вспомним, что вертолетчик Евгений Васильевич Попов видел «доску» в 1965 году лежащей на земле, но сообщил о своей находке только в 1980 году. В том же 1980 году погиб вертолет из Жиганска, «вывозивший» эту злополучную «доску Попова». Спрашивается, могла ли «доска» пролежать на земле целых 15 лет (с 1965 по 1980 год), не подвергаясь гниению и не будучи унесенной весенним па-

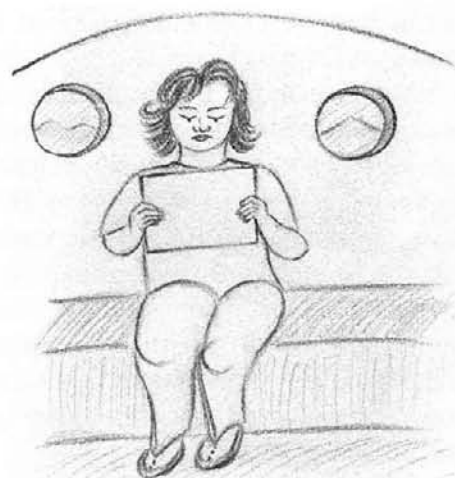
водком? К тому же за 15 лет любая доска на земле покрылась бы падающими листьями и травой, которые образовали бы слой дерна над ней.

Поэтому досужее утверждение о том, что некая журналистка нашла и взяла на борт «доску Попова», видимо, не соответствует действительности. Да и никто не знает имени этой журналистки! Очень сомнительно, что безвестная журналистка на вертолете из Жиганска приземлилась точно на перешейке озера и, неведомым образом найдя «доску Попова», взяла ее на борт, после чего вертолет случайно потерпел катастрофу.

Скорее всего, никакой журналистки, страстно желающей «перетянуть на себя одеяло» сенсационной находки «доски Попова», не было и в помине. Вероятнее всего, местная «золотая гвардия» в своих рядах имела предателя, который сообщил местоположение захороненного золота конкурирующей «золотой гвардии». Вот и прилетели конкуренты за этим золотом на вертолете. Но...

Но не тут-то было! Предателя могли вывести «на чистую воду» и встретить вертолет как надо, с перестрелками и тому подобным. Вертолет мог быть поврежден, в связи с чем и потерпел катастрофу.

А золото? Оно, мне думается, не «улетело вместе с вертолетом». Оно, это золото, осталось там же, где и было. Об этом я, дорогой читатель, могу говорить вполне обоснованно. Дело

Очень сомнительно, что безвестная журналистка нашла «доску Попова» и взяла её на борт вертолета

в том, что мы... нашли это золото. Но... эту историю я расскажу вам чуть позже...

А что касается исчезновения «доски Попова», то она, мне кажется, придумана. Никуда «доска» не исчезала и, вероятнее всего, полусгнила под слоем дерна рядом с «золотой могилой», где похоронено 5 тонн золота. Вот только добраться до этой полусгнившей доски нам не удалось... пуля влетела в кочку передо мной, когда мы начали разрывать землю, копая траншею рядом с «золотой могилой». А может быть, «золотая гвардия» нашла эту доску до прилета вертолета из Жиганска и сожгла ее, чтобы никакие люди с праведными мыслями о раскрытии тайны гибели экипажа Леваневского не копались здесь. Но это не меняет сути дела.

Заканчивая эту главу, посвященную тайне «доски Попова», позвольте мне, дорогой читатель, сделать робкую попытку составить хронологию событий давно прошедших лет, связанных с этой самой «доской Попова». Прав я или не прав, не знаю, но эта предполагаемая хроника события здорово помогла нам.

Предполагаемая хронология событий

У нас сложилось впечатление, что самолет Леваневского, совершая вынужденную посадку на поверхность этого злополучного озера, не полностью разбился и остался на плаву. Пустые бензобаки давали ему плавучесть. Его прибило ветром к северному берегу озера, поскольку преобладающая роза ветров — «юг-север».

Один летчик оставался жив. Ему удалось выбраться из самолета. Он взял с собой нож, оружие (наган!!!), запасную радиостанцию и кое-какой запас пищи. По пути он прихватил доску, возможно, от сломанного сиденья, чтобы сделать надпись о гибели здесь экипажа Леваневского... как полагается.

Выбравшись на берег, летчик огляделся и, увидев, что вокруг скалы, понял, что негде установить доску. Он, раненый и истерзанный событиями, пошел вдоль берега, пробираясь между скалами и валунами, и, вскоре, дошел до протоки между двумя

озерами. Однако и здесь, на левой стороне протоки, был крутой берег. Поэтому летчик решил перебраться через протоку, чтобы дойти до заметного мыса, где можно было бы установить доску.

Перейти через протоку (глубина по грудь!) удалось. На этом мысе он решил установить памятную доску о гибели экипажа Леваневского. Он нашел маленькую лиственницу, обрубил ножом сучья, а рядом вкопал валявшееся на берегу бревнышко, укрепив его камнями. Получилось два столбика.

Далее он стал вырезать ножом надпись на доске, отметив, что здесь, 13 августа 1937 года, погиб экипаж самолета N-209, и перечислил пять фамилий, две из которых оканчивались на «...ский» (Леваневский и Галковский!). Он привязал доску к двум столбикам веревкой, взятой из самолета, и стал решать — что же делать дальше?

Первое, что он решил, — это постараться связаться с миром с помощью запасной радиостанции, которую он вынес из погибшего самолета. Наладить связь долго не удавалось, но сигналы вскоре стали проходить. Однако пошел дождь, который перешел в снег. меховая куртка спасала от холода, но сырость, эта проклятая сырость, через пару дней окончательно посадила аккумулятор. Болели раны, по ночам подходили медведи. Не хватало сил поддерживать костер. Подступало отчаяние. Куда уж тут похоронить погибших товарищей и спрятать ценный груз!

Вокруг была глухая тайга. Оставшийся в живых летчик не мог понять — где он находится, в Америке на Аляске, в Канаде или где-то в Сибири? В такой ситуации любой человек принимает решение идти вниз по течению реки, чтобы встретить жилье, а не вверх, поскольку реки чаще всего начинаются в горах, где не живут люди. И ушел этот человек неведомо куда вниз по течению, не зная, что река, вытекающая из озера Сегиан-Кюэль, постепенно заворачивает на север и течет по самым безлюдным местам Сибири в Северный Ледовитый Океан.

Шел он вниз по течению, резал свои унты и варил суп из них. Зверей из нагана убить не удалось. Зверей не встретилось. В общем, погиб этот русский в меховой куртке где-то там, на просторах Сибири. Да не просто погиб, а его убили... изможденного. Встретились ему люди из «золотой гвардии». Но... я прошу прощения у вас, дорогой читатель. Об этом мы поговорим в отдельной главе этой книги, которая так и будет называться — «Русский в меховой куртке».

А теперь давайте возвратимся на озеро Сегиан-Кюэль, к одному из берегов которого прибило ветром самолет. Обнаружил

Один из местных жителей обнаружил золото в самолёте

его один из местных жителей и, войдя внутрь, увидел не только трупы погибших четырех летчиков, но и дар Советского Союза Америке — 100 ящиков со слитками золота. Этот человек, увидев золото, решил вынести его из самолета, который мог затонуть. Он привлек двоих своих ребят... и, наконец, золото было не просто вытащено, но и перенесено на ровный высокий берег с левой стороны протоки между двумя озерами.

Возник вопрос: что делать с этим золотом? Ну не кочевать же на оленях с пятью тоннами золота!!! Ну не нести же его в поселок!!! Решили закопать. Яму рыли очень долго. Приходилось ждать, когда подтаит вечная мерзлота. Наконец, яма была готова. Закопали золото. Укрепили «золотую могилу» камнями. Никакой опознавательный знак не стали вешать. А доска с надписью о погибших летчиках на другой стороне протоки, установленная на двух столбиках летчиком, оставшимся в живых, отводила от «золотой могилы».

Но самолет все не тонул и не тонул, зацепившись за прибрежные скалы. Наступила осень. Тогда решили избавиться от него. Погибших летчиков вытащили из самолета и выбросили в воду. Вот только не совсем рассчитали... один из трупов, а именно тот, который был в костюме и галстук*, всплыл, его понесло по озеру, после чего он был обнаружен местными жителями.

Как затопить самолет, чтобы он не привлекал внимание? Этого добиться никак не удавалось. Но помог разразившийся шторм, который так ударил самолет о скалы, что в нем образовалась пробоина, через которую в самолет стала заливаться вода. Самолет накренился, одно крыло его утонуло, а другое, поднявшись как парус, понесло самолет в сторону от берега. Вскоре самолет затонул. Обладатели золота (в могиле!) счастливо вздохнули.

Одно крыло самолёта поднялось и он вскоре затонул

* Об этом я поведаю в главе «Пуля пролетела около уха».

Слюбченко

Прошло много лет. Главный хозяин золота* постоянно приходил к «золотой могиле», не решаясь разрыть ее и использовать хотя бы один слиток золота. Душу его грело то, что он владеет золотом... пусть в могиле, но золотом. И никто не может претендовать на него! Никто!!!

Наступил 1953 год. Золото лежало в могиле. Но эти шаманы, заставляющие бегать старух, до такой степени «раздухарились», что сведения о том, что они владеют силой Зоны, дошли аж до

Москвы. Вначале появились странные русские люди, после чего по зимнику сюда завезли этот самый локомотив. К счастью, его установили на другой стороне протоки, далеко от «золотой могилы». Но вслед за локомотивом появились еще двое русских — Слюбченко и Дворжанов, которые хотели найти входы в подземный мир.

Один из них, Слюбченко, вырыл землянку на левой стороне протоки рядом с «золотой могилой» и там перезимовал. Говорили, что он обратил внимание на бугор с камнями (под которым было золото!!!). Ситуация начала накаляться.

К счастью, следующим летом Слюбченко и Дворжанов куда-то уехали. Надо было этим воспользоваться. Решили перенести золото в другое место. Куда? Перенести 5 тонн золота далеко означало, что надо привлечь большое количество людей с оленями,пряженными в нарты. А это было опасно! Каждый ведь мог потом приезжать и брать из «кладовки с золотом», ну, хотя бы, пару слитков для себя. Надо было воспользоваться силами максимум двоих верных людей.

* О нем пойдет речь дальше в этой книге.

В конце концов, созрел план — золото надо перенести на другую сторону протоки и закопать недалеко от того места, где стоят два столбика с доской, на которой сделал надпись оставшийся в живых летчик о гибели здесь экипажа Леваневского. Расстояние здесь небольшое (около 1,5 км). Через протоку, где глубина не более чем по грудь человека, золото можно было переправить на лошадях. Но самым главным был хитрый расчет.

Выкопав золото из старой «золотой могилы» рядом с землянкой Слюбченко, можно было сказать, что местное население решило установить мемориальную доску о том, что здесь похоронены летчики, а также предупредить Слюбченко и Дворжанова, что по эвенским обычаям дотрагиваться до могил нельзя. Тем более что Слюбченко и Дворжанов видели истинную доску о гибели экипажа N-209 на двух столбиках. Это должно было отвлечь внимание двух странных русских, неведомым образом появившихся здесь... вместе с локомотивом.

А по поводу свежесделанной «золотой могилы» недалеко от двух столбиков можно было сказать, что поселковый совет решил здесь выкопать землянку, где бы жил эвен, чтобы приглядывать за двумя странными и неблагонадежными русскими — Слюбченко и Дворжановым. Но... вот... землянку выкопать не удалось... Также планировалось хорошенько пугнуть двух русских, чтобы им было неповально совать нос куда не следует.

Но убивать их побоялись... Кто знает, а вдруг за ними большие люди!

Началась работа. Закопанное золото в ящиках вмерзло в вечную мерзлоту. Надо было оставить ящики целыми. А для этого надо было ждать, когда вечная мерзлота подтаает под летним якутским солнцем. Один постоянно стоял на «шухере», боясь, что появятся Слюбченко и Дворжанов, которых в этом случае надо было... просто убить.

Наконец, золото было выкопано. В яму воткнули столб, сделали на нем стес и к нему прибили доску, на которой сделали надпись, скопированную с истиной доски на двух столбиках... вот только слово «погиб» заменили на слово «похоронены». Столб закопали и обложили камнями.

Золото в ящиках перевезли на другую сторону протоки на лошадях. Там, недалеко от двух столбиков, была уже готова новая яма для захоронения золота, которую рыли параллельно, используя время для оттаивания вечной мерзлоты. Золото закопали в новой могиле. Но бугра не стали делать. Лишнюю землю выбросили в озеро, сверху накидали камни и сделали видимость того, что здесь попытались рыть землянку для эвена-наблюдателя за двумя странными русскими — Слюбченко и Дворжановым.

Но Слюбченко и Дворжанов не появились этим летом. Они появились лишь следующим летом, где-то перезимовав и приехав с женами-эвенками. Они сразу стали строить себе избы: Слюбченко — на левой стороне протоки... рядом со старой «золотой могилой», Дворжанов — на правой... рядом с новой «золотой могилой». Избы им удалось построить. Жены забеременели. Потекла жизнь, в которой... главное место занимал локомотив. О золоте они и не помышляли.

Шли годы. У них родились дети. К ним приезжали другие русские. Локомотив перемещали с одного места на другое. Местные шаманы начали исчезать. Местное население косо смотрело на этих русских, но... боялось. А золото лежало в могиле. Трава выросла на новой «золотой могиле».

Наступил 1964 год. К власти пришел не подверженный шизоидной мании преследования Леонид Брежнев. И он тут же сократил расходы на КГБ. Под это сокращение попали и Слюбченко с Дворжановым, которые уж слишком много лет искали входы в Зону, чтобы въехать туда на локомотиве. Им стало трудно жить. Заниматься оленеводством они не привыкли. Прожить только охотой было трудно.

И тут Слюбченко с Дворжановым вспомнили, что какой-то эвен подходил к ним и говорил, что знает, где закопано золото. Объяснял, что оно рядом с их избами. Предлагал раскопать и поделиться. Тогда его послали подальше. А тут вспомнили, что...может быть, зря послали.

Этого эвена вскоре нашли, напоили самогонкой (которую русские умеют делать из чего угодно!), и он сказал, что золота очень много, что его не унести и что о нем знают еще два человека, которых лучше... убить. Началась охота.

Но те двое (родственники, кстати!) были не лыком шиты. Они догадались о предательстве своего третьего соратника и ушли со своими оленями далеко в горы. Всю зиму ходили они там. А весной, когда земля начала оттаивать, они тихонько подобралась к избам Слюбченко и Дворжанова и... увидели, что их избы опустели. Эти двое проверили то место, где закопано золото, и нашли, что золото никто не раскапывал. Доска с надписью о погибших летчиках висела на месте на двух столбиках. Дерн, который покрывал «золотую могилу», был нетронут. А тот самый третий эвен, некогда соратник по захоронению золота, почувствовав неладное, бросил свою семью и оленей и ушел куда-то в тайгу. Так его и не нашли.

Люди говорили разное про исчезновение Слюбченко и Дворжанова. Одни говорили, что их кто-то сильно испугал и они

Леонид Ильич Брежнев

вели к какому-то хмурому русскому мужику, который сказал: «Если врешь, то умрешь!» Но «третий» знал, воистину знал, где захоронено золото. Его информацию проверили, позвонив в поселок Сегян-Кюэль. И... решили отправить туда вертолет. Придумали версию, что туда вылетает журналистка за «доской Попова». Загрузили лопаты, ломы и многое другое, что необходимо для вскрытия «золотой могилы».

«Третий» в полете очень волновался. Он не боялся, что не найдет место захоронения. Он боялся, что был звонок... глупый звонок... в его родной поселок Сегян-Кюэль для проверки достоверности информации. Ведь все продажные такие! А вдруг донесут! Да и звонили-то, скорее всего, в кабинет «второго» — главного оленевода совхоза, где стоял один из двух телефонов в поселке.

Вертолет приземлился точно на перешейке между двумя озерами. Была осень. Шел 1980 год. Вышли из вертолета с оружием. Вокруг никого не было. Подождали. Выпили чая из термоса. «Третий» начал искать два столбика с доской о погибших летчиках, которые были ориентиром того, где надо рыть землю. Но двух столбиков не было. Много лет прошло с тех пор, когда он здесь был в последний раз. Много он уже забыл.

«Третий» начал метаться. Он бегал туда-сюда. Тех, кто приехал сюда за золотом, это стало нервировать. «Где копать-то?!» — спрашивали его.

Наконец, «третий» обнаружил основание двух срубленных столбиков. «Вот, суки!» — проговорил он. Но потом он

вспомнил все, вспомнил абсолютно все. Он отсчитал количество шагов от двух столбиков и сказал: «Вот здесь!»

Был вечер. Шел 1980 год. Решили переночевать на месте, чтобы утром начать так копать, что... никакая вечная мерзлота будет ни почем. Разожгли маленький костерок, чтобы вскипятить чай. Достали спирт. Выпили. Хорошо выпили. «Третий» был доволен. Он, зная это место, приговаривал: «Золото здесь! Никто его не трогал! Точно помню». Спать устроились в вертолете.

Утром вставали тяжело. Спирт подействовал. Вышли из вертолета какие-то квелие. Никому не хотелось браться за лопаты, чтобы раскапывать «золотую могилу». Все хотели выпить чаю. Развели костер. Вскипятители чай. Попили. Поели немного. Тушенку открыли. Плохо шла без спирта. Еще немного выпили. Пришла бодрость, чуть-чуть пьяная бодрость.

И вдруг «третий» встрепенулся. Ему показалось, что он заметил коней. Он знал, что, когда они пролетали над поселком Сегян-Кюэль, за ними могли следить. От поселка всего 35 км досюда. За ночь пройти это расстояние на конях легко. Конь, в отличие от человека, видит тропу ночью. Неужели? На душе стало плохо. «Третий» предупредил, что, вроде бы, видел коней. Но все стали требовать скорейшей раскопки «золотой могилы», приговаривая, что ему это, видимо, показалось. Стали доставать лопаты...

В это время раздался выстрел. Пуля пробила борт вертолета. «Эх!» — сказал «третий».

А потом начался шквал огня. Все легли на землю. И тут командир вертолета скомандовал: «Вползаем в вертолет и улетаем!», а потом, посмотрев на «третьего», сказал: «Сука!»

Изрешеченный пулями вертолет тяжело взлетел. Все остались живы, потому что стреляли изда- лека и в человека попасть

было трудно, даже из карабина. Вертолет набрал высоту и взял курс на Жиганск. В кабине было холодно. Через пулевые от- верстия со свистом врвался воздух. Как назло была низкая облачность.

И тут командир вертолета прорывал: «Падает давление в гидросистеме! Жидкость вытекает! Пробит армированный шланг!!!» Какое-то время вертолет еще летел, не теряя управле- ния, после чего командир отдал приказ: «Переходим на дубли- рующую гидросистему!»

Пролетели еще несколько десятков километров. И тут коман- дир закричал: «В дублирующей гидросистеме катастрофически падает давление!!! Неужели и здесь шланг пробит?! Мы теряем управление!!!»

Еще какое-то время пилоту удавалось со скрежетом водить рычаги управления. Но вскоре вертолет повело в сторону, и он ударился о склон горы, ломая деревья и рассыпаясь по частям. Последние слова, которые услышал командир, были: «Прокля- тое золото!!!» Это кричал «третий».

Шел 1980 год. Короткое приполярное лето вступало в свои права. Вскоре в поселок прилетел академик Е. К. Федоров и стал спрашивать, кто бы мог показать «доску Попова». Вызвались двое, которые только недавно защищали «золотую могилу» от нашествия «третьего» на вертолете. Вместе с академиком они

перелетели на другой конец озе- ра, где показали ему основание двух столбиков и сказали, что вот здесь висела «доска Попова», которую совсем недавно забрала журналистка из Жиганска... Вот только вертолет с «доской» на борту потерпел катастрофу, и все погибли. В подробности никто не вдавался. Никто не уточнял, почему Е. В. Попов видел доску, лежащей на земле. Никто не ин- тересовался судьбой Слюбченко и Дворжанова. Но...

Но выдающийся человек, папанинец, Герой Советского Союза, академик Е. К. Федоров почувствовал что-то неладное. Он недвусмысленно молчал. А за этим молчанием сквозило неверие. Этот человек, испытанный в жизненных боях, как будто мог читать мысли. И он сказал, что здесь не все чисто, и что сюда надо организовывать экспедицию. Он еще сказал, что надо делать раскопки и изучить озеро.

Академик Е. К. Федоров улетел. Те «двое» понимали, что дело худо. Более того, из Якутска стали приходить телеграммы о том, что все население должно оказать максимальную помощь в поисках самолета Леваневского. На перешеек озера стали при- ходить энтузиасты, которые там что-то искали. Прошел слух, что где-то там закопан дар Советского Союза Америке в виде золота. Стали подозревать друг друга. Поползли сплетни. Те «двое» оставались в поселке, чтобы следить за событиями, и не уезжали в оленеводческие стада. На душе у них было плохо. Подступало отчаяние под саркастическим девизом: «А для чего мы это золото хранили столько лет?»

Так прошло лето 1980 года, а вслед за ним прошла долгая- долгая зима. Наступило лето 1981 года, лето, когда должна была

*Герой Советского Союза,
академик Е. К. Федоров*

приехать поисковая экспедиция. Отчаяние от ожидания этой экспедиции зашкалило. И тут...

И тут в поселок поступило сообщение, что академик Е. К. Федоров серьезно заболел и что, возможно, никакую экспедицию он организовать в этом году не сможет, в связи с чем экспедиция может быть перенесена на следующий, 1982 год. Появилось время! Надо было куда-то перенести золото! Но куда?!

Ведь их, владеющих пятью тоннами золота, было двое, всего двое. Как

сделать так, чтобы вдвоем справиться с переноской золота на новое, более безопасное место? Как сделать так, чтобы больше никто не знал о захороненном золоте?! Никому ведь верить нельзя! Никому! Вон, «третий» предал ведь, а! Сволочь! Да и... зачем оно, это золото в могиле нужно! Что проку от него! Все равно ведь живем в палатках, гоняем оленей, едим их мясо! Ну, будет у меня десять тысяч оленей, что, я сожру все это мясо, что ли?! Пузо не безразмерное! Ну... куплю я за это золото самую большую квартиру в Якутске, даже целый дом, где тепло... не то что в палатке! Все равно меня ведь потянет в палатку, где уютно горит буржуйка и лежат олени шкуры, где разливают горячий чай в кружках и где тоже тепло... всего -20°C зимой, когда снаружи аж -60°C . А как хорошо проходит секс в палатке под оленьими шкурами, когда ты снимаешь третьи или четвертые штаны со своей жены, стараясь не перепутать ее со своей тещей, которая тоже спит под этой же оленьей шкурой и... делаешь, касаясь тещи, то самое, что зарождает детей, которые потом целый год лежат в корыте с трухой из тополя, чтобы всласть писать и какать, когда захочется. А как приятно закрывать мозолистой рукой рот своей жене, которая во время «этого самого» начинает так орать, что лежащая рядом и выдавшая виды теща начинает

делано подражать ей, изображая, что тоже испытывает оргазм! Эх, как хочется порой, когда жена спеклась, перекинуться на тещу... которая только и ждет этого, порой шекотя тебя под оленьей шкурой! Ах, как хороша жизнь под оленьей шкурой, где тепло, уютно и... сексуально, в то время как на улице такой мороз, что хочется погреться еще раз... сняв трое штанов, теперь уже с... тещи! Эх, как хороша палаточная жизнь! Да и секс, этот самый секс, зарождающий эвенов, должен быть общественным, а не личным, чтобы все знали, как может делать «это» оленевод Кривошеев, и чтобы даже олени чувствовали... по крику жены во время «этого самого»... какой он, оленевод Кривошеев, который, если уж может сделать такое со своей женой.. и даже с тещей, то согнать оленей в одну кучу для него — раз плюнуть. Эх, как плохо, что стало мало бегающих старух, которые, ведь, не спят под оленьей шкурой, а ползают под шкурами, как змеи, в поисках мужика-оленевода, чтобы своей Силой, данной Духами, «заглушить» жену... или тещу и такое вытворить с оленеводом, что он навек запомнит, какие они... бегающие старухи. Эх, как хороша жизнь в палатке! Эх, как приятны воспоминания о трухе тополя, в которую ты, будучи младенцем, так сладостно писал и какал! Эх, какая бегающая старуха была! Эх, как ревновала теща! Эх... И стоит ли думать об этом золоте, цену которому подняли эти проклятые белые люди, которые чокнулись на этом желтом металле! И мы, что ли, начали чокаться на этом золоте?! Мы — оленеводы! Мы, которые познали счастье трудной жизни в таких условиях, в которых не выживают белые люди, любящие золото! Эх! Зачем это золото нужно! Зачем... тем более в могиле!

И скажу я вам, дорогой читатель, что эти самые «двое», наверное, думали так. Душа у них бредила. Но проходило какое-то время. Божественный запал о смысле жизни утихал и... Дьявол, этот проклятый Дьявол, начинал диктовать свои права, нашептывая, что главным в жизни является золото, пусть в могиле, но золото. И чем больше эти двое вспоминали, сколько тягот они перенесли и сколько людей они убили ради Золота... в могиле, тем сильнее подступал рефлекс самооправдания, когда хочется,

так хочется сказать «Я прав!», придумывая всякие небылицы о происках сволочных людей и не понимая, что это всего лишь происки Дьявола, того самого Дьявола, который отводит людей от Бога и тихо шепчет, что главным в жизни является Золото... пусть в могиле... но Золото.

В конце концов, получилось так. Дьявол со своей «золотой похотью» победил, и эти «двое» (дураков!) начали рассчитывать план третьего перезахоронения пяти тонн золота. Они понимали, что в этом или будущем году все равно приедет экспедиция, которая будет вести раскопки в поисках захоронения тел летчиков и которая может обнаружить золото. Двоим перенести золото было очень сложно. Надо было привлекать много людей, среди которых... обязательно найдется предатель, ведь даже среди троих нашелся предатель, как назло. Где гарантия-то?! Все люди, что ли, предатели!?

Думали «двое», думали и пришли к выводу, что лучше рискнуть и всё же нанять людей... своих людей... подарив каждому по слитку золота, но предупредить их, что за малейшее разглашение информации они расплатятся жизнью. В конце концов, сформировалась «боевая золотая дружина» из шести человек*, которая, в итоге, превратилась в вооруженный конный отряд, преследовавший нашу экспедицию в 1982–1985 годах. И, надо сказать, что эти ребята были не лыком шиты; среди них не было предателей, каждый был хорошо вооружен и имел хорошего якутского коня. А мы, прилетев сюда, и не понимали, что нас уже ждали... наготове. Вот только академика Е.К. Федорова не было среди нас, — он умер 30 декабря 1981 года.

Осенью 1981 года «боевая золотая дружина» известила местное население о том, что в районе перешейка озера будут вестись секретные работы по заданию Москвы, связанные с деятельностью Слюбченко и Дворжанова, которые искали вход в Зону. Да и локомобиль припомнили. Объявили, что академик Е. К. Федоров поручил им это.

* С одним из них я и вел перестрелку, описанную в предисловии.

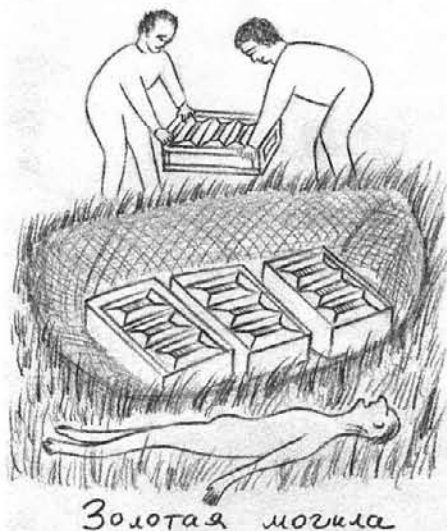

В районе перешейка озера двое-трое всё время находились в дозоре, спрятавшись на сопках, чтобы никакая «сволочь» не подошла сюда. А трое-четверо принялись выкапывать золото. Копали долго. Было уже холодно. Вечная мерзлота плохо оттаивала. Тем не менее, золото было выкопано. Каждый, как и обещали, получил по слитку золота. Произнесли клятву, что не предадут «общее дело».

Но золото решили не увозить далеко. «Первый», тот самый зловещий «первый», о котором дальше пойдет речь в этой книге, предложил свой план. Рядом недавно похоронили старика-эвена. Было решено, несмотря на наличие трупа, раскопать эту могилу, вырыть там большую яму и поместить туда золото, сказав местному населению, что «второй» (родственник умершего старика!) решил во время выполнения «задания Москвы» по анализу деяний Слюбченко и Дворжанова сделать надгробие на могиле старика-родственника*.

Труп старика отложили в сторону, а в яму, вырытую под могилой, поместили ящики с золотом. Труп положили сверху. Сделали надгробие. Доски просмолили. Покрасили желтой краской. Расчет был на то, что никто не посмеет притронуться к могиле, особенно такой, которая была сделана с такой любовью... аж доски просмолили. Более того, по эвенским обычаям, тому, кто

* Именно там мы и нашли золото, о чем вы, дорогой читатель, прочитаете в главе «Золотая могила».

притронется к могиле, полагалась смерть. Это более надежно, чем перенос золота на много километров отсюда... А вдруг встретится какой-то оленевод и... его надо будет убивать. Жалко ведь! Вот только не знала «боевая золотая дружина», что человечество создало протонный магнитометр, который может «увидеть» золото даже в могиле.

На этом, дорогой читатель, предполагаемая хроника событий заканчивается. А тогда, в далеком уже 1982 году, мы искали не золото. Мы искали самолет Леваневского. Водолазы у нас оказались плохими. Поэтому свои усилия мы направили на поиски деталей самолета N-209 на береговом шельфе.

О чем поведали местные жители

Чуть ли не все жители поселка Се-
гян-Кюэль рассказывали легенду, что некогда в небе возник большой шум, что-то упало в озеро и поднялась высокая волна. Когда волна схлынула и наступила ночь, у озера появились глаза. Да и сейчас озеро иногда открывает глаза и печально смотрит в небо.

Жители еще рассказывали, что незадолго до войны в озеро Сегян-Кюэль упал большой самолет. Один летчик оставался жив. Он поставил памятную доску и ушел в тайгу, где и погиб. А некая Трофимова Марфа Матвеевна утверждала, что в детстве видела, как в это озеро падал самолет. Все очень испугались

ГЛАВА 6

Поиски деталей разбившегося самолета. Приключение в гроте

Шел 1982 год. Было лето. Мы рыли траншеи. Вечная мерзлота требовала, чтобы мы периодически, на двое-трое суток, останавливали раскопки, дожидаясь оттаивания почвы. В это время мы, естественно, не сидели сложа руки, а исследовали шельф озера, надеясь найти части разбившегося самолета. А сведений, касавшихся возможности находки частей самолета, было достаточно.

и покинули худое место. Старушка Баянова Тамара Терентьевна видела в озере нефтяные пятна. Старушка Карпухина Устина Спиридоновна хорошо запомнила, что в предвоенные годы и в годы войны по деревне ходил парень по имени Николай, который носил гладкую кожаную куртку и летный шлем, постоянно приговаривая русское слово «самолет». У него была цилиндрическая алюминиевая емкость, куда он наливал воду. Романов Савва Илларионович утверждал, что на берегу озера нашел вал с подшипником и кусок алюминия.

Но особенно любопытными нам показались сведения, касающиеся небезызвестного Никифора Павловича Кривошеева, того самого человека, за которым тянулся предполагаемый «золотой след». Многие из жителей поселка видели, что он откуда-то приносил блестящие металлические сосуды размерами со стиральную машину с заклепками. В них он хранил одежду или воду. Никому он эти баки не отдавал. На вопрос: «Откуда ты их взял?» отвечал мычанием: «М-м!!!», намекая на тайну. Все завидовали таким удобным и легким бакам.

— А не сохранились ли эти баки до сих пор... если уж они столь удобны в хозяйстве? — задал я провокационный вопрос.

И тут нам подвернулась удача.

— Такой бак есть у Розалии Егоровны Кривошеевой, родственницы Никифора Павловича Кривошеева, — ответил один из местных жителей.

Бак Розалии Егоровны Кривошеевой

Розалия Егоровна встретила нас у себя дома даже с радостью.

— Обидно ведь, что вы спрашиваете людей, а меня ни разу не спросили! — проговорила она. — Чо, я меньше других знаю, что ли?! Я много знаю о самолетах! Вон... у меня бак от самолета стоит в сарае!

— Где?!!! — встрепнулся я.

— Неудобно мне его вам показывать, — запротивилась Розалия Егоровна. — В нем всякое тряпье лежит. Сейчас ведь бидоны появились, где удобнее хранить воду... крышка там есть,

и мыши в воду не падают. А на тот бак мыши легко забираются... по заклепкам. А выбраться не могут, потому что заклепок изнутри бака нет.

— Где этот бак? — почти прорычал я.

— Сейчас. Я только тряпье из него уберу.

— Мы что, тряпья не видели?! Пойдемте вместе!

Когда мы увидели бак*, то сразу поняли, что это часть самолета. Мы выкинули из него тряпье и стали внимательно рассматривать. Бак представлял собой

треугольной формы емкость размером со стиральную машину с закругленными краями, сделанную из алюминия. По краям тянулись по два ряда заклепок. На одной из сторон бака мы увидели приклепанный железный диск с отверстием в центре, которое было плотно законопачено хозяевами, чтобы из бака не вытекала вода. Видимо, это было отверстие бензопровода. Было похоже, что бак был отпилен от самолета ножовкой.

— Этот бак вам, говорят, подарил Никифор Павлович — ваш родственник? — спросил я.

— Да не совсем уж как подарил. Раньше Никифор Павлович подолгу жил в поселке. А в последнее время он больше кочует со своими оленями... боится, что ли, кого-то в поселке? Дома даже своего у него в поселке нет. Когда в поселок приезжает,

Бак Розалии Егоровны

* К сожалению, я не могу представить вашему вниманию фото этого бака. Фотографии исчезли в архивах руководителя экспедиции, который не выезжал в поле.

у меня останавливается. У него было три таких бака. Два бака куда-то делись, а один остался у меня, — простодушно ответила Розалия Егоровна.

— А когда Никифор Павлович принес в поселок эти баки?

— Ой... — смутилась Розалия Егоровна, — я тогда еще была маленькой... вроде бы, он их нашел еще до войны.

— Где? Где он их нашел?

— Ой... точно не помню, вроде бы в конце первого озера Сегян-Кюэль, там, где начинается перешеек между двумя озерами. Да и многие люди там находили детали от самолета. Никифору Павловичу повезло, он нашел баки, нужные в хозяйстве. Другие находили всякие там подшипники...

— У кого-нибудь остались детали от самолета? — Я пристально посмотрел на нее.

— Может и остались, — Розалия Егоровна скосила глаза, — но... кому они нужны? Выбросили, скорее всего.

— Подчистили, значит, все, — вырвалось из меня.

— Самолет там разбился. Детали, конечно, волна выбросила. Края здесь у нас дикие. Люди, конечно, обращали на них внимание. Подбирали. А вы, что, детали самолета хотите найти??? Лучше сам самолет найдите! Он там, в озере!

Я сверлящим взглядом посмотрел на нее и сказал:

— Розалия Егоровна! Отдайте нам бак! Мы хотим сделать его экспертизу. Он ведь вам особенно и не нужен. Тряпье можно хранить в другом месте.

— Забирайте, пожалуйста, — добро проговорила она.

Мы с Юрием Лобановым шли по улице поселка с баком в руках. Мы оба были счастливы. На следующий день мы с баком прошагали 35 км вдоль озера и поместили его в надежное место в нашем лагере. Оставалось сделать его экспертизу. Член экспедиции авиатор Альберт Серов предположил, что бак является частью топливных баков самолета довоенного образца, относящегося к типу дальних бомбардировщиков.

Однако мы понимали, что полная экспертиза может быть проведена только по окончании экспедиции. Должно было

пройти время. Тем не менее, нарушая хронологию изложения событий, мне бы хотелось прямо сейчас привести заключение авторитетной комиссии в отношении принадлежности этого бака к тому или иному типу самолета.

Экспертиза бака Экспертиза проводилась в Москве. Вот ее заключение.

Представленный бак, найденный в Якутии, изготовлен на заводе, где производились самолеты серии ТБ, АНТ и ДБ-А.

Напомним, что самолет Леваневского Н-209 относился к серии самолетов ДБ-А, в связи с чем найденный бак мог иметь отношение к нему.

Но давайте продолжим хронологию событий. Итак, шел август 1982 года.

Что мы нашли на береговом шельфе озера

Мы внимательнейшим образом просмотрели берега первого озера Сегян-Кюэль, перешейка между двумя озерами и начала

второго озера. И кое-что нашли.

Первое, что мы нашли, — это кусок дюралюминия, относящийся, скорее всего, к обшивке самолета, одна сторона которого была покрашена в красный цвет. Принадлежность этого куска (размером 20 × 15 см) к тому или иному типу самолетов определить было трудно, но обращал на себя внимания красный цвет, так как самолет Леваневского был раскрашен так: крылья у него были красными, а фюзеляж — темно-синего цвета.

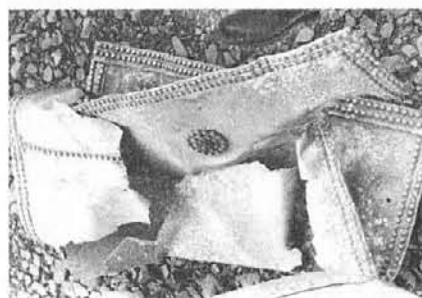
Второе, что мы нашли, — это две детали от самолета. Специалисты, делавшие экспертизу этих деталей, много дискутировали на тему их предназначения в летальных аппаратах довоенного образца, но так и не смогли определить их принадлежность конкретно к самолету Н-209, поскольку подобные

Часть обшивки самолета, одна сторона которой выкрашена в красный цвет

Две детали, принадлежность которых к конкретному типу самолета не удалось определить

Часть топливного бака от самолета типа ДБ-А

детали выпускались серийно и могли быть применены в разных типах самолетов.

Третья находка оказалась наиболее любопытной. Это были обломки дюралюминия размерами 2×1 м с заклепками и приклепанным железным кругом с отверстием в центре (бензопровод!!!). Экспертиза показала, что это часть топливного бака самолета типа ДБ-А, к которому относился и самолет Леваневского. Эта находка была сделана в устье ручья Дюсенджа, который втекает в конце первого озера Сюгян-Кюэль... откуда Никифор Павлович Кривошеев носил алюминиевые баки.

Однако не всегда наши находки на береговом шельфе озера были столь успешными. Однажды член экспедиции Валерий Бабкин из Баку, энтузиаст и талантливый человек, нашел на берегу странный алюминиевый поплавок, который можно было интерпретировать как барометр самолетов типа ДБ-А. К сожалению, выяснилось, что этот поплавок есть измеритель уровня... молока

в молочном бидоне. Еще одна находка, обозначенная как «воздуховод самолета», оказалась всего лишь... частью сепаратора для получения сливок из молока.

Тем не менее, несмотря на эти казусы, все складывалось. Получалось так, что погибший самолет Леваневского лежит где-то в конце первого озера Сегян-Кюэль. И именно там мы обнаружили подводный бугор.

Валерий Бабкин

Подводный бугор По берегам исследуемой части озера Сегян-Кюэль мы вбили множество береговых вешек, а в воду опустили множество буюв, чтобы «расчертить» акваторию озера. После этого стали промерять глубины озера по определенной схеме, надеясь обнаружить бугор, который мог оказаться самолетом Леваневского.

И мы обнаружили искомый бугор, дорогой читатель, обнаружили! На глубине 4–5 м в 150 м от берега выявился холм размерами 40×40 м и высотой около 1 м, размеры которого были сопоставимы с размерами самолета Леваневского. Член экспедиции, ученый из Свердловска (Екатеринбурга) Василий Мироненко с помощью протонного магнитометра выявил на этом бугре сильную магнитную аномалию и по показаниям датчиков предположил, что под бугром находится большой металлический предмет, сделанный, скорее всего, из дюралюминия.

Схема расположения подводного бугра

Все совпадало. Этот предмет и в самом деле мог быть погибшим самолетом, занесенным слоем ила*.

Наступило время подводных поисков. Глубина была небольшая — 4–5 м. У нас было два аквалангиста.

Горе-аквалангисты Главного из аквалангистов порекомендовал сам Валентин Иванович Аккуратов. Аквалангист был из Керчи. Его звали Олег Баулов. Получилось так, что Валентин Иванович, занимаясь поиском хороших аквалангистов для нашей экспедиции, обратился в партийные органы города Керчь, которые... и порекомендовали Олега Баулова.

Этот человек, честно говоря, нам сразу не понравился. Какие-то бегающие глазки, взгляд искоса, надменно приподнятая верхняя губа и какое-то непомерное обжорство, когда все едят из общего котла. Он как бы боялся, что его объедят.

— Сидел, наверное, — произнес, наблюдая за ним, член экспедиции Георгий Айбулатов. — Так едят в тюрьме.

Кроме того, ребята заметили, что, когда мы разливали спирт по кружкам, Олег не отказывался, но не пил, а втихаря выливал его на землю... чтобы никому не достался.

А я ловил себя на мысли, что мне очень хочется дать ему в морду. Особенно нервировала его надменная верхняя губа.

Помощником Баулова был некий Павел — городской пацан лет семнадцати. Баулов объяснил, что его выбор пал на пацана, потому что он, в отличие от других аквалангистов города Керчь, толковый.

Наши аквалангисты привезли с собой четыре гидрокостюма. На первый взгляд они показались нам красивыми — такие черно-желтые элегантные изделия резиновой промышленности СССР. Но все они оказались дырявыми, а в маски проникала вода.

* Однако, забегаю вперед, я скажу вам, дорогой читатель, что самолет мы нашли в другом месте этого озера, о чем я расскажу несколько позже.

— Списанные гидрокостюмы подобрал, наверное, сука! — с негодованием сказал Георгий Айбулатов.

О, какой мат стоял, когда мы заклеивали эти гидрокостюмы и латали маски!

— Олег! Ты хоть раз нырял с аквалангом? — спросил у Баулова Айбулатов.

В ответ понеслась такая бравада и такой понос в адрес какого-то клуба аквалангистов, что «хоть стой, хоть падай».

В конце концов, мы подвезли горе-аквалангистов к подводному бугру и спустили их в воду. Они даже нырнули, но вскоре, этак минут через пять, вынырнули со словами «холодно в воде!».

— Что вы там видели?

— Дно.

— Больше ничего?

— Ничего.

Нам ничего не оставалось, как одеть в гидрокостюм Георгия Айбулатова и запустить его в воду. Пробыл он под водой минут двадцать и, вынырнув, рассказал, что бугор и в самом деле существует, но он занесен илом. Раскопать ил невозможно, — нужна мотопомпа.

Мотопомпы у нас не было. Настроение у всех стало пасмурным. Но на следующий день оно стало еще хуже. Когда мы умывались утром на берегу озера, Юра Лобанов по секрету поведал, что из экспедиционных денег пропало 50 рублей*.

— Я подозреваю Олега Баулова, — сказал он.

* В те времена один американский доллар стоил 62 копейки. Зарплата врача была 110 рублей.

Олег Баулов

Георгий Айбулатов

В тот же день мы узнали, что пропали личные деньги у Николая Петровича Никова, Ришата Булатова и Альберта Серова (всего 150 рублей). Было решено отвлечь Олега Баулова с пацаном Павлом, придумав какое-нибудь задание, и в это время обыскать их рюкзаки.

На следующий день мы отправили Олега с Павлом на лодке починить три бую. Юра Лобанов с Ришатом Булатовым, воспользовавшись этим, аккуратно, чтобы не было заметно, перерыли их рюкзаки

и... в рюкзаке Олега нашли искомые 200 рублей. Их, естественно, изъяли. Вечером было решено устроить «разборку».

Заметил Олег пропажу украденного или нет, не знаю. Глазки его бегали, как всегда. Зато вечером, когда испекли лепешки, он их ел с такой жадностью, будто старался наесться впрок. Юра Лобанов даже остановил его окриком:

— Другим-то оставь!

Первым у костра обличающую речь в адрес Олега Баулова произнес Юра Лобанов. Затем слово взял профессор Николай Петрович Ников и держал долгую речь о совести и необходимости понять общечеловеческие ценности. Высказывались все. Дошла очередь до меня. А я подошел к нему, плюнул себе на кулак и от всей души врезал ему в морду, целясь в брезгливо приподнятую верхнюю губу. Кулак смачно въехал в его физиономию. Баулов громко завопил, упал и, размазывая кровь из рассеченной верхней губы, жалобно заплакал.

Вскоре Баулов признался, что украл 50 рублей экспедиционных денег, но в краже 150 рублей личных денег не признавался. Я подошел к нему и хрипло выдавил из себя:

— Тебе еще, что ли, добавить?! Отсюда ты никуда ведь не убежишь! Кругом тайга и горы, где твоим другом может быть только

медведь. К тайге ты не приспособлен. Да и осень наступила, скоро ударят якутские морозы. До поселка, откуда летают самолеты, 35 км, но пока ты будешь ковылять по тропе своей блатной городской походкой, мы тебя обгоним и предупредим местные власти. Ты в западне, Олег! Признавайся лучше, сука!

Чувствовалось, что Олег все это понимал. Его аж колотило. Он поднял на меня глаза, встрепенулся и вскричал:

— Это Павел украл!!!

У Павла глаза вылезли из орбит.

— Как! Как! Как... — смог лишь выговорить он.

Павел схватил какую-то корягу и с ней кинулся на Баулова. Мы его еле удержали.

А потом у пацана Павла развязался язык. По-детски всхлипывая, он начал говорить:

— Я хоть и молодой, салага то есть, но не дурак, Олег! И пусть я вырос на берегу Черного моря и привык ходить по асфальту, я не слабак, Олег! А вот ты дурак и слабак. Чо ты воровал-то, когда смыться некуда? Ты думаешь, я ничего не замечал? Вспомни, как ты в поезде торговал порнографией и облепиховым маслом! А какой ты дом отгрохал в Керчи и корчил из себя знаменитого художника! Я чо, не знаю, что ли, что гидрокостюмы ты за три рубля купил у прошелыги какого-то?! Я даже видел, Олег, как ты два анорака и штормовку у ребят украл, положил в полиэтиленовый мешок и закопал вон там.

После этих слов Павел взял лопату, удалился от костра и вскоре возвратился с анораками и штормовкой.

У Павла глаза
вылезли из орбит

На следующий день Олег был угрюмым. Все время молчал. Он понимал, что деваться ему некуда. Пацана Пашу мы отправили за ягодами, а я решил подняться на бугор, чтобы нарисовать схемы-кроки. И тут позвольте привести короткую выдержку из моих дневников.

Когда я поднялся на бугор, то увидел Пашу, собиравшего ягоды. Паша, будучи городским пареньком, здесь, в дикой Якутии, конечно же наслушался рассказов о стае волков и медведей. В свои 17 лет он, сохранив детскую непосредственность, свято верил во все это.

Я стал наблюдать за Павлом, спрятавшись за деревом. Он меня не видел. Павел, ползая на коленках, торопливо собирал ягоды. Чувствовалось, что он нервничает. Он постоянно оглядывался, периодически выпрямлялся и застыл, как сурок, весь обращаясь в слух и зрение.

Я осторожно поднял сухую ветку, с хрустом переломил ее да еще вдодавок хрюкнул. Павел, стоявший на коленках, на мновение застыл, а потом вскочил и начал бешено озираться.

Я хрюкнул еще. Павел схватил топор, прихваченный с собой, видимо, с целью самообороны, и рубанул им по воздуху справа и слева от себя, а потом стал бешено «рубить воздух» за спиной. Но, убедившись, что медведя там нет и в помине, застыл снова. Вскоре он поднял кастрюлю с ягодами и, не выпуская топора из рук, стал уходить в сторону лагеря, прячась за деревьями.

Я хрюкнул третий раз, да к тому же издал звук «хрряя», изображая медведя. Павел бросил кастрюлю с ягодами и что есть силы побежал к лагерю. Кастрюлю я подобрал, а ягоды вот рассыпались.

Нарисовав схемы-кроки, я возвратился в лагерь. Все походило по поводу случая с Павлом.

— А где Баулов? — спросил я.

— Ушел в тайгу. Вещи его здесь. Да куда он денется! — ответил кто-то из ребят.

Воспользовавшись тем, что оставалось несколько часов светового времени, я решил дойти до странного для этих мест малого озера, расположенного в 2—3 км от лагеря, чтобы подробно исследовать глубокие земляные гроты на крутом берегу, образовавшиеся вопреки законам вечной мерзлоты. Смысл в этом был. Ведь у нас накопилось достаточно сведений, что один из летчиков оставался жив и он, возможно, мог использовать эти гроты в качестве временного убежища. А вдруг он там что-то оставил?!

Дойдя до этого озера, я исследовал первый грот, потом второй и, наконец, полез в третий, самый глубокий грот. Я при свете фонарика стал осматриваться... И вдруг над собой услышал шаги. Я затаился. Нож был в руке. Ружье было рядом.

Приключение в гроте Далее я услышал, что кто-то, то ли человек, то ли зверь, топчется на месте. Сверху осыпалась земля. Я стал разворачиваться, соблюдая тишину. Но какой-то корень с хрустом переломился под моей коленкой. И... в это время этот «кто-то» начал иступленно прыгать надо мной. Земля стала засыпать меня. Я бы успел выскочить из грота, если бы... если бы сухая лиственница, стоявшая над гротом, не накренилась и не упала в озеро, своими корнями загородив спасительный выход. Я сразу понял, что мне придется долго резать ножом корни, чтобы выбраться наружу.

А этот «кто-то» продолжал прыгать надо мной. К счастью, слой почвы был невелик, поэтому меня не полностью засыпало, то есть не захоронило. Дышать, правда, было тяжело, но можно.

— Кто же это прыгает? — думал я. — Явно не зверь. Может чучуна — снежный человек? Но, скорее всего, это человек. Неужели Баулов, который незадолго до этого ушел в тайгу?

А ведь он видел эти гроты и знал, что мы хотим их детально обследовать. Неужели это он подловил меня? Вот его месть — месть ворюги в западне. Если он меня сейчас захоронит, то вряд ли кто-нибудь найдет. Будут по всей тайге меня искать и до Баулова уже никому не будет дела. Его не сдадут в милицию. Хоть провалился бы в грот, тварь поганая! Тогда я тебя бы здесь...

Иступленные прыжки прекратились. Видимо, «кто-то» устал. Но потом они возобновились с новой силой. Что-то хрустнуло. Я испугался, что слой почвы, с которого уже осыпалась земля, опустится и не оставит пространства для воздуха. Я вытащил ружье и с усилием попытался повернуть его стволами вверх. Но пространства для разворота не хватало. Я подрезал какие-то корни, разрыл землю и все же смог повернуть ружье стволами вверх. Моей целью было проткнуть стволами слой почвы и выстрелить, чтобы испугать прыгающего человека. Я должен был обязательно проткнуть слой почвы, в противном случае пороховые газы заполнили бы мою камеру и я бы задохнулся. К тому же я боялся разрыва стволов ружья, поскольку они были заполнены землей.

— Чему бывать, того не миновать, — прошептал я.

Я ткнул ружьем в «потолок» грота несколько раз, но он не протыкался; только земля еще больше заполняла стволы. Я нащупал стволами самое тонкое, как мне казалось, место в «потолке» и стал тыкать туда. Стволы все глубже углублялись в «потолок», но вдруг уткнулись во что-то жесткое.

— Черт побери! Корень, наверное, — прохрипел я.

К счастью, корень на ощупь оказался довольно тонким, и мне удалось его обойти, все дальше погружая стволы в «потолок». Наконец, я почувствовал облегчение при толчках; видимо, я дошел до уровня мха и травы.

А этот «кто-то» продолжал иступленно прыгать. Было слышно его надрывное дыхание. Я со всей силы ткнул ружьем вверх и понял, что проткнул «потолок». Даже струйка свежего воздуха вошла в мою подземную камеру.

Проклятый «кто-то» продолжал прыгать. Наверное, он не заметил ствол, высунувшийся из-под земли. Я взвел курок.

— Не обессудь, если я попаду в тебя, сука! Я ведь не вижу! — прошептал я. — Лишь бы не разорвало ствол!!!

После этих слов я нажал на курок. Выстрел содрогнул всю мою камеру. Вслед за ним наверху раздался душераздирающий крик — человеческий крик.

— Попал, что ли, в тебя, тварь? — проговорил я.

А потом я услышал топот. Этот человек убежал. Я выждал несколько минут и, убедившись, что наверху никого нет, втащил ружье в подземную камеру. И тут меня охватил восторг.

— Смотри-ка, даже ствол не разорвало!!! Невероятно, невероятно... ведь он был полон земли. Хорошо, что я не стал стрелять из второго ствола, — такое везение, чтобы не разорвало ствол, бывает не всегда, — радостно шептал я.

Теперь мне надо было выбраться из грота, куда из отверстия в «потолке» поступал свежий воздух. Подумав, я решил, что лучше не пробиваться через корни упавшей лиственницы, загородившей выход, а расширить отверстие в «потолке». Для этого надо было ножом перерезать лишь один корень.

Было страшно неудобно резать корень и рыть землю у себя над головой полулежа в неестественной позе. Руки затекали, шею сводило судорогой... Тем не менее, мне удалось подрывать этот корень и перерезать его в двух местах, после чего я увидел слой мха над собой. От радости

Наконец, мне удалось проткнуть стволами потолок грота

мне захотелось проткнуть его головой, но я остерегся, понимая, что этот человек мог затаиться где-то рядом. Я зарядил тот ствол, где после выстрела не было земли, и, сделав кулаком отверстие во мху и траве, высунул ружье и выстрелил в воздух. Послушав тишину несколько минут, я разгреб руками мох и траву.

О, сколько радости было, когда я оказался на поверхности! Уже смеркалось. Было холодно. Но самое главное — вокруг было столько воздуха, столько... дыши, не хочу.

Взяв азимут, я вскоре дошел до нашего лагеря. Все сидели у костра. Баулов сидел в сторонке.

Я отозвал кого-то из ребят и спросил:

— Баулов давно вернулся?

— Да недавно. Глаза бешеные. Грязный весь.

Я подошел к сидящему Баулову и стал сверлить его взглядом. Он дрожал, опустив глаза.

— Пойдем на берег!!! — грозно сказал я.

Баулов обреченно встал и послушно пошел со мной на берег озера. Мы остановились у кромки воды. Ребята молча взирали на нас.

— Убивать будешь? — спросил он.

— Видишь, ружья у меня нет, — ответил я.

— А нож? — Баулов взглядом показал на мой якутский нож, висевший на боку.

— Нож мне не нужен.

Я собрался духом и что есть силы вмазал ему кулаком в нос. Голова его откинулась, и он навзничь упал в холодную воду.

Злость кипела во мне. Я зашел в воду по колено и взял его за шкирку.

— Топить будешь? — прохрипел Баулов.

— Вылазь, сука, на берег!

Когда он вылез на берег и стоял, дрожа от холода, мне стало не по себе. Из носа у него текла кровь, которую он размазывал по лицу. Мне даже стало жалко его — этого потерянного по жизни идиота, страдавшего, видимо, клептоманией*, который

* Клептомания — патологическая склонность к воровству.

и украсть-то по-умному не мог, не говоря уж о ловком и хорошо продуманном убийстве. Каким же дураком надо было быть, чтобы делать это в западне, самой натуральной западне, когда бежать некуда, только если к медведям. Какая-то поганая дьявольская страсть сидела в этом человеке, которая всецело управляла им по принципу «Люди чужды для тебя! Обмани их! Украти! Убей!», но управляла порой нелогично, даже не учитывая инстинкт самосохранения, когда заставляла воровать и делать попытку к убийству... в западне.

Я еще раз взглянул на этого человека.

— Посмотри мне в глаза! — прорычал я.

Баулов нехотя поднял на меня глаза. В них было столько ненависти ко мне и к ребятам, окружившим нас, что я сразу понял, что мы для него чужие... чуть ли не генетически чужие. У него была другая душа, которой управлял не Бог, а Дьявол — извечный противник Бога. Мне даже подумалось, что правоохранительные органы, пытаясь перевоспитать воров-рецидивистов, глубоко ошибаются: у них дьявольская душа, которая изнутри шепчет: «Ты другой! Ты другой» и требует противодействовать всему человеческому, даже «не жалея живота своего». Они как инопланетяне среди нас, люди с инвертированной зеркальной душой Дьявола.

— Страшно?! — спросил я у Баулова.

Он подобострастно посмотрел на меня и часто-часто закивал. Вода стекала с него. Его колотило от холода. Он смотрел на меня и плакал, смотрел и плакал... взывая к жалости.

Мне даже стало
жалко этого потерянного
по жизни идиота

А я думал о тех людях, которые склонны гадить и даже убить исподтишка. Это вам не такие, как Леваневский или Чкалов. Это подколодные змеи. И жалеть их не надо. Тебя они не по-жалуют, если ты подставишь спину.

Я с размаху, сжав ладонь, ударил его по щеке так, что он, как подкошенный, упал рядом с водой и стал, впиваясь пальцами в песок, отползать.

— Встань, тварь, и иди в палатку! — сказал я.

Баулов ушел в свою палатку. А я у костра рассказал ребятам о происшествии в гроте. Мы засиделись далеко за полночь. Выпили спирта, конечно. Много философствовали. Ришат Булатов предложил связать Баулова. Многие из ребят согласились с ним. Но я засопровтивлялся, предложив убрать ружья, топоры, лопаты и ломы в свои палатки — все то, чем мог воспользоваться Баулов ночью, когда мы спим.

Мы так и сделали, даже крупные камни выбросили в воду. Но Ришат Булатов настаивал связать Баулова. А я отказывался, думая, что «ему и так хватило».

О, как я был неправ!

Отравление группы На следующее утро мы увидели, что Баулов сидит у костра и... печет блинчики.

— Перевоспитался, что ли? Никогда ведь не готовил! — сказал кто-то из ребят.

Мы разлили чай по кружкам и с удовольствием поели блинчиков.

Тут резко поменялась погода. Налетел сильный северный ветер. На озере возник шторм. Шел дождь, который периодически переходил в снег. Вскоре вся полянка вокруг нашего лагеря побелела. Из-за непогоды мы отменили все маршруты и отсиживались в палатках. Готовить пищу на костре было невозможно: ветер задувал костер.

Пролежав в палатках этак часов шесть, мы, чуть ли не одновременно, почувствовали тошноту. Вскоре все стали выходить

из палаток, чтобы, так сказать, поплевать. Возник неукротимый понос.

— Это отравление... отравление группы, — выдавил из себя, заползая в нашу (с Юрой Лобановым) палатку, профессор Николай Петрович Ников. — Чем мы могли отравиться? Чем?

В нашу палатку заполз еще и Ришат Булатов.

— Баулов не ел блинчики, которые он пек, — заметил он. — Кстати, блинчики были плохо пропеченными, так что отравляющее вещество могло не разрушиться при термообработке. По-моему, всех отравил Баулов.

— Что же он подсунил в блинчики? — задался вопросом Николай Петрович Ников.

— Да хоть говно замешал в тесто, — ответил Ришат Булатов.

Снег не прекращался. Завывал ветер. Мы все, несмотря на тяжелое общее состояние, сгрудились в нашей палатке. Было решено связать Баулова, поскольку он мог выкинуть еще что-нибудь.

На дело пошли Ришат Булатов и Георгий Айбулатов. Юра Лобанов тоже присоединился к ним.

**Как Ришат Булатов
вязал Олега Баулова** Вначале в палатку к Баулову вошел Юра Лобанов и какое-то время вел с ним беседу. После этого он вышел

и сказал, что минут этак десять не надо к нему заходить. Оказывается, он подкинул 100 рублей с целью проверить, сопрет этот идиот деньги в столь критической для него ситуации или нет? И вы знаете, дорогой читатель, спер он эти деньги, как миленький спер, засунув их к себе в трусы.

За дело взялись вязальщики. Я не видел этой процедуры, но ребята утверждали, что Баулов не сопротивлялся и даже, вроде как, помогал процессу его связывания.

Когда все было закончено, Ришат Булатов позвал меня, чтобы показать «результат своего творчества». Несмотря на поступающую тошноту, меня охватил смех, — Баулов был связан по принципу, как связывают почтовые посылки. Руки его были тоже подхвачены так, что пошевелить ими он не мог.

*Ришат Булатов
с веревкой*

— Здорово получилось ведь, а! — сказал Ришат, удовлетворенно поглаживая узлы на веревке. — Ни за что не развяжется!

— Кстати, надо отметить, что мы одели Баулова в теплую одежду и засунули его в спальник, чтобы не замерз в связанном состоянии, — добавил ассистировавший Георгий Айбулатов.

Баулов лежал смирно, прикрыв глаза. Он, наверное, понимал, что «пролетел» по всем статьям, даже с последними подкинутыми 100 рублями.

— Кстати, — встревожился я, — а как он будет писать и какать?

— М-да, — почесал затылок Ри-

шат Булатов, — об этом мы не подумали. А вообще-то, пусть сс...т и ср...т себе в штаны! Деньги из трусов мы вынули.

На следующее утро Ришат доложил всей группе:

— Ох, и воняет у него в палатке! Явно обос...ся и обоср...ся. Кормить его противно. А жрет! Все, что ему в рот не положишь, тут же проглатывает.

Погода не улучшалась. Дул ветер, порошил снег. Ришат и Георгий Айбулатов что-то рьяно обсуждали. Потом они удалились в палатку Баулова и долго там вошкалились, после чего подошли к нам.

— Мы придумали новый способ связывания, — доложили они. — Как только Баулов захочет сс...ть или сс...ть, мы вынимаем его из палатки, дергаем за узел, называемый булинь, в результате чего руки и поясница освобождаются, и он может сделать «это» самостоятельно. После этого мы снова затягиваем узел и засовываем его в палатку. Надо кому-то ночевать с ним в палатке. Мы предлагаем молодого Пашу.

— Как! Как! Как... меня?! — буквально вздыбился Паша. — Я и так с ним столько времени в палатке жил. А сейчас, когда он обос...л и обоср...л свой спальник... Не пойду! Не пойду-у!

Всем стало жалко Пашу. Ришат Булатов спросил:

— Желаящие есть?

Все молчали.

В конце концов решили, что Паша будет периодически подходить к связанному и спрашивать — хочет ли он сс...ть или ср...ть? Да и кормить Баулова поручили бедному Павлу.

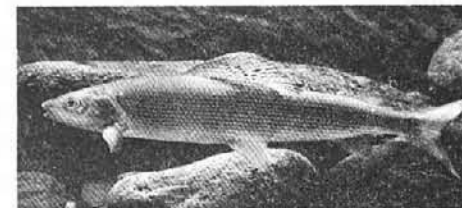

Хариус в протоке Чтобы скрасить вынужденное пребывание в лагере из-за непогоды и...

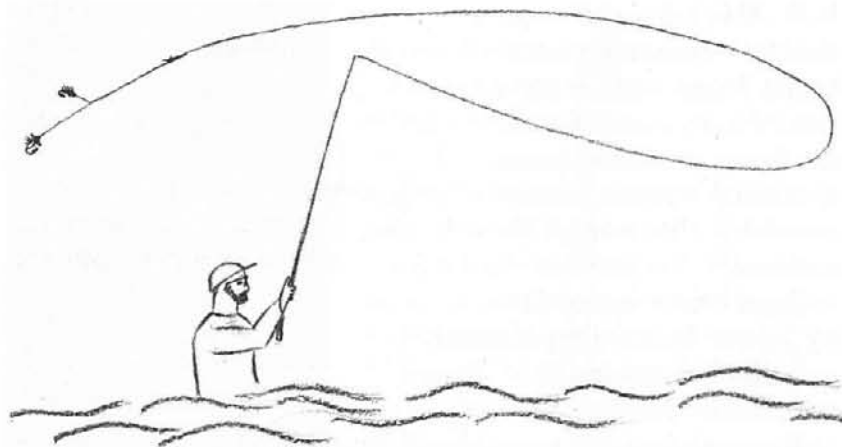
Баулова, я решил порыбачить в протоке между двумя озерами, где заметил участок быстрого течения — перекат. В таких местах обычно водится хариус — вкуснейшая рыба.

Я вырубил из карликовой березки хлыст длиной метра три, оставив максимально тонкий кончик, и подвязал к нему толстую леску 0,8, а к ней привязал поводок с двумя искусственными мухами — мушками. Получилось что-то наподобие кнута, который можно забросить метров на 20–25.

Однако такую снасть, называемую нахлыстом, нельзя закинуть с берега, поскольку она обязательно зацепится за кусты. Надо было войти в воду и кидать с воды. Я, конечно, хотел надеть гидрокостюм, но от него как бы «веяло» Ба-

Хариус

Рыбалка нахлыстом

уловым. Поэтому я решил войти в воду и, промокнув, ходить по перекату по пояс, несмотря на то что шел снег с дождем.

Я, конечно, в воде совсем окоченел, но терпел. Рыба не ловилась, не ловилась, но в конце переката я почувствовал удар хариуса. Он был крупным — этак 0,5 кг. К сожалению, когда я его подтащил к себе, он сорвался. Вскоре клюнул еще один такой же хариус, которого мне удалось вытащить и положить в нагрудной карман анорака. Поклевки следовали одна за другой. Всего я поймал 7 хариусов. Азарт грел меня.

И тут ударила какая-то очень большая рыба. Удилище изогнулось и с хрустом сломалось у самого комля. А вскоре я вытащил остатки порванного поводка. Я, дрожа от холода, сматал леску, а потом достал закидушку — толстую леску 0,5, на конец которой была привязана блесна. Сделав из лески петлю, я надел ее себе на ногу, после чего, забросив блесну в яму на конце переката, стал тихонько подтаскивать к себе. Удар крупной рыбы последовал незамедлительно. Я не стал долго водить рыбу, а, надеясь на крепость лески, подтащил ее к себе. Это был гигантский хариус весом этак 3 кг. Я еле схватил его за жабры,

а другой рукой вынул блесну изо рта рыбы. В нагрудном кармане анорака хариус не помещался. Тогда я оттянул рукой ворот майки и сунул хариуса за пазуху.

— У-у-у! — вырвалось у меня, когда я почувствовал холод рыбы.

Вскоре попался еще один такой хариус, и у меня «за пазухой прибавилось». Я уже стоял по грудь в воде, все дальше входя в омут. Но холод окончательно одолел меня. Я развернулся и пошел к берегу.

— Хватит, — сказал я сам себе.

В лагере я никак не мог согреться. Я чуть ли не залез в костер, впитывая тепло. Но в большей степени помог спирт, который я выпил, разбавляя кипятком.

А еще через полчаса я, пьяненький и переодетый в сухую одежду, сидел на бревнышке и умиленно смотрел, как ребята вкусно жарят хариусов на костре.

Случай с хариусами в какой-то степени скрасил наше тяжелое и унылое пребывание здесь — в Зоне, где хоронят золото, где падают самолеты и где «свихиваются» люди... например, Баулов. У костра было весело: спирт шел хорошо, и хариус был вкусным. Мы даже туристскую песню спели.

— Я отнес кусок хариуса Баулову. С удовольствием сожрал, — заметил Ришат Булатов.

Наступала осень Был конец августа 1982 года. Наступала якутская осень. Первый год экспедиции подходил к концу. Было решено перебазироваться в поселок.

Вскоре приплыли моторные лодки, на которые мы погрузили снаряжение и перевезли его на другой конец озера Сегян-Кюэль. Кто-то доехал на моторках, а кто-то пробежал 35 км по тропе. Баулова довели на моторке и заперли в какой-то комнатке с кроватью. Все мы, кто на полу, кто на кроватях, расположились в маленькой поселковой гостиничке. Экспедиция заканчивалась. Мы ждали самолета.

Но ситуация сложилась так, что возникли два ярких и весьма значимых момента, которые во многом определили тактику дальнейших поисков. И на них, дорогой читатель, я остановлюсь в следующих двух главах этой книги.

А сейчас позвольте мне, дорогой читатель, забегаая вперед, завершить историю про злосчастного аквалангиста Баулова.

Ешь землю, сука! В самолете Баулов молчал. Глаза его бегали. Он не был связанным.

В поселке Сангар, куда мы долетели, нам предстояла посадка на самолет АН-24, чтобы долететь до Якутска. Но перед самой посадкой мы вдруг обнаружили, что нет Баулова и Сергея Викторовича Вырупаева. Возникла сумятица. Все стали метаться в поисках их.

Они были обнаружены в 100 метрах от аэропорта в лесопосадочной полосе. Крупный и мощный Сергей Викторович, оказывается, потащил Баулова туда. По пути он подобрал пустую бутылку и, отбив ее дно об дерево, занес над Бауловым «стеклянное оружие» с острыми краями.

— На колени!!! — закричал хирург Сергей Викторович Вырупаев. — Прощайся с жизнью, гад!!!

Баулов, оказывается, послушался, встал на колени и начал плакать.

— Ешь землю перед смертью! — прокричал Сергей Викторович.

— Ты не траву жри, а землю! С камнями жри!!! — приказал Сергей Викторович.

Баулов и в самом деле выдрал траву и стал есть землю.

— Жри больше, сука! Земля от Бога! Чем боль-

ше сожрешь, тем больше твоя душа очистится! — орал Сергей Викторович.

Когда инцидент был улажен, мы спросили доброго хирурга Вырупаева:

— Сергей Викторович! Ты и в самом деле, что ли, хотел его убить?

— Да нет, — засмеялся он, — но уж очень хотел посмотреть, как эта мразь жрет землю.

Долетев до Якутска, мы сдали Баулова в милицию. Дальнейшей его судьбы я не знаю и знать не хочу.

А сейчас, дорогой читатель, мы опять возвратимся в поселок Семян-Кюэль, где, в ожидании самолета на Сангар, нас застигли два события. Первое из них связано с загадочным русским в меховой куртке.

ГЛАВА 7

Русский в меховой куртке. Откровения 104-летней старушки

Когда мы перевезли весь наш лагерь в поселок Сегян-Кюэль, то почувствовали, что так замерзли в палатках, так замерзли... что мы такие грязные, такие грязные... Наши тела требовали бани.

Мы намекнули об этом доброму, энергичному и весьма порядочному заместителю руководителя оленеводческого совхоза Андрееву Петру Афанасьевичу — тому, кто еще в детстве три раза видел «доску Попова». Он с удовольствием согласился и пригласил нас в гости.

Мы, поправив свои жеванные штормовки и прихватив спирт с тушенкой и салом, завалились толпой в его дом. Там было тепло и уютно. Стол ломился от оленины и рыбы. В центре стола стояли две бутылки вина «Варна».

Расселись. Налили в стаканы вина. Стали ждать, когда хозяин дома — Петр Афанасьевич — скажет первый тост. Выпить хотелось очень сильно. Но он, хозяин дома, вместо тоста начал длинный рассказ о тяжелой жизни оленеводов. И, чем дольше длился рассказ, тем сильнее хотелось выпить. Профессор Николай Петрович Ников тихонько наступил мне на ногу и глазами показал на стакан, намекая, что пора прекращать разговор.

Но Петр Афанасьевич рассказывал про оленеводов так увлечено, что прерывать его было неудобно. Тогда Николай Петро-

вич, выбрав удобный момент, поднял стакан и с достоинством произнес:

— Ну, за оленеводов!

Поев, пошли в баню. С нами был, конечно же, пацан Паша. Все говорили ему, как молодому, такие слова, как: «Поддай таз!» или «Почеши спину!» Но тут кто-то сказал: «Поддай парку!» И Паша, этот «асфальтовый мальчик» из города Керчь, плеснул на камни с ходу огромный ковш воды.

— А-а-а!!! — заорали все и мигом кинулись на пол, получив ожог кожи первой степени.

Тут же открыли дверь. Раздались возмущенные возгласы типа: «Ты чо, охренел, что ли?!» или «Ты чо, в бане никогда не мылся, что ли?!»

Паша, тоже получивший ожог, виновато опустил голову и тихо проговорил:

— Я привык в ванной мыться.

Вскоре мы опять оказались за столом Петра Афанасьевича. Вино «Варна» закончилось. Мы достали фляжку со спиртом. И тут Петр Афанасьевич, перейдя на серьезный тон, сказал следующее:

— Сегодня я получил информацию... таежную информацию... о том, что в 50 км отсюда остановилась со своим оленьим стадом Степанида Трофимовна Арсеньева, которой 104 года. Она круглый год кочует и живет в палатке (при морозах до -60°C !) со своим... безруким сыном Христофором Николаевичем Арсеньевым. Старушка, говорят, знает все о том самом русском в меховой куртке, который остался жив после падения самолета в озеро. Надо взять лошадей и ехать к ней. Лошадей я найду. Дорогу знаю. Самолета не будет несколько дней. Погода плохая.

**Кто-то ведь пытался
выйти на связь после гибели
самолета Леваневского**

От этих слов все мы встрепнулись. Расслабуха после бани мгновенно прошла. Уж мы-то

понимали, что кто-то из летчиков самолета Н-209 и в самом деле оставался жив. В противном случае кто же пытался выйти

Оставшийся в живых лётчик пытался выйти на связь

Оставшийся в живых лётчик прикрепил памятную доску к двум столбикам

на связь на волне РЛ* в течение пяти дней (с 14 по 18 августа 1937 года) после гибели самолета Леваневского 13 августа этого же года? Не призрак же! Скорее всего, оставшийся в живых летчик смог вытащить на берег запасную радиостанцию с аккумулятором и отчаянно старался выйти на связь, не понимая, где он находится — то ли на Аляске, то ли... в Якутии. К сожалению, аккумуляторы сели.

Кто-то ведь установил памятную доску о гибели экипажа N-209

Мы также четко осознавали, что так называемая «доска Попова», на которой были написаны сведения о гибели здесь экипажа Леваневского, существовала и в самом

деле, — слишком много сведений накопилось об этом. Вряд ли ее установил какой-нибудь оленевод или охотник! Сомнительно, что это была чья-то шутка, — так не шутят! Скорее всего, сделал это оставшийся в живых летчик, чтобы оставить память

* Радиостанция Леваневского.

о погибших товарищах. Более того, как указывают свидетели, доска с надписью была сделана не из подручного материала. Вполне возможно, что она была вынесена из самолета.

Откуда-то ведь появился черный блокнот

Кроме того, мы четко понимали, что тот самый черный блокнот с путевыми записями

ми перелета, неведомым образом попавший к нам, не мог, так сказать, упасть с неба. Скорее всего, этот блокнот принадлежал члену экипажа* Леваневского, который после падения самолета в озеро остался жив. Возможно, он, как самое дорогое, прижимал к сердцу черный блокнот. Вот только почему черный блокнот «объявился» и стал достоянием общественности, а сам владелец черного блокнота исчез? Как так случилось? Загадка опять нависла над нами.

Оставшийся в живых лётчик как самое дорогое прижимал к груди чёрный блокнот

Мы расспросились с гостеприимным Петром Афанасьевичем и пошли в свою маленькую гостиничку. Там я зажег свечку, достал свои дневники и начал анализировать сведения о некоем русском в меховой куртке, про которого рассказывали местные жители. И вот что я нашел в своих записях.

О чем рассказали местные жители

Старик Слепцов Николай Егорович, 80 лет, поведал следующее:

* По экспертизе почерка, это был бортмеханик Годовиков.

Еще до войны в первое озеро Сегян-Кюэль упал большой самолет. Я сам этого не видел, но многие оленеводы видели. Очень испугались, стали уходить подальше. И мы со своим стадом ушли. Добрались до района трех остроконечных вершин, похожих на перевернутое сердце и там остановились, хотя там были не очень хорошие места для выпаса оленей. Сердце-вершины притягивали к себе. Простояли там почти месяц. Однажды в поисках потерявшегося оленя я забрел слишком далеко и увидел мертвого русского в меховой куртке. Он лежал лицом вниз. Рядом с ним стояли унты, изрезанные ножом. Нож он держал в руке, воткнув его в землю перед собой. Я убежал и больше не стал туда возвращаться.

Еще один местный житель, Козлов Алексей Николаевич, 48 лет, разнорабочий совхоза, вспомнил рассказ своей матери:

В 1937 году... мать говорила, что именно в этом году... в озеро Сегян-Кюэль в районе перешейка упал в воду самолет. Один летчик остался жив. Он повесил доску о гибели своих товарищей, поставил крест и ушел в тайгу. Там он и погиб. Его тело не нашли. Только меховая куртка осталась. В детстве, недалеко от того места, где видели мертвого русского, я нашел наган. Все говорили, что это наган русского в меховой куртке. Этот наган я давно продал.

Местная медсестра, Захарова Светлана Ильинична, 60 лет, рассказала вот что:

— Незадолго до войны мы кочевали осенью в районе вершин, похожих на перевернутое сердце. Удивились, что оленевод Слепцов тоже пригнал сюда свое стадо. Но тайга большая, всем места хватало. Я тогда еще была подростком. Как-то днем мы с Марией Сафроновой ушли далеко от чума и в кустах увидели мертвого медведя. Испугались, прибежали обратно в чум и сказали об этом отцу. Отец пошел вместе с нами, осторожно подошел к мертвому медведю и позвал нас. Это был не медведь! Перед нами ничком лежал мертвый человек, одетый в меховую куртку. Правая его

рука была вытянута и сжимала кинжал, воткнутый в землю. Через плечо был перекинут длинный гладкий ремень, на котором висела прямоугольной формы сумка. Он был в портянках. Рядом стояли зимние унты, голенища которых были сильно изрезаны. Справа и слева от себя он разжигал два костра. На одном из костров стояла чашка, в которой он варил кожу от унтов. Лицо умершего было белым. Это был русский, работающий, не хама (бродяга).

Отец увел нас от мертвого русского, а вечером в чуме рассказал, что недавно в озеро упал большой самолет. Наверное, этот русский прилетел.

На следующий день мой брат Иван Захаров* вместе с другими братьями пошли к умершему русскому. Может быть, они его хоронили, не знаю.

Кроме того, когда мы показали обычный полевой планшет Светлане Ильиничне, она подтвердила, что у мертвого русского был такой же планшет.

Она же, Светлана Ильинична Захарова, рассказала случай, связанный с ее подругой — Варварой Иннокентьевной Слепцовой, которая недавно умерла:

Варвара Иннокентьевна была женщиной неграмотной и работала в поселке уборщицей. В молодости, когда их род (Слепцовых)

Он лежал ничком, сжимая в руке воткнутый в землю кинжал

* Дорогой читатель, обратите, пожалуйста, внимание на эту фамилию.

кочевал с оленями в районе вершин, похожих на перевернутое сердце, она тоже видела погибшего русского в меховой куртке. Любопытным было то, что, когда в поселок впервые привезли киноустановку и показали, среди других фильмов, фильм про полярных летчиков, эта неграмотная темная женщина, увидев летчика, одетого в меховую куртку, шлем, унты и с планшетом на боку, закричала на весь зал: «Вот тот человек, которого я видела в молодости убитым!!!»

Кроме того, в моих дневниках было довольно много других записей, которые косвенно свидетельствовали об этом же. Но на них, дорогой читатель, позволяйте не останавливаться, поскольку они несколько сумбурны. Лучше более подробно остановиться на том, о чем рассказала 104-летняя старушка.

Путешествие на озеро Номья. Откровения 104-летней старушки

Утром мы проснулись рано. Пришел Петр Афанасьевич и сказал, что нашел двух лошадей, а вскоре из леса приведут еще двух. Выглядел он плохо. Оказывается, у него всю ночь сильно болел желудок. Мы дали ему таблетки и отправили поспать пару часов, понимая, что в здешних краях ночь наступает в 10–11 часов вечера (полярный день еще не закончился!) и мы можем успеть проехать на лошадях 50 км до озера Номья засветло.

А далее, дорогой читатель, позволяйте привести выдержку из моих дневников.

Здесь лошади очень выносливы, привыкли ходить по камням, болотам и пересекать бурные реки. На зиму лошадям сена не заготавливают, они, как и олени, пасутся, выкапывая из-под снега траву. Но они, будучи полудикими, не очень слушаются всадника.

После обеда к нам привели четырех оседланных лошадей. Мне дали хорошего высокого и красивого коня. Сев на него, я почувствовал себя неуверенно, хотя и вырос в деревне, но на лошади ездил всего-то раза два-три. В деревне мы держали коро-

ву, овцу, козу, гусей и кур, а вот лошади у нас не было, поскольку мама работала участковым врачом и у нее была «служебная» лошадь с конюхом, который нам помогал. А вот Рихат Булатов, тоже деревенский мужик, вырос с лошадьми и умело управлялся с ними. Что уж говорить о Петре Афанасьевиче — он был просто асом. Труднее всего было Юрию Лобанову — городскому человеку, для которого лошадь была чем-то сродни динозавру.

Когда мы выехали из поселка и поехали вверх по

Петр Афанасьевич Андреев:
— всю ночь болел желудок

Мы отправились в путь
к озеру Номья

реке Номья, мы сразу ощутили, что Юрию Лобанову очень трудно; его лошадь шла то вправо, то влево, то топталась на месте. Оказывается, он управлял лошадью, как мотоциклом: увидит перед собой кустик и, чтобы объехать его, тянет вожжи вбок, забывая, что лошадь — живое существо и сама видит перед собой этот самый кустик. Много хохотали над ним, рекомендуя превратиться во всадника без головы.

Мы все ехали и ехали вверх по речке Номья. Местность повышалась. Было холодно. Мы хотели достичь верховьев этой речки, где находилась цепь озер Номья, на берегу одного из которых должна была

стоять палатка 104-летней старушки, где она жила со своим безруким сыном. Вечерело.

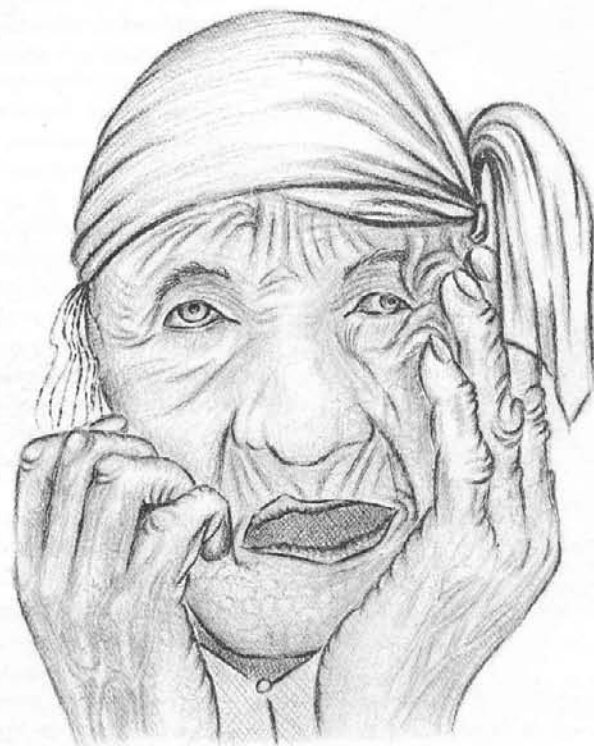
Уже перед закатом мы увидели палатку. Подъехали к ней, расседлали и привязали лошадей. Навстречу вышел мужчина лет пятидесяти и, в знак приветствия, протянул руку без пальцев. На другой руке я разглядел обрубки двух пальцев. Его звали Христофором Николаевичем. По-русски он говорил плохо, но «наш эвен» Петр Афанасьевич переводил.

Мы с Петром Афанасьевичем первыми вошли в палатку. Внутри топилась печь-буржуйка. На ней стоял закипающий чайник. Везде лежали олени шкуры. В углу стоял радиоприемник «ВЭФ».

У спущенного брезентового полога сидела, вернее полулежала древняя старушка. Это была Степанида Трофимовна Арсеньева, которой, как говорили, исполнилось 104 года. Она была одета в серую кофту, голова была повязана платком, на ногах были кирзовые сапоги. Старушка была маленькая. Все ее лицо бороздили глубокие морщины, а на подбородке кожа была разделена морщинами на бугорки. Один ее глаз напряженно смотрел на нас, и по этому взгляду можно было понять, что она плохо видит. Другой глаз был уменьшен в размерах, отклонен в сторону и слезился. Рот был скорбно приоткрыт. Руки с крючковатыми пальцами и выступающими венами постоянно двигались, то поглаживая лицо, то перебирая подол юбки. Ей как будто было стыдно, что она такая старая. Женщина ведь в любом возрасте остается женщиной.

Тут старушка что-то сказала зычным голосом по-эвенски. Петр Афанасьевич прошептал мне в ухо: «Она говорит, почему не заходят те остальные двое, которые с вами приехали?» Оказывается, она по шагам за палаткой определила, что нас приехало четверо. Более того, сын старушки — Христофор Николаевич — уже за час знал, что сюда едут люди на лошадях, услышав их ржание.

Нас пригласили за низенький переносной столик. Сели на олени шкуры, подогнув ноги. Старушка полулежала, а Христофор Николаевич хлопотал по хозяйству, показывая чудеса использования двух обрубков пальцев на одной руке, помогая им культей другой руки. Он разлил в кружки чай и подал на стол свежих, только что пойманных хариусов (здесь рыбу едят сырой!). Оказывается, он поймал хариусов сетью, неведомо как управляясь этой путающейся снастью. Мы достали спирт и, как полага-

Ей исполнилось 104 года

ется в этих местах, первую порцию вылили в огонь. Огонь ярко вспыхнул. Старушка сказала по этому поводу: «Огонь радуется, значит, пришли хорошие люди».

Неторопливо шла беседа. Вначале мы попросили рассказать старушку о своей жизни. Выяснилось, что Степанида Трофимовна была лучшим охотником своего рода; сколько добыла соболей, белок и сохатых, и не помнит. Грамоты она никогда не знала. Когда постарела, стала оленеводом. Всю жизнь жила и живет в чуме или палатке. В последние годы, когда стала совсем слабой, живет только потому, что за ней ухаживает ее безрукий сын — Христофор.

Когда мы попросили рассказать Христофора Николаевича о своей жизни, он вначале долго молчал. Потом разговорился. Получилось так, что когда-то, приехав в поселок, он выпил многовато и упал в сугроб, где пролежал до утра. Обморозил руки. Долго ждали самолета в Якутск. Дождались. Руки ампутировали. Но вслед за физическим увечьем последовало моральное — ушла жена. А он ушел в тайгу. Ему было необходимо почувствовать, что он и такой — калека — нужен кому-нибудь. Он оказался нужным только матери-старушке, которая ухаживала за ним и учила его владеть культями рук. Особенно трудно было рубить дрова топором. В этих

краях растет в основном лиственница, которая очень жесткая, не чета березе или сосне. Порой, когда в мороз Христофор Николаевич не мог срубить дерево для дров, его брало отчаяние и он, опустив голову, долго плакал. Но вскоре «безрукая жизнь» вошла в свою колею. Он даже стал писать... стихи, например.

Однако вскоре пришел его черед ухаживать за престарелой матерью. И ему это стало удаваться: пасти небольшое стадо оленей, ставить палатку, рубить дрова, ловить рыбу... Мать очень довольна. Конечно, можно было бы жить в поселке у родственников (своего дома нет!), но мать не хочет этого. Когда они приезжают в поселок в гости раз в год, она не может там жить более двух дней — болеет. Шумно очень... в поселке из 40 домов! Ее дом — тайга!

Мы порезали привезенную с собой копченую колбасу и подали кусок Христофору Николаевичу. Он неловко взял кусок обрубками двух пальцев, откусил и по-русски сказал: «Вкусно!». А мы ели хариуса.

Наступило время начать расспрашивать про русского в меховой куртке. Вначале старушка сказала, что ничего не помнит, но вскоре стала вспоминать, да вспоминать в подробностях, как это часто бывает у пожилых людей. И вот что она рассказала.

— Русский в меховой куртке умер не своей смертью, его убили, — решительно произнесла старушка.

— Как убили? — вырвалось у меня.

— Я это точно знаю, — проговорила она. — Его убили выстрелом в спину.

— Вы сами видели умершего... убитого русского в меховой куртке? — спросил я.

— Я видела только его куртку... меховую куртку, которая лежала на траве. Унты его еще видела, изрезанные ножом. А тела не было.

— Куда же делось тело?

— Хе! — усмехнулась старушка. — Отнесли его подальше... для медведей. Медведи быстро его обнаружат, и ничего не останется.

— А почему меховую куртку оставили?

— Пуля прожгла мех. Остался запах, которого медведи боятся.

— А унты почему оставили?

— Не до них было.

— Где вы видели русского в мех... вернее, его меховую куртку? — продолжал выпытывать я, боясь, что старушка устает.

— Там три остроконечные вершины есть. Мы их называем сердце-вершинами. Туда всех тянет... почему-то. Но там мно-

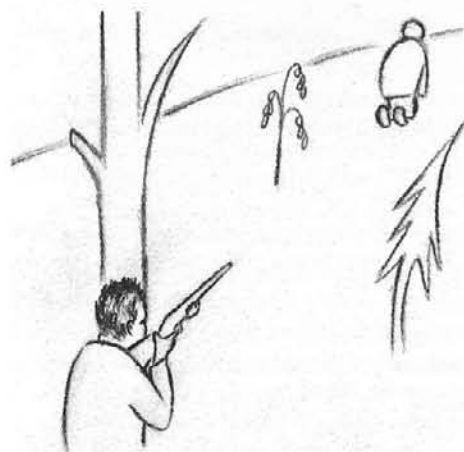

Вкусно!

гие люди погибают... почему-то. Многие люди там забывают о добре и попадают под власть зла... почему-то. Там друг может стать врагом... почему-то. Плохие Духи там живут, наверное. Даже шаманы боятся этого места и говорят, что там сила шамана иссякает. И именно туда повело ведь русского в меховой куртке! Почему он не пошел вниз по реке, как делают все заблудившиеся люди? Почему он стал уходить в горы и... пошел именно в сторону сердце-гор? Тянут, что ли, к себе сердце-горы? — старушка вошла в раж. — Но...

— Что «но»?

— Но не только его тянуло в это время к сердце-горам. Сердце-горы иногда становятся очень активными и затягивают к себе людей. Не зря самолет упал в то время (до войны) сюда, — сердце-горы затянули его! Не зря род Слепцовых, испугавшись падения самолета, пошел со своими оленями именно туда! Не зря род Захаровых тоже перекочевал именно туда! Не зря и наш род Арсеньевых вдруг всполошился и перекочевал туда! Сердце-горы тянули к себе!!! Там трудно пасти оленей, там мало ягеля... но нас тянуло туда. А может быть, сердце-горы тянули к себе оленеводов, чтобы спасти русского в меховой куртке...

Иван Захаров
всегда стрелял
в спину

— Получилось так, что довольно много людей видели мертвого русского в меховой куртке, — задумчиво проговорил я.

— Да, — старушка опустила глаза.

— А кто убил русского в меховой куртке и зачем?

— Убил эвен... бандит... Иван Захаров, — уверенно ответила старушка. — Всего он убил 10 человек: 8 русских и 2-х эвенов — одну бабушку и одного мужчину. Зачем он убил эвенов, не знаю. Но русских он убивал потому, что в те годы, до войны, за каждого убитого «красного» давали винчестер и патроны.

— А кто давал?

— По всей Сибири тогда ходили какие-то люди, говорившие по-русски, которые приходили со стороны Америки. Они хотели, чтобы вся Сибирь отошла... то ли Америке, то ли Японии. Они говорили, что если всех «красных русских» будут убивать местные жители, то у каждого эвена будет свой винчестер. Но не все поддавались этому, поэтому Сибирь осталась в составе СССР. Мой род, например, не убил ни одного «красного русского». Русские — хорошие люди, хоть «красные», хоть «белые»; они покупают у нас пушнину, а взамен дают ружья, патроны, муку, сахар, чай и одежду. У нас есть своя одежда из оленьих шкур, но летом в ней жарко.

— Иван Захаров сейчас жив?

— Нет, его убили, — старушка с облегчением выдохнула. — Зато жив его сын — Дмитрий, который тоже убил несколько человек. Но он сейчас в тюрьме. Хоть бы его не выпустили!

— А как убили Ивана Захарова? — заинтересовался я.

— Убили так же, как и он убивал, — выстрелом в спину. Все знали, что Иван Захаров стреляет только в спину.

— Надоел, наверное, всем...

— Э-э-э! — ухмыльнулась старушка. — Он, Иван Захаров, считал, что сделал хорошее дело, убив русского в меховой куртке. Эвены ведь народ добрый. Они бы обязательно спасли умирающего от голода русского. Пожил бы он среди эвенов, переселился бы, может быть, а потом добрался бы до своих и рассказал, где и как погиб их самолет. Приехали бы сюда русские из Москвы и... все бы узнали о тех богатствах, которые были в самолете.

— Узнали бы о золоте, которое вез самолет? — Я пристально посмотрел на нее.

— Я не видела золота, — тихо сказала старушка, — но знаю, что в самолете были большие богатства. Другие злые люди из других родов обнаружили это богатство. А Иван Захаров хотел, чтобы с ним поделились этим богатством... вот и получил пулю в спину.

Старушка замолчала и потянулась к чайнику. Сын Христофор Николаевич услужливо наполнил ее кружку. Старушка отпила чая и сказала:

— Другие злые люди остались. Вам надо бояться их!

— Кто они? — нерешительно спросил я, понимая провокационность своего вопроса.

— Я боюсь за своего сына! — отрезала старушка.

Наступило молчание. Мы все понимали.

— Можно еще один вопрос задать? — спросил я, понимая, что старушка устала.

— Да, можно.

— Другие люди, видевшие русского в меховой куртке, говорили, что на нем висела кожаная сумка-планшет. Внутри этого планшета были, наверное, всякие бумаги, и среди них... черный блокнот. Маленький такой черный блокнот. Вы ничего не слышали о нем? Это очень важно.

Старушка задумалась. Руки ее задвигались, разглаживая морщины.

— Нет, я ничего не помню о черном блокноте. Но я знаю, что Иван Захаров, когда убивал «красных русских», брал у них до-

кументы, чтобы доказать тем людям, которые давали винчестер за одну голову, что он действительно убил «красного русского». Не будет же он таскать голову, как доказательство?!

Тут уже задумались мы. Можно было представить, что неграмотный или малограмотный бандит сунул себе в карман черный блокнот, по размеру схожий с паспортом. Толще, правда, чем паспорт, но... для доказательства убийства пойдет. По-русски там все написано! А какова была дальнейшая судьба черного блокнота — никому не ведомо. Вполне возможно, он попал в руки «белого русского», который продолжал любить свою бывшую роди-

Иван Захаров
достал из планшета
чёрный блокнот

ну — Россию и который, поняв, что здесь речь идет о героическом трансполярном перелете, переслал его кому-то из своих бывших друзей в СССР... которые побоялись обнародовать это и только тогда, когда в печати появились сведения о нашей экспедиции по поискам погибшего экипажа Леваневского, решились инкогнито переслать черный блокнот в наш адрес.

От раздумий я с хрустом почесал свой затылок.

— Несмотря на то, что эти рассуждения носят умозрительный характер, они могут быть вполне верными, — промелькнула мысль. — Ведь черный блокнот существует наяву! Более того, почерковедческая экспертиза установила, что блокнот был написан почерком, весьма похожим на почерк бортмеханика Годовикова. Неужели именно Годовиков погиб от пули тупого бандита?!

Неожиданно старушка запела. За палаткой шумел ветер, накрапывал дождь, а ее голос был чем-то сродни с ними. Старушка пела полулежа на боку, всхлипывала, глаза ее были закрыты. Мы не понимали слов, но в ее голосе было столько печали и грусти, что мы почти подсознательно почувствовали — она тосковала по прошедшей жизни, полной, наверное, всяких лишений, трудностей, где ее родным домом были тундра и горы, где давным-давно ее, маленькую девочку, родители научили жить, вернее, выживать в суровых условиях. Петр Афанасьевич подтянулся к моему уху и прошептал: «Она поет свою жизнь!». Я переспросил: «Поет о своей жизни?» «Нет, она поет свою жизнь!» — ответил он.

Когда старушка перестала петь, мы сказали много хороших слов в ее адрес. Потом она дрожащей рукой налила себе чаю и начала что-то долго говорить. Мы внимательно слушали. Петр Афанасьевич сказал: «Тихо! Слушайте, она говорит напутственные слова!» Потом мы узнали, что по поверью эвенков услышать напутственные слова от старых людей считается большим счастьем, поскольку все их напутственные слова сбываются.

Стали укладываться спать. Христофор Николаевич постелил оленьи шкуры, уложил нас и накрыл меховым одеялом. Я сразу уснул, но через 2-3 часа проснулся и увидел Христофора Николаевича сидящим у печи. Он топил печь, чтобы нам не было холодно.

Проснулся рано. Примерно в это же время проснулась старушка. Я украдкой стал наблюдать за ней. Она выползла из-под полога, тихонько, чтобы не разбудить нас, взяла остывший

чайник, налила в кружку воды и стала умываться. Старушка набирала воду в рот, грела ее и, периодически выпуская воду на ладони, мыла лицо. Далее она покопалась в суме, достала яркий фиолетовый халат, надела его, причесалась и уселась, уставив внимательный взгляд на нас. Я себя поймал на мысли, что женщина в любом возрасте хочет выглядеть красивой... так заложено природой, наверное.

А Христофор Николаевич, оказывается, спал в продуктовом положе, чтобы не теснить нас. Мы поговорили о том о сем, и тут мы узнали, что ему всего 42 года, хотя выглядел он старше. Юра Лобанов подтянулся к моему уху и прошептал: «Мать его родила, когда ей было 62 года».

Уезжая, мы оставили все продукты, какие у нас были. Оставили также столь нужные полиэтиленовые мешки. Нарубили много дров. Кони понесли нас обратно в поселок.

Поздно вечером, доехав до поселка и поужинав кашей, я сел осмысливать результат поездки к 104-летней старушке. Было много душевных треволнений по поводу нелепой гибели русского в меховой куртке, было обидно за него, но... Но, с другой стороны, я прекрасно понимал, что и мы, поисковая экспедиция, можем тоже получить пулю в спину.

Я представил, как это было Судьба русского в меховой куртке не выходила из головы. Я представил, как он, очнувшись после падения самолета в озеро, метался по самолету, остававшемуся на плаву, толкал погибших товарищей, кричал от отчаяния, но потом, собравшись с силами, надул резиновую лодочку, загрузил туда аккумулятор, запасную рацию, небольшой запас пищи, доску для памятной надписи и, удостоверившись, что спички сухие, а наган и черный блокнот находятся на месте, поплыл к берегу.

Я представил, как ему, раненому, было тяжело разводить костер под морозящим холодным дождем, как было трудно сделать шалаш, чтобы укрыть рацию и в течение нескольких дней пытаться выйти на связь, с ужасом осознавая, что аккумулятор садится.

Я представил состояние оставшегося в живых летчика, когда он пнул уже никому не нужный аккумулятор и пошел устанавливать памятную доску о погибших товарищах, чтобы завтра отправиться куда глаза глядят, понимая, что шансов выжить очень мало.

Ноги несли оставшегося в живых летчика туда, не знаю куда. Вскоре он понял, что не идет по равнине, а поднимается в горы. Ему хотелось свернуть в сторону, но ноги не слушались его. Вскоре он, увидев красивую остроконечную вершину, остановился и проговорил: «Как похоже на сердце-гору, про которую рассказывал Леваневский!» Ноги все несли и несли его вперед. Казалось, что красивая гора манит к себе.

Еда уже давно закончилась. Силы стали уходить. Голод одолевал. Порой он впадал в отчаяние. Даже разрезал унты и пытался варить из них суп. Проклятые медведи приходили по ночам. Приходилось разводить два костра и ложиться спать между ними.

Но однажды утром прозвучал выстрел...

Я помотал головой, чтобы отвлечься от этих тяжелых мыслей. Противно даже стало, что я начал смаковать это. Я еще не знал, что через три дня мы сами окажемся в той ситуации, когда понятие «выстрел в спину» приобретет жизненные очертания.

ГЛАВА 8

Пуля пролетела около уха

Впечатления от поездки к 104-летней старушке постепенно сгладились. Мы ждали самолета. Погода начала исправляться. Появилась надежда улететь.

И вдруг вечером к нашим палаткам подошел Петр Афанасьевич и возбужденно сказал:

— К вам на встречу пожаловал сам Никифор Павлович Кривошеев — тот самый, кто нашел бак от самолета, который вам подарила Розалия Егоровна Кривошеева.

У меня расширились глаза.

— Когда он к нам придет? Очень интересно было бы с ним встретиться! — сдавленным голосом проговорил я.

— Хе! — ухмыльнулся Петр Афанасьевич. — Он сюда не придет. «Таежная почта» подсказала, что Никифор Павлович издалека перекочевал со своими оленями поближе и остановился всего в 10–15 км отсюда, но в том месте, куда нет троп и путь пролегает по тайге среди скал. Тяжелая дорога, в общем. Надо ехать к нему! Лошадей найдем!

— А если завтра прилетит самолет?

— Ну-у, — задумался Петр Афанасьевич, — подождем до обеда и, если не будет радиogramмы о вылете самолета сюда, то отправимся в путь.

Я пригласил Петра Афанасьевича в палатку. Мы зажгли свечку. Я достал свои дневники и стал искать в них пометки про загадочного Никифора Павловича, одновременно обсуждая прочитанное с Петром Афанасьевичем. И вот какая картина вырисовалась в итоге.

Кто он —
Никифор Павлович?

Прежде всего, следует отметить, что именно за ним тянется «золотой след», причем, я бы сказал, «главный золотой след». Люди, которые рассказывали об этом, очень боялись, но все равно у них «между слов прорывалось». Поговаривали, что Никифор Павлович чуть ли не ежегодно кочует по очень странному маршруту, включающему и район сердце-гор, где мало корма для оленей, но где, по слухам, разбилось несколько самолетов, перевозивших золото. Старые люди вспоминали, что Никифор Павлович был проводником то ли двух, то ли трех экспедиций, искавших погибшие самолеты, перевозившие золото с приисков, и злословили, что он «водил их за нос». Ему даже приписывали убийство некоего Рэма Титоренко, который обнаружил еще один погибший «золотой самолет».

А что касается баков от погибшего самолета, которые невесть откуда приносил Никифор Павлович, то это не вызывало никаких сомнений, поскольку весь поселок видел их, да и нам удалось заполучить такой бак у его родственницы Розалии Егоровны Кривошеевой.

Много говорили, что Никифор Павлович лжет, рассказывая всем и вся, что на втором озере Сегян-Кюэль в 1937 году (!!!) существовал аэродром для

гидросамолетов, где он, Никифор Павлович, войдя в контакт с летчиками, обменивал у них рыбу на баки. Старики отмечали, что никакого аэродрома для гидросамолетов они там не видели. Кроме того, эвены тогда не имели сетей и рыбу не ловили.

Один местный старик с сарказмом заметил, что Никифор Павлович слишком много говорил о захоронении летчиков в районе перешейка между двумя озерами Сегян-Кюэль, показывая это место, отмеченное двумя столбиками с памятной доской. Он как бы «вдалбливал» людям эту мысль, уводя от чего-то другого.

Первый его сын, умерший в 1942 году, носил кожаную куртку и летный шлем. Другой его сын сейчас жив и всем рассказывает про своего отца как про героя-коммуниста!

Никто не знает, был ли коммунистом Никифор Павлович, зато все хорошо знают, что его отец воевал в составе войска белогвардейца Канина, командуя эвенским отрядом в 50 человек. Говорили, что, когда войско Канина потерпело поражение под городом Вилуйском, он решил уйти через Чукотку на Аляску, взяв с собой отряд эвенов. Но отец Никифора Павловича за сопротивлялся, в связи с чем Канин приказал его расстрелять. Однако эвены опустили винтовки и вонзили штыки в землю, тоже отказавшись уходить в Америку.

Только Никифор Павлович знает тропы в районе загадочной горы Бубарэ, овеянной легендами. Поговаривали, что какой-то шаман передал ему заклинание, с помощью которого он может разговаривать с горой. Некоторые даже утверждали, что Никифор Павлович попросил гору оберегать его богатства.

Но самым любопытным среди этих слухов и рассказов был некий сюжет, связанный с его женой. Оказывается, Никифор Павлович является ее вторым мужем. А познакомились они при весьма «экзотических» обстоятельствах. Ее первому мужу по фамилии Семенов показали на берегу озера Сегян-Кюэль... погибшего русского, выброшенного волнами.

Кстати говоря, этого погибшего русского, оказывается, видели еще два человека. Их рассказ запомнила местная жительница Лукина Пелагея Христофоровна, которая поведала вот что.

Мой отец со своим товарищем ехали на лошадях по тропе мимо первого озера Сегян-Кюэль. Шел 1937 год. Этот год запомнили все, потому что в озеро упал большой самолет. Была ранняя осень. Неожиданно на берегу озера недалеко от перешейка они увидели лежащего на спине мертвого человека. Это был не эвен, не якут, а был здоровый носатый русский. Лицо его было белым, глаза уже выклевали вороны. Одет он был очень странно для таежных условий — черный костюм, белая рубашка и галстук, на ногах были ботинки. Документов при нем не было. Мой отец испугался, что кто-то узнает, что он искал у него документы, и поспешил уехать со своим товарищем.*

Это был здоровый носатый русский, одетый в костюм

А сюжет с женой Никифора Павловича имел такое продолжение. Когда ее первый муж увидел погибшего русского в костюме и галстук, то сразу понял, что слухи о гибели самолета с золотом в озере не блеф. Более того, он понял, что рассказы о том, что самолет довольно долго находился на плаву и из него, как говорили, успели вынести золото, тоже, возможно, не блеф. Поэтому он решил показать мертвого русского в костюме тому человеку, на... которого указывали все слухи о выемке золота из самолета. Этим человеком был Никифор Павлович. Целью первого мужа был шантаж, связанный с тем, что он может раскрыть Советской власти тайну гибели самолета и что... надо делиться. На встречу он пришел со своей женой. Но вскоре

* По историческим данным перед полетом Леваневский был одет в черный костюм и белую сорочку с галстуком.

первый муж куда-то исчез, а вот Никифор Павлович... женился на его жене, чтобы... заставить ее молчать.

Встреча с Никифором Павловичем

Улететь из этих мест, где мы находились, не просто сложно, а сверхсложно. Верхоянский хребет вечно закрыт, и порой самолеты (АН-2, конечно!) летают с промежутком раз в 2—3 месяца. Поэтому, несмотря на желание встретиться с загадочным Никифором Павловичем, мы подождали до обеда, пока не получили радиограмму: «Сегодня самолета не будет. Хребет закрыт».

Я, честно говоря, даже обрадовался этому сообщению. Уж больно хотелось увидеться с этим человеком.

Мы с Петром Афанасьевичем после обеда развернули дикую активность. Он нашел человека, который должен был привести из тайги двух лошадей. Но тот сказал, что ему нужен помощник, который мог бы ездить на лошади без седла. Так будет быстрее, если мы с Петром Афанасьевичем уж очень торопимся. Вызвался наш Ришат Булатов, сказав, что у него крепкая промежность и седло ему незначит.

Дальше, дорогой читатель, позвольте привести выдержку из моих дневников 1982 года.

Ришат слез с носатого крупного коня, подвел его к нам с Петром Афанасьевичем и встал, широко расставив ноги.

— Что, задницу натер без седла? — спросил Петр Афанасьевич.

— Позвонки, понимаешь, выпирают... без седла, — ответил он.

Уже вечерело. Ребята слишком долго искали коней.

— Эрнст Романович! Садитесь на коня! Надо ехать! Еще не поздно. Вашего носатого коня оседлали. Моего тоже, — послышался голос Петра Афанасьевича.*

Мы вскочили на коней.

— Эй! — закричал я. — Фляжку со спиртом дайте! Хлеба еще.

Когда мы двинулись в путь, я остановил коня и возбужденно спросил Петра Афанасьевича:

— Ружье будем брать с собой?

— Надо взять! — ответил он. — Романыч, возьми свою двустволку, чтобы за карабином ко мне домой не ездить.

От русла основной реки Петр Афанасьевич свернул в узкое ущелье. Местность стала повышаться. Все чаще путь преграждали скальные выходы или крупнокаменные осыпи. Совсем стемнело. Периодически по лицу больно хлестали ветки. Ледяный холод доходил до костей. Лошади, как бы понимая, что всадники не могут управлять ими, сами выбирали дорогу и шли вверх по ущелью.

Мы ехали, ехали и ехали. И вдруг впереди заколыхалось три светлых пятна, которые метнулись вдоль склона.

— Олени! Олени Никифора Павловича! — проговорил, оглянувшись, Петр Афанасьевич.

Вскоре мы почувствовали запах дыма и, наконец, из темноты выплыла палатка.

Рядом с палаткой стоял человек, лицо которого было трудно различить. Он громко, по-русски, прокричал:

— Кто такие?!

Ришат стоял, широко расставив ноги

Лошади сами выбирали дорогу

* Мое татарское «Рифгатович» эвены не могли выговаривать, поэтому стали называть меня «Эрнстом Романовичем», а порой звали просто «Романыч».

— Здравствуйте, Никифор Павлович!

— Кто такие?! — повторил человек.

Мы слезли с коней и, взяв их за поводья, подошли к человеку и представились. В отсветах огня, падавшего из приоткрытого входа в палатку, контрастно, как на негативной фотографии, выступило лицо этого человека с глубокими впадинами глазниц и скорбно сжатым ртом. Он мягко и бесшумно отступил в темноту, превратившись в темное пятно, и сказал:

— Заходите в палатку. Я привяжу лошадей.

В палатке топилась железная печь. На клеенке стояли чайник, несколько кружек и сковорода. У входа были разложены оленьи шкуры. Напротив свешивался полог. Рядом валялось байковое одеяло, на котором лежал женский гребень. Подсвечник с тускло горящей свечой, подвешенный к потолку, методично раскачивался.

Мы присели на оленьи шкуры и молча стали ждать.

— Что-то долго его нет, — сказал Петр Афанасьевич.

— Ничего, придет.

Вскоре за палаткой послышались шаги, потом они утихли и... неожиданно раздался трубный нечеловеческий звук. Подхваченный эхом, он разрезал ночную тишину и затих где-то далеко в горах. Прокричала разбуженная ночная птица. Я вздрогнул.

— Что это?

Петр Афанасьевич вместо ответа показал глазами на полог. Он заковыкался.

Опять наступила гнетущая тишина.

Наконец, вход палатки распахнулся и вошел тот самый человек. Теперь его можно было хорошо разглядеть. Старик, но очень крепкий и бодрый, среднего роста, с длинной мускулистой шеей. Голову покрывал подвязанный узлом зеле-

ный женский платок.левой рукой он постоянно потирал шею, видимо, страдая шейным радикулитом, а правая рука, опущенная в карман куртки, непрерывно копошилась. Далеко в глубине орбит блеснули маленькие слезящиеся глаза. Все его лицо с искривленным ртом и запавшими щеками имело мертвенно-восковидный цвет, было покрыто многочисленными неподвижными морщинами, не выражало эмоций и было для всего его остального облика каким-то чужим, напоминая мумию, сошедшую с полок анатомического музея.

— Вы Никифор Павлович? — спросил я, поднимаясь навстречу.

— Да, это я, — сказал этот человек.

Он сделал шаг в мою сторону, резко выдернул руку из кармана и подал ее мне.

— Будем знакомы.

— Никифор Павлович, — начал я разговор, — вы извините за ночной визит. Но нам надо было с вами обязательно увидеться. А завтра мы улетаем...

— Да, улетите.

— Мы ищем пропавший самолет Леваневского...

— Я знаю. Что-нибудь нашли?

— Нам удалось выяснить много интересных фактов. Говорят, вы могли бы помочь в наших поисках. Мы надеемся...

— Давайте пить чай.

Никифор Павлович сильно потер ладонью шею, подошел к печке, подкинул дров и поставил подогреться чайник.

В этот момент за палаткой послышался топот, кто-то захрипел и застонал. Заржала лошадь.

— Олешки пришли. Волков, однако, боятся. Слышали, я их звал? — Никифор Павлович посмотрел на меня.

— Кого? Волков звали?

Никифор Павлович ухмыльнулся.

— Да уж, от звука вашей трубы не только олени соберутся, но и волки разбегутся, — попытался пошутить я.

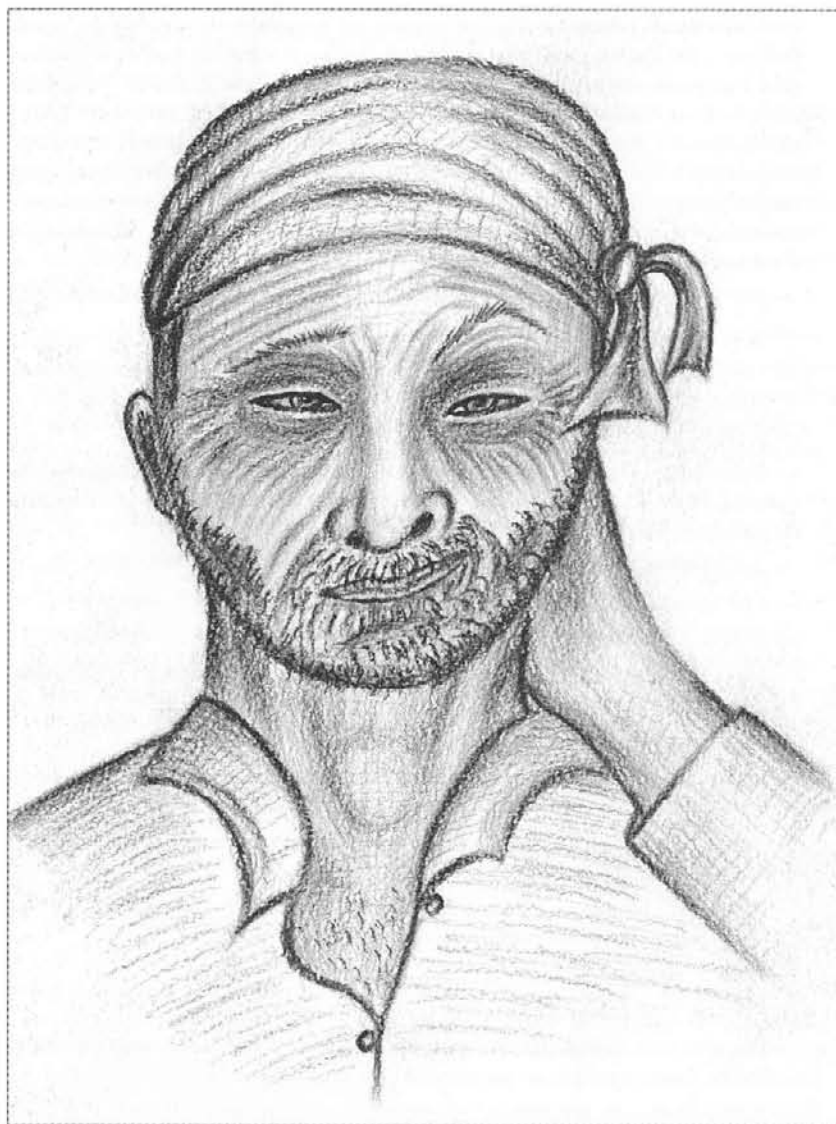
— Кто там за пологом? — неожиданно спросил Петр Афанасьевич.

Никифор Павлович вскинул голову. Глаза его стали неподвижными.

— Жена, однако... Спит.

За палаткой раздался нечеловеческий трубный звук

Никифор Павлович

Петр Афанасьевич понимающе кивнул, но вдруг что-то громко сказал по-эвенски, обращаясь к человеку за пологом. Полог зашевелился и выпятился, как будто человек, находившийся за ним, начал выставлять ружье. По спине пробежали мурашки.

Из-под полога вылезла женщина лет пятидесяти-шестидесяти, мельком взглянула на нас и стала расставлять кружки. Часть полога зацепилась за лежанку. За пологом я разглядел ствол карабина.

— Разве ваша жена не поехала в поселок к врачам? — спросил Петр Афанасьевич у Никифора Павловича.

— Завтра утром поедет. Глаза плохие стали.

За чаем разговорились. Мы нарочно не торопились расспрашивать о погибшем самолете. Говорили больше о болезнях. Постепенно разговор переключился на воспоминания. Никифор Павлович рассказал о том, как он научился грамоте, стал коммунистом и боролся с кулачеством. О своем отце, возглавлявшем банду, он не вспомнил ни разу. Чувствовалось, что его весьма интересуют результаты работы нашей экспедиции, но откровенно проявить свой интерес он не решался.

— А вы не нашли доску с надписью о погибших летчиках? — неожиданно спросил он.

— Нет. А где она была?

— Доска... — Никифор Павлович помял свою шею, — доска стояла в 100 метрах от берега на конце первого озера Сегян-Кюэль и была прибита к двум столбикам, один из которых был короче. Столбики были врыты в холмик, а на холмике лежало три бревнышка.

Мы переглянулись с Петром Афанасьевичем. Все в точности совпадало с остальными сведениями.

— Доска была поставлена, — продолжал Никифор Павлович, — в 1937 году. Я это точно знаю. Именно в этом году на втором озере Сегян-Кюэль был организован аэродром для гидросамолетов. Я часто встречался с летчиками. Они мне подарили бак, из которого я сделал бочку.

— Вы точно запомнили 1937 год? — спросил я, уводя его от «лапши» про аэродром и подарок бака.

— Да, точно. Именно в этом году я познакомился со своей женой. Этот год я хорошо запомнил. — Никифор Павлович недоверчиво взглянул на меня.

Я опустил голову и перебрал в голове рассказы местных жителей про этого человека, особо отметив год его знакомства с будущей женой... на берегу озера рядом с трупом летчика в костюме и галстуке.

В это время жена Никифора Павловича, мирно сидевшая на одеяле, подняла голову и хотела что-то сказать, но осеклась под строгим взглядом мужа, который, к тому же, покачал головой. Я догадался, что она понимает русский язык и улавливает смысл разговора. Чувствовалось, что у нее непростые отношения с мужем и ей даже хочется чем-то насолить ему.

Мне страшно захотелось «подначить» жену Никифора Павловича, осознавая, что она скажет о чем-то важном, но я остерегся, понимая, что... отсюда надо выбраться живыми.

— Вы, говорят, могилу раскапывали? Нашли там что-нибудь? — перебил мои раздумья голос Никифора Павловича.

— Да, раскапывали могилу с одним столбом... с разрешения Кривошеева Гаврилы Геннадьевича, главного оленевода совхоза.

— Это мой родственник.

— А-а! Костей мы там не нашли. Мы поняли, что там землю рыл Слюбченко, желая войти в подземный мир, — нагло соврал я, сохраняя одну «версию вранья» для них, Кривошеевых. — Кстати, вы были знакомы со Слюбченко?

— Да. Но он погиб, — с ехидной ухмылкой ответил Никифор Павлович. — А холмик, на котором стояли два столбика, вы не разрывали?

— Так, немножко покопались, — с деланным равнодушием произнес я, — но ничего не нашли.

— Хе! — еще раз ухмыльнулся Никифор Павлович. — Много плохих людей было в том месте. Они разрывали могилы, расчленяли трупы и раскидывали по сторонам, чтобы звери растащили...

— А зачем им это было нужно? — спросил я с наивными интонациями в голосе.

— Потому, что они... они... плохие люди.

Лицо Никифора Павловича перекошилось. Он понял, что сказал нелепость.

— У эвенов есть обычай скормливать зверям трупы людей, — с подергиваниями на лице продолжал врать он. — К целому трупу зверь может не подойти, а к расчлененному подойдет. Если,

например, увидел на берегу погибшего летчика, то по эвенским обычаям его...

В этот момент жена Никифора Павловича привстала. Ей явно хотелось что-то сказать.

Никифор Павлович «огрел» ее таким взглядом, что она, опустив голову, села на свое место. А потом он перевел взгляд на меня и хриплым голосом спросил:

— А свежую могилу с красивым надгробием трогали?

— Боже упаси!!! — возразил я. — Я знаю эвенский обычай не трогать могилы. За это можно поплатиться жизнью.

К этому времени я уже понимал, что золото, вынесенное из погибшего самолета, было три раза перезахоронено, и лежало оно, скорее всего, в этой новой могиле с красивым надгробием. Не зря ведь пуля просвистела над моей головой, когда я рыл землю рядом с этой могилой. Однако я допустил в разговоре с Никифором Павловичем одну оплошность; я как бы подковырнул его, продемонстрировав знание обычая эвенов не разрывать могилы... в ответ на его «лапшу» об обычаях эвенов расчленять трупы.

Лицо Никифора Павловича побагровело. Мы с Петром Афанасьевичем съезжились. И именно в этот момент жена Никифора Павловича решительно встала и стала что-то быстро говорить по-эвенски. Петр Афанасьевич шепотом стал переводить мне в ухо.

— Когда я была молодой, я видела на берегу озера тело носатого русского в костюме и галстуке. Он, говорят, был главным в самолете, который вы ищете. Самолет под водой, я знаю. Я его ви...

— Геть! — грозно перебил ее Никифор Павлович.

Он в бешенстве встал, подошел к жене и со всего маху ударил ее в челюсть, что-то приговаривая. Петр Афанасьевич перевел мне с эвенского:

— Что ты болтаешь!!! Это же государственные люди!!!

Жена осела на пол, держась за подбородок, после чего тихо заплакала.

— Глупая женщина! — сказал Никифор Павлович, повернувшись в мою сторону. — Болтает, сама не знает что! У вас и так сложная задача, а она своими глупыми сказками совсем запутает вас.

Что ты болтаешь!!! Это
государственные люди!

дать. Я налил еще. После второй порции спирта Никифор Павлович задумался и, как бы войдя в проспацию, вдруг членораздельно по-русски произнес:

— Леваневского я знаю давно и его вопросом занимаюсь давно.

Это прозвучало как гром среди ясного неба. Я застыл с куском рыбы во рту. Застыл и Петр Афанасьевич. У Никифора Павловича глаза остекленели, потом сузились, и он откинулся на оленьи шкуры. Придя в себя, мы попытались непринужденно расспросить его о Леваневском, но это ни к чему не привело. Попытка перевести разговор на другую тему тоже не удалась. Нарастало напряжение, смертельное напряжение.

— Ну что, пора ехать, — сказал Петр Афанасьевич.

Мы встали.

— Спасибо, Никифор Павлович! Завтра должен прилететь самолет. Собираться надо. А ваша жена пусть приезжает в больницу пораньше утром.

Не сказав ни слова, Никифор Павлович вытянул из-под полога карабин и взял его в руки. Все вышли из палатки. Мы отвязали лошадей, поправили седла.

— Как поедете, я выстрелю! Волков, однако, отпугну! — сказал он и клацнул затвором карабина.

Я вскочил на коня и посмотрел назад. В полумраке лицо этого человека снова стало похожим на мумию. Он уже держал

— Женщины живут чувствами... — промямлил я. — А обломков самолета вы не встречали?

— Не встречал! — отрезал он.

Все дальнейшие попытки узнать что-либо ни к чему не привели. Никифор Павлович кипел. У него ходуном ходили желваки.

Я достал фляжку со спиртом и налил его в кружки. Выпили. Напряжение начало спа-

карабин на изготовку. Ствол был направлен в мою сторону.

Мы изо всей силы прищипорили коней. В этот момент я почувствовал, что что-то как бы хлопнуло меня по левому уху и тут же перешло в свист. Лишь после этого я услышал звук выстрела. Мой конь захрапел и пустился рысью. Я вздрогнул и оглянулся. Сердце учащенно забило.

— Неприятный выстрел! — проговорил Петр Афанасьевич.

— Пуля пролетела около уха! До сих пор звенит, — сказал я.

— Страшней, чем волки... выстрел!

Когда мы доехали до поселка, я отказался ночевать у Петра Афанасьевича, зная, что он будет укладывать меня в чистую постель. Оставив своего коня, я один пошел к нашим палаткам.

Леваневского я знаю давно, и его вопросом занимаюсь давно.

Болоньевая куртка

Я шел медленно, чтобы в крошечной тьме не промочить ноги в какой-нибудь луже. Но то и дело ноги, с оглушающим хрустом ломая ледок, попадали в бочажинки и холодная вода пропитывала носки. Очередной раз промочив ноги, я на мгновение остановился и... в этот момент услышал в кустах шум шагов. Кто-то быстро шел или даже бежал.

Я присел за кустиком. Ружье было со мной, но в чехле. Собираясь зарядить его не хотелось. Совсем недалеко от меня послышался вздох и появилось темное пятно. Оно остановилось, потом неестественно заколебалось и бесшумно, как большая птица, опустилось на землю. Но шаги продолжали слышаться.

Дождавшись, когда шаги утихнут, и переборков неприятное чувство страха, я подошел к этому месту. На земле темно пятно. Это была болоньевая куртка. Я поднял куртку. В кармане ее я обнаружил спички, три патрона от карабина и фонарик.

Я повесил куртку на куст и пошел своей дорогой к нашим палаткам. Осторожно, чтобы не разбудить Юру Лобанова, я сел и снял с себя мокрую обувь, после чего развернул спальник и, завернувшись в него, мгновенно уснул. Мне снились хорошие сны, правда... иногда свистело в левом ухе.

Проспав всего-то около двух часов, я встал, умылся и, поев каши, пошел в местную больницу, чтобы встретить жену Никифора Павловича. Я надеялся, что без своего мужа, который «вмазал ей в челюсть», она сможет говорить более свободно. К больнице подошел и Петр Афанасьевич. Мы стали ждать.

Встреча с женой Никифора Павловича

На небе не было ни одного облачка. Чувствовалось, что самолеты прилетят. А жена Никифора Павловича все не ехала и не ехала.

Наконец, вдали появилась упряжка оленей. Она подъехала к больнице. Жена Никифора Павловича, которую звали Антонина Романовна, подошла к нам и покорно склонила голову, хотя глаза ее бегали в разные стороны.

Осмотрев ее глаза и выделив нужные лекарства из нашей аптечки, мы с Петром Афанасьевичем очень деликатно начали расспрашивать ее.

— Летом 1937 года на втором озере Сегян-Кюэль располагался аэродром для гидросамолетов, — стала повторять Антонина Романовна «известную лапшу ее мужа». — Эвены выменивали рыбу и шкуры на баки от самолетов, в которых удобно хранить воду и в которых...

— В 1937 году эвены не пользовались сетями и удочками, чтобы ловить рыбу. И у них не было лодок, — перебил ее Петр Афанасьевич.

— Ну... у, — смутилась она.

— Вы точно помните, что был именно 1937 год? — спросил я.

— Точно помню! — Антонина Романовна вскинула на меня глаза. — Именно в 1937 году я пошла учиться грамоте и... и у меня куда-то пропал мой первый муж.

— Вы в этом же году сошлись с Никифором Павловичем? — Петр Афанасьевич пристально посмотрел на нее.

— Ну... женщина не может выжить в тайге одна.

— Вы часто кочуете в районе сердце-вершин. Там тоже есть погибшие самолеты? Туда ведь никто кроме вас не ходит! — Петр Афанасьевич буквально впился в нее глазами.

— Много чего там есть, — уклончиво ответила жена Никифора Павловича и опустила голову.

— Извините, Антонина Романовна, вчера вы начали говорить о русском в костюме и галстуке. Может быть, вы продолжите рассказ?! — вставился я.

— Я все перепутала. Много всего в жизни было! Разве все вспомнишь...

— Вы вспоминаете своего первого мужа?

— Мне надо идти.

— Вы сами видели самолет, о котором говорили?

— Мне пора идти.

— Вы...

— Мне пора идти.

Когда Антонина Романовна уходила, она обернулась и какими-то дикими глазами посмотрела на нас, в которых читались и отчаяние, и ненависть.

— Хорошо ее обработал Никифор Павлович! Она боится до смерти, — произнес Петр Афанасьевич.

Мы пошли к нашему лагерю. Ребята в ожидании самолета были возбуждены.

— Жаль, что вы уезжаете. Мне будет пусто без вас, — сказал Петр Афанасьевич.

Самолеты вскоре прилетели. Мы загрузились... Вот только один вопрос оставался — прилететь ли сюда еще раз на следующий год? Опасно ведь!

Год, проведенный в Уфе, постепенно утомил наши страсти. Все, что было там, в Якутии, стало казаться чем-то нереальным и сказочным, будто бы все это было во сне. А во сны люди верят, но... не очень. Но страсть, эта неумная страсть к «разгадке загадки» все же победила. В следующем, 1983 году, мы опять организовали экспедицию туда же. Сейчас мы хотели войти в самое сердце... сердце-гор, где находится Зона.

ГЛАВА 9

Путешествие к сердце-вершинам

Шел июль 1983 года. Мы опять летели в Якутск. Моторы самолета ИЛ-62 мерно гудели. Я погрузился в полудрему, сладкую полудрему. Но уснуть так и не смог. Душевная неразбериха не давала покоя.

Я волей-неволей стал анализировать эту душевную неразбериху. Первым делом я понял, что тот душевный удар, который я получил в связи с лишением меня диплома врача за «эксперимент над советским человеком», не прошел даром, хотя диплом врача мне все же возвратили, но с оговоркой «без права хирургии». Я стал каким-то квелым и унылым. Пропал блеск в глазах, который сопровождает хирурга, когда он, понимая, что такое риск, идет на сложнейшую операцию. Я сидел в поликлинике и подбирал очки... мечтая о хирургии. Вскоре я устроился подрабатывать в больницу № 10 города Уфы, где стал втихаря оперировать глаза. Я даже сходил к тогдашнему министру здравоохранения Башкирии Галиму Хазиевичу Камалову и честно признался ему, что я начал оперировать втихаря, на что он, будучи добрейшим и умнейшим человеком, ответил: «Ну, если только втихаря. А то ведь Москва...» Душа моя, ставшая привыкать к плебейскому существованию, тем не менее, периодически «взбрыкивалась», желая выплеснуть накопившуюся энергию.

Я, конечно же, порой разряжался и даже орал в воздух, но от этого не становилось легче. Требовалось дело, которому ты мог бы посвятить себя всецело, чтобы выбрасывать энергию Души не в воздух, а в дело... нужное людям дело.

И этим делом для меня в последнее время стало «дело» по поискам погибшего экипажа Леваневского, связанного, к сожалению, с даром Советского Союза Америке — золотом. Я и тогда чурался золота... как и сейчас. Мне до этого золота было, как говорится, «до фени». Я даже ненавидел... как и сейчас... это золото, считая его «желтой побрякушкой», хотя эта «побрякушка» в прошлом году уже ставила нас на грань жизни и смерти. Я понимал риск, на который мы идем. Я понимал, что мы можем не возвратиться.

К тому же в этом году нам предстояло идти в Зону — туда, где высятся три остроконечные вершины, похожие на перевернутое сердце, и где «встретишь то, не знаю что».

Я даже начал думать о смысле жизни, но вовремя осекся, осознав, что само понятие «смысл жизни»... не имеет смысла, поскольку только Бог ведает, по какой линии судьбы тебя поведет в этой жизни. Зато я четко понимал цели второго года экспедиции, которые были таковыми:

- путешествие в Зону с восхождениями на три остроконечные вершины, похожие на перевернутое сердце;
- тщательные геофизические исследования акватории первого озера Сегиан-Кюэль в поисках затонувшего самолета;
- протонно-магнитометрические исследования могил в районе озера Сегиан-Кюэль в поисках золота и других интересных объектов.

В состав экспедиции входило 15 человек: ходовая группа, геофизики и другие. К сожалению, официальный руководитель экспедиции опять остался в Уфе, поручив мне, как заместителю руководителя, возглавить полевые работы и представить ему подробный отчет с полным набором фотографий. Он, официальный руководитель, понимая риск, на который мы идем, помню, даже сказал: «Будьте осторожны!»

В Якутске время пролетело быстро. Вскоре самолет перенес нас в поселок Сегиан-Кюэль, откуда мы перебрались на перешеек между двумя озерами Сегиан-Кюэль, где на старом месте разбили лагерь. Геофизическая часть экспедиции во главе с Анатолием Степановичем Вакулой принялась с помощью ультразвуковых приборов изучать дно озера Сегиан-Кюэль в попытке обнаружить затонувший самолет, а мы — ходовая группа экспедиции — отправились в Зону, ту самую Зону, которая притягивает к себе самолеты, везущие золото, и губит их. Нам очень хотелось прочувствовать Зону.

Несколько слов о Зоне Несмотря на то, что я везде и всюду в этой книге пишу о Зоне, тем не менее, позвольте мне, дорогой читатель, кое-что напомнить.

Зона — это загадочное место, где, как утверждают шаманы, властвуют Духи и где действуют законы, понимание которых недоступно обычным людям. Зона имеет свой разум, который способен читать мысли людей и который может принимать решение с учетом не только сиюминутной ситуации, но и с учетом кармы людей, руководствуясь божьим законом баланса прошлого, настоящего и будущего. Понятие смерть малозначимо для Зоны, поскольку Дух человека бессмертен, а короткий промежуток бытия в материальном теле с руками и ногами, называемый жизнью, имеет относительную ценность. Главный закон Зоны — закон чистоты мыслей, называемый по-другому Великим Законом Чистой Души. Зона связана с подземным миром, где властвуют Великие Законы Чистой Души, святость которых столь велика, что обычные наземные люди не допускаются до контакта с подземным миром, чтобы не внести в него «душевную инфекцию» в виде поганных мыслей. Зона есть место контакта подземного и наземного миров, где «на поверхность проступают» законы подземного мира. Зона не любит золото, поскольку с ним связана дьявольская страсть людей к обогащению и власти. Зона, предвидя будущее, оценивает — принесет

это золото добро или зло, даже несмотря на то, что это золото является даром одной страны другой, поскольку за золотом тянется дьявольский след. Зона проявляется на поверхности Земли чем-то необычным. Зона способна периодически активизироваться.

Когда мы летели на самолете, я увидел три остроконечные вершины, похожие на сердце, и сделал по памяти рисунок. И надо сказать, что, по крайней мере, с воздуха, они не были похожи на обычные пологие вершины Верхоянского хребта. Они были необычны. Но одно дело — увидеть их с воздуха, другое дело — забраться на них. Кстати говоря, по карте я заметил, что все три остроконечные вершины располагаются так, что образуют равносторонний треугольник со сторонами этак 30 км каждая.

Страсть кипела во мне. Мне так хотелось совершить восхождения на эти сердце-вершины, чтобы ... испытать самого себя.

Три вершины, похожие
на перевернутое сердце

Тактика организации путешествия к сердце-вершинам

Но... Но даже в то время, в 1983 году, когда я был дурак-дураком (и, возможно, лишь немного поумнел за прошедшие годы), мне пришлось на ум умерить свою страсть и начать рассуждать сухо и логически, чтобы не погибнуть. Туристический опыт, когда при восхождениях на вершины и прохождении перевалов на карту ставится жизнь, помогал мне. В конце концов, мы рассчитали тактику этого путешествия.

Несмотря на то, что три остроконечные вершины располагаются примерно в 30 км друг от друга, общая длина маршрута с восхождениями на них должна была составить около 280 км, учитывая подходы и то, что... люди с рюкзаками не летают по воздуху, а идут по земле, огибая каждый кустик и повторяя изгибы рек. Поэтому мы должны были идти около 14 дней, примерно по 20 км в день. К этому надо добавить несколько дней, которые мы планировали потратить, если вдруг с вершины в бинокль обнаружим что-либо интересное и куда надо будет обязательно пойти.

Мы, планируя восхождения на сердце-вершины, изготовили на заводе три вымпела из дюралюминия, чтобы установить их на вершинах, назвав одну из них пиком Леваневского, вторую — пиком академика Федорова и третью — пиком 30-летия газеты «Советская Россия». Так было принято в советское время.

Но самым главным в планировании маршрута были непредвиденные обстоятельства, связанные с тем, что мы шли... в Зону. Я раз за разом перечитывал вырезку из какого-то журнала о встрече Леваневского с сердце-вершиной. Вот что там было написано:

Во время одного из полетов в полярных широтах самолет Леваневского вошел в сплошную облачность. Неожиданно прямо по курсу возникли контуры горы, напоминавшей сердце. Сердце застучало. Леваневский рванул ручку штурвала на себя. Самолет взмыл вверх и прошел над вершиной, почти чиркнув колесами по

камням. Сердце-вершина исчезла в тумане. После этого Леваневский часто говорил, что его преследуют сердце-вершины и... они тянут его к себе.

Я «шевелил своими мозгами», пытаясь из глубин подсознания вытащить ту линию поведения, которая была бы целесообразней для нас, но у меня ничего не получалось. Полный сумбур преследовал меня.

Я боялся двух вещей. Первое — это то, что мы замерячим, то есть свихнемся, превратившись в банальных зомби Зоны. Второе — то, что появятся сбои в работе компаса, без которого в тайге пиши пропал. И в том и в другом случае ничего хорошего ждать не приходилось. Но, куда уж тут денешься! Только одна мысль грела, которую подсказал местный шаман, что в Зону надо идти с чистыми помыслами. И мы старались, очень старались очистить свои мысли перед походом.

Восхождение на первую сердце-вершину

Мы, надев тяжеленные, этак по 40–50 кг, рюкзаки, передвигались по чахлой якутской тайге в сторону первой остроконечной вершины. Мы шли по

Периодически мы скидывали рюкзаки и отдыхали.
На первом плане Юрий Лобанов

45 минут, после чего, скинув рюкзаки, по 10 минут отдыхали. Тропы в Якутии встречаются редко, поэтому приходилось идти по целине. Особенно тяжело было передвигаться по болотистым марям: моховая подушка в начале пружинила, но в момент толчка не отбрасывала ногу, а напротив всасывала, заставляя с хлюпаньем вытаскивать ее. Карликовая березка путалась под ногами, а кочки, эти проклятые кочки, постоянно нарушали равновесие, мотая тяжелый рюкзак то туда, то сюда. На каменистых осыпях мы начинали чувствовать твердую почву под ногами, но прыжки от камня к камню с рюкзаком изматывали не меньше. У Сергея Вырупаева возник спазм икроножной мышцы, и он даже сказал: «Мужики! Я сдох! Оставьте меня здесь!» Мы, конечно, разгрузили его рюкзак, распределили дополнительный груз по «не сдохшим», и ... Сергей пошел.

Нам, конечно, мерещились парковые леса средней полосы России с уютной травкой, по которым можно не просто шагать, а бежать... Но Якутия была Якутией.

Дня через три мы вошли в форму и ход наш ускорился. Мы стали даже шутить на совершенно плебейские темы. Нам даже стало казаться, что якутская тайга, вроде как, не такая уж плохая и что по ней можно ходить чуть ли не как по Подмоскovie.

Шел день за днем. Наконец, мы подошли к первой сердце-вершине. Ориентируясь, я стал обращать особое внимание на показания компаса, сопоставляя карту, ориентированную на север с реалиями местности. И тут я почувствовал, что компас начал врать. Нет, это не была магнитная аномалия, которая могла дать склонение в ту или иную сторону этак на 5–7°, это было что-то другое. Стрелка компаса периодически

И тут я почувствовал,
что компас начал врать

*Наконец, первая сердце-вершина
проступила наяву*

начинала дрожать, потом начинала колебаться и только по прошествии определенного времени устанавливалась на свое место. Я понял, что компасу особенно верить уже нельзя, поэтому стал больше ориентироваться по местности, сопоставляя направление «север-юг» по солнцу.

Ориентируясь, мы пошли вверх в сторону первой сердце-вершины. Ее не было видно. Когда мы прошли границу леса, сердце-вершина неожиданно выступила наяву. Она и в самом деле была остроконечной и чем-то напоминала перевернутое сердце. Мы скинули рюкзаки, чтобы, сделав радиальный выход на вершину, возвратиться обратно к рюкзакам и продолжить дальнейший путь. В этот момент я взглянул на компас; стрелка его дрожала и колебалась вправо и влево.

— Компасу верить нельзя! — возбужденно прошептал я. — Надо делать флажки, чтобы найти рюкзаки.

Мы достали оранжевую шелковую материю, разрезали ее на клочки и, нарезав ножом веточек из карликовой березки, сделали флажки. Далее мы пошли вверх прямо к вершине, отмечая путь флажками.

Склон был крутым. Каждый шаг давался с трудом. «Ух-ух!» — слышалось тяжелое дыхание. Неожиданно послышался голос Сергея Вырупаева:

— У меня кружится голова! Меня ведет!!! Тошнит!

— Это Зона, — проговорил кто-то из ребят.

— Я понимаю, каково здесь было летчикам, — не унимался Сергей, — здесь любая сторона одинакова: хоть верх, хоть низ, хоть право, хоть лево, хоть...

— Ставь флажок! — крикнул я.

Мы продолжали путь вверх. Неожиданно послышался возглас Георгия Айбулатова:

— У меня, по-моему, появились галлюцинации! Мерещится мне Леваневский. Как будто за руку тянет меня вверх к вершине! Поговорить на вершине со мной хочет.

— Мужики! Еще немного осталось! Давай! Давай! — скомандовал Юра Лобанов.

Вершина оказалась не просто остренькой, но и уютненькой. На ней, в отличие от склонов, даже росла травка. Ветра не было.

*Эйфория на первой сердце-вершине. Слева направо:
я, Юрий Лобанов и Ришат Булатов*

Было холодно, но не очень. Мы притащили со склонов камни и сложили тур, чтобы вложить в него записку в целлофановом пакете о нашем восхождении сюда. Установили вымпел, на котором было написано «Пик Леваневского». Юра Лобанов зажег фальшфайер, который загорелся оранжевым светом. Мы все заорали. Наступила эйфория — горная эйфория. Вспомнились слова из песни Высоцкого:

*...Весь мир на ладони. Ты счастлив и нем,
Лишь только немного завидуешь тем
Другим, у которых вершина еще впереди...*

Нам было хорошо. А это «хорошо» означало, что сердце-вершина как бы приветствовала нас и она, вроде как, была даже рада нам, тем, которые совершили восхождение на нее. Я тогда вспомнил выражение «покорять вершину» и глубинно воспротивился этому, поскольку любая горная вершина в миллионы раз мощнее и умнее человека, того человека, который не понимает, что «горы думают» и что камень есть думающая субстанция, доказательством чему является хотя бы то, что какой-то маленький кристаллик кварца способен хранить в своей памяти информацию мощнейшего компьютера, называвшегося в то время ЭВМ (электронно-вычислительная машина).

И тут у меня засвербило в душе.

— Почему ты, сердце-вершина, не губишь нас, а даешь нам радость, называемую эйфорией?! И почему ты, сердце-вершина, закрутила в своих магнитных объятиях экипаж Леваневского и довела его до гибели?! Мы же никто и ничто в сравнении с теми героическими мужиками, которые ради Родины, ради поколений, ради победы в предстоящей войне шли на смертельный риск? Ну почему ты, сердце-вершина, не учла душевных помыслов тех героических людей? Что, мы лучше, что ли, чем они, которых ты погубила? Мы ведь всего-навсего поднимаем память героических людей, а они — погибшие — были героями! Почему ты, сердце-вершина, щадишь нас?! — пролетали сумбурные мысли в моей голове.

Эти сумбурные мысли так закрутились, так закрутились, что я, в порыве чувств, пытаюсь ответить на вопрос «почему?», вскинул голову и буквально взвыл:

— Не знаю!!!

Ребята с удивлением посмотрели на меня. А я опустил на землю, закурил и как-то сильно так пригорюнился. В то время я, будучи продуктом советского строя, плохо представлял, что на свете, кроме Бога, существует еще и Дьявол, который способен вселиться не просто в отдельных людей, но и в целые страны, даже в такую великую страну, как СССР. Мне, дураку, казалось, что, несмотря на очевидную для всех лживость коммунистической пропаганды, героические поступки, даже направленные на возвеличивание страны, зараженной Дьяволом, должны быть вознаграждены, поскольку в любом героическом поступке превалирующую роль играет личностный компонент, отображаемый такими прекрасными понятиями, как смелость, самопожертвование и многое другое тому подобное. У меня в то время не было широты мышления. Я был все-таки зашорен. До меня не доходило, что существуют общеземные ценности, в сравнении с которыми личностные ценности мало чего стоят... даже личностные качества героев-летчиков. Ведь если бы трансполярный перелет Леваневского свершился удачно и Америке был бы передан дар Советского Союза в виде дьявольского металла-золота, то, кто знает, а может быть, американские мужики, привыкшие к свободе мысли, клюнули бы на «золотую приманку»... и там, в Соединенных Штатах, появилось бы возвеличивание успехов запрессованной Дьяволом страны, где сила человека определяется лишь страстным желанием вырваться из оков и показать свое божественное человеческое начало. Американцы, привыкшие к справедливости, вряд ли бы осознали, что страсть, вырывающаяся из оков Дьявола, имеет огромную силу, подтверждая безграничность возможностей человека. Они могли бы все это свалить на успехи советского строя. А это было бы уже опасно для всего мира. Ведь Великая Германия, в которой стали появляться ростки коммунизма, была вынуждена

Гитлер

Сталин

Должна же была остаться в мире
хоть одна разумная страна!

бороться с этим дьявольским началом с помощью другого начала — нацизма, который, несмотря на свою агрессивность, хотя бы не уничтожал своих людей... как делал это Советский Союз, утопивший в крови репрессий свою собственную страну. А если бы в Соединенных Штатах появились зачатки дьявольского коммунизма? Тогда, кто знает, что было бы с миром? Должна же была остаться в мире хоть одна разумная страна! Должно же было стать так, что в Соединенных Штатах не появился новый Гитлер или новый Сталин.

Никто не знает роли золота Леваневского в этом! Только Зона знает это... Зона, которая завернула самолет Леваневского на Северном Полюсе на 90° вправо и привела его сюда, где...

Я лежал на травке на сердце-вершине, которую мы назвали пиком Леваневского. Докурил вторую сигарету. Мысли мои стали прочищаться и из них выгравировалось такое понятие: «Леваневский не Герой Советского Союза, а Герой Мира». Эта мысль помоталась в моей голове несколько секунд, но потом угасла, не найдя понимания. Я в то время был, естественно, продуктом советского строя.

Я встал и достал компас. Стрелка компаса не просто не показывала на север и даже не металась из стороны в сторону, как это было под вершиной, а бешено описывала круги, то вправо, то влево.

— Мужики! — вскричал я. — Смотрите, что творится с компасом на вершине сердца-горы! Это не магнитная аномалия, это... это нечто! Такое ощущение, что столб энергии вырывается из этой вершины, такой энергии, которой всё нипочем: хоть магнитные полюса Земли, хоть еще что-нибудь. Понятно, что такая энергия собьет с курса любой самолет... если захочет.

Все склонились над компасом. А стрелка его крутилась, крутилась и крутилась, как бы выписывая какой-то танец. Все даже стали любоваться этим «танцем». И тут Юра Лобанов спросил:

— Вам не кажется, что гора пульсирует... как сердце?

Этот вопрос ошарашил всех. Все стали прислушиваться к своим ощущениям.

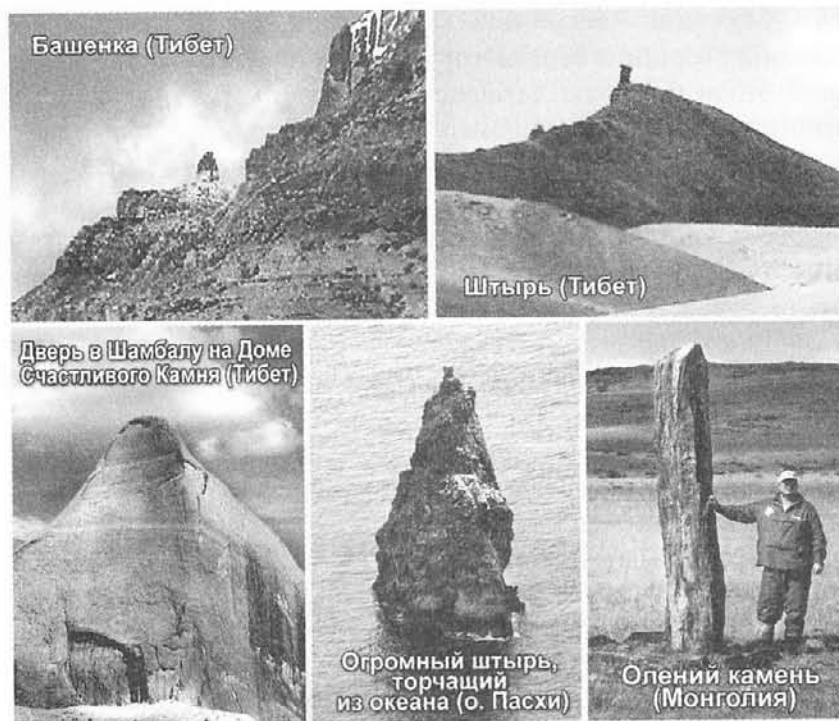
— У меня здесь мысли глубокие, — первым прервал тишину Ришат Булатов. — Я, вроде как, поумнел здесь. Мысли так и пляшут. Уходить отсюда не хочется. Хочется всегда быть таким умным. Но... мысли мои пульсируют как сердце: то я умнее становлюсь, то глупее.

— Я тоже чувствую пульсацию, — отозвался Георгий Айбулатов, — то тревога появляется, то эйфория... то тревога, то эйфория.

— А у меня, — засмеялся Сергей Вырупаев, — появилась пульсация в другом месте. Еле дошел до вершины, и вдруг как здесь запульсировало...

— Нет!!! — возбужденно сказал Юра Лобанов. — Пульсация выражается в другом. Обратите внимание на стрелку компаса; она то бешено вращается, то умеряет свой ход, то вращается, то нет... с частотой этак 5–7 секунд. Складывается впечатление, что энергия, вырывающаяся из этой вершины, исходит волнами, вызывая ощущение пульсации. Не зря название «сердце-гора» существует!!! Это, видимо, не просто внешняя схожесть с перевернутым сердцем, но и пульсация энергий, как в пульсирующем сердце.

Я завороженно смотрел на пляшущую стрелку компаса. Я, конечно, воспринимал рассказы шаманов о подземном мире, который в некоторых местах, как, возможно, и здесь, имеет выходы на поверхность земли, но осознавал всё это плохо. О, как

Антенны Шамбалы

многого я не знал тогда — в далеком 1983 году! Должны были пройти годы, много лет, чтобы на Тибете, в легендарном Городе Богов (1999 год) увидеть на стене колоссального по размерам монумента, называемого Домом Счастливого Камня, каменную дверь, именуемую не иначе как «Дверь в Шамбалу», недалеко от которой мы увидели башенку по типу перископа, торчащую из скал на 50–70 м и штырь (с клювом) высотой около 120 м, про которые тибетские ламы сказали, что это «антенны Шамбалы», предназначенные для наблюдения за внешним миром. Должен был наступить 2005 год, чтобы во время экспедиции на остров Пасхи мы увидели в море высоченный каменный штырь с квадратным камнем на вершине, торчащий из глубины 3333 м, про

который знаток местных легенд старик Папакико сказал, что это «антенна Шамбалы». Должен был наступить 2006 год, чтобы во время монгольской экспедиции мы увидели так называемые «оленьи камни» высотой 3–7 м, торчащие из земли и уходящие неведь куда под землю, про которые в монгольских и алтайских легендах сказано, что это «антенны Шамбалы».

Теперь-то, по прошествии времени, я понимаю, что тогда, в 1983 году, мы стояли, наверное, на вершине тоже «антенны Шамбалы», — уж больно необычна была эта гора, похожая на перевернутое сердце.

— Какая красивая вершина! — думал я, любясь неестественно ровными склонами почти круглой горы. — Она как будто искусственная.

Георгий Айбулатов, как бы прочитав мои мысли, сказал:

— Мужики! Хотел бы обратить ваше внимание, что один из местных стариков утверждал, что здесь, на этой вершине, некогда стояла пирамида. Но пирамиды здесь нет.

— Куда же она делась?

— Не знаю, — Георгий пожал плечами. — Но я читал в литературе, что на вершине пирамиды Хеопса в Египте встречаются такие же аномальные явления, как и здесь: не работает компас, люди входят в галлюцинации, возникает эйфория и тому подобное. А может...

— Что может? — Юра Лобанов, не поняв ход мысли, выпучил глаза.

— Может быть, мы стоим на вершине огромной «пирамиды», но круглой, а не четырехгранной?! — с волнением выдавил из себя Георгий.

Наступило молчание.

— Братцы! Пора спускаться. Нам еще перевал надо пройти, чтобы добраться до речки, — скомандовал я.

Спуск с многих горных вершин можно осуществлять методом, называемым «ведьма на метле». Для этого обязательно нужно иметь альпеншток — крепкую палку с титановым наконечником, которая выполняет роль «третьей ноги». В тех слу-

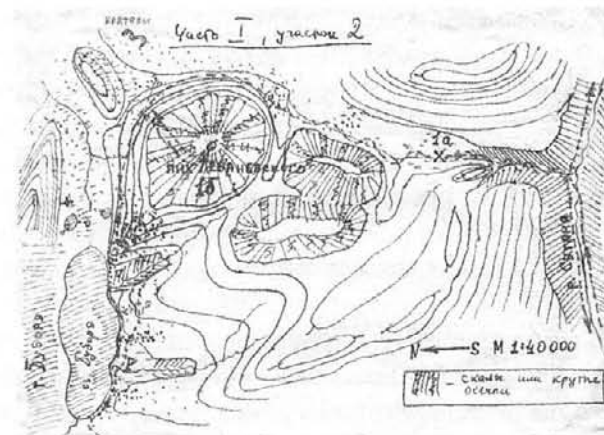
чаях, когда крутой склон состоит из мелкого щебня, он всегда лавиноопасен. Но можно прокатиться и на лавине. Для этого выставляешь альпеншток назад, опираешься на него и, потоптавшись, вызываешь лавину, вместе с которой бежишь вниз, напоминая ведьму на метле. Если лавина слишком разоглась и ты не успеваешь за ней, то можно соскочить с нее вбок и пропустить ее вперед, после чего можно

опять потоптаться и вызвать новую лавину... Так, буквально за считанные минуты «скатываешься» с вершины. Это вам не долгий путь серпантином с вечным страхом перед лавинами! Это как серфинг, когда катаются на волнах... а здесь катаешься на лавине.

Когда мы спустились с вершины и дошли до своих рюкзаков, Сергей Вырупаев вспомнил, как он, будучи начинающим спортсменом-туристом, учился спуску с вершин по методу «ведьма на метле». Мы, конечно, хохотали, вспоминая, как он, стронув первую лавинку, тут же с испуга сел на «попу», боясь шевельнуться, в то время как остальные ребята с гиканьем понеслись вниз, каждый на своей лавинке.

— Как хорошо, что мы поставили флажки, по которым легко нашли свои рюкзаки! — проговорил я. — Компас-то до сих пор толком не работает.

С вершины я хорошо просмотрел местность, поэтому мог ориентироваться и с плохо работающим компасом. Мы обошли вершину и вышли в русло маленького ручейка, который привел нас к перевалу. Выйдя на перевал, мы скинули рюкзаки и огля-

Полевой рисунок (крюк) местности вокруг первой сердце-вершины (пика Леваневского)

нулись. Вершина, которую мы называли пиком Леваневского, сверкала в вечерних лучах света. Она была прекрасна. Хотелось сидеть здесь и смотреть на нее. Но надо было идти.

Спуск с перевала оказался очень тяжелым. Он проходил по узкому ущелью с ручейком, образующим каскад водопадов. Лазание по камням замучило нас. Тем более что уже почти стемнело. Но ночевать здесь было негде — одни скалы. Когда уже в темноте мы вышли из ущелья в долину реки Сутаня, то с ужасом обнаружили, что она ушла под землю и... не было воды для ночевки. Ничего не оставалось, как при свете фонарика ножами копать мокрое моховое болото и ждать, когда в яме наберется гумусная жижа, которую мы зачерпнули в котелок и, процедив через потные майки, вскипятили из нее чай и даже сварили кашу с «болотными приправами».

Утром мы проснулись от возгласа Ришата Булатова:

— Жижи в яме набралось много! Она даже почти отстоялась! Хороший чай получится. Вставайте!

Сруб со столбом

Позавтракав, мы первым делом пошли искать странное строение, которое в бинокль видели с вершины. Долина мертвой, ушедшей под землю реки была довольно широкой, поэтому мы шли цепью. Моросил противный дождь. Все было так угрюмо, что здесь, где «текла» мертвая река, наши ребята показались мне призраками. Вчерашняя горная эйфория сменилась непонятной грустью, и на первый план стали выплывать философские мысли о смысле бытия.

Наконец, мы нашли строение, которое видели с вершины. Оно представляло собой сруб высотой в три бревна, из центра которого торчал столб, вкопанный в землю. Чем-то это напоминало пустую могилу со столбом, которую мы исследовали в районе перешейка озера Сегян-Кюэль и в которой, предположительно, некогда было захоронено золото. Все было очень похоже: бугор, столб... вот только сруб здесь поставили, который, возможно, был сделан, чтобы найти это место в здешних безлюдных краях, где особенно-то и нога человека не ступает.

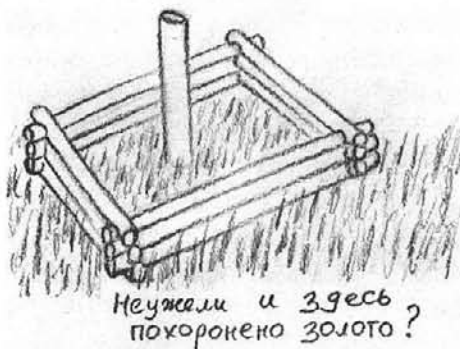
— Эх, разрыть бы эту могилу! Сомневаюсь, что в ней человек похоронен. Эвены ведь крайне редко хоронят в земле, тем более в этих краях, где не пролегают оленьи тропы, — слышался голос Юрия Лобанова.

Моросил дождь. Стал опускаться туман.

— В этих краях, — продолжал Лобанов, — кочует только

один человек — Никифор Павлович, «золотой король Зоны». А нет ли здесь где-то упавшего самолета?

— Если рассуждать логически, — вставился в разговор Георгий Айбулатов, — то самолет с вершины мы бы точно увидели, раз уж мы разглядели этот маленький сруб.

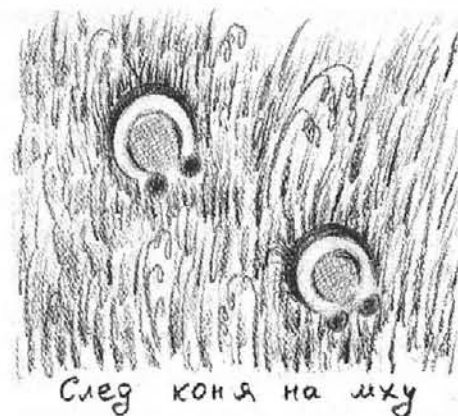
— Посмотрите — везде болота! — подал голос Юрий Васильев. — Вряд ли бы золото могли перенести на далекое расстояние. Золото тяжелое. Поэтому самолет упал, скорее всего, в эти болота. А болота обладают способностью засасывать. Об заклад бьюсь, самолет здесь засосет! Смотрите, как чавкает! А сруб-то на сухом бугре стоит.

Далее мы около часа рассуждали на эту тему. Продолжал моросить дождь. Мы понимали, что начать раскапывать эту могилу невозможно, поскольку у нас не было лопат и лома, которые не унесешь в рюкзаках. Вспомнилось, что идентичный бугор со столбом мы раскапывали в прошлом году около 20 дней, постоянно делая перерывы для оттаивания вечной мерзлоты. Поэтому было решено прочесать местность вокруг сруба с целью возможного обнаружения признаков упавшего здесь самолета... если таковое событие могло иметь место.

Прочесывая местность под этим проклятым морозящим дождем, мы, конечно же, понимали, что по прошествии определенных событий нам везде могли мерещиться «золотые могилы» и погибшие самолеты. Но... кто знает? Проверить-то надо, раз уж мы пришли сюда! Тем более мы находились в Зоне, которая губит самолеты, везущие золото.

Ходили мы несколько часов. К сожалению, никакого самолета не нашли. Зато обнаружили свежий конный след на мху. Надо сказать, что я, с детства занимаясь охотой, хорошо разбирался в следах и уж никак не мог спутать конный след со следами лося или оленя.

— Здесь прошли два коня... то есть было два

всадника, — сказал я, вглядываясь в следы, отпечатавшиеся на мху. — Следы, этак, двухдневной давности.

— Следят, что ли, за нами? — вскинул взгляд Сергей Вырупаев.

— А может охраняют еще одну «золотую могилу»? — усмехнулся Георгий Айбулатов.

Смурное настроение усугубилось. Моросил дождь. Мы все понимали, что надо идти к палаткам. Когда мы шли обратно, Ришат Булатов пошутил:

— В лагере нас ждет жижа!

Переночевав и попив чая из... жижи, мы отправились по маршруту ко второй сердце-вершине. Дождь продолжал моросить.

Восхождения на вторую и третью сердце-вершины

Дождь не прекращался еще три дня, когда мы шли ко второй сердце-вершине.

Замучил нас этот дождь. Зато в такую мокрую погоду на мху были хорошо видны следы, которые нас очень интересовали... следы коней.

Люди и звери в тайге всегда идут по одному и тому же месту; например, если долина реки поросла кустарником с кочками, то никакой, извините, дурак не попрется сквозь эту болотистую чащобу, а выберется поближе к горному склону, где между болотом и склоном всегда существует полоска твердой почвы, по которой сравнительно легко идти. Здесь обычно и образуются тропы — звериные и человеческие. И здесь всегда можно было заметить следы коней, которых мы очень боялись, поскольку в этих краях есть один закон, называемый «тайга-закон». Но следов коней не было. Складывалось впечатление, что два всадника, узнав, что мы отправились на маршрут к «сердце-вершинам», подъехали целенаправленно к срубу со столбом, чтобы узнать наши намерения, но потом отстали от нас, поняв, что мы не стали раскапывать это место.

На душе у нас полегчало, и мы, как говорится, поперли вперед. Мелькали по пути ущелья, перевалы, реки... и вот мы

оказались у подножья второй сердце-вершины. Остановились на ночлег на берегу маленького ручейка, где, образуя омутки, текла чистейшая вода. Как было приятно пить эту воду, вспоминая жижу из болота. Я прошел вниз по ручейку и вдруг обнаружил в одном из омулков стайку хариусов. Я побежал обратно к своему рюкзаку, достал рыболовную снасть из искусственных мушек и, вырубив по пути кривое удилище из лиственницы, приступил к рыбалке.

Рыбалка на хариуса с воздуха

Я подкрался к омутку и, помахав мушками по воздуху, опустил их в воду, изображая падение мухи. Тут же последовала поклевка, и я вытащил полукилограммового хариуса.

— Вот это да! — проговорил я.

Я опять помотал мушками по воздуху, сам укрываясь за деревом, и опять опустил их в воду. Второй такой же хариус тут же клюнул.

А дальше понеслось: третий, четвертый, пятый и так далее. Наловив приличное количество хариусов, я сказал сам себе:

— Хватит! Больше не съедим!

А у костра, когда мы почистили и пожарили хариусов, Ришат Булатов заметил:

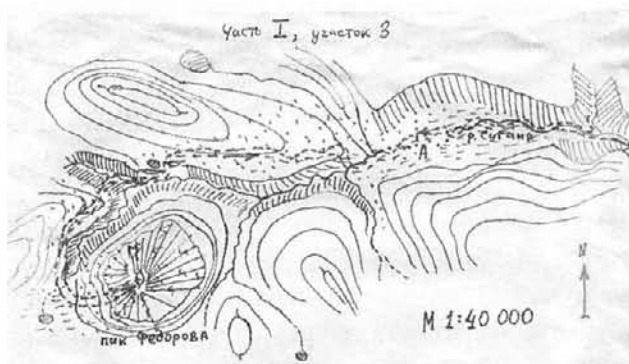
— Вкусно как, а! Это вам не каша с болотной жижей!

Восхождение на вторую сердце-вершину мало чем отличалось от восхождения на первую. Все было так же: и нарушение работы компаса, и установка флажков, чтобы найти обратный путь, и остервенелое вращение компаса, и романтические мысли

На вершине второй сердце-горы. Слева направо: Олег Родионов, Юрий Васильев, Георгий Айбулатов, я и Юрий Лобанов

на вершине, и спуск с вершины на альпенштоках по принципу «ведьмы на метле», и отходняк после вершины... Удивило то, что вторая сердце-вершина, которую мы называли пиком академика Федорова и установили на ней выппел, была практически идентичной первой: такая же круглая, такая же по высоте и размерам, такая же остроконечная и такая же необычная, похожая на искусственное сооружение.

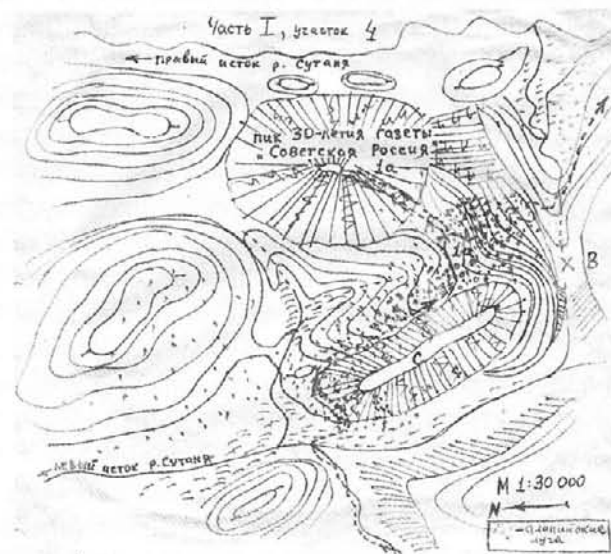

Полевой рисунок (крюк) местности вокруг второй сердце-вершины (пика Федорова)

К счастью, в день восхождения на вторую сердце-гору не было дождя. Зато на следующий день, когда мы пошли в сторону третьей сердце-вершины, начался опять занудный дождь. Этот дождь очень мешал, поскольку третью сердце-вершину было не так-то просто найти среди высоких холмов, а речка Сутаня, в ущельях которой мы ходили, имела столько притоков и изгибов... Мы проходили перевал за перевалом, брод за бродом, а дождь все не прекращался. Прошло несколько дней, и вот наступил момент, когда, по расчетам, мы должны были увидеть третью сердце-вершину. Но я опасался, что дождь и туман не позволят нам сделать это.

— Вот здесь ведь должна быть третья сердце-вершина! — проговорил я, протирая очки и выглядывая из-за бугра.

Я, конечно, не был уверен, что правильно сориентировался во время такой погоды, но... тут я увидел непонятное явление: мелкий дождь, называемый моквой, где-то вдали, там, где

Полевой рисунок (крюк) местности вокруг третьей сердце-вершины (пика 30-летия газеты «Советская Россия»)

должна была быть третья сердце-вершина, почему-то падал не вертикально, а наискосок, как бы очерчивая контуры остроко-нечной вершины... хотя ветра не было.

— Неужели сердце-вершина столь насыщена энергией, что способна даже заворачивать капли дождя? — подумал я.

Я взял азимут на вершину, понимая, что нам, скорее всего, придется восходить на нее в тумане и дожде. Компас пока работал вполне хорошо. Обойдя соседнюю гору и подойдя к подножию третьей сердце-вершины, мы скинули рюкзаки и пошли вертикально вверх, не надеясь уже на компас и обозначая путь флажками, чтобы по пути обратно найти рюкзаки в тумане.

— Правильно ли я сориентировался? — думал я. — Этот проклятый туман! Компас не работает! Один ориентир — идти вертикально вверх!

Когда мы шли вверх, я вновь отметил, что капли дождя падают не отвесно, а бьют по лицу, как будто ветер гонит их... хотя стоял абсолютный штиль. Чувствовалось, что вершина была такой же круглой и крутой, как и две предыдущие сердце-вершины. Но я не был уверен, что мы идем туда, куда надо... И вдруг облака расступились, и мы увидели верхний край тумана, над которым торчал остроконечный пик. Два черных ворона летали над облаками, издавая звуки «карр, карр, карр».

У меня полегчало на душе. Я понял, что сориентировался верно, поскольку сама вершина была практически идентичной тем двум сердце-вершинам. Компас так же бешено вертелся.

Мы назвали третью вершину пиком 30-летия газеты «Советская Россия», хотя такое чисто советское название не ласкало мне душу, но... таковыми были времена, когда надо было отдать дань советскому строю и хотя бы чуть-чуть выглядеть приверженцем коммунистических идеалов.

На следующий день мы прошли еще два перевала. Дождь перестал моросить. Появилась видимость. С одного из перевалов мы, осматривая местность в бинокль, увидели что-то блестящее. Отклонившись от маршрута, мы подошли туда и увидели останки разбившегося вертолета.

Разбившийся вертолет

Этот вертолет был буквально размазан по склону. Чувствовалось, что летчик старался выправить летальный аппарат и как бы скользил по склону, когда вертолет рассыпался на части. Вряд ли кто-либо выжил. Только по хвостовому оперению мы поняли, что здесь погиб именно вертолет.

Мы стояли около останков вертолета. Олег Родионов по чистоту русской традиции снял шапку. Никто не знал про этот погибший вертолет.

— Это Зона! — глубокомысленно произнес Георгий Айбулатов.

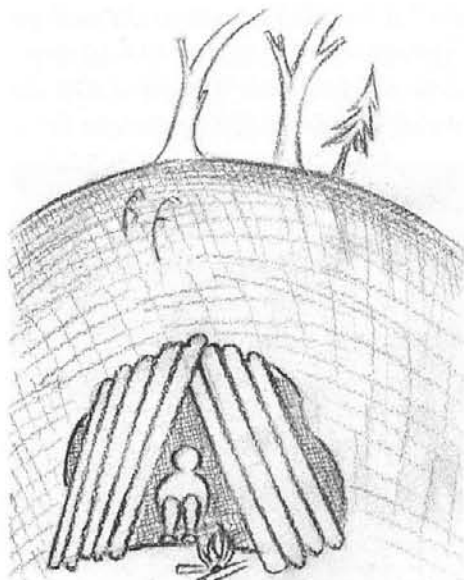
Мы пошли дальше. А еще с одного перевала мы обнаружили в бинокль какое-то строение.

Останки разбившегося вертолета

Шалаш и крест Когда мы подошли к этому строению, то сразу поняли, что здесь когда-то, много лет назад, зимовал человек. Вырубленные бревнышки загораживали вход в пещерку. У входа находилось место для костра. А в километре от этого места мы нашли православный крест. Было понятно, что здесь зимовал, скорее всего, русский человек. Кем он был? Может, это был тот самый русский в меховой куртке? А, может быть, кто-то другой.

Мы стояли и грустно смотрели на эту землянку-шалаш, где этот человек выживал при зимних температурах до -60°C . Трагическая история нашей страны как бы выпятилась и предстала перед нами наяву, та история, когда главной целью было движение вперед к победе коммунизма и... когда человеческая жизнь ничего не стоила.

Здесь зимовал русский человек

— Неужели здесь можно выжить? — воскликнул Сергей Вырупаев. — А может быть, Зона давала силу выживания?!

Так мы и ушли от этого места. Грустно ушли. А через несколько дней мы опять возвратились в наш лагерь.

Я сидел у костра и думал о Зоне.

Мысли о Зоне Честно говоря, тогда мне не хотелось верить, что на свете существует что-то мистическое и непонятное, то, что сильнее людей, и то, что никак не хочет выйти из завесы тайны, читая твои мысли и относясь к тебе, как к дитяте неразумному. Хотелось верить, что ты, дурак, все же... «царь Природы». Хотелось, чтобы к тебе отнеслись хотя бы как к равному партнеру, а не как к муравью. Мне показалось, что Зона высокомерна, что ей до людей, как говорится, «до фени»... и что ей например, погубить самолет — «раз плюнуть». Мне не хотелось верить в реальное существование Зоны, но... Но факты говорили об ином.

Ну почему так бешено вертится компас на каждой из трех сердце-вершин?! Ну почему эти три вершины столь одинаковы и столь сильно выбиваются из ряда обычных вершин Верхоянского хребта, будучи похожими на искусственные сооружения?! Ну почему в Зоне и вокруг нее гибнут самолеты?! Почему гибнут

самолеты, везущие именно золото?! Почему именно Зона овеяна легендами о подземном мире?! Почему Зона вызвала большой интерес секретной разведки СССР (НКВД)?! Почему именно сюда завезли локомотив — для въезда в подземный мир, что ли?!

О, как мало я знал тогда! Надо было проехать чуть ли не по всему миру, чтобы признать, что, наверное, и в самом деле существует подземный мир, который столь велик, столь велик... и который образует в определенных местах земного шара Зоны, где действуют законы подземного мира. Но об этом мы, дорогой читатель, поговорим в предпоследней главе этой книги.

А тогда, в конце августа 1983 года, я сидел у костра и думал о жизни. Я, конечно же, ощущал свою тупость и даже, возможно, чувствовал себя ничтожеством, но от этого было не легче. Уйти в уютный комплекс неполноценности не получалось, поскольку Душа рвалась к новым знаниям, а мой внутренний примитивизм в сравнении с Зоной только разжигал страсти. Зона все же подействовала на меня. И скажу я вам, дорогой читатель, подействовала положительно, возбуждая во мне глубокие устремления, которые можно было сравнить, возможно, с сексуальным влечением к какой-то фотомодели, изображенной на глянцевой обложке журнала и до которой так далеко, так далеко... что, наверное, не добраться никогда.

Я встал с бревнышка. Налил себе чая. Захотелось выпить спирта, но он был запрятан где-то в рюкзаках. Реалии жизни стали возвращать меня к обычному ходу мыслей. Вспомнилась фраза геофизика Анатолия Степановича Вакулы:

— Мы нашли что-то интересное в озере. Возможно, это самолет. Завтра расскажу.

ГЛАВА 10

Самолет под водой

На следующий день была так называемая «дневка», то есть походный день отдыха. Отдыхали все: и наша пешеходно-поисковая группа, и группа геофизиков, искавшая самолет под водой озера Сегян-Кюэль. Шел 1983 год.

После долгой разлуки, когда каждая группа выполняла свои задачи, мы, естественно, стали обмениваться впечатлениями. Мы рассказывали о путешествии в Зону, а геофизики — о своих поисках. Мы много дискутировали. И скажу я вам, дорогой читатель, что особого взаимопонимания между нами не нашлось. Наша пешеходная группа, перебивая друг друга, много говорила о необычности трех сердце-вершин и о том, что на этих вершинах компас просто «бесится», а геофизическая группа, скептически улыбаясь, приговаривала примерно такое: «Компас — это чепуха! Вот если бы вы провели магнитную съемку этих вершин протонным магнитометром МПП-209 по подготовленной сетке рядовых профилей через 20 метров с шагом 5 метров, это было бы да! А так что?! Компас, видите ли, вертится. А не было ли под компасом какой-либо железяки?» Мы, пешеходно-поисковая группа, конечно же, парировали такие обвинения и даже упомянули, что некоторые члены нашей группы являются трехкратными чемпионами СССР по спортивному туризму, когда, чтобы проходить

сложнейшие маршруты по горам, без веры в компас не обойтись. Но технари-геофизики продолжали хихикать над нами. Юра Лобанов даже сказал:

— Что нам в поход протонный магнитометр с аккумуляторами таскать, что ли?!

Особенно много хихикал над нами руководитель геофизической группы экспедиции Анатолий Степанович Вакула.

Анатолий Степанович
Вакула

Этот человек, тем не менее, сразу понравился мне. Среднего роста, крепыш, всегда в кирзовых

сапогах, всегда с ухмылкой на лице. Копна великолепных волос, которые он умудрялся расчесывать даже в походных условиях. Но самым главным на его лице были глаза — чуть-чуть грустные и умные-умные. Они, его глаза, как бы говорили: «Ну что же вы такие дураки! Ничего ведь не понимаете в геофизике!». Это были глаза ученого, настоящего ученого, для которого наука под названием «геофизика» не просто все, а вся жизнь. Он, этот человек, был обречен служить той науке, которую выбрал на заре своей юности и которой отдавал всю свою страсть. А страсть его, чувствовалось, была мощной, очень мощной; в противном случае ему не удалось бы собрать необходимый комплект сложнейшего оборудования, организовать людей, выбить деньги и сделать многое другое, чтобы поиски самолета Леваневского в озере Сегян-Кюэль оказались успешными.

Анатолий Степанович Вакула

Анатолий Степанович Вакула был, конечно же, ученым-фундаменталистом, то есть ученым такого рода, когда имеется склонность «копать до дна» и делать все исключительно скрупулезно, чтобы решить поставленную задачу. Данные, полученные учеными этого толка, как правило, отличаются высокой степенью достоверности, хотя для них характерна излишняя скромность при подведении итогов. Они как бы боятся оступиться и, если не получено полных доказательств, делают выводы размыто и двусмысленно, не желая углубляться во всякие там гипотезы и научные фантазии. Усмехаются ученые-фундаменталисты, слушая речи другой категории ученых, которых называют систематиками и которые склоны к буре идей и разноплановых сопоставлений, вплоть до фантастических. Тем не менее, из науки под названием «наукосведение» хорошо известно, что серьезные достижения появляются только тогда, когда ученые-фундаменталисты и ученые-систематики работают «в одной упряжке», ругаясь, усмехаясь и делая многое другое, что подпадает под категорию «страсти кипят».

И надо сказать, что в отношениях двух экспедиционных групп (пешеходно-поисковой и геофизической) ярко прослеживалась эта тенденция. Мы, пешеходная группа (я, Юрий Лобанов, Сергей Вырупаев и другие), были явными учеными-систематиками, а они, геофизическая группа (А. С. Вакула и другие), были ярыми учеными-фундаменталистами. Но случилось так, что мы оказались «в одной упряжке», что, кстати, и привело к положительным результатам экспедиции.

Только одно меня удивляло в Анатолии Степановиче Вакуле — грусть в его глазах. Вначале я пытался заглушить эту грусть, протягивая ему кружку со спиртом, но потом привык к ней, и она, его грусть, стала казаться мне уютной и даже родной. Хорошей была эта грусть, доброй. Чувствовалось, что этот человек более глубок, чем кажется на самом деле, и что ему, одаренному чем-то высоким, немножко грустновато созерцать банальное земное бытие.

А сейчас позвольте мне, дорогой читатель, рассказать вам, как проводились поиски самолета под водой.

Организация геофизических исследований на озере Сегян-Кюэль

Вполне понятно, геофизики хорошо осознавали, что путем аэромагнитной съемки с низко

летящего самолета засечь магнитную аномалию, вызванную затонувшим самолетом, невозможно, поскольку слишком мала магнитная масса четырех двигателей (из железа!) — всего 3–4 тонны. Поэтому планировалось проводить магнитную съемку с плавсредств (моторная лодка) и со льда (на следующий год) по подготовленной сетке рядовых профилей через 20 м с шагом по профилю 5 м. А это была огромная работа, учитывая, что озеро большое — более 10 км в длину и 2–3 км в ширину. При этом учитывалось, что озеро Сегян-Кюэль еще и глубокое (более 100 м). А сигнал в глубине имеет тенденцию при-

**Приглушение сигнала на глубине.
Поэтому, если самолет лежит на большой
глубине, то обнаружить его труднее**

глушаться, уменьшая достоверность полученных данных. Был даже вычерчен график расчетного магнитного поля, из которого явствовало, что если самолет лежит на большой глубине, то его обнаружить труднее.

Магнитная съемка проводилась тремя протонными магнитометрами МПП-209. Суточные вариации магнитного поля фиксировались квантовым магнитометром М-33 в автоматическом режиме с выводом на цифровую печать с дискретностью записи одна минута. Геофизическая группа выполнила огромный объем работ с измерениями более 360 тысяч рядовых точек с шагом 5 м.

Чтобы продемонстрировать весь объем магнитометрических исследований позвольте мне, дорогой читатель, показать хотя бы размер карты (смотрите фото) озера Сегян-Кюэль, которая вся испещрена мелкими цифрами замеров магнитного поля через каждые 5 м. Это воистину колоссальная работа. И спасибо, конечно, Анатолию Степановичу, что он через много лет прислал эту карту мне.

КАРТА магнитного поля озера Сегян-Кюэль

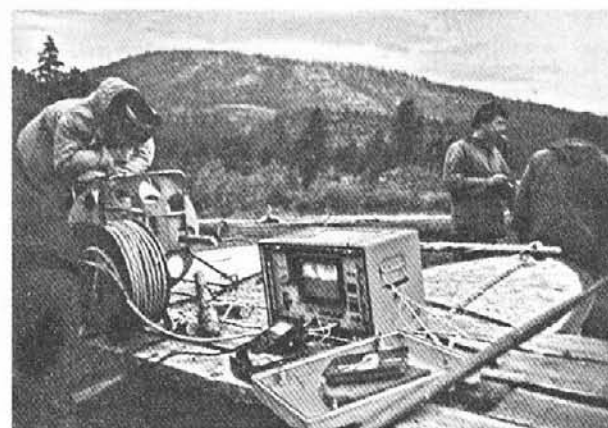

На эту карту нанесено 360 000 точек измерения магнитного поля

Был еще один прибор — скважинный магнитометр, с помощью которого, по выражению геофизиков, разбраковывались выявленные магнитные аномалии.

Но самым главным оказался прибор, называемый гидролокатором бокового обзора «Катран», с помощью которого можно было «видеть» в ультразвуковом спектре крупные предметы на дне озера. Мы надеялись, что можно будет «увидеть» и затонувший самолет. Кроме того, в распоряжении геофизической группы был подводный видеомонитор с визуализацией объекта на экран и записью на магнитный носитель. То есть, если с помощью ультразвукового сканирования удалось бы обнаружить под водой самолет, то за счет подводного видеомонитора можно было бы рассмотреть его воочию. Более того, в случае обнаружения самолета планировалось на следующий год пригласить серьезных водолазов и сделать попытку подъема самолета.

Следует также отметить, что предварительные исследования подводного грунта показали, что ил в этом озере скапливается только в заливах и на мели, а на глубине его нет, в связи с чем можно было надеяться, что самолет не похоронен в иле и его можно «увидеть» в ультразвуке.

Геофизическая аппаратура

Геофизические исследования

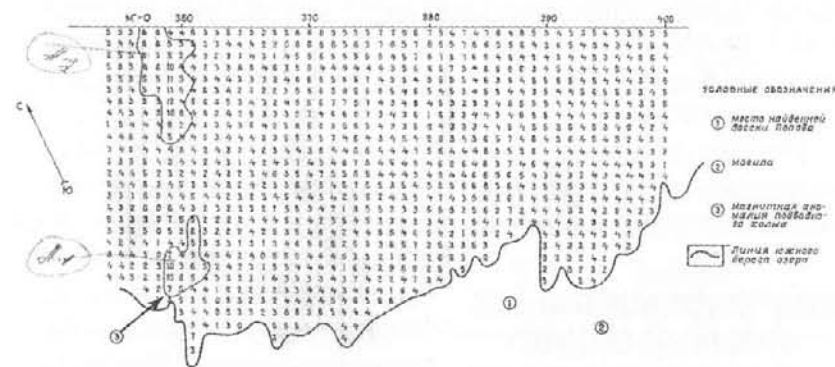
Аппаратура загружалась на катамаран из двух моторных лодок, соединенных между собой досками, после чего геофизики выплывали в озеро и делали свое дело.

Геофизические исследования проводились в следующем порядке. Вначале надо было сделать самую кропотливую и занудную работу по магнитной съемке озера, чтобы выявить подозрительные места магнитных аномалий и отметить их буями. После этого имело смысл изучить эти места с помощью гидролокатора «Катран», пытаясь «увидеть» в ультразвуке затонувший самолет. И, если уж, этот самолет «увиден», то можно было рассмотреть его, используя подводный видеомонитор.

Результаты геофизических исследований

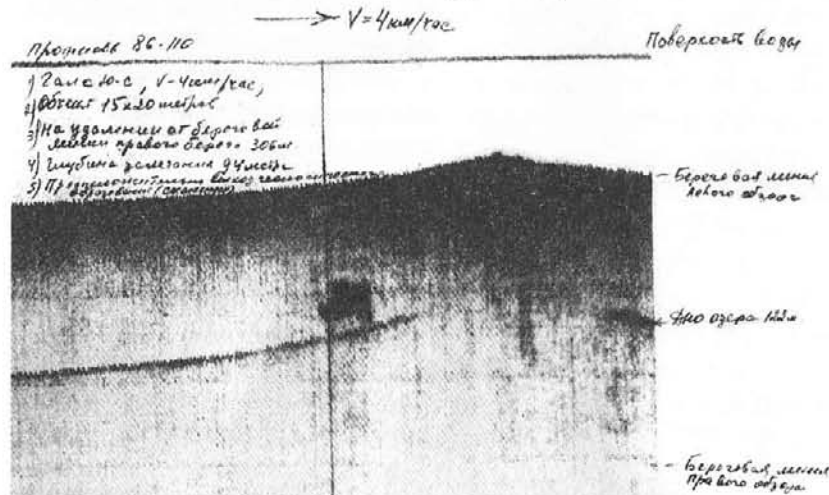
Когда тяжелейшая магнитная съемка озера Сегян-Кюэль была завершена, группа А. С. Вакулы подвела итог этой работы. Было выявлено более 10 мест с магнитной аномалией, которые надо было подробно исследовать. Более того, ученые понимали, что найденная

МАГНИТОМЕТРИЧЕСКАЯ СЪЕМКА НАД ПОДВОДНЫМ БУГРОМ

В районе подводного бугра выявлена магнитная аномалия (см. большее значение цифр)

САМОЛЕТ ПОД ВОДОЙ?

Гидролокационный снимок (сонограмма) объекта на глубине 94 м (самолет?)

магнитная аномалия не есть обязательно затонувший самолет, поскольку магнитная масса двигателей (весом всего 3—4 тонны) невелика и может плохо обнаруживаться на большой глубине, когда сигнал приглушается. Тем не менее, как говорится, попытка не пытка.

Первым делом гидролокационный прибор «Катран» был использован для изучения так называемого «подводного бугра», того самого подводного бугра, который был выявлен нами путем

ГИДРОЛОКАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗОБРАЖЕНИЕ ОБЪЕКТА

к приложению №5
Масштаб 1:1000

При $V = 4$ км/час

При $V = 6$ км/час

Изображения объекта
(самолет?) под водой
при разной скорости движения
лодки — 4 и 6 км/ч

промера глубин в прошлом году и при изучении которого опозорились наши аквалангисты во главе с пресловутым Олегом Бауловым. Этот бугор и в самом деле дал магнитную аномалию, а прибор «Катран» обнаружил что-то похожее на бочки, что подтвердилось при использовании подводного видеомонитора, когда на экране появились изображения бочек, торчащих из ила.

Успех с «подводным бугром» воодушевил наших геофизиков, и они начали тщательно изучать остальные участки выявленных магнитных аномалий. Проходя одну Зону магнитной аномалии за другой, ученые вглядывались в экран гидролокатора «Катран», но ничего интересного не замечали. И вдруг в одной из зон, чуть-чуть в стороне от нее, они увидели... явное изображение самолета.

— Это было так явно, так явно... — рассказывал Анатолий

Степанович, — что сомнений особенных у нас не оставалось. Ничего такого в других местах озера мы не видели. Мы прошли галсом 4 км/ч еще раз и... вновь увидели самолет. Далее мы прошли галсом 6 км/ч и... вновь увидели самолет. Место это мы отметили буюм.

Исследования показали, что объект, похожий на самолет, располагается в 306 м от северного берега озера на глубине 94 м. Выход геологических образований скальный, ила нет, поэтому самолет может быть и в самом деле виден в ультразвуковом диапазоне. Размер объекта — 15×20 м, что сопоставимо с размерами самолета Леваневского. Объект столь четко улавливается гидролокационным методом, что разница при изменении скорости движения лодки (4 и 6 км/ч) мало отражается на показаниях прибора. Объект лежит на подводном склоне под углом около 30° , чем и объясняется несколько искаженная форма самолета на ультразвуковом снимке.

Изучение этого объекта при помощи подводного видеомонитора, к сожалению, не оказалось удачным. Нам так и не удалось воочию увидеть затонувший самолет. Как ни старались геофизики и помогавшие им Василий Мироненко и Георгий Айбулатов, ничего не получалось. А дело было вот в чем. Нам надо было опустить видеомонитор на глубину 94 м, на которой лежал самолет. Но где-то с глубины 15—20 м в озере появлялась муть, которая усиливалась по мере погружения видеомонитора. Муть была столь сильной, что появлялось ощущение крошечной тьмы. До глубины 15—20 м мы видели рыб, а глубже — ничего. Более того, выяснилось, что в этом озере существует течение, которое сносило опускаемый подводный видеомонитор, требуя постоянной коррекции за счет хода лодки на малом ходу. Обидно, конечно, было, но это так. Оставалась надежда на водолазов.

Но водолазов тогда, в 1983 году, у нас не было. Хороших и очень серьезных водолазов мы смогли привезти на озеро Сегян-Кюэль только в 1985 году. И, чтобы не терять логику изложения экспедиционного материала, позвольте мне, дорогой читатель, перенести вас в 1985 год и сказать несколько слов об

Водолазные работы

исследованиях с помощью водолазов.

В общем, водолазы у нас были и в самом деле серьезными. Это не какие-то дутые аквалангисты из города Керчь! Завезли приличный запас кислорода. Ребята имели опыт подъема затонувших судов. Мы раз за разом подплывали к тому месту, где на дне лежал объект, похожий на самолет. И раз за разом водолазы спускались в воду. Но...

К сожалению, оказалось, что описанная муть в озере, начинающаяся с глубин 15–20 м, мешает не только работе подводного видеомонитора, но и работе водолазов. Я помню слова одного из них, когда мы его втащили в лодку:

— Взвесь какая-то! Муть! Страшная муть! Странно, что на поверхности озера вода кристально чистая, а на глубине муть! Кромеш-

ная тьма!!! Рук своих не видеть! Если даже донырнуть до дна, что, кстати, очень опасно... 94 м, все же... тогда что, самолет на ощупь искать, что ли?! Течение еще сносит... Веревка бы не порвалась!

Ребята-водолазы, конечно, выполнили весьма трудную работу, работу настоящих мужчин. Но... успех не сопутствовал нам.

Кстати говоря, раз уж мы забежали вперед, мне бы хотелось добавить, что зимой 1984 года А. С. Вакула организовал еще одну экспедицию по проведению магнитной съемки озера Сегян-Кюэль, но уже со льда, что давало более точные результаты. Была опять-таки проведена огромная работа, которая подтвердила результаты, полученные летом 1983 года.

А сейчас, дорогой читатель, позвольте вновь возвратиться к хронологии событий.

Обидно, что самолет под водой

Шел 1983 год. Был конец августа. Мы с Анатолием Степановичем Вакулой сидели у костра напро-

тив друг друга и курили. Было зябко. Ветер не дул в одну сторону, а крутил, направляя дым то на меня, то на него. То он, то я морщились, отклоняя голову и махая руками.

Мы не разговаривали. Молчали. Да и о чем было говорить?! И так все было ясно. Мы оба понимали, что на дне озера лежит, скорее всего, самолет и... скорее всего, самолет Леваневского. Но как до него добраться?! Как его достать?!

— Жаль, что сюда подводную лодку не завезти! — слышался голос Анатолия Степановича.

— Да уж, — только и проговорил я.

Мы еще не знали, что завтра опять начнутся приключения, вновь связанные с... золотой могилой.

ГЛАВА 11

Золотая могила

Позвольте мне, дорогой читатель, напомнить вам, что в прошлом, 1982 году, мы были вынуждены прийти к предположительному выводу, что золото, извлеченное из самолета Леваневского, было перезахоронено два раза. Первый раз его захоронили в 1937 году в так называемой «могиле со столбом», которую мы раскапывали и в которой, естественно, уже не было золота, поскольку его перезахоронили на другой стороне протоки рядом с «доской Попова» в 1965 году. Еще одно перезахоронение золота было произведено, как нам думалось, в 1981 году, когда сюда должна была приехать экспедиция газеты «Советская Россия»* во главе с академиком Е. К. Федоровым. И перезахоронили это золото, по нашему мнению, в расположенную недалеко, всего-то в 2–3 км, свежую могилу эвенского старика с надгробием из свежевыкрашенных досок.

Именно последняя «могила» влекла нас. О, как было бы интересно ее разрыть! Но... в прошлом году, когда я рыл траншею рядом с ней, над головой пролетела пуля и ударилась о кочку.

Шел 1983 год. Был конец августа. Нас всех преследовал зуд приблизиться к могиле эвенского старика с надгробием. Чувствовали мы, что золото там. Но мы, честно говоря, не очень-то

* Экспедиция в 1981 году не состоялась.

желали «цацкаться» с золотом, потому что оно для нас было чуждо и напоминало грязное белье какого-то сифилитика, до которого и дотрагиваться-то противно.

— Ну, и хрен с ним, с золотом! — думали мы.

За нами наблюдают Вполне понятно, что мы не хотели разрывать могилу. Это было бы смерти подобно. Более того, близкие нам местные жители под большим секретом поведали, что на близлежащих сопках постоянно дежурят люди, которые наблюдают за нашим лагерем в бинокль. Я, помню, как-то, взяв бинокль, внимательно осмотрел близлежащие сопки. Людей я не увидел (понятно, что они прятались!), зато увидел солнечный зайчик, характерный для оптического прицела винтовки или бинокля. Я зафиксировал это место в памяти, а потом нашел на карте. Собственно говоря, это была ложбинка на горном склоне, где можно было лежать и куда подходила высокогорная тропа. Зная, что местные жители не любят ходить пешком, а ездят верхом на лошадях, я стал в бинокль искать пасущуюся стреноженную лошадь, понимая, что вряд ли хозяин на целый день привяжет лошадь к дереву. И тут... я увидел лошадь.

— Секут, значит! — проговорил я.

Юрий Лобанов, с кем я поделился этим, сказал:

— А ты чего хотел?! Главное, чтобы никто не ходил к «золотой могиле». Помнишь выстрел в прошлом году?!

— Юра! — возразил я ему. — Но ведь оттуда

За нами наблюдали. Мне удалось поймать зайчик от бинокля

далеко стрелять! До «золотой могилы» этак километра три будет напрямую по воздуху. Пуля столько не пролетит.

— Хе! — усмехнулся Юрий Лобанов. — Ниже нас по течению, всего-то в 1–2 км, в прошлом году все время стояли, разбив лагерь, двое рыбаков. В этом году они тоже стоят там же. Странные люди, кстати. Изображают, что не знают русский язык. Зверем смотрят. Вот я и думаю...

— Что?

— Я думаю, что эти рыбаки стоят там не зря. С этого места до «золотой могилы» всего-то 700–800 м напрямую. Тропка даже есть. Поэтому, если наблюдатель увидит опасность в отношении «золотой могилы», то сразу сбежит вниз с горы к «рыбакам» и даст сигнал, что надо действовать... например, стрелять, чтобы испугать, или...

Я опустил голову.

— И в самом деле, — прохрипел я, — пуля-то в прошлом году пролетела точно над моей головой и ударилась об кочку. Значит, стреляли прицельно, а не наобум. Стреляли этак метров со 100–150. Ты прав, наверное, Юра, ты прав!

«Рыбаки-охранники» всегда
были наготове

У меня сжались кулаки. Захотелось пойти к этим «рыбакам», привести их в лагерь и, воспользовавшись нашим численным преимуществом, насильно повести их к «золотой могиле», чтобы прямо при них исследовать могилу протонным магнитометром и другими приборами, и, найдя доказательства, начать честно раскапывать эту псевдомогилу. Но...

Но мы с Юрой понимали, что это будет война, в которой мы вряд ли выиграем. Перестреляют нас, скорее всего, как куропаток. А там... «ищи ветра в поле». Ведь здесь один закон, называемый «тайга-закон».

Учитывая сказанное, я, используя максимальный накал начальственных интонаций, почти прокричал:

— Если кто-то приблизится к той могиле, тот будет исключен из состава экспедиции. Ясно?!!! Твою мать!

Первая «золотая ласточка» Тем не менее, меня не послушались. Один из геофизиков, экстремальщик такой, не удовлетворенный своим под-

собным положением в группе маститых ученых геофизического толка, спер протонный магнитометр и, подначив еще одного такого же, сходил ночью к «золотой могиле».

Разбудил он не своего непосредственного шефа — Анатолия Степановича Вакулу (боялся, наверное!), а меня, более склонного к авантюрам.

— Там, там... — стал заикаться он, — там металл, тяжелый металл!!!

— Где металл? — спросил я спросонья.

— В могиле!

— В какой могиле?

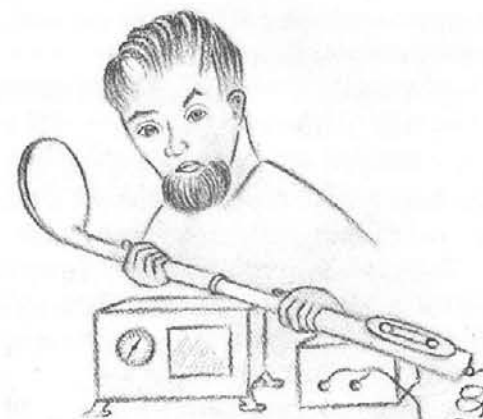
— Запретной.

— Ты там был, что ли, е-к-л-м-н-н?!!!

— Сходил, вот, с другом и... протонным магнитометром... туда. Запретный плод ведь сладок, — промямлил он.

— Ночью, хоть, ходили, блин?!

ЗАПРЕТНАЯ МОГИЛА

В общем, сходил я туда с другом и... протонным магнитометром

— Ночью, черной ночью. Чо, я дурак, что ли? Еле нашли. Думали, заблудимся. Но я заранее присмотрелся, — то одно дерево, то другое...

— Фонариком светили?

— Было дело, — потупил взгляд начинающий геофизик. — Но я, чо, дурак, что ли? Я свет фонарика штормовкой прикрывал.

— А на хрена тогда светить-то?! — взбеленился я.

— Я сбоку прикрывал.

— А-а! Без фонарика, хоть, шли туда?

— Чо, я, дурак, что ли? Шли без фонарика, втихаря. Я в темноте хорошо вижу, как сова. Могу показать, хоть сейчас.

— Не надо. Пошли, костер разведем. Спирт будешь? Фляжка со мной! Я костер разожгу, а ты иди, в котелок воды с озера зачерпни, чтобы развести спирт.

— Я мигом. А второго-то, того, кто со мной был, звать? — глаза начинающего геофизика блеснули.

— Не зови! Сами поговорим.

Костер загорелся. Мы с начинающим геофизиком при свете костра разлили спирт, разбавили водой и пододвинули остатки каши.

— Ложки черт его знает где! — прорычал я. — Ладно, руки спиртом протрем и пожрем руками, как узбеки. Не будем же в темноте ложки искать!

— А может... — вдруг всполошился начинающий геофизик.

— Что... может?

— Может, и моему напарнику по... золотой могиле нальем? Он ведь стресс пережил, боялся очень. Я ему в палатку отнесу, пусть хряпнет для успокоения души.

Я налил приличную дозу спирта в кружку, разбавил его водой и вместе с остатками каши в котелке передал все это начинающему геофизику, предварительно отложив немного каши в тарелку... рукой.

— Иди, отнеси!

— А ложка?

— Пусть руками жрет, — ответил я.

Вскоре, выпив спирта, мы сидели у костра с начинающим геофизиком и курили. Глаза его блестели.

— Я, конечно, — рассказывал он, — очень боялся. Как на смерть шел. Но чего не сделаешь ради истины?! Как только я настроил протонный магнитометр при свете фонарика... прикрытого штормовкой... то сразу понял, что золото здесь, в могиле. До хрена его, еще раз скажу — до хрена!

Потом начинающий геофизик долго объяснял мне какие-то нюансы работы этого самого магнитометра, из чего я, честно говоря, ничего не понял. Я просто спросил его:

— Ты хочешь достать золото из могилы?

— Хочу! — резко ответил он. — А чо, оно в могиле гнить должно, что ли?! Пусть хоть государству достанется! Эти идиоты, которые захоронили золото, им ведь так и не воспользуются. Над златом чахнут..! Ха! Могильное золото! Как звучит-то — могильное золото! Сами бы в могилу легли, обняв это золото... Жизнь ведь отдадут за это золото... в могиле. Ну и дураки, а!

— М-да, — только и произнес я.

В тот момент, в 1983 году, я еще не понимал, что этак лет через двадцать-тридцать наступят времена, когда болезни под названием «золотая лихорадка» и «денежная шизофрения» вступят в свои права и станут чуть ли не божественными постулатами, тихо нашептывая, что Бог призрачен, а вот деньги и, тем более, золото не просто ощутимы материально, но и дают Власть... среди денежных шизофреников и золотых дураков.

Денешная шизофрения

Но история с «золотой могилой» на этом не закончилась. Тут уже зарядился и я — пойти ночью туда вместе с неким Виталием Маркушевым.

Вторая «золотая ласточка» Виталий Маркушев, урожденный омич, имел прозвище «омичка» по названию популярного в то время плавленого сырка, поскольку относился к той серии мужиков, которых называют «квадрат» и который, несмотря на свою мужественность, был мягким и уютным, да еще и беспредельно умным и добрым. Он к тому же был, так сказать, «губошлепом», поскольку на его губах отражались эмоции, и все, когда он говорил, смотрели ему в рот.

Так вот, этот самый Виталий Маркушев изобрел и сделал своими руками прибор — металлоискатель, но такой металлоискатель, который не реагировал на железо, как обычно, а реагировал только на цветные металлы. Причем его можно было настроить на тот или иной металл: на платину и золото, например... или серебро. Но самым главным для нас было то, что этот прибор можно было настроить на дюралюминий, из которого был сделан корпус самолета Леваневского. Однако недостатком этого прибора было то, что он определял цветной металл только вблизи — на расстоянии не более 80 см, и тогда он начинал пищать и мигать встроенными лампочками. О, сколько раз мы пытались подвести датчик этого прибора к затонувшему самолету на глубине 94 м! Но эти проклятые подводные течения, да и ветер все время мешали нам. Только «пискнет» прибор и... опять его унесло течением, да и ветер болтает лодку, как поплавок.

А тут получилось, что «прибор Маркушева» можно использовать по прямому назначению (без зависимости от течения и ветра!) для поисков золота в могиле, настроив его на этот металл. Глубина измерения 80 см вполне достаточна, чтобы обнаружить драгоценный металл.

— Скажи, Виталий, а точно твой прибор определит золото в могиле? — спросил я его.

— Ну... — задумался он, — если только с платиной перепутает. Или... может быть, с серебром, но менее вероятно.

— С железом не перепутает?

— Нет, конечно! — Виталий выпучил глаза.

В общем, ситуация сложилась так, что мы с ним стали ждать черной-черной ночи, когда тебя «никакая собака не разглядит». А ночи-то здесь светлые; близко к полярному кругу все же. Ждали день, два, три... пять, и вот наконец наступила ночь так ночь — чернее не бывает. Плотная облачность закрывала небо, накрапывал дождь, ветра не было.

Часа в два ночи, прихватив металлоискатель, мы отправились с Виталием в путь. Я держал направление по компасу, еле различая его стрелку. Местность была знакома: то там наткнешься на известное тебе дерево, то нога попадет в вырытую в прошлом году траншею... В общем, дошли мы в темноте до искомой могилы.

Глаза уже привыкли к темноте. Виталий стал настраивать свой прибор.

— Ничего не видно, черт побери! — приговаривал он. — Может спичку зажечь?

— Работай в темноте!

И Виталий работал. Матерился, но работал.

— Я готов! — прошептал он.

— Давай! — в ответ прошептал я.

Было тихо. Уютно накрапывал дождь, теплый... по якутским понятиям... дождь. Было слышно, как вдали плещется вода в озере.

Виталий подвел датчик прибора к краю могилы и... Вдруг прибор так запищал, что аж в ушах зазвенело, да к тому же так ярко замигал какими-то лампочками, что аж в глазах потемнело.

— Ты чо делаешь? — прорычал я.

— Это золото... или платина! Много очень! — прохрипел Виталий.

— Звук и свет не можешь убрать?

Запретная могила

Здесь золото или платина!
Очень много! Прибор аж
зашкаливает!

аж зашкаливает, черт побери! Золото это!!! Ну... платина, может быть! Ух, как зашкаливает прибор!!!

Золотая могила

— Не могу. Интенсивность звука и яркость светодиодного свечения, фиксируемые еще и на специальной шкале, являются критериями определения металла по его электропроводности. Короче говоря, чем тяжелее металл, тем сильнее звук и тем сильнее свечение. И я тебе скажу... скажу...

— Что?!!! — вырвалось у меня.

— Что металл в могиле очень тяжелый. Прибор

— Виталий! А ты не можешь хотя бы убрать свечение? Опасно ведь!

— Не могу. Провода надо перепаявать.

Виталий продолжал водить металлоискателем по могиле.

— Такое ощущение, — проговорил он, — что тяжелый металл... золото... располагается в основном по периферии могилы. В центре тяжелый металл только в глубине. Мой прибор может делать замеры на глубине не более

800 мм, то есть 80 см. Поэтому не могу сказать, на какую глубину уложен тяжелый металл в могиле. Думаю, более чем на 80 см. А в центре сверху лежит что-то, но не тяжелый металл.

— Труп старика, наверное, там лежит, — прокомментировал я. — Его уложили для маскировки; если начнут раскапывать — наткнутся на труп.

Виталий Маркушев так увлекся исследованием могилы, что совсем потерял чувство самосохранения. Он даже начал громко разговаривать и восклицать: «Золото, ведь! До хрена золота!» А прибор все пищал и мигал светодиодами.

У меня лопнуло терпение, и я сказал:

— Хватит, Виталий! И так ясно, что здесь золото. Отключай свой прибор! Никто ведь не знает, наблюдают за этим местом ночью или нет. Если наблюдают, то точно могут увидеть мигание твоих светодиодов. Да и ночь очень тихая, — издали можно услышать пищание твоего аппарата.

Мы уложили прибор в чехол и пошли обратно. Я взял обратный азимут на наш лагерь. Однако, подумав, я решил идти не напрямую, а полукругом, путая следы и боясь того, что нас могли «засечь». Полукруг я решил сделать в сторону озера, то есть в противоположную сторону от того места, где стояли «рыбаки» — охрана «золотой могилы».

Вскоре, несмотря на тьму, я заметил берег озера, но идти вдоль него побоялся, так как нас можно было увидеть на фоне воды. Мы стали идти по прибреж-

Раздался невообразимый шум с квохтаньем. Мы с Виталием упали на землю

ным кустам и кочкам. И вдруг... вдруг раздался невообразимый шум с каким-то хлопаньем и квохтаньем. Мы с Виталием упали на землю.

— Куропатка! Полярная куропатка! Сволочь, выдала нас! — прошептал я.

Мы лежали на земле и прислушивались. Каждый ночной шорох был подобен грохоту. О, сколько шорохов, оказывается, в ночи! Один раз рядом с Виталием что-то пробежало:

— А-а-а! — выдохнул он.

— Тише, это мышь! — прошептал я. — Если к лицу начнет подбираться, щелкни ей по носу.

Мы продолжали лежать. И тут мы услышали разговор, человеческий разговор, раздававшийся со стороны «рыбаков-охранников». Чувствовалось сразу, что люди говорили вполголоса, но, даже несмотря на то, что тихой ночью звуки слышны очень издалека, можно было понять, что они говорят не с того места, где стоял лагерь «рыбаков-охранников», а со значительно более близкого к нам места... а именно, с места, где располагалась «золотая могила», от которой мы отошли этак на 300—400 м.

Если это мышь, то щелкни её по носу

Мы с Виталием лежали, понимая все. Особое беспокойство вызывал шумный взлет этой проклятой куропатки, по которому «рыбаки-охранники» могли определить место нашего положения.

У нас было два выхода: или лежать так, надеясь на темноту ночи, или встать и бежать к спасительному базовому лагерю, где были ребята и ружья. Души наши так и трепетали.

— Давай еще полежим, Виталий! Послушаем! — шепотом предложил я.

— Давай!

Голоса на время утихли, но потом возобновились. Около «золотой могилы» мелькнул свет фонарика, потом еще раз, потом еще раз...

— Они смотрят, не начали ли мы разрывать могилу, — прошептал Виталий.

— Похоже, — прохрипел я.

Потом наступила тишина.

— Они прислушиваются! — раздался шепот Виталия.

— Тише.

Вскоре голоса возобновились вновь.

— Виталий! — прошептал я. — К сожалению, они, наверное, увидели мелькание твоих светодиодов или услышала писк твоего аппарата. Не спят ночами, что ли, суки?! Короче, нас засекли. До лагеря-то мы доберемся — темнота наш союзник, а вот как будет завтра, послезавтра... я не знаю. Твою мать!!!

Голоса около «золотой могилы» на некоторое время затихли, но потом стали слышны опять.

— Боюсь, — прошептал я, — что они услышали взлет куропатки и вскоре придут сюда. Надо уходить! Идем очень тихо! Очень тихо! На ветки старайся не наступать, Виталий! На берег озера не будем выходить — там камни, на которых хорошо слышны шаги. Лишь бы еще одна куропатка не взлетела! Эти проклятые птицы водятся стаями.

Мы с Виталием встали и тихонько пошли. Сбоку, несмотря на темноту, я видел озеро, что было хорошим ориентиром. Этак через полчаса хода впереди мы увидели костер и, ускорив ход, пошли прямо на него. Однако, не доходя метров двести-триста до костра, мы остановились.

— Виталий! Давай полежим и понаблюдаем за костром! Уж больно ярко он горит, да и людей рядом с костром не видно. Странно это! — предложил я.

Мы с Виталием снова залегли.

— Странно и в самом деле! — проговорил Виталий. — Так ведь не бывает — костер яркий, туда только что подложили дров, а человека рядом нет. Может, он в туалет пошел, но... долго слишком ходит. Может, запор у него?

— Виталий! Люди по большому ночью не «ходят». Они делают это поутру: кто с запором, кто без...

— Понос со страху мог открыться. Нас-то ведь давно уже нет. Тут и «переср...ться» можно!

— Уж больно долго он поносит. Так не бывает.

— А может он «обоср...ся» и штаны в озере полощет?

Виталий серьезно посмотрел на меня.

— Вряд ли, — парировал я. — В таком состоянии человек обычно вошкается: то за мылом пойдет в палатку, то вымажется, негодуя, то штаны запасные начнет вытаскивать из рюкзака... А здесь тишина, никто не вошкается.

— Да Бог да с ней... с его прямой кишкой! — в сердцах прошептал Виталий. — Главное, мы с тобой сходили к «золотой могиле».

Мы продолжали наблюдать за костром в нашем лагере. Постепенно он начал затухать. И тут откуда-то снизу появилась фигура человека. Эта фигура потянулась к дровам и, взяв их, подкинула в костер.

— Твою мать! Совсем охерел! Заливается, как соловей! Даже здесь слышно, — слышался негодующий голос.

Это был один из наших геофизиков.

Когда мы подошли к костру, то выяснили, что он, этот геофизик, обладая чутким сном, был вынужден уйти из палатки, чтобы не слышать храп своего товарища, которого, как говорится, даже пушкой не разбудишь. Куда уж там, толкать его в бок локтем! Вот и приходилось ему, бедняге, поддерживать костер и спать около него.

— Спирта хочу! Причем хорошую дозу, — требовательно произнес Виталий.

Спирта мы, конечно же, выпили. Даже геофизика с тонко организованной нервной системой и не переносящего ночные

звуки налили. Мы с Виталием ни о чем ему не рассказывали. Нервным он был очень.

Перед тем, как лечь спать в палатку, я отошел от лагеря и прислушался. Все было тихо. Только где-то нудно свистела ночная птица. Тихо накрапывал дождь. А когда я лег спать, мне все время мерещился взлет этой проклятой куропатки.

Утром, умывшись и поев каши, я собрал основных членов экспедиции, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию.

Что будем делать? Нас ведь засекали!

Мы все прекрасно понимали, что нас, как говорится, пасут. Естественно, нас «пасли» только с одной целью: эти люди боялись, что мы начнем раскапывать «золотую могилу». Вполне понятно, что они выставили охрану в виде наблюдателя на сопке и двух «рыбаков-охранников», которые свято выполняли свой долг и днем и ночью. Эти ребята не халтурили. Они были преданы «золотому делу» и все время были начеку.

Наш лагерь, разбитый недалеко от «золотой могилы», конечно же, нервировал «золотую братию». Она, эта «братия», наверное, не понимала, что эти ученые даже не задумываются о богатстве, которое лежит в могиле; им, видите ли, истина дороже. Но она, эта «братия», скорее всего, осознавала, что золото в могиле, помеченное специальными банковскими номерами (и отправленное в виде дара Советского Союза Америке!), может стать одним из доказательств гибели самолета Леваневского именно здесь.

Первый, 1982 год, по мнению «золотой братии», прошел вполне неплохо. Ну, разрыли они, эти чокнутые ученые, первую могилу, где уже не было золота! Ну, покопались около второй могилы, где тоже уже не было золота! Ну, пугнули этих ученых, когда они копали траншею рядом с «золотой могилкой», послав пулю рядом с головой! Ну, пугнули руководителя экспедиции, послав пулю рядом с ухом! И они, эти чокнутые ученые, вроде как поняли, что лазать здесь нельзя.

Но в этом, 1983 году, «золотая братия» увидела, что ученые приехали с какими-то приборами, с помощью которых нашли самолет под водой. Но достать его не смогли: глубоко лежит. Стали они этими приборами и землю исследовать. Но к «золотой могиле» боялись приблизиться. Сработало, наверное, предупреждение... пуля ведь над головой пролетела. Должны понимать, что с ними шутить не будут. Однако ведь они с приборами могут и ночью к могиле полезть, когда ничего не видно. Нужно и ночью стеречь! Хоть и спать хочется. Но чего не сделаешь ради золота... в могиле! И не зря ведь стерегли!!! Наш напарник со своей сопки заметил свет фонарика около «золотой могилы». Но, пока он бежал к нам по склону вниз, пока на той стороне протоки свистел в свою трубу, изображая голос ночной птицы, пока мы завели лодку, пока подъехали к нему, пока узнали, в чем дело, пока добежали до «золотой могилы»... тех, кто светил фонариком, и след простыл. Напарник, дежуривший на сопке, так орал на нас «рыбаков», что страшно даже стало. Кричал, что, если кто ночью подойдет к «золотой могиле», тех надо сразу расстреливать. Он ведь умный — тот, кто на сопке дежурит! Он ведь с самим Никифором Павловичем общается и даже родственник его. А у Никифора Павловича один закон — кто ослушался, тому смерть. Другого дядя Никифор не признает.

Эти «рыбаки-охранники» были, скорее всего, обычными эвенскими мужиками, но которых, как говорится, черт попутал. Им было тоже нелегко — не спать, караулить и, если нужно, пойти на убийство. Им, может быть, было плевать на золото, но они боялись дядю Никифора.

Прошла еще одна ночь, вторая, третья... «Рыбаки-охранники» бессменно дежурили. И тут один из них услышал какой-то прерывающийся писк... глубокой ночью услышал. Он разбудил спящего по дежурству товарища и спросил его, слышит ли он свист со стороны «золотой могилы».

— Слышу!!! Чо-то там пищит! — возбудился спросонья товарищ.

Они оба тут же взбежали на бугорок, откуда была видна «золотая могила» и... увидели какие-то странные мелькания света.

— Что это? Черти, что ли, там играют?

— Да нет, — ответил более старший из двух «рыбаков-охранников», — видать, экспедиция еще раз пришла изучать своими приборами «золотую могилу»... тайно пришла... ночью. Помнишь, что Никифор Павлович говорил?

Оба взяли карабины и скрадом, по натопанной тропинке пошли в сторону «золотой могилы».

— Курки не забудь взвести! — сказал старший.

Но у могилы уже никого не было. Только крик испуганной куропатки говорил о том, что «ночные люди» ушли. А попробуй найди их в ночи? А, может быть, у них есть ружья и они...?! Но самое главное, что можно доложить самому Никифору Павловичу, что «золотую могилу» не начали раскапывать, даже ночью и... что пока обходится без трупов.

После откровенного разговора с ребятами я сидел у костра, понурился голову. Я понимал сложность нашего положения. В этом положении логичнее всего было бы пойти в поселок и отправить оттуда телеграмму с просьбой прислать на вертолете наряд милиции, чтобы под его прикрытием раскопать могилу, достать золото и сдать его государству. Но... это было опасно. Телеграмму, скорее всего, перехватят, поскольку, как мы уже знали, на почте работают «свои» люди, а пока будет «окно» в погоду и прилетит вертолет, нас, скорее всего, перестреляют... а дальше — «ищи ветра в поле». Да и следствие по этому поводу мало чего даст, ведь здесь один закон, именуемый «тайга-закон».

Надо было искать другой выход, основываясь на том, что это золото нам было «до фени». Да и патриотическая роль сдачи государству пяти тонн золота не особенно ласкала душу, поскольку сам процесс сдачи золота сопровождался бы его воровством на всех этапах, когда любой исчезнувший слиток можно было бы свалить на нас.

— Наср...ть я хотел на это золото! — вырвалось у меня. — Глубоко наср...ть!!! Да я даже слиток побрезгую в руки взять! Мне противно трогать это могильное золото!!! Я даже золотое кольцо снял на второй день после свадьбы! Не переносу золота! Чокнулись все из-за этого золота!

После этого я походил вокруг костра кругами, чтобы успокоиться. А когда успокоился, то понял, что не надо ничего делать. Просто не трогать это поганое золото, да и все. Они, эти люди, боятся убить кого-то из нас, поскольку смерть члена экспедиции аж самой газеты «Советская Россия» повлечет за собой то... не знаю что. Народная буря начнется в СССР, поскольку страна патриотична и вряд ли простит, чтобы какие-то несчастные «золотых дел мастера» командовали парадом, когда на кон ставится честь Великой Родины.

Я вздохнул. Закурил. Мне стало легче.

— Только не допускать с нашей стороны авантюры! Это может обернуться смертью, — сказал я сам себе. — Надо тихо-мирно уехать отсюда. Плевать на золото! Вы, «золотая братия»,

побойтесь перенести золото в другое место, потому что, приехав на следующий год, мы обнаружим это по свежим раскопкам и по показаниям приборов. Вот тогда-то вы, «золотые ребята», можете засветиться! Надеюсь, что у вашего «великого» Никифора Павловича хватит ума не трогать золото в могиле. А нам... нам плевать на это золото!

Да плевать я хотел
на ваше могильное золото! —
вырвалось у меня

Прошло еще два дня. Мы сворачивали лагерь. Скоро мы должны были отправиться домой. Все было спокойно. «Рыбаки-охранники» изображали благодушные. На сопке все так же были видны солнечные зайчики от окуляров бинокля. В могиле все так же лежало золото... Все было обычно.

Только вот мысли об экспедиции будущего, 1984 года, не покидали меня. Но эти мысли были связаны отнюдь не с «золотой могилой», к которой я уже потерял интерес, а еще с одним «золотым самолетом», упавшим в районе загадочной реки Юрактях. У нас не было оснований утверждать, что найденный под водой самолет является именно самолетом Леваневского, и что золото в могиле является даром Советского Союза Америке. Мы должны были проверить еще один вариант, тот вариант, о котором рассказал некий одинокий человек по фамилии Солодовников и в котором, как в детективном сюжете, тоже присутствовал русский в меховой куртке, варивший похлебку из своих унгов, и которого тоже убили.

Перед отлетом самолета я отошел в сторону, чтобы покурить.

— Что же будет на следующий год? — подумал я.

— Будет блокада экспедиции, — в голове как бы прозвучал вполне логичный ответ.

ГЛАВА 12

Блокада экспедиции. Второй «золотой самолет»

Наступил 1984 год. Появилось довольно много статей о наших поисках в печати. Даже телевидение жаловало нас.

У меня в жизни как-то все выровнялось. Я стал оперировать больных прямо-таки как обычно, забыв, что я должен делать это «втихаря». На душе было хорошо. Душа стремилась к приключениям. Мы стали собираться в следующую экспедицию по поискам погибшего экипажа Леваневского. Вот только последняя мысль, возникшая во время экспедиции прошлого года, не выходила из головы. А это была такая мысль:

— Будет блокада экспедиции!

Я все прекрасно понимал. Я понимал и риск... смертельный риск, и ухмылки, сопровождающие вопрос, «Ну чо? Самолет Леваневского-то еще не доставили в Уфу?», и многое-многое тому подобное. Душа моя рвалась в бой. Я даже поймал себя на мысли, что... когда все хорошо, то хочется идти в бой. Я даже стал осознавать роль благости и связанной с ней скуки, которые как бы нашептывают человеку, что в этом состоянии пребывать долго нельзя, поскольку тебя «засосет», и тебе все время будет хотеться быть в этом состоянии, несмотря на то, что человек создан Богом как «боевая единица», для которой слово «бой» греет Душу. Можно много судачить о причинах ссор, драк и даже войн, но мы должны признаться себе, что сидящая в Душе «боевая единица» играет главную роль, как бы противодействуя убогой скуке, от которой пахнет смертью.

Вот и нам тогда, в 1984 году, хотелось рваться в бой... очень хотелось. К тому же сведения, которые мы получили из Якутии, буквально подстегивали нас.

О чем поведали письма из Якутии

Вполне понятно, что за два года экспедиций мы обзавелись в этом заброшенном Богом поселке друзьями и людьми, которые симпатизировали нам. Эти люди к тому же прекрасно понимали, что отправлять нам письма и телеграммы из поселкового почтамта «смерти подобно», потому что на почте «было все схвачено». Зато они, эти люди, передавали письма доверенным людям, которые, когда вылетали из поселка в Якутск, могли безбоязненно положить конверт в почтовый ящик.

Особенно любопытным нам показалось письмо некоего Клим Солодовникова, направленное на мой адрес. Более того, сведения, изложенные в этом письме, во многом совпадали с теми рассказами по секрету, которые нам поведали местные жители еще в прошлом году незадолго до отлета. Вот что написал Клим Солодовников:

Уже двенадцать лет я живу отшельником в местечке Хапун-хая в районе реки Юрактях. Места здесь глухие. Однажды я заблудился летом и вдруг увидел резиновое колесо, а вслед за ним и разбившийся самолет. Это меня не удивило — самолеты часто бьются в наших краях. Я рассказал об этом другим людям. Кто-то из них сказал, что летчик этого самолета оставался жив. Он был одет в меховую куртку, на боку висел планшет, с ним были нож и чашка, в которой он варил разрезанные на полоски унты. Летчик вышел на избушку якута по фамилии Колосков и попросил его вывести из тайги, за что обещал расплатиться золотом, которое было у него с собой в рюкзаке. Кроме того, он сказал, что знает, где лежит много золота. В конце концов, этого русского в меховой куртке убили и, похоронив, поставили на месте могилы крест в виде... пропеллера. Я знаю, где эта могила находится. А также я знаю, что после начала вашей экспедиции к разбившемуся самолету приезжали люди и распиливали его на части напильниками и ножовками, чтобы утопить эти части в болоте. Есть также место, где появилась новая могила... там, где в горах может сесть самолет АН-2.

Прочитав это письмо, я, помню, очень возбудился и стал даже ходить взад-вперед по своей уфимской «хрущевке», приговаривая:

— Параллельная ситуация! Параллельная ситуация!

Словом «параллельная ситуация» обозначается какое-то событие, очень похожее на предыдущее событие, когда волей-неволей приходится проверять оба этих события, дабы узнать истину.

— И в первом случае на озере Сегян-Кюэль, после падения самолета оставался жив русский в меховой куртке, и здесь, на реке Юрактях, остался жив после падения самолета человек в меховой куртке, — думал я. — И там у него была чашка, в которой он варил унты, и здесь была чашка, в которой он варил унты. И там его убили, и здесь его убили. И там самолет вез золото, и здесь вез золото...

Было вполне очевидно, что требуется проверить и эту «параллельную ситуацию». А вдруг именно тот самолет и есть самолет Леваневского? А вдруг с версией падения самолета Леваневского в озеро Сегян-Кюэль мы в чем-то ошиблись? А вдруг...? Страсть кипела во мне, кипела, несмотря на смертельный риск проверки «параллельной ситуации».

Более того, еще одно письмо, присланное нам «втихаря», рассказывало, что «легендарный» Никифор Павлович вскоре после нашего отбытия в Уфу приезжал в поселок и долго что-то выяснял у близких к нему людей. Он даже два раза ездил на другой конец озера Сегян-Кюэль (именно туда, где располагается «золотая могила»!!!), ездил вместе со своим родственником Кириллом Николаевичем Кривошеевым — весьма темной личностью. Никифор Павлович распорядился, чтобы «рыбаки-охранники» продолжали «ловить рыбу» и длинной якутской зимой. Он командовал ими на правах старшинства, поскольку «рыбаки» тоже были его родственниками.

После этого Никифор Павлович отправился «охотиться» по очень длинному маршруту, включающему район остроконечных вершин, где мы были, район загадочной горы Бубарэ и... район реки Юрактях, куда мы собирались.

— Свои «золотые могилы», наверное, обходит, — высказался по этому поводу Юрий Лобанов. — Для него это святое — золото в могиле! Для чего оно ему — могильное золото?! Как думаешь?

— Не знаю, — тихо проговорил я. — Но это ненормально. Шизофрения какая-то! Цель его жизни — иметь золото в... могиле!

— Понятно, — стал размышлять Юра Лобанов, — что «золотой могилы» на конце первого озера Сегян-Кюэль мы касаться не будем. Это смерти подобно. Но также понятно, что в этом, 1984 году, мы пойдем на реку Юрактях, чтобы проверить «параллельную ситуацию». Как по-твоему, какой сюрприз приготовил нам незабвенный Никифор Павлович?

— Ой, не знаю, — пробормотал я.

Так и остались мы оба в недоумении, совершенно не понимая, что же ждет нас впереди. Где-то в глубине души шемило чувство тревоги, но сборы в экспедицию проходили бойко и бодро, как будто мы шли на испытание с заведомо предсказуемым успехом.

Вскоре мы долетели до города Якутска. Встретились с нужными людьми. Купили билеты на самолет до поселка Сегиан-Кюэль и стали ждать. И тут в обкоме КПСС Якутской АССР нам сказали, что с нами полетит сам собственный корреспондент газеты «Советская Россия» по Восточной Сибири Синичкин Андрей Петрович, чтобы сделать репортаж с «горячей точки». С ним мы встретились у него на квартире.

Славянофилл — Вы кто? — спросил он сразу. — Оранжевые пеньюарчики впечатляют!!!

— Это анораки, — пробурчал Юра Лобанов.

Потом мы с ним долго говорили на кухне. Он, этот человек, угостил нас чаем с сахаром... хотя жрать хотелось, ой, как сильно. Да к тому же этот самый собственный корреспондент открыл хлебницу, отрезал ломоть хлеба, после чего, порывшись в холодильнике, достал масло с вареньем и, жирно намазав на кусок, стал, чавкая, поглощать все это, широко открывая рот.

— Эх! — вырвалось у Юры Лобанова.

Разговор шел ни о чем. Тема Леваневского для него, как нам показалось, была неинтересна. Он больше говорил о новых веяниях в культуре. Поставил кассету с песнями Вилли Токарева, Пьера Лещенко и Александра Розенбаума. Смаковал каждое слово из их песен.

— Нинка, как картинка...! — подпевал он периодически.

Спел свои три песни — ужасно плохие, что-то о Кузнецком мосте. После этого он достал бутылку коньяка с лимоном и, не особенно предлагая нам, начал пить. Мы, чтобы не оставаться внакладе, достали фляжку со спиртом. В итоге получилась неплохая пьянка.

Собственный корреспондент газеты, опьянев, раздухарился и начал говорить что-то типа: «О, как трудно работать среди азиатов! Где культура! Только славяне способны иметь полет мысли и высокий уровень культуры! Славяне вскоре выйдут вперед! Славяне будут управлять планетой!»

Славянин Юра Лобанов подтянулся к моему уху и прошептал:

— Он — славянофил.

— Да к тому же он «московский мальчик», получивший должность собственного корреспондента по благу, — в ответ прошептал я ему в ухо.

После этой встречи мы стали звать собственного корреспондента газеты «Славянофилл», но вскоре он стал просто «Филл».

Через три дня мы вместе с Филлом сидели в самолете АН-2, который вез нас в поселок Сегиан-Кюэль. По пути Филл говорил, что там он пробудет два дня, в течение которых мы должны осветить ему всю проблему и... даже показать самолет под водой. Но на деле все вышло иначе.

Э-э! Мулдашев приехал. А зря!

Когда самолет благополучно приземлился, нам навстречу вышел местный радиотехник и, саркастически улыбнувшись, сказал:

— Э-э! Мулдашев приехал. А зря!

— Почему так? — спросил я, побледнев.

Э-э! Мудашев приехал.
А зря !!!

— А потому, — радиет вскинул голову вверх, — что вы в прошлом году обидели многих уважаемых людей. А у нас за обиду полагается...

— Чего полагается?

— Не стройте из себя дурака!

— Не могу понять, — вмешался в разговор Филл, — Вы что, не рады нашему приезду?! С вами говорит собственный корреспондент газеты «Советская Россия»! Я официальное лицо! Я ведь могу обо всем написать.

— Лучше не надо, — прозвучало в ответ.

Мы на первые две ночи разместились в гостиничке поселка. В тот же день нас с Лобановым вызвал к себе главный оленевод совхоза Гаврила Геннадьевич Кривошеев — тот самый человек, которого мы считали чуть ли не вторым лицом в «золотых делах»! Вместе с ним был еще один человек — уже упомянутый Кирилл Николаевич Кривошеев, тот самый, который сопровождал самого Никифора Павловича во время его проверок «золотой могилы» после нашего отъезда в прошлом году.

Встреча состоялась в правлении совхоза. Был вечер. На столе стояла бутылка водки.

— Выпить хотите? — вместо «здрасьте» спросил Гаврила Геннадьевич.

— А чо нет-то?! — ответил Юрий Лобанов.

Мы все четверо выпили по полстакана без закуски и стали смотреть друг на друга.

— Эх-хе! — неожиданно вырвалось у Кирилла Николаевича, который, чувствовалось, начал быстро пьянеть.

Гаврила Геннадьевич обратил на него тяжелый взгляд и что-то грозно сказал по-эвенски, после чего тот быстро встал и ушел.

— Быстро пьянеет! — верхняя губа Гаврилы Геннадьевича презливо поднялась вверх.

Наступило молчание. Юра Лобанов, уловив момент, когда Гаврила Геннадьевич отвернулся, чтобы достать хлеба, подтянулся к моему уху и прошептал:

— Блокада экспедиции начинается, по-моему!

Молчание прервал Гаврила Геннадьевич:

— Зачем вы приехали еще раз? Да еще и собственного корреспондента газеты «Советская Россия» привезли. Вы что, нас на чистую воду хотите вывести?! Хотите опубликовать, что... что... будто бы мы погубили Леваневского?! Хотите нас опозорить?! Хотите... м-м-м... р-р-р... сенсации?!

Гаврила Геннадьевич стукнул кулаком по столу.

— Мы хотим узнать правду! — вскинув взгляд, произнес Юра Лобанов.

— Правду люди узнают только на Том Свете, — Гаврила Геннадьевич угрюмо взглянул на него.

— А без правды жить нельзя, — нагло ухмыльнулся Лобанов.

Ситуация так обострилась, что, будь рядом ружье, Гаврила Геннадьевич наверняка схватился бы за него.

— Вы хотите поехать на реку Юрактах? — выдавил он из себя.

— Откуда вы это знаете? — вырвалось у меня.

Мы хотим знать правду, —
— произнес Лобанов

— Мы знаем все.

— Там, понимаете, параллельная ситуация: тоже летчик в меховой куртке, тоже планшет на боку, тоже...

— Вы не найдете это место! А проводника нет. Мог бы, конечно, заместитель председателя совхоза Петр Афанасьевич Андреев вас довести, но... он уезжает в Якутск на совещание. Я вам не рекомендую туда идти... не рекомендую. Я не хочу, чтобы... чтобы экспедиция газеты «Советская Россия» погибла, — Гаврила Геннадьевич ухмыльнулся.

Мы с Лобановым опустили головы, понимая, что это прямая угроза. Но при всем этом интерес к району реки Юрактах еще более возрос. Уж больно им не хотелось пускать нас туда! Что же там?! А вдруг именно тот самолет является самолетом Леваневского, а не этот, который утонул в озере Сегян-Кюэль!

Напоследок Гаврила Геннадьевич разлил оставшуюся водку в стаканы. Нависла тишина. Нелепо заглянул в дверь опьяневший уже после первой порции Кирилл Николаевич, но услышав слово «Цыц!» от своего родственника, тут же закрыл дверь.

— Давайте выпьем за дружбу! — Гаврила Геннадьевич угрюмо поднял стакан.

Мы чокнулись.

На следующий день на душе было плохо. Даже сжимались кулаки. Зато развеселил добрый Петр Афанасьевич Андреев. Он, в связи с нашим приездом, забил оленя и устроил пикник на природе. Причем он сделал это, соблюдая все эвенские обычаи. А дело было так.

Как мы ели северного оленя

Когда мы подошли к назначенному месту на природе, то увидели столик с водкой, наре-

занным хлебом и... живого оленя.

— Это закуска, — Петр Афанасьевич показал на живого оленя.

— Оригинально, — сказал собственный корреспондент по прозвищу Филл. — В Москве так не принято.

Тут же двое здоровых эвенских ребят забили оленя, введя узкий якутский нож меж позвонков в район продолговатого мозга, где располагаются сердечный и дыхательный центры. Оказывается, при таком способе забоя кровь выходит в плевральную полость, расположенную между грудной клеткой и легкими, которую можно, разрезав грудную клетку, черпать кружками.

— Закуска готова, — сказал Петр Афанасьевич, держа в руке наполненную кровью кружку. — Кто первым будет пить?

Мне, честно говоря, поплохело. Я никогда не пил кровь, и мне этого не хотелось делать.

— Я буду пить! — тихим голосом произнес Гера Айбулатов и, опрокинув рюмочку, с хлюпаньем стал пить кровь, размазывая ее по своей бороде.

— Ой, как вы, Георгий, на вампира похожи! — послышался голос Филла.

Следующим выпил Юра Лобанов. Потом анестезиолог Слава Малоярославцев. И даже хирург Сергей Вырупаев выпил крови, приговаривая: «Чо, я крови, что ли, в жизни не видел!» Но я пить не смог, хотя... тоже был хирургом.

Наступил черед Филла пить кровь. Он попросил чистую кружку, отказавшись от окровавленной «общаковой». Ему перелили кровь в другую кружку, куда он влил рюмку водки и со словами «За вампиризм!» выпил.

— Это не вампиризм. Это средство выживания в тяжелых условиях, когда не хватает витаминов, — поправил его Петр Афанасьевич.

Георгий Айбулатов пьет кровь оленя

Вслед за кровью наступил второй этап — поедание сырой печени. Нам объяснили, что кушать печень северного оленя вареной вроде как даже «западло», поскольку термическая обработка разрушает витамины. Двое здоровых эвенских ребят извлекли печень из оленя и разрезали ее на кровоточащие ломтики.

— Угощайтесь! — сказал Петр Афанасьевич.

— Хороша печень-то! — чавкая, произнес Гера Айбулатов.

— Ой! Я не так давно видел фильм ужасов... недозволенный в нашей стране... про людоедку Шейлу, которая очень любила печень... людей. Фильм так и назывался «Кровавая трапеза», как и у нас сейчас, — сказал Филл и потянулся к куску печени.

Он долго жевал сырую печень, но потом, скривив рот, вытащил из него какой-то плотный кусок, похожий на веревку.

— Что это? Червяк?! — спросил Филл грудным женским голосом.

— Да нет, это *vena portae*, то есть портальная вена — главная вена печени, — ответил хирург Сергей Вырупаев. — Ее можно и съесть.

— Ой! Уж больно она на червяка похожа! — Филл помял в своих окровавленных нежных пальчиках кусок вены и выкинул ее со звуком «Уть!».

Я так и не смог притронуться к сырой печени, хотя есть хотелось очень сильно. Но вскоре здоровые эвенские ребята, ошкурив оленя, вынули из него кишки и начали варить из них суп. Я, будучи родом из уральской башкирской деревни (башкиры-скотоводы!) и знавший, что суп из внутренностей является деликатесом, стал ждать. Я видел также, что эвенские ребята, вроде как, мыли в ручье требуху.

Когда суп был готов, и я сидел на пеньке с тарелкой в руках, мне так хотелось есть, так хотелось... аж жуть. Я стал буквально метать этот суп. Кусочки кишок, плававшие в мутноватом бульоне, были такими вкусными, такими вкусными... Но вдруг я заметил внутри кусочка кишки наличие какого-то содержимого.

— Жир, наверное, — подумал я, хотя тут же засомневался, поскольку, как медик, знал, что жир в кишках откладывается снаружи, а внутри бывает только... г...

Меня, достаточно брезгливого человека, бросило в жар.

— Что это? — спросил я Петра Афанасьевича, показывая на сомнительную субстанцию внутри кусочка кишки.

— Это прекрасные альпийские травы, — невозмутимо ответил он.

Ложка выпала у меня из рук. Но впоследствии, когда мне удалось отойти от того, что пришлось есть г..., до моего сведения довели, что такой суп очень полезен, поскольку включает в себя и витамины растительного происхождения, без которых человек жить не может. В общем, как говорится, вечер удался.

А на следующий день нам назначил встречу сам Никифор Павлович.

Еще одна встреча с Никифором Павловичем

Никифор Павлович поставил свой чум рядом с десятым оленеводческим стадом в 55 км от поселка. Совхоз распорядился даже дать грузовик, чтобы доставить нас туда. Я, Юра Лобанов, Ришат Булатов и Петр Афанасьевич ехали в кузове, а Филл, конечно

— Что это? — спросил я
— Не беспокойся, это прекрасные альпийские травы —
— ответил Петр Афанасьевич

же, в кабине. Когда мы остановились, чтобы «пописать», Филл глубокомысленно заявил:

— Хуже дорог не видел! Здесь ведь дороги просто нет! Машина едет по реке! К счастью, она мелкая! Ну что за страна, а! Дороги даже построить не может!

Когда мы проехали эти 55 км и добрались до десятого оленеводческого стада, меня с Лобановым сразу отвели в сторону и сказали, что нас двоих ждет Никифор Павлович и что больше людей с собой брать не надо. Мы с Юрой Лобановым поморщились, но пошли. Пройдя этак километр, мы увидели палатку.

Навстречу вышел Никифор Павлович и, изображая, что он вообще не говорит по-русски, жестами показал, что нам надо сесть на землю у входа в его палатку. Вместе с ним был его сын со странным именем Колумб, который служил переводчиком.

— Скажите, чего вы знаете? — спросил Никифор Павлович.

— Так... кое-что узнали про самолет Леваневского. Написали об этом в прессе. Восстановили память этого великого человека. Самолет лежит на дне озера... — стал рассказывать Юра Лобанов.

— Почему вы со своими приборами подходите к могилам? — перебил Никифор Павлович. — Вы этим оскорбляете Дух умерших людей! А по нашим обычаям за это полагается... чтобы вы тоже умерли.

Мы с Юрой угрюмо молчали, не зная, что ответить.

— А почему, — вскричал Никифор Павлович, — ваш руководитель, которого здесь никто не видел, написал в журнале про меня, указав фамилию, имя и отчество... написал, что я таскал обломки самолета Леваневского, написал в очень плохом тоне. Вы оскорбили и опозорили меня! И не только меня, но и весь мой род!

Мы с Лобановым молчали. Мы сами были оскорблены действиями официального руководителя экспедиции в Уфе, который, забрав наш экспедиционный материал, написал несколько статей, но не удосужился даже показать их нам для коррекции. Уж кто-кто, но мы-то никогда не допустили бы оскорбительных

интонаций в адрес Никифора Павловича, понимая, кто он здесь, и, тем более, собираясь в очередную экспедицию сюда! Хорошо ему, руководителю... так сказать... сидеть в Уфе и, когда ребятки, рискуя жизнью, возвратятся из тайги домой, забрать у них материалы экспедиции и, послушав их рассказы, тут же начать писать статьи, возвеличивая самого себя. Да и мы дураки, — ведем себя как телята, которые будто бы и статью написать не могут.

Никифор Павлович, как бы поймав наши мысли, вдруг спросил у нас:

— А почему ваш руководитель не приезжает сюда? Ни разу не был, а обо всем пишет. Подозрительно это! Он что, отправляет вас сюда, чтобы потом приехать и...?! Вы что, мальчишки... для битья?!

Мы сидели, опутив головы и понимая все это.

— Нам самим это противно, — миролюбиво сказал я. — Мы сами находимся в идиотском положении. Извините нас, пожалуйста, Никифор Павлович!

— В наших краях извинения не принимают! — отрезал он.

Опять наступило молчание. Был поздний вечер. Холодало. Хотелось горячего чая. Но в палатку нас никто не звал.

— Если вы пойдете на реку Юрактах, — прервал тишину голос Никифора Павловича, — имейте в виду, что там много диких людей... людей, оставшихся от белогвардейского отряда Канина. Они совсем одичали, но у них есть ружья. Они убивают непрощенных гостей.

А руководителя экспедиции с нами не было. Он оставался в Уфе

Мы с Лобановым переглянулись. А потом, распрощавшись, пошли по тропке к своему лагерю. По пути остановились покурить.

— Ну и ситуация, Юра! — выдавил я из себя.

— Нас сильно пугают. Боятся, что мы начнем раскапывать «золотую могилу». А еще они нас пугают походом на Юрактах, потому что... там... тоже, наверное, есть золото. Самолеты им, как говорится, до фени. Все дело в золоте! — промолвил Юра.

А потом он подумал пару минут и глубокомысленно проговорил:

— Они не зря нас пугают. Они боятся нас... убить! Шума слишком много будет.

Когда мы дошли до нашего лагеря, то увидели Филла, уже изрядно пьяненького, который стоял у костра и шелкал незаряженным карабином, порой целясь в людей. Послышался чей-то окрик: «И не заряженное ружье раз в год стреляет!» Попили чая, перекусили и пошли спать.

Нас с Юрой положили в одну палатку с Филлом. Он лег, конечно же, в центре, чтобы не замерзнуть. Более того, Петр Афанасьевич специально для него взял пуховое одеяло и белые простыни. Мы его завернули во все это как в кокон. А он все дрожал от холода, приговаривая:

— Безумный холод! Безумный холод!

Мы с Юрой укрылись спальниками и тут же уснули. Но поспать толком не удалось, потому что Филл спал очень нервно. Он вначале стал зычно всхлипывать, издавая звуки «Тя!» и «Тя-ха!» и как бы плача по поводу своей тяжелой доли собкора в холодной Якутии. Но потом он стал скрежетать зубами с омерзительными звуками «Жж-зз-ть! Жж-зз-уть! Жж-зз-еть!».

— Скоро у него зубы сломаются! — послышался голос Лобанова.

— Ну и хрен с ним, — ответил я.

Вслед за скрежетом раздался крик — дикие крики в ночи, которые Филл издавал во время сна, видимо, бессознательно.

— Орет как баба во время оргазма, — опять слышался голос Лобанова. — Не дай Бог с таким жить какой-нибудь дуре.

От безысходности мы начали прислушиваться к этим крикам и через некоторое время поняли, что он кричит то же самое: «Безумный холод!»

— Как можно мерзнуть под таким одеялом?! — вырвалось у Лобанова, укрытого легким спальником... — Может, он хочет, чтобы его грели человеческим телом, сука?!

— Обойдется, — ответил я.

К счастью, вскоре крики о безумном холоде прекратились, сменившись на уютный храп, похожий на храп пожилой одинокой женщины с приятным улюлюканьем «У-у-у! У-у-у-у! У-у-у-у-у!». Я начал засыпать.

И тут опять раздался крик. Но в этом крике были другие слова.

— Ать, ать, ать! — слышалось в ночи.

— Что бы это значило? — спросил я шепотом у Лобанова.

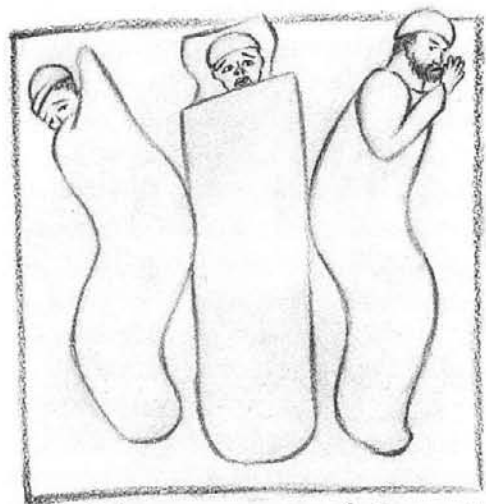
— Не знаю, — ответил он. — Давай еще послушаем!

Через несколько минут перед звуком «ать!» появились согласные буквы — вначале «с», а потом «р».

— Он хочет ср...ать! — перевел Лобанов. — Что за идиот, а?! Пуховое одеяло Петра Афанасьевича!!! Ведь он его обделает! Давай разбудим, пусть сходит в кусты!

Но не успели мы приступить к процессу пробуждения Филла, как раздался сильный хлопок с последующим утихающими звуками «Трк, трк, трк, трк».

Жуткая ночь в палатке
в центре Филла

— По-моему, он всего-навсего пе...нул, — слышался голос Лобанова.

— А ты уверен? Ведь говорил-то он «ср... ать!» — засомневался я.

— Когда люди обс...ются, то звуков меньше. Кишечные газы дают хлопок, — авторитетно заявил Лобанов.

Опять наступил период уютного храпа. Опять мы начали засыпать. Но... опять раздался крик Филла.

— Чего он еще хочет, а? — слышался трагический голос Лобанова.

— Давай послушаем! — предложил я.

Снова появились звуки «Ать, ать, ать!», перед которыми мы, уже имея опыт, стали ждать произношения согласных букв. Но их не было, а раздавался какой-то свист — «с-с-с-с...».

— Он хочет сс... ать! — догадался Лобанов. — Сука! Не обосс... ся бы, а! Одеядо жалко!

— Надо будить! В мочевом пузыре газов не бывает, — заявил я и стал толкать Филла.

— Чо?! Медведи, что ли? — проснулся он.

— Сс... ать хочешь?! — Лобанов посмотрел на него мертвым взглядом.

— Нет, — ответил он.

— Идем посс... ым! Идем, идем... — вдруг перешел на ласковый тон Лобанов.

— И в самом деле сс... ать хочется! Откуда ты, Юра, узнал? А медведей за палаткой нету?

— Там только волки, — пошутил Лобанов.

Когда Филл, ссутулившись, сделал это дело, да вдобавок издал хлопок, он произнес:

— Здесь, в тайге, со страху и обосс...ться можно.

Мы с Лобановым посмотрели друг на друга. Под утро мы оба уснули, не обращая внимания на крики Филла.

На следующий день машина, на которой мы ехали в поселок, забуксовала. Все стали подкладывать под колеса камни и толкать. А Филл в это время взял карабин и стал стрелять в цель.

— Помогли бы! — сказал водитель, обращаясь к Филлу.

— Подожди, у меня еще пять патронов осталось.

В этот же день мы перебазировались на моторных лодках в район перешейка между двумя озерами — на место нашего старого базового лагеря, расположенного недалеко от «золотой могилы». Филл поехал с нами.

А может разрыть «золотую могилу»?

Пока ребята разбивали лагерь, боясь не успеть сделать это до наступления темноты, я взял бинокль и, укрывшись за деревом, осмотрел то место на сопке, где в прошлом году был выставлен круглосуточный дозор. Я хорошо помнил это место. И, как и в прошлом году, увидел в лучах заходящего солнца блики от бинокля. Да и стреноженная лошадь, как и в прошлом году, паслась неподалеку.

— Все как обычно, — подумал я. — Как в прошлом году.

Далее я, засунув бинокль в карман анорака, побежал, пока не наступила темнота, по тропке вниз по протоке, чтобы узнать, стоят ли «рыбаки-охранники» на том же месте, что и в прошлом году. Дойдя до нужного места, я тихонько выглянул из-за кустов и увидел, что «рыбаки-охранники» на месте, как и в прошлом году.

Я уклонился в сторону и по глухому лесу, в котором меня вряд ли мог разглядеть дозорный на сопке, побежал, пока не наступила темнота, в сторону «золотой могилы». Приблизившись к ней, я, прячась в лесу, в последних лучах солнца осмотрел ее

в бинокль. Я сразу понял, что «золотую могилу» никто не раскапывал; даже до боли знакомые кустики были на месте.

— Побоялись трогать! Зато им приходится «пасти» нас... как и в прошлом году, — промелькнула мысль.

Возвратившись в лагерь, я увидел, что Филл опять лезет в нашу с Юрой Лобановым палатку, опять приговаривая: «Безумный холод!» Я заметил, как Лобанов с ужасом смотрит на него.

— Мужики! Вы ложитесь спать, а я пожру, — сказал я им.

— Кашу с тушенкой оставили тебе в котелке, — слышался голос Лобанова.

Поев, я подкинул дров в костер, сел на бревнышко и задумался. У меня кипело в душе.

— Мы вынуждены признать, что блокада экспедиции состоялась, — я ударил себя кулаком по колену. — Нас предупредили и пугнули раз, предупредили и пугнули два... вскоре будет три. Да, мы боимся их!!! Да, они могут убить нас!!! Но они тоже боятся убить нас, потому что вслед за этим потянется такое, что, вполне возможно, им самим придет конец. Ведь Советская власть сильна... м-м... сильна!

Мысли мои метались туда и сюда. Кулак мой колотил по колену раз за разом. Глаза мои бегали направо-налево.

— А что, если осмелиться начать разрывать «золотую могилу»? — возникла крамольная мысль. — Статус экспедиции газеты «Советская Россия» позволит нам сделать это. Даже собственный корреспондент этой газеты при нас. Вот тогда мы сразу выдадим результат экспедиции — найдем золото, которое вез самолет Леваневского. Вот это будет да! Вот это будет сенсация!!! А так... одни косвенные факты и не более.

Я подошел к озеру и помыл лицо холодной водой. Вода остудила меня.

— Ну... — подумал я, — убьют, прежде всего, меня или Лобанова и... свалят это на какого-то местного фанатика, который, учитывая местные традиции, так возмущился прикосновением к могиле, так возмущился, аж жуть! А далее, дело перейдет в руки таких, как Филл, который... за золото мать родную продаст.

Я еще раз стукнул себя по колену и пошел спать. В нашей палатке горела свечка. Юра с Филлом беседовали. Когда я влез в палатку, Филл брызнул мне в лицо дезодорантом.

— Французский, что ли? — пошутил я.

— Пользовался, что ли? — слышалось в ответ.

Я ухмыльнулся, понимая, что весьма далек от новых веяний в парфюмерии.

— А это — для индивидуального пользования, — сказал Филл, доставая прозрачную губную помаду. — Губы здесь на ветру трескаются.

Когда он мазал губы прозрачной помадой, я обратил внимание на особенности его губ. Они у Филла были не просто нежными и сочными, а были еще и исключительно подвижными, на которых отражалась каждая эмоция, заставляя все время смотреть ему в рот. Чего только стоило часто произносимое от страха слово «Уй!», когда он собирал губы в трубочку и, элегантно дернув верхней губой, издавал этот звук. А как выразительно зависали уголки его губ в моменты разочарования или тоски! Но интереснее всего было смотреть, как он ест; когда он подносил ко рту пищу, например, кусок хлеба, губы его вытягивались вперед и начинали ощупывать пищу, как бы пытаясь определить пригодность ее к употреблению, после чего, сделав пару горделиво-брезгливых движений, охватывали кусок хлеба и резким толчком отправляли его в ротовую полость, чтобы начать процесс пережевывания. Когда Филл наедался, губы его иногда опять со-

Филл смазывает губы прозрачной помадой

бирались в трубочку и издавали звук «Пью!» — звук удовлетворения.

Филл посмотрел на меня загадочным взглядом и спросил:

— Лимон бушь?!

Я ничего не понял.

— Лимон будешь? — переспросил он.

— А что это такое?

«Лимоном» оказалась бутылка армянского коньяка с лимоном — самым натуральным лимоном, редкостью в советские времена.

Мы «сообразили на троих». На душе стало немного

легче. Мы с Юрой, поняв, что Филл «повеселел», начали «раскручивать» его, чтобы узнать психологию его жизни. Но этого сделать нам не удалось, потому что было много комаров. Филл так остервенело колотил их на себе, что было не до психологии.

— Вампиры! — приговаривал он.

Мы все помазались ядовитым диметилфталатом и уснули. Периодически я слышал, как Филл кричал в ночи, но до него уже не было дела. Усталость взяла свое. Помню только, что ночью Филл встал (сам!) пописать и, когда залезал в спальник, нервно произнес:

— Замучили эти вампиры!

На следующее утро мы ждали моторную лодку, чтобы съездить в поселок для решения вопроса о походе на реку Юрактях... туда, куда нам было не дозволено идти. Эта река располагалась очень далеко, и было целесообразно идти туда на лошадях. Но чувствовалось, что лошадей нам не дадут.

Мы пойдем пешком на Юрактях

— Какие лошади?! — вскричал главный оленевод совхоза Гаврила Геннадьевич Кривошеев. — Их и так не хватает в совхозе! Я не хочу их терять, потому что на реке Юрактях все люди гибнут! И вы тоже погибнете... вместе с лошадьми. Умирайте, если хотите, но без лошадей. Лошадей жалко!

— А чем уж особенно страшно это место — Юрактях? — задал я вопрос.

— О-о-о!!! — поднял палец Гаврила Геннадьевич. — Не так далеко от того места находится рудник Юракбал, где когда-то добывали золото, платину и свинец. Но потом люди покинули этот рудник, потому что там... очень много приведений. Приведения эти, говорят, стучатся в двери, душат людей и даже могут принять облик человека. Рассказывали, что одно приведение приняло облик летчика в меховой куртке с куском золота в рюкзаке, но потом бесследно исчезло. Вот так же бесследно исчезают там люди. Ясно?!!!

— Ясно, — ответил я. — Но нам бы проверить еще одну версию русского в меховой куртке. Лошадей вы, значит, не дадите?

— Нет. Я не могу целенаправленно отправлять людей на гибель.

— Тогда мы пойдем туда пешком, — горделиво заявил я. — Ну, туда около 250 км и столько же обратно. Всего где-то 500 км получается. Такие маршруты мы ходили. Мы все спортсмены-туристы. Тяжело это будет, но... это жизнь.

— Нехорошо так говорить, — прищутив глаза, проговорил Гаврила Геннадьевич. — Это означает, что я отправляю вас на верную смерть, отказываясь помочь. Вы меня обижаете, а за обиду у нас... у нас... мы не прощаем обиду.

— А почему вы не разрешаете пойти туда пешком, если нет лошадей? — тут уже я прищурил глаза. — Карты хоть хорошие дайте! У нас крупный масштаб. Хоть в этом позаботьтесь о нас!

— Возьмите! — истерично расширил глаза Гаврила Геннадьевич. — Вот они!

Кирилл Николаевич
Кривошеев

Он достал из сейфа карты масштаба «1 см — 2 км» и протянул их мне.

— Мы завтра перекалькируем* их, то есть сделаем копию, — сказал я.

— Не надо, у меня есть второй экземпляр, — ответил он.

— Спасибо.

Взяв карты, мы ушли.

На другой день с утра нас нашел Кирилл Николаевич Кривошеев — тот самый, который напился во время предыдущего откровенного разговора с Гаврилой Геннадьевичем. Мы уже собрали кое-какую информацию о нем и знали, что он член КПСС, женат второй раз, живет в хорошем доме, который был построен на деньги рудника Юракбал, считается человеком богатым, но... работает простым коневодом в районе реки Юрактях — в том самом диком районе, где много привидений. Среди людей ходят слухи, что он, вроде как, участвовал в поисках погибшего самолета в районе реки Юрактях и даже принес в поселок черный ящик от этого самолета. К тому же люди поговаривают, что он на реке Юрактях охраняет золото, вынесенное из этого самолета... по заданию его родственников — Никифора Павловича и Гаврилы Геннадьевича Кривошеевых. Более того, это он, оказывается... делал надгробие на «золотой могиле» в районе перешейка между двумя озерами. То есть это свой «золотой» человек. Вот только Клим Солодовников, тот самый Клим Солодовников, который

* Калькирование есть обводка карты через наложенную на нее полупрозрачную бумагу.

сообщил о разбившемся самолете в районе реки Юрактях, сидит у него как «кость в горле». Этот бывший алкоголик, который упрятал себя в тайгу подальше от своей «водочной похоти», живет в этих краях и видит все, что там происходит... и не просто видит, но и проявляет активность, даже написав письмо.

— Мне сказали, что я буду вашим проводником в походе на реку Юрактях, — заявил Кирилл Николаевич.

— Вы нас поведете, что ли, туда? — я недоуменно посмотрел на него. — На лошадях?

— Нет, я просто буду вас страховать!

— Как так?

— Ну... если вы не туда пойдете, мы вас найдем. Мы хорошо знаем эти места.

Я все понял. Юра Лобанов тоже. Когда мы расстались с Кириллом Николаевичем, Лобанов сказал:

— Они создают вооруженный конный отряд.

Мы посоветовались на эту тему с Петром Афанасьевичем. Он подтвердил, что это именно так.

— Могут ли они нас убить? — спросил я.

— Запросто, — ответил он.

Тем не менее, ситуация сложилась так, что Петр Афанасьевич, дорогой Петр Афанасьевич, достал нам лошадей — взял у своих друзей и знакомых. Более того, у нас было несколько ружей, и мы вообще-то... представляли собой тоже вооруженный конный отряд.

А в это время Филл, бичующий в поселке в ожидании самолета, совсем охренел от скуки. Он, оказывается, ходил по поселку с карабином, который ему дал Гаврила Геннадьевич, и, прямо в поселке, стрелял по банкам. Рассказывали, что Филл даже ходил на охоту... на мышей, отойдя от поселка на 200 м.

Филл жил не в местной гостиничке. Его почему-то приютил у себя сам Гаврила Геннадьевич. Они даже, вроде как, сдружились. Каждый день Гаврила Геннадьевич выставлял Филлу бутылку водки, узнав, что это его дневная доза. Утром Филл пил мало. Терпел. Питался он отдельно в местной столовой, где ему

Филл пьет водку

готовили еду по его вкусу. Никогда не опаздывал ни на завтрак, ни на обед, ни на ужин. Перед обедом он выпивал грамм сто, перед ужином столько же, но бутылку «додавливал» после кино в клубе, который регулярно посещал.

Однажды случилось так, что мы с Лобановым были вынуждены зайти вечером в дом аж самого Гаврилы Геннадьевича, чтобы повидать Филла. Он сидел за столом и одиноко пил водку. На закуску у него был соленый хариус. Нам тоже налили по стопке.

Мы выпили. Закусили хариусом, который оказался безобразно соленым. Нам с Юрой налили еще по четверти стопки, но мы не стали пить и слили все это в стакан Филлу. Нам показалось, что он обрадовался.

Когда мы распрощались и вышли на улицу, Лобанов сказал:

— Филл этот уже своим стал для «золотой братвы».

— Да уж, — только и проговорил я.

Мы уже были почти готовы отправиться в конный поход на реку Юрактях. Но нарастала тревога, которая щемила душу. А на следующий день при странных обстоятельствах в поселок прилетел самолет.

Загадочный самолет Это был самолет АН-2, о вылете которого сюда никто не знал, даже, вроде как, «свой» радист. Сказали, что самолет прилетел из Дабака. В нем, кроме двух смурных летчиков, никого не было.

Помню, как один из летчиков заорал: «Давайте быстрее! Погода может испортиться!»

Как угорелый, из поселка прибежал Гаврила Геннадьевич Кривошеев с двумя ребятами. Они, увидев нас с Лобановым, скривили губы, но сели в самолет. Из-за ограды высунулась голова Филла, но тут же спряталась.

Самолет вышел на взлетную полосу, взлетел и взял курс отнюдь не на Дабакай, а на... Юрактях, куда мы собирались отправиться через 2—3 дня. Я долго следил за улетающим самолетом и, держа карту местности в голове, понял, что он летит именно в направлении реки Юрактях, где, возможно, есть место для посадки и взлета этого маленького самолета.

— Они боятся, что там, на Юрактяхе, мы найдем их золото, — послышался голос Лобанова. — Они сегодня будут его вывозить. Они не хотят убивать нас! Им лучше спрятать концы в воду.

— Там, наверное, тоже «золотая могила», — добавил я.

— Грузоподъемность самолета АН-2 небольшая. А если золота много в могиле, то им придется сделать несколько рейсов. Погода может не позволить! Вот они и дергаются, — Лобанов ухмыльнулся.

— Бедненькие! Замучились с «могильным золотом»!

— Ты уверен, что золото из «золотой могилы» на перешейке они не перевезли на Юрактях? — Лобанов пристально посмотрел на меня.

— Юра! — Я почесал затылок. — Ну, в общем-то, я хорошо видел, что к «золотой могиле» на перешейке никто не притрагивался. Я даже каждый кустик там помню. Они, эти кустики, на своем месте. Там, на Юрактяхе, другое золото, Юра, другое! От другого разбившегося самолета... который, возможно, и является самолетом Леваневского. Мы ведь не уверены, что затонувший самолет — именно самолет Леваневского. Мне плевать на золото, которое они, скорее всего, вывезут из «новой золотой могилы», меня колышет другое — смогли ли они полностью распилить самолет, о котором писал Клим Солодовников, и уто-

пить его в болоте? Ведь Солодовников не зря писал, что они уже два года распиливают самолет на части и топят их в болоте! Может хоть часть самолета осталась?!

— Доберемся туда, увидим, — сделал заключение Лобанов. Мы начали интенсивно собираться в поход.

Что-то все не так Однако фортуна отнюдь не благоволила нам. Утром следующего дня, когда мы были в базовом лагере, выпал снег... летом, в августе. О, как красиво было смотреть на снег летом! Зеленая травка, запорошенная снегом, — это очень экзотично! Но... у наших лошадей, которых мы отпустили пастись, сработал рефлекс — уйти выше в горы, где зимой бывает меньше снега. Особое беспокойство вызвал конь, сорвавшийся с веревкой; ведь веревка могла запутаться о дерево, и конь мог погибнуть! Ришат Булатов нашел этого коня и привел в лагерь, но он сорвался вновь и опять с веревкой. Наваждение какое-то!

Когда обкатывали коней, молодой и дикий конь Федя так рванул с места и сделал резкий поворот, что Гера Айбулатов упал с коня, получив обморок и ушиб грудной клетки. Слава Малоярославцев, оседлавший Федю вслед за Герой, тоже был скинут на землю, но обошелся без травм. Юра Лобанов стал кормить своего коня хлебом с руки, а он укусил его. Я, когда запрыгивал на своего коня по имени Барс, излишне сильно «размахнулся», перелетел через него и упал, ударившись головой о камень.

Тем не менее, вскоре все было готово к походу на реку Юрактах. Перед отправлением мы с Лобановым вечером съездили на моторке в поселок, чтобы поговорить с Филлом. Мы прекрасно понимали, что отправляемся в очень опасное путешествие, откуда можем и не возвратиться, в связи с чем имело смысл попросить Филла, что... в случае чего... надо будет сообщить в прессе всю правду.

Филла мы застали в состоянии депрессии. Он, несмотря на то, что выпал снег, ходил по двору, заложив за спину руки и приговаривая:

— Вагон дел! Вагон дел!

Мы уже знали, что в Якутске у него осталось много дел, то есть «вагон дел», а ему приходилось сидеть здесь, в этом забытом Богом поселке. Да к тому же выпал снег, что означало «нелетная погода». Ему было скучно. Он жалел себя. Очень жалел.

Мы с Филлом и Лобановым сели все вместе на бревнышко во дворе и начали разговор, который планировали... очень серьезный разговор. Первым заговорил Юра Лобанов:

— Вы, — обратился он к Филлу, — являясь официальным лицом, должны понять, что мы, экспедиция газеты «Советская Россия», попали в очень нелегкое положение и что...

Но, чем больше Юра говорил на эту тему, тем больше дергались уголки губ Филла. В конце концов он не выдержал и в буквальном смысле завизжал, возмущаясь:

— Да кто вы такие?! — орал он. — Воспользовались именем второй* газеты СССР, напрягаете местное население, не даете ему спокойно пасти оленей! Вы терроризируете местное население своими подозрениями! Вы чокнутые, чокнутые, чокнутые... Да чтобы вы сдохли!!! Да чтобы... Из-за вас и я здесь сижу! Из-за вас...

Мы с Лобановым угрюмо замолчали. А Филл горделиво поднял голову и уже более спокойным тоном добавил:

* Первой газетой в советские времена была «Правда».

Филл возмущается

— Вам ведь один раз было сказано — не ходите туда! Куда лезете, идиоты?! Против кого лезете!!!

Мы ушли, понуриив головы.

— Хорошо его обработал Гаврила Геннадьевич, — произнес я.

— А я думаю, ему обещали... или уже дали, — возразил Лобанов. — Такие, как Филл, мать родную продадут.

Ночь в базовом лагере прошла, честно говоря, грустненько. А утром мы, привязав баулы к коням, вскочили на них и отправились в путь.

Конный поход На конях ехали я, Юра Лобанов, Слава Малоярославцев, Гера Айбулатов, Сергей Вырупаев, Ришат Булатов и еще один парень-эвен по имени Костя. Колонну возглавлял Петр Афанасьевич Андреев, тот самый смелый человек, который не побоялся найти лошадей и организовать поход на загадочную реку Юрактях. У многих из нас были ружья. Собственно говоря, мы представляли собой вооруженный конный отряд.

Моя родная двустволка висела на боку. Патронташ был на поясе. В нагрудном кармане анорака лежала карта, по которой я ориентировался по пути. Но Петр Афанасьевич знал дорогу хорошо. Тем не менее, я на каждой остановке доставал тетрадь и рисовал кроки — полевые схемы местности... на всякий случай рисовал, по привычке, будто бы кто-то когда-то пойдет по этим крокам на дикую реку Юрактях.

Километры пролетали один за другим. В первый день мы прошли около 50 км и остановились на ночлег у огромной наледь.

ди. Я, будучи страстным рыбаком, почувствовал, что здесь может водиться очень вкусная рыба хариус. Когда я в прибрежных кустах вырубал удилище, вдруг раздался топот. Я присел. Трое всадников, озираясь, ехали на конях всего-то в 15–20 м от меня. У каждого на плечах висел карабин.

— Началось преследование, — мелькнула мысль.

Всадники приостановились. Я почувствовал, что они увидели наш лагерь.

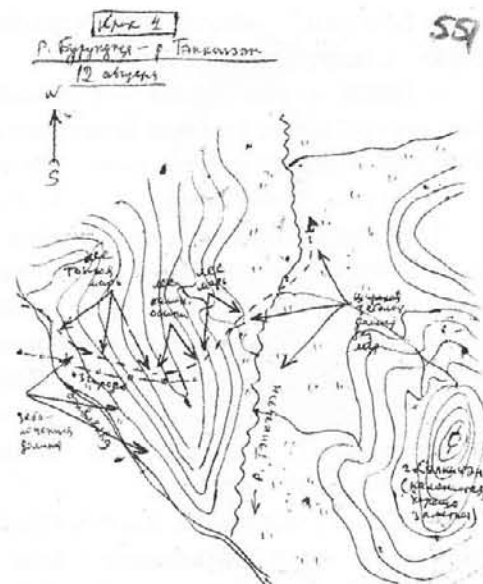
— Ду-ду-ду-ду, — сказал один из них.

— До-до-до-до, — ответил другой.

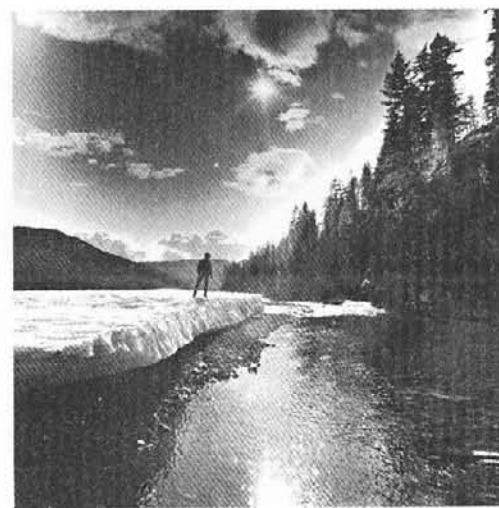
Я, укрываясь в кустах, пополз в сторону лагеря.

— Не дай Бог начнут стрелять! — подумал я.

Но вместо этого слышались разговоры. Вскоре я услышал, что кони пошли вброд через реку.

Крок — полевая схема местности

Наледь

— Кто они? — спросил я Петра Афанасьевича, пройдя к лагерю... с вырубленным удилищем.

— Люди, — ответил он. — Сказали, что у них есть излюбленное место стоянки на том берегу реки. Сказали, что туда подъедут еще люди по другой тропе. М-м-м... неприятно это!

— Да уж, — ответил я.

Через некоторое время я пошел рыбачить, но... с ружьем и Ришатом Булатовым. На основной реке хариус не ловился. Но на двух притоках мне удалось поймать этак около 5 кг хариусов по 300–500 г каждый. Возвратившись уже ночью и желая похвалиться, я обнаружил, что Петр Афанасьевич какой-то захудалой сетенкой, используя ее в качестве бредня, поймал... невероятно (!)... 12 хариусов, каждый этак по 1,5 кг весом. Я, честно говоря, охренел.

На следующий день мы опять ехали на лошадях. Мы уже понимали, что нас преследуют. Нас пока просто «пасли», но... пока. Наши лошади с трудом переступали по моховым болотам, зато, когда выходили на твердую почву, начинали бежать рысью, как бы страшивая «болотную квелость». В эти моменты было

Конный поход

хорошо: лошадь сама выбирала себе дорогу и бежала, а ты сидел, как король, в седле и ехал, получая удовольствие. Порой даже тянуло на сон. Однажды, когда все окутал туман, меня так «прикемарило», что ехавший впереди Сергей Вырупаев показался кентавром, который, перебирая лошадиными ногами, бойко бежал по тропе. А один раз было так, что из-под «попы» Сергея Викторовича Вырупаева выпала телогрейка и упала на землю перед моей лошадью. И в этот момент мой конь, Барс, среагировал как актер Вицин в фильме «Кавказская пленница», когда перед ним, бегущим, упал на тропу платок, а он, испугавшись и выставив руки вперед, с истошным криком «А-а-а!» рванул в сторону. Но смешнее всего было то, как лошадь Сергея Викторовича по имени Точка учуяла след медведя, пересекавшего нашу тропу, и не решалась, со страху, пересечь его, а пошла вдоль него под 90° в сторону.

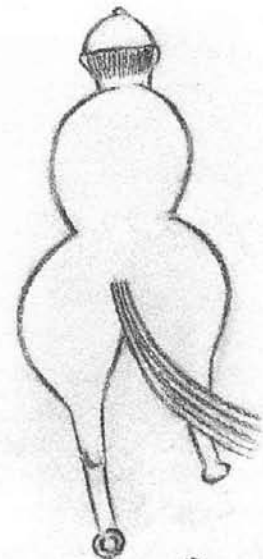
— Дура! Куда прешь! — слышался удаляющийся голос Сергея Викторовича.

Эту ситуацию разрешил эвен-конюх Костя, который сказал, что на лошадь Точку когда-то нападал медведь, поэтому она никогда не пересечет его след и будет вечно тупо идти вдоль него.

— Вперед! — сказал Костя. — Надо ударить Точку кнутом, чтобы она, дура, пересекла след.

Мы с Костей рванули за удаляющимся Сергеем Викторовичем и вскоре догнали его.

— Да что это такое, — приговаривал Сергей Викторович.

Кентавр Вырупаев

— Замучил меня этот дикий Федя! — устало сказал Слава Малоярославцев

Костя ударил Точку кнутом, да еще и я добавил... попав, правда, в Сергея Викторовича. Точка так рванула через след медведя, что всадник чуть не выпал из седла. Но, в итоге, мы оказались по ту сторону следа медведя и поехали дальше. Телогрейку, которая выпадала, Сергей Викторович надел на себя.

Шел день за днем.

Однажды мы убили 14 куропаток, стреляя их прямо с лошади. А еще раз нам встретился дикий олень, который, как дурак, стоял, ожидая, когда Петр Афанасьевич спустится с лошади, возьмет винтовку и точным выстрелом положит его на землю.

В конце концов мы добрались до назначенного места на реке Юрактях, где разбили базовый лагерь. Помню, как Слава Малоярославцев, доехавший досюда на самом ужасном коне по кличке Федя, устало сказал:

— Замучил меня этот дикий Федя!

Начинались поиски самолета. Но первым делом мы должны были встретиться с Климом Солодовниковым, который видел разбившийся самолет и который написал нам письмо об этом.

Клим Солодовников Утром следующего дня Петр Афанасьевич и Юра Лобанов поехали на лошадях через перевал в местечко Хакун-хая, чтобы привезти Клима Солодовникова. В это время я детально изучил карту и вместе с Герой Айбулатовым поднялся на самую высокую сопку, чтобы осмотреть местность, где мы будем искать разбившийся самолет. Погода была хорошая. Мне даже удалось

Самолет АН-2

прикинуть план поисков. И вдруг в горах я заметил ровную-ровную площадку, на которой, по идее, мог сесть самолет АН-2. Я тут же нашел это место на карте.

— Гера! — сказал я. — Вспомни слова из письма Солодовникова о том, что в горах есть место, где может сесть самолет АН-2 и где... появилась новая могила. Вполне возможно, она тоже «золотая»!

— Надоели они со своим «могильным золотом», е-к-л-м-н! — выматерился Айбулатов.

Солодовников

— Уж не здесь ли еще одна «золотая могила»? — Я ткнул в это место на карте.

Когда мы с Герой спустились с горы и подошли к лагерю, то сразу увидели незнакомого грустного человека, который стоял, обняв дерево, и с тоской смотрел куда-то вдаль. Это был Клим Солодовников.

Мы познакомились. Грустно как-то познакомились. Впоследствии этот человек довольно долго жил в нашем лагере, пока мы, по его наводке, искали разбившийся самолет. Он, Клим Солодовников, показался мне любопытной личностью, и я сделал в своих дневниках довольно подробные записи о нем, которые и привожу.

Лет 15–16 назад Солодовников появился в поселке Сегян-Кюэль и, имея специальность тракториста, стал работать. Хотел жениться. Но постепенно спился и бросил работу. Вскоре он обратился в сельсовет с просьбой отправить его в какую-нибудь отдаленную местность, где нет людей и где он мог бы жить один, чтобы не погнубить от водки. Так и оказался он на реке Юрактях.

Долгие годы одиночества отразились на его личности. Теперь он уже много не пил, так, немножко, чтобы быть навеселе... если веселость можно совместить с этим печальным человеком. Он даже не стремился к выпивке. Дашь ему спирт — пьет, не дашь — не просит. Молчит, в основном. Подозрителен очень.

Он, почему-то, не доверял Петру Афанасьевичу, хотя для этого не было никаких оснований. Доверял Юре Лобанову. Мне — не очень.

Лицо его постоянно сохраняло застывшее выражение грусти. Лишь один раз на нем отразилась радость — когда на стол выставили варенные кишки оленя. Даже две его собаки-лайки (одну из которых звали Верный!), вечно лизавшие его в ухо, не вызывали у него эмоций. У него никого не было, кроме этих двух собак.

Видел ли он в нас своих друзей? В какой-то степени, наверное, да, поскольку доверил нам свою тайну, да и... свою жизнь. Но постоянно отчуждался. Даже в пьяном виде ни разу не заговорил о себе, хотя (будучи эвеном!) хорошо говорил по-русски.

О, сколько усилий нам пришлось потратить, чтобы разговорить этого человека! Он то уходил к реке и стоял на берегу, обняв дерево, то косился, то просто глухо молчал. И только Юре Лобанову, который нашел к нему особый подход, удавалось выведывать нужную информацию, которая лежала в основе всех наших поисков. Солодовников не ходил с нами на маршруты, но то, что он говорил, было очень важно.

Короед, на которого очень хорошо клюёт хариус

И, как ни странно, Солодовников разговаривался на рыбалке. Нет, он не был рыбаком. Он просто любил наблюдать за процессом рыбалки, когда я, придя с очередного маршрута, брал удочку и шел на реку Юрактях, пытаясь поймать хариуса. Лобанов шел вместе с нами.

В этой речке хариуса было много, но на искусственную мушку он не клевал. Клевал он только на короеда-червячка, живущего под корой полусгнивших деревьев. Солодовников даже улыбался, видя, как мы с Ришатом Булатовым, чертыхаясь, выковыриваем ножами этого несчастного червячка, которого так любит хариус. Он, Солодовников, услышав радостные вопли по поводу находки очередного короеда, даже показывал пять пальцев, что означало пять хариусов, которых можно было поймать на одного короеда, способного крепко сидеть на крючке, даже в пасти хариуса.

Веселило все это грустного Солодовникова. А этим пользовался Лобанов, задавая ему вопросы.

И вот как шли поиски.

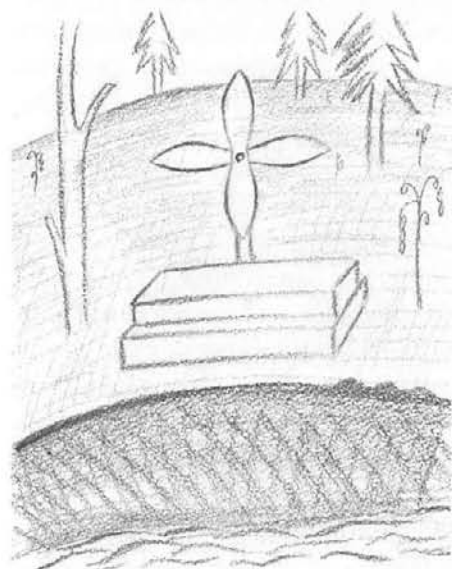
Могила с пропеллером

Позвольте напомнить вам, дорогой читатель, что Солодовников в письме писал нам, что летчик разбившегося самолета, одетый в меховую куртку и с планшетом на боку, вышел на избу некоего якута Колоскова и попросил вывести его из тайги, за что обещал расплатиться золотом, добавив, что знает, где много золота. Этого летчика убили и похоронили, поставив на могиле крест в виде пропеллера.

Ко всему этому Солодовников добавил, что якут Колосков имел дочь, которая после того, как вдруг странным образом погиб ее отец, стала первой женой Кирилла Николаевича Кривошеева, того самого, который, скорее всего, и возглавляет вооруженный конный отряд, «пасущий» нас здесь, на реке Юрактах. Правда, Кирилл Николаевич через несколько лет развелся со своей женой, да и... исчезла она куда-то — дочь погибшего якута Колоскова, знавшего, наверное, где лежит золото разбившегося самолета. К тому же следует добавить, что

здесь прослеживается некая «родовая традиция» брать в жены дочерей или жен своих соперников-смертников, чтобы «молчали суки»; ведь даже сам Никифор Павлович (тоже Кривошеев) взял в жены супругу некоего Семенова, тоже неизвестным образом куда-то исчезнувшего после того, как он показал ему умершего русского в галстуке.

Солодовников показал нам на карте то место, где находится могила с пропеллером. Но сам с нами не пошел. Боялся, наверное.

Могила с пропеллером

Мы нашли это место. Оно находилось недалеко от развалин избы Колоскова. Сразу было видно, что могила была сделана капитально, с надгробием из толстых досок. Вот только располагалась она на высоком берегу реки Юрактах, а берег, к сожалению, обвалился и вода унесла все содержимое могилы — труп и, возможно, что-то еще. Только часть досок от надгробия осталась, да и крест, и в самом деле похожий на пропеллер, валялся на земле. Рядом в кустах мы нашли уже вросшие в мох миску и маленький котелок.

— Возможно, именно в них летчик варил свои унты... второй летчик в меховой куртке, — произнес Лобанов, показывая на миску и котелок.

Срок захоронения узнать у Солодовникова не удалось. Он не знал.

Мы, конечно, разрыли осыпавшийся берег у могилы, но ничего не нашли.

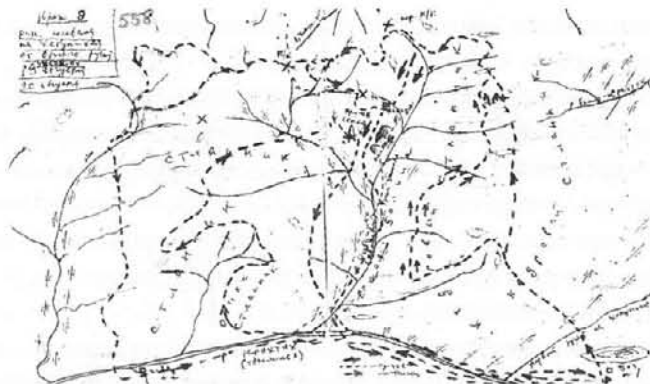
— Кто же он — второй летчик в меховой куртке? — напоследок подумал я, не найдя ответа.

А дальше мы приступили к поискам разбившегося самолета.

**Поиски самолета.
Колесо**

Позвольте еще раз напомнить вам, дорогой читатель, что в своем письме Солодовников указывал, что, когда он заблудился в тайге, то увидел резиновое колесо, а вслед за ним разбившийся самолет.

Ко всему этому, во время откровенного разговора Солодовников добавил, что резиновое колесо лежало в 1,5–2 км от разбившегося самолета. Оно, это колесо, не валялось на земле, а застряло в ветках толстого дерева, будучи, видимо, оторванным в то время, как планирующий самолет начал стучаться о вершины деревьев. Сам разбившийся самолет, наверное, был не очень сильно поврежден... если уж один из летчиков остался в живых. Лежал самолет рядом с топким болотом, которые часто встречаются в ложбинках между якутских гор. Деревьев вокруг не было. Крылья только обломались. А так он был це-

Поиски разбившегося самолета. Крок — полевая схема

лым. Заглядывать внутрь самолета Солодовников не стал. Было страшно.

Ориентирами для находки разбившегося самолета Солодовников называл голую сопку и... мешок с дробью*. Дело в том, что в то время Солодовников нес с собой тяжелый мешок с дробью и решил оставить его в первой своей избушке, чтобы не тащить еще 20 км до второй избушки. Когда он пошел ко второй избушке, он заблудился и увидел разбившийся самолет. В связи с этим зона поисков сужалась, но, тем не менее, была весьма обширной, поскольку оставалось непонятным, где в течение трех суток блуждал Солодовников.

Я рассчитал план поисков, по которому мы должны были подниматься на сопки и в бинокль просматривать местность, чтобы далее по азимуту выходить на каждое подозрительное место. А сопки было много! Местность была унылая! Везде был кедровый стланник...** проклятый труднопроходимый стланник!

* Дробь — это мелкие шарики из свинца, которыми стреляют по мелкой дичи (куропаткам, тетеревам и т. п.).

** Кедровый стланник — это маленькие кедры, которые не растут вверх, а стелятся по земле, образуя труднопроходимую чащобу.

Много дней мы лазали по этим сопкам, продираясь сквозь кедровый стланник. Много чего любопытного мы видели. И вот, наконец, в бинокль мы увидели что-то круглое.

— Колесо, что ли?! — чуть ли не вскричал Ришат Булатов, шедший со мной.

— Похоже! — ответил я и взял азимут.

О, как трудно было найти это место, всего-то навсего прицелившись на него по компасу на расстоянии около 1,5 км! Но нам это удалось! Ура... удалось!

Это было и в самом деле колесо, застрявшее в ветках на высоте этак 6—7 метров. Оно так «приземлилось», что застряло между тремя ветками. Ришат Булатов залез на дерево и прокричал сверху:

— Это и в самом деле колесо. Резиновый баллон, правда, сдулся, но это колесо... от самолета. С машины колеса на деревья не залетают.

— Скинь его на землю! — крикнул я.

Ришат долго пытался это сделать, но у него ничего не получилось.

— Ветки, удерживающие колесо, с руку толщиной, — ножом не перерезать. Кедр очень плотный, — прохрипел он.

Вслед за Ришлатом на дерево полез я. Но и у меня ничего не получилось.

Зато мы знали, что разбившийся самолет где-то рядом. Ведь не могло же колесо отлететь от самолета просто так!

Резиновое колесо застряло в ветках деревьев

Поиски самолета. Напильники. Костер

И еще раз позвольте, дорогой читатель, напомнить вам, что в своем письме Клим Солодовников сообщал, что после начала наших экспедиций к разбившемуся самолету приезжали люди и распиливали его на части напильниками и ножовками, чтобы утопить эти части в болоте.

Кроме того, Солодовников добавил, что сам видел, как Кирилл Николаевич Кривошеев привез два ящика напильников и ушел вместе с ними в тайгу зимой. С ним было несколько человек. Один из них той же зимой пришел к Солодовникову и попросил имеющуюся у него пилу для металла. Как-то однажды, когда Солодовников ушел далеко от своей избушки во время охоты, он увидел палатку Кирилла Николаевича в том месте, где никто не ставит палаток.

Складывалось впечатление, что «золотая братия», испугавшись появления нашей экспедиции, начала срочно распиливать и топить в болоте самолет, чтобы «скрыть следы».

Ориентиром для поисков погибшего самолета было колесо, которое мы нашли и от которого где-то в 1,5–2 км, как рассказывал Солодовников, лежал разбившийся самолет. Вот только в каком направлении летел самолет? В какую сторону идти от колеса, чтобы найти, возможно, только останки разбившегося самолета, который распиливали и топили в болоте? Надо было прочесывать местность вокруг колеса. Но я остерегался делать это, памятуя, что нас, вообще-то, преследует вооруженный конный отряд.

Мы пошли вдвоем с Ришатом Булатовым. Однако мы не стали ходить кругами вокруг колеса, а решили исследовать, прежде всего, болотистые низинки между сопок, поскольку Солодовников рассказывал, что разбившийся самолет с обломанными крыльями лежал в таком месте.

Мы прошли одну болотистую низину, вторую, третью... и вдруг увидели место, где кто-то когда-то жег огромный костер. Деревья вокруг были вырублены, особенно сухостой. Травка уже проросла на этом месте, но было четко видно, что

здесь жгли костер, причем большой костер, чтобы... сжигать что-то.

— Здесь, по-моему, жгли те части самолета... сиденья, например, которые не могут утонуть в болоте, — проговорил Ришат.

— Похоже, — подтвердил я.

Исследуя это место, мы нашли, что земля вокруг была когда-то сильно вытоптана, даже несмотря на то, что топтали землю зимой и что уже выросла травка. Кроме того, мы обнаружили огромную рытвину — место, где, возможно, лежал разбившийся самолет. А еще мы обнаружили болото, вернее, провал в вечной мерзлоте, где могли топить распиленный на части самолет. Что-то типа тропки, поросшей уже травкой, вело к этой топи.

Я полез в эту топь и неожиданно провалился по грудь, промочив патронташ.

— Ришат! Дай руку! — заорал я, чувствуя, что меня буквально всасывает в болото.

Ришат снял с себя ремень и кинул его мне. Вскоре я был вытаскен из топи.

— Здесь не то что тебя засосет, шеф, но и целый самолет, — хихикнул Ришат.

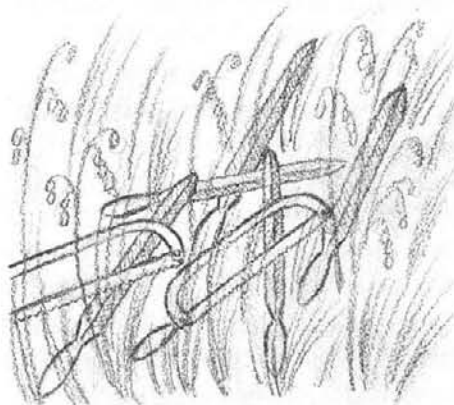
Далее мы стали ходить вокруг этого места, надеясь найти какой-то оставленный обломок самолета.

— Чисто сработали! Все подчистили! — слышался голос Ришата Булатова.

Тем не менее, мы что-то нашли. Этак в 200 м от этого места, на сухом бугорке в кустах мы увидели около тридцати напильников и ножовок по металлу,

Ришат Булатов
вытаскивает меня из топи

В траве лежали
напильники и ножовки

кем-то выброшенных. Я взял один напильник с собой как вещественное доказательство.

— Ришат! А, ведь, Солодовников рассказывал, что самолет был с обломанными крыльями. Может, мы найдем часть крыла?! Давай поищем, а! — предложил я. — Возможно, они не нашли зимой под снегом обломанные крылья и не утопили их!

Мы стали ходить кругами, уже зная траекторию полета самолета... от колеса к этому месту. И тут... И тут мы увидели конный след, вернее следы двух коней. Очень свежие следы.

Мы остановились и прислушались. Где-то в стороне послышался голос «Геть!».

— Уходим! — прошептал я.

Мы взяли азимут на лагерь и почти бегом пошли туда. К счастью, смеркалось.

— Это вооруженный конный отряд! — утвердительно сказал Ришат.

А все-таки они увезли золото Уже в лагере мы обсудили ситуацию и решили завтра не идти искать остатки крыльев разбившегося самолета. Это было слишком опасно, поскольку преследующие нас люди могли устроить засаду, увидев наши следы на мху. В этом случае нас могли просто перестрелять, ведь здесь действует один закон, называемый «закон-тайга». К нашему базовому лагерю эти люди, видимо, остерегались подходить, поскольку знали, что мы тоже хорошо вооружены.

Поэтому мы решили завтра исследовать ровную площадку в горах, которую видели с высокой сопки и на которой мог, как нам думалось, приземлиться самолет АН-2. Более того, Солодовников в своем письме писал, что в этих краях есть место, где появилась новая могила... там, где может сесть самолет АН-2. Сам Солодовников там, оказывается, не был; об этом ему поведал какой-то пришлый оленевод. Можно было вполне логично предположить, что, узнав о начале работы экспедиции, «золотая братия» испугалась и решила не просто распилить и утопить в болоте разбившийся самолет, но и вывезти золото отсюда. Наверное, золота было достаточно много, и им пришлось сделать новую «золотую могилу» на ровном плато в горах, чтобы вывезти его на маленьком самолете АН-2 по частям.

А еще следует добавить, что некоторые наши ребята, оставшиеся в лагере, три дня назад, когда была ясная погода, слышали звук мотора самолета именно оттуда, куда мы собирались пойти.

Мы, встав пораньше, пошли туда втроем: я, Юра Лобанов и Ришат Булатов. Мы, конечно же, были вооружены. Честно говоря, было страшновато... Но нас грела мысль, что вооруженный конный отряд находится на сопках правого берега реки Юрактях, а ровное плато располагалось на левом берегу, да еще и довольно высоко в горах. Теплилась надежда, что «пасущие» нас люди будут ждать нас там, где мы были вчера, и не сообразят, что мы сегодня пошли в другое место.

Километры мелькали один за другим. И вот наконец мы увидели это ровное плато, которое нашли по карте. Оно и в самом деле было ровным и удобным для посадки самолета.

Мы спрятались в лесу на краю плато и стали просматривать окрестности в бинокль. Все было вроде как спокойно.

— Ну, что, мужики, надо выходить на открытое место! — сказал я. — Без толку прятаться в лесу! Если даже за этим местом наблюдают, то просмотреть его из лесу трудно, — надо смотреть с вершин сопки, где долгое время находиться тяжело. Поэтому у нас есть шанс. Вперед, мужики!

Ришат Булатов:
«Богатство мне не к лицу»

достаточно глубокой, ее подзасыпали, но не совсем. Похоже, что люди, делавшие это, очень торопились. Погода, возможно, менялась.

— Мне кажется, — Ришат почесал затылок, — они не все золото вывезли. Может, копнем?!

— Ришат! Ты шутишь?! — Юра Лобанов бычьим взглядом посмотрел на него.

— Шучу, конечно. Плевать я хотел на это золото! Я как был бедным, бедным и помру. Богатство мне не к лицу!

— М-да, — только и проговорил я.

Мы все прекрасно понимали, что когда-то в этих местах разбился самолет, который вез золото. Оставшегося в живых летчика убили, золото, как обычно, похоронили... Вот только возникла опасность в лице этой проклятой экспедиции, в связи с чем пришлось распиливать и топить самолет, да к тому же перезахоранивать золото, чтобы по частям увезти его отсюда, с этого проклятого места.

— Все понятно, мужики! Надо идти, — сказал я, взяв азимут на наш базовый лагерь.

Когда мы шли обратно, меня не покидало чувство тревоги. Я еще не знал, что завтра мне придется серьезно испытывать судьбу.

Поиски самолета. Перестрелка

Сидя ночью в одиночестве у костра, я думал. И чем больше я думал, тем больше понимал, что отсюда надо уходить... уходить хотя бы на том основании, что жизнь, вообще-то, пригодится и что она не заканчивается на борьбе с этой чокнутой «золотой братвой». Мне было тяжело... Душа болела... Мы проигрывали во всем, а «золотая братва» выигрывала. Хотелось реванша, но...

В конце концов, я, как руководитель, решил сделать так, что завтра я один, принципиально один, схожу обходным путем к тому месту, где топили распиленный на части самолет. Я поднимусь на сопки с другой стороны и постараюсь увидеть в бинокль остатки крыльев самолета... а вдруг мне повезет, и я принесу с собой вещественное доказательство!

— Надо идти одному! Только одному легче укрыться в тайге! Нельзя рисковать жизнью еще одного-двух людей! — подумал я.

Итог всей этой истории был таков. Я пошел в обход, взшел на сопку и стал смотреть в бинокль. И могу я сказать вам, дорогой читатель, что я увидел что-то блестящее и плоское, точно увидел. Я очень захотел пойти туда, но... испугался, понимая, что этот обломок крыла вряд ли ценнее жизни.

Тем не менее, несмотря на то, что мы по всем фронтам проигрывали «золотой братии», настроение было неплохим. Я спускался с сопки и... вдруг увидел одинокого всадника. Я напрыгся...

А дальше, дорогой читатель, было все так, как я описывал в предисловии к этой книге, назвав его «Закон-тайга». В общем, была перестрелка.

Глубокой ночью мне удалось выйти к лагерю. Все ребята, сгрудившись, ждали меня у костра. Среди них был Солодовников.

Перестрелка

Юрактях, этак в 20 км отсюда. Разведчик, с которым я перестреливался, остался жив и, наверное, поутру поедет к своим и сообщит, что мы настроены по-боевому... то есть будем драться за находку обломка крыла самолета. А это — вещественное доказательство, на основании которого можно всех «вывести на чистую воду», добавив также «золотую могилу» на перешейке между озерами Сегян-Кюэль, да и... эту «новую могилу», из которой, скорее всего, не успели вывезти все золото. В общем... в общем...

— Начнется война, — выдавил из себя Лобанов.

— Да, — я стукнул себя по мокрому колену.

— А стоит ли воевать? — слышался голос Славы Малоярославцева. — Получится так, что мы воюем за золото... могильное золото. Они ведь думают не так, как мы. Им плевать на идею! Им нужно сохранить свое золото!

— Надо уходить, мужики! Но уходить надо другим путем... они могут поджидать нас по пути назад, — теперь уж я выдавил из себя.

— Я знаю другой путь, — воскликнул Петр Афанасьевич. — Но он проходит через заснеженный перевал, где и летом снег не тает. Трудно будет...

— Лучше так, — подвел итог Лобанов.

— Э-эх! Обидно, что мы во всем проигрываем «золотой братве», — вырвалось у меня.

— Успокойся, — осадил меня Лобанов.

А в это время Солодовников смотрел на нас. Он смотрел, смотрел... а потом подошел к дереву, обнял его и как-то сильно так загрустил.

— Клим! — обратился к Солодовникову Лобанов. — Вам надо ехать с нами! Вам нельзя оставаться здесь одному! Это опасно! Смертельно опасно!!! Ведь они знают, что вы привели нас сюда.

Солодовников молчал.

— Клим! Подойдите к костру! Оторвитесь от своего дерева! — почти заорал Лобанов.

Солодовников подошел к костру и встал, опустив голову.

— Ну что?! — вырвалось у меня.

Солодовников молчал.

— Клим! — уже теплым голосом сказал Лобанов. — Поехали с нами, дорогой наш человек! Мы просим вас.

— Здесь мой дом, — ответил он и, опять подойдя к тому же дереву, обнял его... как самое дорогое.

Ве... ный, Ве... ный, Ве... ный И тут, дорогой читатель, позвольте вновь представить вашему вниманию мои дневники тех давних времен.

Остаток ночи прошел ужасно. Нервы были не на месте. Встали рано. Попили чая. Невкусным он показался. А Солодовников седлал своего коня. Я смотрел на него.

Чувствовалось, что Солодовников боялся. И ему было чего бояться. До поры до времени его не трогали, видимо, зная, что он написал нам письмо, и что смерть его повлечет за собой расследование. Но расследование могло быть успешным только в том случае, если найдется прямая улика — разбившийся самолет, который вез золото. Солодовников надеялся, что мы найдем самолет, что его авантюра с письмом на наше имя будет оправдана, и что правда на земле восторжествует. Но все получилось не так. К сожалению!

Он вчера проговорился, что хочет уехать из этой местности. Но ему некуда было ехать. У него никого не было. У него были только две собаки-лайки, одну из которых звали Верный.

Солодовников, сев на коня, позвал своих псов. Оба пса подбежали к нему. Но вскоре пес Верный вернулся и, виляя хвостом, лег на свое место недалеко от костра. Ему не хотелось уходить. Мы стали прогонять его, а он не уходил, вертелся в соседних кустах.

Все удаляющийся голос Солодовникова звал собаку. Потом все стихло. И вдруг из зарослей выехал на лошади

Солодовников и, остановившись на пригорке перед нашим лагерем, необычно сильным голосом позвал свою собаку. Он плохо выговаривал букву «Р» и у него вместо слова «Верный» получался тоскливый трубный звук:

— Ве...ный, Ве...ный, Ве...ный...

В его голосе было столько тревоги, что мы невольно замолчали, сгрудившись у костра. А он одиноко стоял на пригорке и звал свою собаку.

Истукленно, сильно звал. У него не было друзей. У него было всего лишь две собаки. Нас он терял навсегда, людей, в которых он, возможно, видел друзей. Но... собаки были ему ближе.

На лице Солодовникова я прочитал отчаяние, потому что Верный отказывался идти с ним. Он развернул свою лошадь и гордо поехал... в никуда. И еще долго слышался его трубный голос:

— Ве...ный, Ве...ный, Ве...ный!

Пес Верный вскоре, все-таки, побежал за своим хозяином.

Через год мы узнали, что Солодовников исчез... загадочно исчез. Только собака Верный или «Ве...ный» осталась жива, оказывается.

А в тот момент мы собирали базовый лагерь, чтобы уйти через заснеженный перевал.

Мы уходим через заснеженный перевал

Перед тем, как отправиться в путь, я обнял дерево, которое так часто обнимал Солодовников, и загрустил. И скажу я вам, дорогой читатель, что грустилось сильно... на полную катушку. Я понимал, что мы

Мы уходим через заснеженный перевал

проиграли, но сейчас стоял один вопрос — выйти отсюда живыми.

Когда я вскочил на своего коня по имени Барс, перед глазами появился образ Солодовникова, а именно тот момент, когда он выкрикивал «Ве...ный, Ве...ный, Ве...ный» и, сгорбившись, уезжал в никуда.

Кони несли нас вперед. Мой конь Барс хромал, но терпел. Слава Малоярославцев уверенно ехал на своем диком Феде. Сергей Вырупаев опять был похож сзади на кентавра. Мелькали километры. Шел день за днем. Заснеженный перевал оказался тяжелым, но... не очень. И вскоре, измотавшись и имея тоску в душе, мы доехали до нашего базового лагеря.

Коней отпустили пастись. А на следующий день добрались до поселка Сегян-Кюэль, где... о, чудо... увидели Филла.

Филл на ящике Он, бедненький, сидел на ящике около сельского совета и, естественно, ждал самолета, которого, естественно, не было.

Филл поднял на нас почти безжизненные глаза и уже безнадежно сказал:

— Вагон дел, вагон дел...

Юра Лобанов с присущей ему ехидцей подлил масла в огонь, утвердительно заявив, что, вроде как, поговаривают, что самолетов не будет еще полгода.

— Ох! — вырвалось у Филла.

Потом он пожаловался, что водкой его здесь особенно уже никто не угощает и что эта проклятая статья в газете «Советская Россия» того не стоит, чтобы совершать такой героизм, какой совершает он.

— Весь его героизм в том, что он сидит на ящике, — прошептал мне в ухо Юра Лобанов.

В конце концов случилось так, что прилетел самолет из Дабакая, который увез Филла... пусть в противоположную сторону от Якутска, но увез.

Филл сидел на ящике у забора

А еще через несколько дней прилетели еще два самолета, которые вывезли нас отсюда. Но приключения 1984 года на этом не закончились. А дело было так.

Когда мы летели на самолете АН-2, я внимательно смотрел в окно, изучая местность. И тут... на склоне горы Бубарэ я увидел лежащий на земле самолет.

— О-о-о!!! — заорал я.

— Это самолет, — подтвердил Георгий Айбулатов.

Мы с ним побежали в кабину летчиков и попросили развернуться, чтобы посмотреть внимательнее. Летчики сделали это.

— Очень похоже на самолет, — сказал один из летчиков.

ГЛАВА 13

Приключение на горе Бубарэ

— И в самом деле, похоже на самолет, — сказал один из летчиков, когда мы на самолете АН-2 сделали круг над объектом, лежащим на склоне горы Бубарэ.

Эта гора со смачным названием «Бубарэ» была овеяна легендами. Местные жители рассказывали, что во времена Всемирного Потопа на ее вершину приплыл чуть ли не Ноев Ковчег, от которого и начался... род эвенов. Говорили, что шаманы, прежде чем прочитать заклинание, вначале советуются с горой Бубарэ. Многие люди видят над этой горой свечение и считают, что именно там находится вход в подземный мир. Люди боятся подниматься на вершину этой горы. И только один человек — Никифор Павлович — регулярно посещает район этой горы... с какой-то целью.

— Ребята, — попросил я летчиков, — сделайте, пожалуйста, еще один круг над объектом, чтобы я смог «привязать» его на карте.

— А чо «привязывать-то»? Этот объект находится вот здесь! — один из летчиков ткнул пальцем в карту.

— Ваша летная карта — это пятикилометровка, то есть в одном сантиметре пять километров, — возразил я. — А я хочу «привязать» на свою километровку, где в одном сантиметре

один километр. Я буду вынужден искать объект по азимуту, выходя на него по стрелке компаса, что можно сделать только на километровке. Вы ведь не сможете посадить самолет на склоне горы в лесу!

Летчики сделали еще один круг, во время которого я «привязался» к своей карте и даже увидел четкий ориентир, от которого можно было взять азимут на объект.

Когда мы, продолжив полет, приземлились в Якутске, возникла дискуссия вместе с летчиками, во

время которой обсуждался один вопрос — самолет это или нет?

— Уж больно похоже на самолет! Один к одному! — раз за разом раздавался бас Георгия Айбулатова. — Я знаю толк в самолетах, — я закончил авиационный институт.

— Когда самолет разбивается, то он разрушается. А здесь он лежит целеньким. Так самолеты не разбиваются! Что, он плашмя, что ли, упал на землю?! — тоже раз за разом парировал Юрий Лобанов, тоже закончивший авиационный институт.

— В этой Зоне, куда мы летаем, и не такое бывает, — авторитетно заявил один из летчиков. — Там хоть как может упасть самолет: хоть плашмя, хоть не плашмя... хоть как. Мы, летчики, боимся этой Зоны. Гора Бубарэ, конечно, страшная, но страшнее остроконечные вершины, где навигация то работает, то не работает... Чуть облака, и сразу попадаешь в ж...

Итог всей этой дискуссии был таков. Один из летчиков авторитетно заявил:

— Чо спорить-то, ребята! Надо проверить. Уж больно похоже на самолет! Полетите обратно?! Прогноз погоды хороший. Мы с Кирилычем, — он показал взглядом на второго пилота, — возьмем два ящика макарон и отвезем их в Сегян-Кюэль... вместе с вами. Ну что, готовы?!

Мы обсудили ситуацию и решили, что обратно полетим я и Георгий Айбулатов, хотя... была опасность застрять там надолго из-за непогоды.

Самолетом, оказывается, можно управлять как велосипедом

На следующее утро мы с Герой помогли загрузить ящики с макаронами и, естественно, безо всяких билетов полетели

обратно в поселок Сегян-Кюэль.

Мерно гудел мотор самолета. Гера прокричал мне в ухо:

— Какие мужики, а, эти летчики! Настоящие экспедиционные ребята! Способные на авантюру!

Через определенное время один из летчиков сказал, обращаясь ко мне:

— Мы подлетаем к Зоне! Давай доставай свою карту! Еще раз взглянем на объект?

— Конечно, — прокричал я.

А дальше получилось так. Я, «привязавший» объект к карте, начал командовать, нагло проговаривая такие слова, как «Летите в это ущелье! Нет, нет, это другое ущелье... Вот, вот сюда! Правильно!!!»

В конце концов, летчикам мое командование надоело, и один из них нервным голосом произнес:

— Надоело... туда-сюда. Сядь за руль и веди самолет! Велосипед водил когда-нибудь?

— Водил, — робко ответил я.

— Это то же самое: ведешь штурвал направо — самолет летит направо, ведешь штурвал налево — летит налево, толкаешь штурвал вперед — летит вниз, тянешь штурвал на себя — летит вверх. Ничего проще нет, как водить самолет. Понял?! — объяснил летчик, усаживая меня на свое место.

И скажу я вам, дорогой читатель, что я повел самолет... конечно же, под контролем летчиков. О, как было здорово ощущать, что самолет слушается тебя — какого-то неуча медицинского толка, который даже автомобиль водить не умеет! О, как я был горд собой! Я до такой степени увлекся, войдя в роль летчика, что чуть не заблудился в ущельях горы Бубарэ. Наконец, я увидел «самолет» на склоне горы и тут же уступил место летчикам.

Я еще раз сверил «привязку» на карте. Все вроде бы сошлось. После этого летчики повели самолет в сторону поселка Сегиан-Кюэль.

Когда после посадки мы с Герой Айбулатовым вышли из самолета, один из летчиков сказал:

— Ребята! Погода продержится еще дня три-четыре. Постарайтесь управиться за это время. Тут же звоните, и мы прилетим. Для нас дела экспедиции по поискам погибшего экипажа Леваневского — святое!

В тот же день мы нашли нашего друга Петра Афанасьевича Андреева и договорились с ним, что завтра рано утром выедем на моторной лодке, чтобы на втором озере Сегиан-Кюэль найти мыс, от которого можно было бы взять азимут на объект, похожий на самолет.

В поисках объекта, похожего на самолет

Этот мыс, к которому мы подъехали на моторной лодке, оказался и в самом деле хорошо заметным.

Петр Афанасьевич, почесав за ухом, глубокомысленно проговорил:

— Гера! Вам лучше остаться в лодке. К объекту мы пойдем вдвоем с Эрнстом Романовичем. Понимаете, Гера, мы ведь проплыли мимо «рыбаков», охраняющих «золотую могилу». Они видели нас. Неизвестно, как они поведут себя. В лодке лежит карабин. В случае чего...

— Понял, — как солдат ответил Георгий Айбулатов.

Я достал компас и взял азимут на объект. Я целился по компасу и, заметив в этом направлении какое-либо дерево, шел к нему, после чего вновь целился и вновь замечал еще одно дерево и так далее. Мелькали километры. Мы с Петром Афанасьевичем все время поднимались в гору.

— Лишь бы не промахнуться! — все время приговаривал я, понимая, что найти таким способом точечный объект весьма сложно.

Порой у меня возникало отчаяние, и я начинал по-плебейски причитать:

— Ну никаких ярких ориентиров, ведь, а! Идешь как слепой по азимуту! Тупо идешь... от дерева к дереву! Ну, что за гора, а! Везде все одинаково! Лишь бы магнитных аномалий не было! А то ведь промажу, а! Лишь бы не промазать! Лишь бы не промазать!

Итог всей этой истории был таков.

— Я не промазал!!! Не промазал!!! — в восторге заорал я, не обращая внимания на объект в форме самолета.

В конце концов, радость от того, что мне удалось найти объект, постепенно угасла и мысли переключились на тему: «Что же это такое?»

Что же это такое? Однако перед нами лежал не самолет на земле, как казалось с воздуха. Перед нами была проталина в вечной мерзлоте, по форме и размерам напоминающая самолет.

— Твою мать! — разочарованно вырвалось у меня. — С воздуха казалось...

— М-да, — почесал затылок Петр Афанасьевич. — Но... но, может быть, самолет при падении пробил почву, в связи с чем вечная мерзлота подтаяла и всосала самолет в землю?!

— Может быть, конечно! Но в этом случае самолет должен был падать плашмя «пузом» вниз, что маловероятно, — парировал я. — Самолеты разрушаются при падении. А здесь проталина

напоминает самолет, который мягко положили на землю и мягко вдавили в нее. Такое может быть только в сказке.

— На горе Бубарэ все бывает, — Петр Афанасьевич ухмыльнулся. — Здесь, как рассказывают шаманы, такие чудеса творятся, что, как говорится, ни словом сказать, ни пером описать. Посмотрите, Эрнст Романович, на проталину — точно самолет... и по форме, и по размерам. Таких проталин на склонах гор я не видел никогда. Надо спуститься в воду, залившую проталину, и посмотреть, что под водой.

Я снял верхнюю одежду и полез в ледяную воду. Глубина оказалось где-то по пояс. Под ногами я чувствовал что-то твердое, скользкое и плотное.

— Уж не корпус ли самолета это? — подумал я.

Опираясь на альпеншток с титановым наконечником, я прошел по одному «крылу» проталины, потом по второму, потом по «корпусу»... Было такое ощущение, что я хожу по поверхности самолета, который будто бы был мягко вдавлен в землю. Вот

только хвост самолета не торчал из проталины... Но он, возможно, мог и обломиться. Но что это? Проталина или самолет?

Я, уже совсем охренев от холода, собрал последние силы и нырнул в воду проталины, где не было мути. Открыв в воде глаза, я увидел на дне ровную поверхность, покрытую льдом.

— И в самом деле, возникает ощущение, что это крыло самолета, покрытое льдом. А вот этот округлый бугор похож на мотор, — подумал я.

Вынырнув, я понял, что мне уже невтерпех находиться в воде. Петр Афанасьевич подал руку и вытащил меня из проталины. Я быстренько оделся. Мы развели костер. У меня, как говорится, зуб на зуб не попадал. Вскоре тепло костра, доброе и ласковое тепло, вошло в мое тело.

— Петр Афанасьевич, — обратился я к нему, — по-моему, надо еще раз спуститься в воду проталины и с помощью титанового наконечника альпенштока постараться разбить под водой лед... а вдруг удастся достичь металлической поверхности самолета.

— Попытка не пытка, — ответил он.

— Но на этот раз я полезу в воду в одежде, — в сердцах вырвалось у меня. — В одежде, пусть мокрой, но теплее. А потом, когда мы будем бежать обратно к лодке... этак 10 км, я высохну. Давай, подкинем еще дров в костер!

В воде в одежде действительно было теплее. Согревало еще и то, что я остервенело долбил лед под водой альпенштоком. Брызги летели во все стороны. Я чувствовал, что лед потихоньку долбит. Дырка во льду углублялась. И вдруг... я ощутил, что дырка перестала углубляться, а удары альпенштоком стали издавать звуки «Бум, бум, бум».

— И в самом деле, самолет, что ли... подо льдом? — промелькнула мысль.

Я стал расширять дырку во льду под водой, чтобы потом, нырнув, посмотреть, что же там подо льдом.

Расширив дырку во льду, я нырнул, но муть, эта проклятая муть, не дала мне возможности разглядеть все в деталях. Я под

водой отгонял муть от себя, чем, в общем-то, еще больше баламутил воду. Мне показалось, что на дне ледяной дырки находится алюминий, но я не был уверен, поскольку блеск алюминия схож с блеском льда.

Когда я вынырнул и вдохнул воздуха, то услышал голос Петра Афанасьевича:

— Эрнст Романович! Так и воспаление легких схватить можно. И так все ясно, что здесь лежит самолет, который всосала земля. Таких проталин в тайге не бывает.

— Подожди Петр! — выдавилось у меня под аккомпанемент стука зубов. — Я еще раз нырну и постараюсь ножом отскрести... А вдруг удастся отскрести стружку алюминия.

Я нырнул и стал скрести. Нырнул второй раз и продолжал скрести. Нырнул третий раз...

— Не скребется, блин! — с негодованием заорал я, вынырнув. — Но это точно не лед! Точно не лед! Лед режется ножом. А здесь не режется. И это не камень! Камень шероховатый. А здесь поверхность гладкая.

— Самолеты делаются из дюралюминия, который не берет нож. Это не алюминиевая ложка, которую можно порезать ножом, — нравоучительно произнес Петр Афанасьевич. — Пора вылазить из воды! Дайте руку!

У костра я снял с себя одежду, которую мы выжали. Погрев мокрую одежду, я надел ее. Пора было уходить. Разочарование сквозило в душе.

Когда мы двинулись в путь, взяв азимут на мыс озера, где ждал нас Георгий Айбулатов, я остановился и, посмотрев в глаза Петра Афанасьевича, спросил его:

— Что это?

— Это не проталина, — ухмыльнулся он. — Это чудеса легендарной горы Бубарэ. Здесь Зона! Понимаете, Зона!!! А в Зоне все по-другому... все по-другому. Здесь другие законы, которые знают только шаманы. Здесь подземный мир рядом. Здесь может быть даже так, что летящий самолет вдруг какой-то неведомой силой опускается на землю и постепенно вдавливаясь туда.

— М-да, — только и проговорил я.

Петр Афанасьевич задал такой темп хода, что я, честно говоря, сдох. Зато согрелся. Нам удалось точно выйти по азимуту к нашей лодке, где мы встретили нашего Геру Айбулатова, который, к счастью, оказался жив и здоров.

— «Рыбаки», охраняющие «золотую могилу», не проплывали? — спросил я.

— Они подплывали ко мне и спрашивали, куда вы пошли, — ответил Гера. — Вооружены были до зубов. Я ответил, что вы пошли на охоту.

Так или иначе, нам удалось благополучно добраться до поселка. А еще через день нам благополучно удалось улететь... вместе с теми же двумя летчиками, которые опять-таки привезли два ящика макарон.

— Макароны сейчас в поселке на три года хватит, — прокомментировал Петр Афанасьевич.

А еще Петр Афанасьевич свел нас с одним человеком, видевшим в районе притоков реки Булгорах разбившийся самолет,

который, вроде как, тоже вез золото, которое... тоже захоронено в «золотой могиле»... очередной «золотой могиле». Этот человек даже показал нам на карте места расположения разбившегося самолета и еще одной «золотой могилы».

Вполне понятно, напрашивалась еще одна экспедиция — в следующем 1985 году.

ГЛАВА 14

Третий «золотой самолет»

Наступил 1985 год. Пришла весна. Появился зуд собираться в экспедицию — привычный зуд... уже четвертый год подряд. Мне стало казаться, что экспедиция по поискам погибшего экипажа Леваневского вечная и бесконечная. Желание рисковать вошло в душу. Но самым главным было то, что хотелось победить, хоть в чем-то победить... хоть чуть-чуть победить. Появилась упертость. Но это уже была не тупая упертость, а упертость, основанная на том, что нас так и не удалось пугнуть, и мы, хотя бы в чем-то, чувствовали свое преимущество. Хотелось доказать, что мы еще многое «можем», несмотря ни на что.

В глубине души я понимал, что «золотой клан», охраняющий «могильное золото», как бы уже устал пугать нас. А... убивать им не хотелось. Опасно это было для них. Но и нам еще раз связываться с «золотым кланом» не хотелось. Противно было как-то.

Сведения о третьем «золотом самолете» были основаны на весьма достоверных фактах: один человек, имя которого я бы не хотел называть в этой книге, не просто рассказал о находке разбившегося самолета, но и показал нам это место на карте, добавив, что не так далеко оттуда есть могила на перевале, которая считается запретной для посещения, поскольку в ней похоронен то ли сверхшаман, то ли какое-то сверхъестественное существо, но, вполне возможно, золото... всего-то навсего золото.

Вначале мне даже казалось скучным проверять этот вариант, так как понятие «могильное золото» уже набило оскомину. Но потом получилось так, что, как говорится, Бог троицу любит. Нам и в самом деле надо было проверить еще один, третий, вариант, чтобы уж на третьем, а не на втором «золотом самолете» поставить точку в этой грустной серии экспедиций. Все ведь было уже предсказуемо: останки самолета, золото в могиле, риск... и, не дай Бог, смерть.

Я даже хотел отказаться от этой затеи, но подстегнули два обстоятельства. Первое — подтвержденное желание очень серьезных водолазов исследовать и, возможно, поднять найденный самолет в озере Сегян-Кюэль, о чем я писал в десятой главе этой книги. Второе — это то, что сам руководитель экспедиции, из-под пера которого выходили основные публикации о поисках и которого уже три года не было с нами в экспедициях, изъявил, наконец, желание поехать туда лично — в эту холодную Якутию. Ну и закипело у нас с Юрием Лобановым: мы столько рисковали, а точку будет ставить он... и, вполне возможно, весьма поверхностную точку.

К тому времени наши экспедиции по поискам погибшего экипажа Леваневского стали весьма известными, что даже знаменитое конструкторское бюро имени Антонова решило выделить самолет АН-12, чтобы доставить членов экспедиции к месту назначения. А везти нас вызвался сам Герой Советского Союза, летчик-испытатель Юрий Владимирович Курлин.

Юрий Владимирович Курлин

Когда мы, члены экспедиции, подъехали к зданию аэропорта в Уфе, нас встретил крепкого телосложения улыбчивый человек моложавого вида, от которого веяло мощной энергетикой. Это и был Юрий Владимирович Курлин. Он провел нас, вместе с рюкзаками и баулами, через многочисленные барьеры чужого для него уфимского аэропорта, приговаривая: «Спецрейс! Экспедиция!», и прямо по летному полю подвел к громадному четырехмоторному грузово-

му самолету АН-12, на котором прилетел сюда за нами.

— Извините, ребята, что я прилетел на грузовом самолете, а не на пассажирском. Всем места хватит в кабине летчиков. Вот только одно — м-м-м... параша. Но таковы традиции советской летной школы, — сказал Юрий Владимирович.

Мы вошли в самолет, кинули наши рюкзаки и баулы в огромном грузовом отсеке и тесненько так разместились в большой кабине летчиков. Дверь кабины плотно закрыли и порекомендовали нам во время полета не выходить в грузовой отсек, поскольку там, на высоте, будет разряженный воздух.

Мы взлетели и взяли курс на Красноярск, где должна была быть дозаправка. Разговорились. Летчики наперебой расспрашивали нас о нюансах наших экспедиций. А еще выяснилось, что Ю. В. Курлин был учеником Героя Советского Союза, летчика Алексея Николаевича Грацианского — друга Леваневского. Именно он, летчик-испытатель Курлин, первым поднял в воздух знаменитый самолет «Антей» и испытывал самолет-гигант «Руслан». В общем, это был настоящий рискованный мощный русский мужик.

Полет шел хорошо. И тут захотелось в туалет. Я спросил Курлина о возможности справления этой естественной потребности.

— Я ведь, — начал оправдываться он, — при встрече чуть ли не вместо слова «здрассте» сказал слово «параша». Вон она стоит под креслом, закрытая крышкой! У нас, летчиков, не принято

Юрий Владимирович Курлин
и самолет АН-12

стесняться. Давайте! Вентиляция работает. Таковы традиции советского авиастроения, когда считается, что советский летчик может обойтись и без этого.

Мы сделали «это». Кто «по малому», а кто и «по большому». Летчики не обратили на это внимания. Они привыкли.

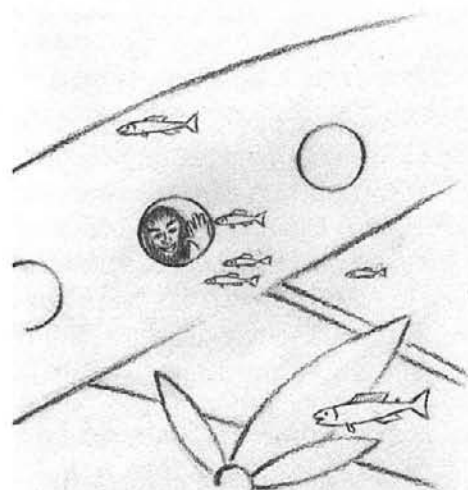
— М-да, — только и проговорил я.

В Красноярске мы дозаправились и полетели на Якутск. В Якутске нас встречали чуть ли не с фанфарами. К сожалению, среди журналистов не было нашего дорогого Филла. Он, вроде как, был в командировке.

Выяснилось, что в Якутске, несмотря на то, что Филл был высокопоставленным московским мальчиком, его начали подсиживать. Нас даже стали уговаривать обратиться в Якутский обком КПСС со своим мнением о его состоятельности как собственного корреспондента газеты «Советская Россия». Более того, в Якутске распространился слух о том, что будто бы именно

он, Филл, спустившись под воду, видел в окошке затонувшего самолета живого Леваневского, живущего там с... 1937 года.

Буквально на следующий день два самолета АН-2 перенесли нас на озеро Сегян-Кюэль. Ю. В. Курлин прилетел с нами, но был вынужден улететь обратно. Он просто проводил нас, но обещал дожидаться в Якутске. Снова наступили экспедиционные будни.

В Якутске распространился слух о том, что Леваневский до сих пор живёт в затонувшем самолёте

Подготовка к новому маршруту

Снова мы разбили базовый лагерь, снова убедились в том, что расположенная недалеко «золотая могила» цела и невредима, снова увидели дозорных на близлежащей сопке, снова поздоровались с «рыбаками-охранниками» на старом месте... Все было как обычно. А на душе было грустно... потому что уже не хотелось этого «обычного», потому что за этим «обычным» выступала кривда жизни, да и выражение «могильное золото» резало уши, резало на том основании, что мы были не охотниками за «могильным золотом», а обычными исследователями, которых воспринимали охотниками... за этим самым.

Ушло несколько дней на организацию водолазных работ. Руководитель экспедиции два дня спал вместе с нами в палатке, но потом переехал в поселок и устроился в местной гостиничке.

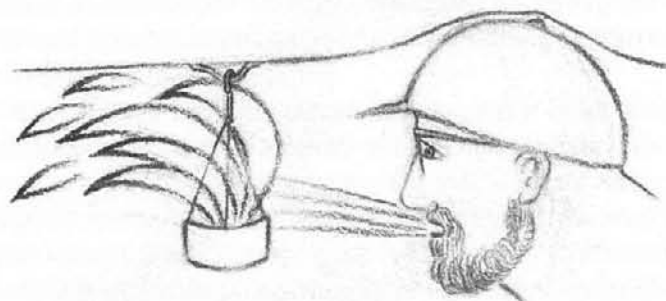
Все было как-то нелепо и убого. К тому же произошел неприятный случай, который я подробно описал в своих дневниках.

Поздно вечером я залез в палатку, зажег свечку и стал писать дневники. Ребята сидели у костра.

Свечка стояла в подсвечнике, сделанном из консервной банки и подвешенном к потолку палатки. Постепенно огарок свечи стал догорать, и я краем глаза увидел, что загорелся парафин, разлитый в консервной банке. Пламя неожиданно увеличилось и стало доставать потолка палатки, называемой «Памирка», которая, как известно, горит как порох. Я стал отдувать пламя от потолка, но получилось так, что я его только раздул.

— Ребята! Несите воду! — бешено заорал я.

Как в замедленном кино шли секунды. Наконец, в палатку всунулся Юра Лобанов и подал мне кружку безобразно горячего чая. Я, обжигая руки, схватил кружку и плеснул чай в подсвечник с горящим парафином. В это время появилась яркая вспышка и раздался хлопок по типу взрыва. Перед глазами возник огненный шар. Юра мгновенно выхватил спальник, на который от взрыва упал подсвечник. Я выскочил из палатки. Мне обожгло

Я стал отдувать пламя
от потолка палатки

лицо и руки. Глаза спасли очки. Палатка осталась целой. А ведь там были патроны.

Мы долго обсуждали причину взрыва, рассуждали о роли мельчайших частиц парафина... но, в итоге, честно говоря, ничего не поняли. К счастью, нам повезло, что не сгорели дневники и нам не пришлось залечь в какой-либо овраг, ожидая взрыва патронов.

Но на этом все не закончилось. Неожиданно из темноты появился «рыбак-охранник» с ружьем на изготовку и по-русски прокричал:

— Что вы здесь взрываете?!

Мы ему все, конечно, объяснили, но он, честно говоря, не поверил и ушел, дико озираясь на нас.

— Следят, сволочи! — проговорил опытный Ришат Булатов.

На следующий день, пока все готовили лодки к водолажным работам, мы с Петром Афанасьевичем и его другом Костей пошли на охоту на озеро Ивари, расположенное где-то в 5 км от лагеря. Там, говорили, водится много уток — турпанов — самых крупных уток нырковой породы.

Охота получилась удачной. И вот что написано об этой охоте в моих дневниках.

Когда мы тихонько выглянули из-за кустов, то увидели, что на озере плавает много крупных черных уток — турпанов. Петр Афанасьевич прошептал, что эти утки очень тупые и они никуда не улетят, даже если стрелять в них беспрестанно. Мы с Костей, расположившись на двух концах озера, открыли жуткую пальбу и убили 23 турпана и двух более мелких уток — свиязей. Остальные утки спрятались в камышах.

Турпан

Но нужно было достать этих убитых уток, плавающих в воде. Мы надули ртом взятую с собой одну (!!!) гондолу от катамарана и попытались на ней выплыть в озеро. Но не тут-то было! Гондола вращалась и «роняла» человека в воду. Тогда мы вырубili две длинные палки и прикрепили их поперек к гондоле. На этой абракадабре нам удалось собрать уток с воды.

Если учесть, что каждый турпан весит не менее 2 кг, то у нас получилось около 50 кг «утиного веса». А рюкзак был один. Наши друзья-эвены, привыкшие к лошадям, хотели сбегать за конем, но я с дешевым выпендромом, вспоминая походы, сказал: «Чо, я 50 кг веса не носил, что ли?!» В итоге, донес я этих уток, хоть в чем-то показав преимущество белого человека в тайге.

Зато в лагере нас первыми встретили «рыбаки-охранники», которые стали выяснять причину нашей стрельбы, которую они слышали. Мы пригласили их на ужин из жареных турпанов, но они не пришли.

А вскоре мы ушли на маршрут. «Рыбаки-охранники» видели это. Тем не менее, нам было уже все равно, отправят за нами слежку в виде конного отряда или нет; мы уже привыкли к этому. Какое-то чувство лихачества вошло в наши души, а Олег Родионов, одетый в комичное армейское галифе, потешал нас. Мы даже не съездили в поселок на моторной лодке, чтобы по-

прощаться с руководителем экспедиции: и не хотелось, и психология «а нам все до фени» превалировала.

О, как мы были не правы с этим самым «до фени»! О, как глупо было расслабляться! Мы еще не знали, что впереди нас ждут приключения, омраченные словом «предательство».

На маршруте Шли мы в одну сторону этак 250 км, и столько же надо было пройти обратно.

Вначале было очень тяжело, поскольку давил вес почти пятидесятикилограммовых рюкзаков, а потом, по мере съедания пищи в рюкзаках, становилось все легче и легче. Перевалы и броды мелькали один за другим... в общем, все было, как обычно. В день мы проходили 20–25 км.

И вот наступил момент, когда мы подошли к искомому притоку реки Булгорах, в верховьях которого некий человек видел разбившийся самолет. О, как трудно мы искали этот приток! Этих притоков в реку впадает так много! Да и проклятый морозящий дождь достал!

Я, ориентируясь, честно говоря, начал пасовать. Нервный ком подступил к горлу.

Один из бродов через реку

— Этот приток... вроде бы, — проговорил я, не будучи уверенным.

И тут раздался крик Георгия Айбулатова:

— Смотрите, что я нашел!

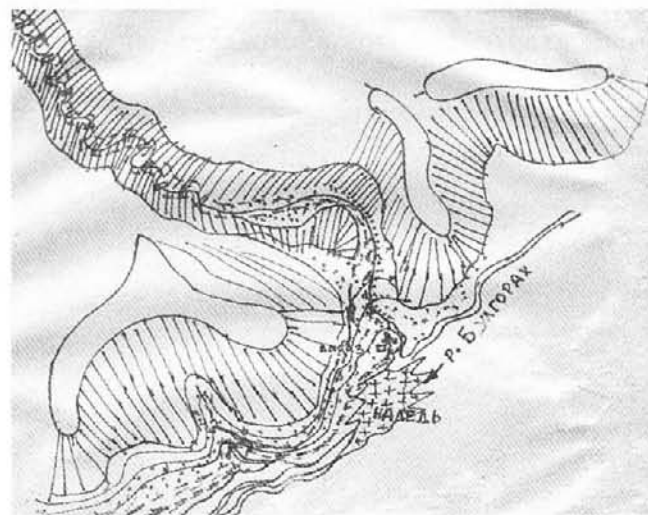
Гера держал в руках кусок дюралюминия, который нашел в ручье и который явно принадлежал разбившемуся самолету.

В общем, пошли мы вверх по этому ручью, который водопадами спускался с крутого склона Верхоянского хребта. Было очень странно видеть, что количество кусков дюралюминия увеличивается по мере подъема вверх.

— Такое ощущение, что самолет буквально «размазало» по этому ручью, — сказал Юра Лобанов.

— А мне кажется, что это сила воды, — возразил Гера Айбулатов. — Вода, особенно весенняя, смогла разорвать погибший самолет на мелкие части, которые унесло в ручей.

— Длина ручья около 5 км! Неужели на такое расстояние разнесло по частям погибший самолет?! — удивился я. — Мы

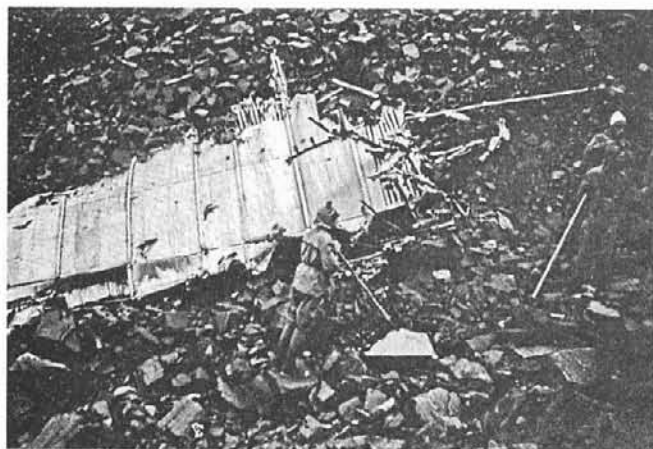
Крок (полевая схема) района катастрофы еще одного самолета. Верхоянский хребет

На высоте появился снег и стало скользко

ведь идем по сплошным обломкам. Значит, наверное, самолет большой. Посмотрите, посмотрите! Каждый очередной водопад на ручье усыпан обломками.

Мы все лезли и лезли вверх вдоль ручья. Вошли в облака. Стало не видно друг друга в трех метрах.

На склоне у вершины лежало крыло самолета

Мы стояли среди обломков, опустив головы

— Как мы при такой видимости самолет найдем? — спросил еще неопытный Олег Родионов.

— По обломкам, — ответил опытный Ришат Булатов.

Появились скалы, причем высокие. К тому же появился снег. А сочетание «скалы плюс снег» считается очень тяжелым

*На перевале мы поставили тур и молчалим
помянули погибших людей*

для прохождения, поскольку скалы становятся скользкими. Мы распустили наши веревки, связались и, упираясь на альпенштоки, продолжали идти вверх. Обломки самолета нам четко показывали путь. И, наконец, мы увидели разбившийся самолет.

Разбившийся самолет Он лежал почти на самой вершине Верхоянского хребта. Всего-то нескольких метров не хватило, чтобы самолет облетел эту вершину, довольно высокую вершину. На склоне у вершины лежало крыло. Вокруг были разбросаны моторы, кресла и что-то в этом роде. Поразило, что среди обломков мы нашли детский ботинок.

Честно говоря, все это произвело на нас тягостное впечатление. Мы стояли среди обломков, опустив головы. Долго стояли, несмотря на жуткий холод. Мы должны были начать рыться в обломках в поисках слитков золота, но этого не хотелось делать. Осознание того, что это золото является могильным, было противным. Мы, всего-то на всего, взяли образцы обшивки и некоторые детали погибшего самолета, чтобы впоследствии провести экспертизу*. А когда мы спустились с вершины к перевалу, откуда начинается ручей, мы построили там тур и молчаливым помянули погибших людей. Жаль, что спирта с собой не было.

Спуск по ручью с многочисленными водопадами оказался еще более трудным, чем подъем. Все время приходилось страховаться веревкой, чтобы не упасть со скал. Настроение было плохим.

— Стоило ли идти сюда, пройдя через перевалы и броды аж 250 км, чтобы почувствовать себя как на похоронах, — вырвалось у Юры Лобанова.

— Это экспедиция, — прокомментировал Гера Айбулатов.

* Экспертиза показала, что эти образцы обшивки и детали принадлежат самолету ЛИ-2 (Дуглас), летевшему с одного из золотых рудников Якутии.

Когда мы вышли в долину большой реки Булгарах, то поняли, что дойти до нашего лагеря, где оставили палатки и рюкзаки, до темноты мы не успеем. Более того, по пути нам предстояло обследовать на очередном перевале могилу — предположительно «золотую могилу».

Предстояло ночевать без палаток и спальников и, естественно, без еды. К тому же моросил дождь. Но мы развели большой костер, сделали шалаш и улеглись на землю, тесно прижавшись друг к другу. Вскоре земля под нами прогрелась, и мы в полудреме провели всю ночь.

Еще одна «золотая могила»?

Когда на следующий день мы дошли до могилы, то увидели, что она и в самом деле интересна... интересна тем, что на ней был поставлен православный крест, окруженный срубом.

Место, где располагалась могила, было сухим и безлесным. Более того, она находилась на перевале и была видна издалека. Вокруг никого не было. Я сделал два круга вокруг могилы, но не увидел конных следов. Нас, вроде как, не «пасли».

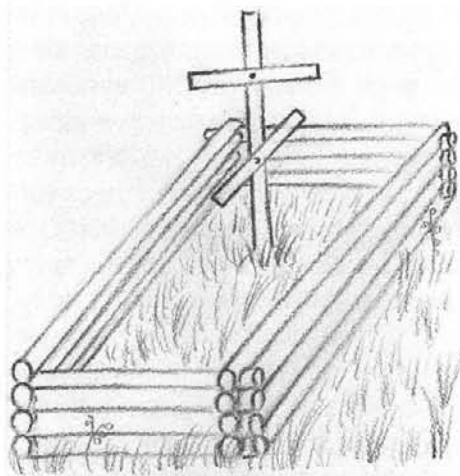
— Ну что, может порою могилу альпенштоками... они ведь имеют титановые наконечники? — усмехнулся Ришат Булатов.

— Да плевать я хотел на это «могильное золото»!!! — вскричал Гера Айбулатов. — Не так, наверное, много золота вез этот разбившийся самолет, что его смогли донести досюда и, естественно, похоронить. Это... это, наверное, не только якутская традиция — хоронить золото в могиле! Я думаю, что во всем мире есть люди, которые верят в силу Золота и верят, что оно... в могиле... даст им счастье на Том Свете. Вот идиоты, а! Скорее всего, наоборот... наоборот.

До нас, откуда-то издалека, долетел звук выстрела.

— А все-таки нас, наверное, «пасут», — поморщился Юра Лобанов.

— Пошли отсюда, а! — резким голосом сказал неопытный Олег Родионов.

Неужели
и эта могила золотая?

превратились в ходовые машины... и вскоре дошли до озера Юрень-Кюэль, на берегу которой располагалась ГМС, то есть гидрометеостанция. Там круглогодично жили двое метеорологов, которые и сообщили нам прискорбную весть.

И мы ушли. «Золотомогильная психология» надоела нам. Вскоре мы дошли до наших палаток и, тут же сварив кашу, с удовольствием поели.

— Какая вкусная каша! Гречневая. С тушенкой. Разве ее сравнить с... «могильным золотом», — чавкая, произнес Юра Васильев.

А потом, возвращаясь обратно, мы начали отсчитывать километры. День шел за днем. Мы

ГЛАВА 15

Друзей не бросают в тайге

Вот что сказали метеорологи, когда мы с ними познакомились:

— Странно, что вы здесь, в тайге!!! Нам только что сообщили по радиации, что руководитель экспедиции вызвал в поселок Сегян-Кюэль два борта АН-2, сказав, что экспедиция закончила работу и ей надо улетать. Мы дали хороший прогноз погоды, поэтому самолеты прилетят. Вас что, оставили в тайге?!

— Как так???!!! — Мы все выпучили глаза. — Как так шесть человек оставили в тайге?! У нас же даже денег нет, чтобы улететь позже! А вдруг непогода...

Ребята-метеорологи пустили нас в свою избу, и мы не стали ставить свои палатки. Более того, они достали самогон и угостили нас жирным соленым хариусом, который, оказывается, в изобилии водится в озере Юрень-Кюэль и хорошо попадает в сети. А еще они, видя, что мы, честно говоря, голодные, высыпали на стол много сухарей и сказали, чтобы мы не стеснялись, понимая, что при 500-километровом маршруте много еды в рюкзаках не протащишь.

Но на душе было плохо.

— Во сука, а! — раз за разом вырывалось у Юры Лобанова. — Как можно так, а! Как можно оставить ребят в тайге?! Друзей в тайге не бросают!!!

Метеоролог:
Если бы я знал, что вы,
ребята, в тайге, я бы
не дал хорошего прогноза,
да и всё.

мне запретит?! Друзей-то в тайге не бросают! — стукнул кулаком по столу старший метеоролог.

— Курить охота! Пойдемте, покурим! — засверкал глазами Олег Родионов.

— Да курите здесь, мужики! — сказал старший метеоролог. — А вы что курите?

— Мы — махорку*.

— Мы тоже. А по праздникам — беломор. Беломорчика достать?

— Да ладно. Самокрутки сделаем.

Все мы, кроме некурящего Юры Лобанова, достали газету, оторвали от нее соответствующего размера куски, насыпали на них махорки и, проведя языком по канцерогенному типографскому шрифту газеты, начали скручивать все это в трубочку, склеивая слюной.

— Хороша махорочка-то! — проговорил Юра Васильев, выдыхая порцию ядовитого дыма.

* Махорка — это безобразно вонючий рассыпной табак самого низкого качества.

— Тварь! — постоянно добавлял Гера Айбулатов.

— Дачу, наверное, свою не достроил, вот и спешит, — ухмылялся Ришат Булатов.

А Юра Васильев просто матерился, смачно так, трехэтажно.

— Если бы я знал, что вы, ребята, в тайге, то я бы не дал хорошего прогноза погоды... не дал бы, да и все, твою мать. Здесь я хозяин... в горах. Кто

Мне в этот момент, почему-то, вспомнился один случай, когда я задал вопрос своему другу: «А чем ты вытираешь зад в туалете?», на что он ответил: «Как чем?! Газетой». Советская действительность диктовала свои условия жизни... поганенькие и никоим разом не сопоставимые с величием страны.

А потом я набылся и, схватив с махорочным дымом порцию авантюризма, начал говорить:

— Мужики! А может рванем, а! По карте... я смотрел... до поселка отсюда 70 км... м-м-м... через три перевала и через огромное горное плато, на которое надо забираться как по лезвию ножа, по очень узкому хребту. Троп, конечно же, нет. Тяжело будет, но мы же все в очень хорошей физической форме. А вдруг успеем на самолет, если выйдем ночью?! Рискнем, может, а?! А чо?! Мы ведь ничего не теряем. Нам все равно идти этим путем.

— Не дойдете, мужики, не дойдете! — нравоучительно сказал старший метеоролог. — Даже на лошадях такое расстояние не пройти. 75 км отсюда.

— Да мы сейчас, в конце похода, быстрее лошадей ходим! — задиристо проговорил Гера Айбулатов.

Итог всего этого спора был таков. Я всем запретил пить самогонку досыта. Сходил вместе со старшим метеорологом на разведку, который показал мне тропу в сторону поселка... но предупредил, что через 2—3 км она заканчивается и дальше придется идти по «целине».

— Эх! — вздохнул я, зная, что такое якутская «целина» — кочки, болота, карликовая березка и каменные осыпи.

Юра Васильев
крутит самокрутку

Мы не спали всю ночь. Даже не ложились... Накачивали в себе страсть для рывка. Сильная обида сидела в душе, обида под названием «Друзей не бросают в тайге».

В четыре утра мы упаковали рюкзаки, обнялись с ребятами-метеорологами и, нащупывая в темноте ногами тропку, пошли по ней вверх на первый из четырех перевалов.

А вдруг успеем! Я, идущий впереди, чтобы успеть пройти 70–75 км за день, взял такой темп, что в темноте споткнулся обо что-то и со всего размаха упал на землю, да еще рюкзак, где лежали патроны, пристукнул меня по затылку.

После этого я сбавил темп. К тому же тропа кончилась и пришлось идти в темноте по компасу. Но вскоре, этак через 7–8 км пути, начало светать. В лучах восходящего солнца мы увидели перевал. Но...

Но по перевалу ходил большой и жирный медведь. Мы, собравшись с духом, хором закричали: «А-а-а!» Однако медведь всего лишь повернул голову в нашу сторону и, брезгливо фыркнув, продолжил щипать вкусную альпийскую травку. Мне ничего не оставалось, как достать ружье и выстрелить в воздух.

Выстрел произвел на медведя сильное впечатление: он встал на дыбы и тут же с огромной скоростью побежал... под гору... точно на нас!

— Нападает, — раздался трагический голос Олега Родионова.

Я с клацаньем раскрыл ружье. Стреляная гильза выбросилась эжектором*. Я мгновенно достал две пули «Жакан» и всунул их в оба ствола. Первый патрон с пулей вошел в ствол легко, а вот второй... сволочь... застрял и, видимо, будучи разбухшим от сырости, не входил в ствол. А медведь бежал на нас. Быстро бежал. Галопом.

* Эжектор — это устройство в ружье, которое выбрасывает стреляную гильзу (в гильзе располагаются порох, пыж, дробь или пуля).

— Твою мать! — выматерился я, пытаюсь ладонью вбить патрон в ствол. — Надо же, раздулся!!!

Весь ужас состоял в том, что я не мог закрыть из-за этого патрона ружье и воспользоваться хотя бы одним стволом. Я попытался пальцами вытащить застрявший патрон, но у меня ничего не получилось. А медведь все бежал на нас.

И тут кто-то потянул меня за локоть той руки, которой я бешено старался вбить патрон в ствол. Я невольно обернулся. Сзади меня стоял Олег Родионов с широко раскрытыми глазами.

— Шеф! У тебя фталазолычка* с собой нет?! — спросил он.

Я, бешено сверкнув глазами, проговорил: «Ну и шутки, твою мать!» и так вмазал ладонью по патрону, что он, сволочь, все же влез в ствол. Закрыв ружье, я тут же выстрелил в воздух, чтобы испугать медведя. После выстрела мы все опять заорали хором: «А-а-а!!!». Очень истошно заорали.

Медведь, не добежав до нас всего-то около 20 м, остановился как вскопанный и поднялся на дыбы. Мы еще громче заорали «А-а-а!!!», махая руками. И тут мы поняли, что до этого тупого медведя дошло, что он, дурак, услышав эхо от выстрела, побежал в противоположную сторону. Медведь присел и так рванул в сторону перевала, откуда прибежал, что аж свист стоял. Да еще я вдобавок послал пулю в его сторону, которая ударила сзади него оземь, дополнительно напугав его.

* Фталазол — средство от поноса.

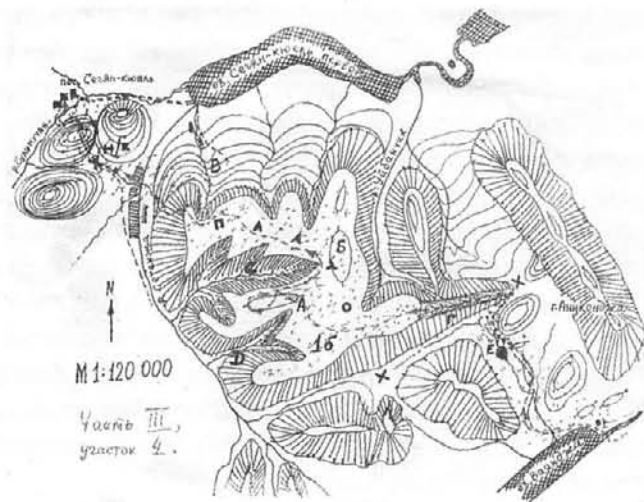
В общем, освободили мы перевал от медведя. А когда проходили через него, все время вспоминали слово «фталазолчик».

Второй перевал мы прошли без приключений. До третьего перевала добирались по омерзительной болотистой мари, которая засасывала ноги, вытаскивая которые, каждый из нас приговаривал «твою мать!». Поджимало время. Страсть кипела в нас, попеременно с обидой, что друзей бросили в тайге.

Наконец, мы дошли до озера Ваянджа, от которого начинался подъем на плато, выводящее кратчайшим путем на поселок Сегян-Кюэль, куда сегодня должны были прилететь два самолета, чтобы увезти экспедицию.

— Мы прошли всего 35 км! — стал орать я. — А осталось еще столько же. Уже час дня. Долго шли по этой болотистой мари. Да и медведь время отнял. Обедать не будет! Сделаем перекус — сухари и сало! Сала побольше! Давайте, мужики! А вдруг успеем?!

Сало — великая вещь в походах. Это не сахар или шоколад, которые дают «короткую силу». Не зря хохлы любят сало.

Крок (полевая схема) прохождения плато

Поев сала с сухарями, мы так рванули в сторону плато, что аж дух захватило. Этак километров через пять мы дошли до того самого хребта в виде лезвия ножа, по которому должны были подняться на плато.

Хребет этот и в самом деле был похож на лезвие ножа: слева пропасть и справа пропасть, только узкая полоска скользкого щебня, ведущая вверх. Было очень трудно балансировать. Олега Родионова, который нес ружье, так мотнуло в сторону, что он чуть не улетел в пропасть.

— Отдай ружье, блин! — заорал я. — Давайте его нести по очереди! По лезвию идем! Мотает ружье в стороны!

Наконец, мы поднялись на плато. Оно было ровным. Я взял азимут, и мы буквально побежали по твердым камням этого плато. И тут... мы услышали звук, звук моторов двух самолетов.

Э-эх! Они, эти самолеты, пролетали над нами, оставляя грусть в душе.

От этого я так разволновался, так... что на плато, где и так трудно ориентироваться, совсем потерял направление азимута и забрел в какое-то ущелье.

— Где мы стоим, твою мать?! — выдавил я из себя в бешенстве.

Внутренний голос ответил мне, что, вообще-то, уже нет никакой разницы, где мы стоим, — все равно ведь самолеты вскоре долетят до поселка, заберут руководителя и еще нескольких членов экспедиции и улетят, оставив нас в тайге. До поселка ведь еще около 30 км пути.

Олега мотало из стороны в сторону

— Не успели дойти! — слышался трагический голос Лобанова.

— Да и маловероятно это было... 75 км через четыре перевала за день! Просто азарт, смешанный со злостью, кипел в нас, — выдохнул Гера Айбулатов. — А все равно мы правильно сделали, что рванули. Чо, сидеть и горевать, что ли?

У меня началось что-то типа истерики.

— Не рассчитал! Не рассчитал! — орал я сам на себя. — Да еще и заблудился на плато! Как последний идиот заблудился! Тупица!!! Тупица...

Когда приступ истерики прошел, я начал ориентироваться. Вскоре я понял, что мы уклонились влево и забрели в «слепой угол» плато. Пришлось идти несколько километров назад, подняться на превалирующую вершину плато и оттуда продолжить путь вперед.

Когда я понял, где мы находимся, на душе стало легче. Мы даже, вроде как, успокоились. Но... тут опять раздался звук моторов. Два самолета, увозящие экспедицию, выплывали из-за горизонта.

Юра Лобанов выхватил оранжевый флаг и стал им бешено махать. Мы скинули рюкзаки и стали прыгать, как угорелые. А самолеты горделиво пролетали над нами.

— А-а-а-а-а! — неистово орал я, хотя и понимал, что нас никто не услышит.

Тем не менее, вдруг второй самолет сбросил скорость и горделиво помахал крыльями. Мы поняли, что летчики увидели нас, но... знали ли летчики, что снизу им машут шесть основных членов экспедиции, которых надо было бы, вообще-то, тоже вывезти из тайги.

Самолеты улетели.

— А на хрена он, этот руководитель, вызвал два самолета? Для понта, что ли?! Там людей-то кот наплакал. Сколько денег потратил! Спецрейсы, все-таки, — выдал из себя Гера Айбулатов.

— У-гу-гу-гу! — потряс кулаками Юра Лобанов.

— Мужики! А давайте сфотографируемся вот в таком грустном состоянии: с рюкзаками и альпенштоками, здесь, на плато, — вдруг, улыбнувшись, предложил Олег Родионов. — Потом будем вспоминать. Не погибнем же! Деньги родители и жены пришлют по телеграфу.

Мы так и сделали.

Понятно, что нервы у меня были не на месте. Они, эти нервы, до такой степени шалили, что я снова сбился в ориентировке на плато и, остановив группу, долго стоял на месте, не понимая, куда идти. Короче говоря, заблудился я... еще раз заблудился.

Самолёты, увозящие экспедицию, пролетели над нами

*Самолеты улетели. Мы грустно стояли на плато.
Слева направо: Ю. Лобанов, Г. Айбулатов, Э. Мулдашев, О. Родионов,
Р. Булатов (фото Ю. Васильева)*

Промокший Юрий Лобанов

Тем не менее, зная, что слева от нас, на западе, протекает речка, впадающая в озеро Сегян-Кюэль, я решил спуститься туда, чем ходить по плато в поисках смутных ориентиров. Так мы и сделали. Вот только спуск этот шел по скалам, по очень крутым скалам. Да к тому же пошел дождь, превратив камни в какие-то скользкие создания.

— Еще дождя не хватало! — слышался голос Юры Васильева. — Все по-сволочному как-то! Чувствуется, надолго зарядил, сука. Долго не будет самолетов, чую.

— Хватит причитать, Юра, — вырвалось у Геры Айбулатова. — И так на душе хреново.

Я повернулся назад и увидел лицо промокшего Юры Лобанова, на котором отражалось столько грусти, что она аж выпирала из этого сильного, умного и во многом упертого человека.

Спуск по скалам к речке был тяжелым и нудным. Речка встретила нас приятным журчанием. Уже начинало темнеть. Мы поставили палатки и грустно легли спать. Гудели натруженные ноги.

А поутру мы прошли еще один перевал и оказались в поселке Сегян-Кюэль. Петр Афанасьевич приютил нас. Мы настроились долго и нудно ждать погоды.

И снова Курлин Но на следующий день после обеда весь поселок услышал звук моторов самолета, причем большого самолета. Моросил дождь. Была низкая облачность. И вдруг из облаков вынырнул огромный самолет, который стал кружить над поселком. Мы увидели, что это четырехмоторный самолет.

Люди выбежали на улицу. Такого большого самолета никто не видел в этих краях.

— Это Курлин прилетел за нами. — Глаза Юры Лобанова засверкали. — Я узнал самолет АН-12, на котором мы летели до Якутска. Это он!!! Это Курлин!!! Такие мужики, как Курлин, друзей в тайге не бросают!!!

Наши палатки

Мы все заворуженно смотрели на кружащий над поселком огромный самолет. Мы уж было подумали, что Курлин покружит, как бы говоря нам «До свидания!», и улетит. Но не тут-то было. Курлин начал заходить на посадку, прицеливаясь на микроскопическую для четырехмоторного самолета АН-12 взлетно-посадочную полосу в виде болотистой поляны, укрепленной галькой, принесенной из соседнего ручья и предназначенной для маленьких самолетов АН-2.

Сравнение
размеров АН-12 и АН-2

Гигантский самолет Курлина снизился так, что чуть ли не коснулся этой примитивной взлетно-посадочной полосы, но тут же взмыл вверх, пойдя на разворот.

— По-моему, он пошел на второй круг, — выдохнул авиатор Гера Айбулатов. — Он хочет сесть. Мужики! Он хочет сесть!!! Хочет сесть, чтобы забрать нас, брошенных в тайге!!! Разобьется, ведь, а!!! Сука буду, разобьется! Самолет слишком тяжелый! Он пробьет гальку, посыпанную на взлетно-посадочную полосу, и зароется колесами в болоте! После чего самолет перевернется... сука буду, перевернется. А если даже он сядет, то как он взлетит? Посмотрите на те лиственницы в конце взлетно-посадочной полосы... он явно их зацепит!

— Курлин знает, что делает, — многозначительно произнес Юрий Лобанов. — Мы с тобой, Гера, авиаторы-теоретики, а Курлин — летчик-испытатель.

В это время самолет АН-12 сделал второй круг и снова пошел на посадку, но на этот раз еще более низко, почти цепляя вершины деревьев. Шасси были выпущены. Курлин и в самом деле хотел садиться.

Шасси снова почти коснулся взлетно-посадочной полосы, но... снова самолет взмыл вверх.

— Браво, Курлин!!! — заорал Юра Лобанов. — Браво, что не стал садиться!!! Вот это летчик! Вот это молодец! Молодец тот, кто в последний момент оценивает ситуацию. Спасибо, что прилетел!!! Спасибо!!!

А самолет... огромный самолет АН-12... пошел на третий круг. Но на этот раз он грустно облетел поселок и помахал нам крыльями. Чувствовалось, что Курлину было грустно, что он не смог сесть и забрать нас. А мы ему махали руками, приговаривая: «Спасибо, что прилетел!» На душе стало легче. Мы стали понимать, что не каждый бросает друзей в тайге. Это добавило нам сил.

Самолет скрылся в облаках. Но вскоре он опять появился и сделал еще один круг, но уже высоко в небе.

Улетая, Курлин помахал крыльями

— Смотрите, он опять машет крыльями! — прокричал Гера Айбулатов.

Мы снова стали махать руками.

Через день в поселок пришла телеграмма от Курлина. Оказывается, летчики двух самолетов АН-2 видели нас на высокогорном плато и сказали ему об этом. Самолет АН-2 не мог вылететь, поскольку испортилась погода. Вот и... вылетел сам Курлин на четырехмоторном АН-12... ведь друзей в тайге не бросают.

Итог всей этой истории был таков. Просидели мы, живя в палатках около аэропорта, почти месяц. Жены и родители прислали нам деньги на проезд домой. Зато за это время я проанализировал все собранные сведения о гибели самолетов здесь... в Зоне.

ГЛАВА 16

Якутский треугольник

В общем, жили мы в палатках рядом с аэропортом. Грустно и скучно было. Шел сентябрь 1985 года. Ночью сильно морозило, зато днем отпускало. Вскоре должна была наступить якутская зима. Периодически падал снег, но, пролежав этак дня два, стаивал.

Мы натаскали побольше дров и все время жгли костер. Петр Афанасьевич приглашал нас, конечно, жить у него дома, но мы отказались, понимая, как трудно будет его жене с шестью прожорливыми и грязными мужиками, которые, к тому же, маются от тоски в ожидании самолета. С деньгами мы вопрос как-то решили за счет переводов из дома по телеграфу. Ели, в основном, кашу два раза в день, но помногу; выложились, все-таки, на 500-километровом маршруте. Жрать хотелось бесконечно. Была одна доминанта — поесть. Животные инстинкты преобладали. Говорили только о прилете Курлина. На философию не тянуло. Стали тупеть. Дни, как близнецы, пролетали один за другим. Водки не было.

Я так раскиселся, что через какое-то время почувствовал себя пищеварительным животным, ритм жизни которого измерялся периодами приема каши. Тем не менее, мне удалось заставить себя работать, на что у меня ушло несколько дней

тупого преодоления тупости. Я стал анализировать гибель самолетов здесь, в Зоне, которую некоторые люди называли «якутским треугольником».

Якутский треугольник Я, сидя в холодной палатке и перебирая свои записи за все предыдущие годы экспедиций, нашел выражение заведующего отделом транспорта Якутского обкома КПСС Будянского Вадима Николаевича, который сказал, что район озера Сегян-Кюэль не зря называют якутским треугольником, потому что он считается не менее опасным в отношении наведения аномалий, чем бермудский треугольник.

— Это сибирский «бермудский треугольник», — поставил точку в конце разговора Вадим Николаевич. А еще один человек из КГБ Якутии отметил, что этот район обведен красной линией на карте, как район, не поддающийся прогнозированию. Более того, он добавил, что НКВД СССР давно обращало внимание на этот район.

Председатель Сангарского райисполкома Баташанов Лев Дмитриевич на эту тему высказался так:

— Очень трудно идет снабжение всем необходимым поселка

Якутский треугольник

Сегян-Кюэль. Район этот необычный, — уж слишком много авиакатастроф там. Бермудский треугольник какой-то! Летчики все время говорят об инверсионной пленке, через которую трудно видеть землю.

Что уж говорить о шаманах! Они издревле считают этот район Зоной.

Далее я стал считать количество погибших самолетов в этом якутском

треугольнике, размеры которого можно было определить, примерно, как $250 \times 250 \times 250$ км. Собственно говоря, в сравнении с размерами земного шара и даже Якутии — мизерного размера треугольник. Но именно здесь, по моим подсчетам, потерпели катастрофу 23 самолета и вертолета. Да и все ли сведения удалось учесть?! Да и... верны ли все полученные сведения?! Тем не менее, можно сказать, что, и в самом деле, здесь было много катастроф. В этой связи позвольте мне, дорогой читатель, привести перечень катастроф самолетов и вертолетов в этой Зоне.

1. Самолет, затонувший в первом озере Сегян-Кюэль и обнаруженный нами при ультразвуковых исследованиях. В береговом шельфе найдены его части. Предположительно, самолет Леваневского. Погиб в 1937 году. Вез золото.

2. Самолет Солодовникова. Найдено колесо. Предположительно погиб до войны. Вез золото.

3. Самолет на Верхоянском хребте. Обнаружено место катастрофы. Погиб после войны. Предположительно вез золото.

4. Вертолет МИ-8, вывозивший «доску Попова» в Дабакай. Имеются четкие сведения о находке обломков. История его гибели связана с «золотой могилой». Погиб в 1965 году.

5. Большой самолет, обломки которого видела Дарья Павловна Николаева. Этот самолет искал геолог Рэм Титов, который был убит вместе со своими товарищами. Погиб в послевоенные годы. Вез золото с золотых приисков.

6. Самолет ЛИ-2, вылетевший с золотого прииска с двумя тоннами золота и исчезнувший в районе якутского треугольника. Имеются документальные свидетельства этого, а также последние радиogramмы экипажа перед гибелью. Погиб в послевоенные годы. Сведений о находке обломков нет.

7. Самолет, место катастрофы которого видела в детстве Захаркина Серафима Фроловна. Родители рассказывали, что этот самолет вез золото и деньги. Об этом самолете знал Никифор Павлович. Время гибели не установлено.

8. Самолет «Дуглас», перевозивший деньги (возможно, в виде золота) по системе лэндлиза в США и потерпевший катастрофу в Зоне. Проводником двух экспедиций, искавших этот самолет, был Никифор Павлович, который «водил их за нос». Время гибели — предвоенные годы.

9. Большой самолет, перевозивший пушнину в Холбосовское предприятие города Якутска и потерпевший катастрофу в 1939 году. В самолете был бухгалтер и еще несколько человек. Самолет был найден, но пушнина истлела. Остались ящики для слитков золота, но золота не было. Сведения получены из органов КГБ Якутии (п/я № 14). Местные жители говорили, что про этот самолет знал Никифор Павлович.

10. Погибший самолет в районе горы Бубарэ. Двое местных жителей (Передрягин С. П. и Степанов Р. Ф.) видели его во время охоты, но побоялись подойти. Говорили, что его нашел Никифор Павлович, который часто кочует в этом районе, несмотря на то, что там нет оленьих троп. Ходят слухи, что в этом самолете было золото. Не исключено, что проталина в форме самолета и есть место его гибели. Время гибели — скорее всего предвоенные годы.

11. Самолет, который видела много лет назад местная жительница Варахова Зинаида Степановна. Запомнила скелеты внутри самолета, а также много кусков золота. Отец сказал, что притрагиваться к золоту нельзя, — Духи накажут. Место расположения погибшего самолета забыла. Время гибели — предвоенные годы.

12. Сведения о летчике в меховой куртке, который плыл на плоту по реке Селян и доплыл до золотоискателей одного из якутских рудников. Он рассказал, что его самолет, везущий золото, потерпел катастрофу. Золотоискатели оказались самыми натуральными бандитами и стали требовать, чтобы оставшийся в живых летчик привел их к погибшему самолету. Но летчику удалось бежать. Дальнейшая его судьба неизвестна. Происходило в послевоенные годы.

13. Гидросамолет Ф-136, пилотируемый летчиком Полимбахом (немцем по происхождению) погиб здесь в 1944 году. Предполагается,

что он тоже вез золото. До обнаружения места гибели этого самолета считали, что Полимбах улетел в Японию.

14. Самолет Н-339 погиб 17 февраля 1939 года. Пилотировал его летчик по фамилии Лутц (немец?). Сведений о том, что он вез золото, нет. Но некоторые люди предполагают, что это было так.

15. Большой самолет упал в озеро Клеола, расположенное в 120 км севернее остроконечных вершин, и утонул. Никто не знает, что он вез. Это было до войны. Озеро Клеола овеяно легендами. Считается, что там находится вход в подземный мир. Сведения передал местный житель Тимофеев Леонид Александрович.

16. В озеро Электдэжа, расположенное в 130 км южнее остроконечных вершин, упал до войны самолет и затонул. Отмечают, что это был именно 1937 год, но эти сведения не совсем точны. Что вез данный самолет — неизвестно. Информацию передали местные жители — Суркова Анна Тимофеевна, Кудрявцев Ефим Митрофанович и Митрохин Василий Захарович.

17. Погибший вертолет в районе остроконечных вершин. Нами были найдены его останки. Что он вез, неизвестно. Время гибели не установлено.

18. Погибший вертолет из Жиганска. Катастрофа случилась в 1970 году. По странным обстоятельствам на борту этого вертолета тоже была корреспондентка, как и в вертолете, вывозившем «доску Попова». Именно она, когда все хорошо выпили, захотела улететь обратно. Вертолет залетел в ущелье и ударился о склон. Осталась неразбитой одна бутылка спирта. Местные жители показали нам это место. Ничего особенного среди обломков мы не нашли.

19. Лопасти пропеллера, которые видела в этом районе учительница Кириленко Варвара Серафимовна в 1980 году. Чуть поодаль лежали обломки, но она побоялась подойти. Две лопасти пропеллера она принесла с собой: одна имела цифры № 1 и 3297, другая — 3370. Они долго лежали на крыше бани. Время гибели не установлено.

20. Обломок самолета, найденный Иннокентием Петровичем Лавровым в этом районе. Он серебристого цвета, размерами 30×20 см, имеет заклепки. Время гибели неизвестно.

21. Авария вертолета МИ-4 в этом районе в 1964 году. Разбили хвост. Людям удалось спастись.

22. Авария вертолета в 1968 году (командир — Анохин). Удалось спастись.

23. Авария вертолета в 1966 году (командир — Васин). Удалось спастись.

Когда весь анализ катастроф завершился, я даже вздрогнул.

— Ну и Зона... или Якутский треугольник!!! — воскликнул я.

Я еще раз перебрал в голове то, о чем говорили шаманы, и волей-неволей согласился с тем, что эти катастрофы происходили не зря. Какие-то общеземные законы притягивали сюда самолеты... в основном, везущие золото... и губили их здесь. Мистика какая-то!!! Но это факт.

Кроме того, у нас сложилось впечатление, что якутский треугольник как бы притягивает к себе метеориты; не раз мы в этом районе встречали метеоритные кратеры, причем нередко необычного вида, что даже возникали мысли об НЛО.

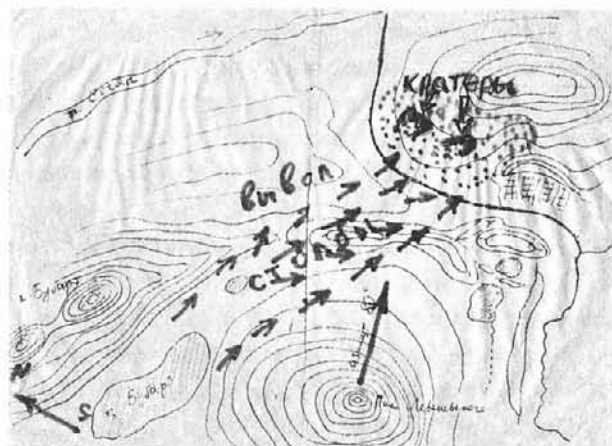

Схема двух метеоритных кратеров
в районе сердце-вершин

В те времена я мало что знал про Шамбалу и подземный мир. Слышал, правда, про страну Беловодье, где текут молочные реки в кисельных берегах и куда устремлялись русские мужики в поисках счастья, но считал все это сказкой или вымыслом. Должны были пройти годы, чтобы я понял, что мир значительно сложнее, чем мы думаем. Должен был наступить 2011 год, когда я сел писать эту книгу (почти через 30 лет!) и когда мне понадобилась помощь гениального математика Шамиля Цыганова, чтобы хотя бы сейчас постараться осознать эту Зону или... Якутский треугольник.

Расчеты Шамиля Цыганова. 2011 год

Как-то однажды вечером после тибетской экспедиции «В поисках Города Богов» 1999 года я стал рассматривать глобус. Мне показалось, что расстояние от священной горы Кайлас (вокруг которой расположен Город Богов) до Северного полюса равно расстоянию от Кайласа до монумента Стоунхендж в Англии. Измерение я проводил ниткой* на глобусе. А далее я нашел, что на таком же расстоянии находится пирамида Хеопса от Северного Полюса, центр Бермудского треугольника от монумента Стоунхендж, остров Пасхи от центра Бермудского треугольника, Южный Полюс от острова Пасхи и так далее. К тому же, мне показалось, что это самое «золотое расстояние» должно составлять 6666 км... по относительной аналогии с высотой горы Кайлас — 6666 м.

Ректор Башкирского государственного университета, к которому я обратился в поисках умного и не чокнутого математика, сказал, что такой у него есть — Шамиль Ирекович Цыганов. Он оказался не просто умным и не чокнутым, а по-настоящему гениальным математиком. Шамиль Цыганов создал математическую модель глобуса и однажды, после долгих расчетов, заявил, что «золотое расстояние» есть воистину число 6666 км. Более того, мы с ним пришли к выводу, что на Земле существует

* Об этом даже говорил Михаил Задорнов в одной из своих юморесок.

Шамиль Цыганов

система мистических треугольников между монументами древности и узловыми точками планеты, в сторонах которых с завидным постоянством фигурируют одни и те же цифры:

- 6666 км;
- 4999 км;
- 3999 км;
- 2666 км.

Например, в одном из треугольников расстояние между священной горой Кайлас и пирамидой Хеопса составляет 4999 км, расстояние «Кайлас — Северный Полюс» — 6666 км и расстояние «пирамида Хеопса — Северный Полюс» — тоже 6666 км.

А что же район озера Сегян-Кюэль в Якутии, вернее район остроконечных вершин там? А получается весьма интригующе. Район остроконечных или сердце-вершин в Якутии (вернее, центральная точка между тремя сердце-вершинами!) отстоит от священной горы Кайлас на 4999 км, от монумента Стоунхендж в Англии — на

6666 км, а сама гора Кайлас, как известно, отстоит от монумента Стоунхендж тоже на 6666 км. То есть образуется точно такой же треугольник, как и «Кайлас — пирамида Хеопса — Северный Полюс».

Еще одна связь весьма любопытна, вернее, еще один треугольник:

— сердце-вершины — Северный Полюс — 2666 км;

— сердце-вершины — Кайлас — 4999 км;

— Кайлас — Северный Полюс — 6666 км.

Кроме того, прослеживается связь района сердце-вершин с... Кольским полуостровом, где также весьма развито мерячение, то есть зомбирование, и где способность местных шаманов наводить этот эффект объясняют тем, что призываются силы Зоны. Здесь тоже образуется треугольник с весьма значимыми для мистической геометрии сторонами, если на Кольском полуострове центром взять Сейдозеро, овеянное легендами:

— сердце-вершины — Сейдозеро — 3999 км;

— сердце-вершины — Кайлас — 4999 км;

— Кайлас — Сейдозеро — 4999 км.

Вообще, глядя не только на эти треугольники, но и на всю систему мистических треугольников земного шара*, можно сказать, что наши знания о нашей планете — это просто «тьфу» и что древние, которые строили пирамиды и монументы, знали значительно больше и, наверное, пользовались энергией Земли, относясь к ней как к живому существу. Более того, мне

* Это описано в первом томе пятитомника «В поисках Города Богов».

Мистический треугольник:
«сердце-вершины — Кайлас — Стоунхендж»

Мистический треугольник:
«сердце-вершины — Кайлас — Северный полюс»

Мистический треугольник:
«Северный полюс — Кайлас — пирамида Хеопса»

Мистический треугольник:
«сердце-вершины — Кайлас —
Сайдозеро»

чается, древние не просто верили в существование подземного мира, но и поклонялись ему, понимая, что там живет «Цвет Земли», а именно Лучшие из Лучших всех земных цивилизаций, у которых свои законы и свои представления о чести и достоинстве, когда, может быть, какой-то несчастный самолет с дьявольским золотом на борту может нарушить весь духовно-энергетический баланс Земли и привести к неприятным последствиям, особенно если появится он в тех точках, которые считаются сакральными... например, над Северным Полюсом. Человеческая жизнь и, тем более, золото многого не стоят в сравнении с Вечностью и мирозданием.

А еще Шамиль Цыганов выявил вот что. После двух экспедиций 2009 года на греческий остров Крит, где нам удалось найти легендарный Лабиринт Минотавра*, мы пришли к выводу, что на всем земном шаре существует система подземных Лабиринтов. Исходя из этого предположения, Шамиль, используя математику Лобачевского — Пуанкаре, рассчитал линию Лабиринтов на Земле, которая, как оказалось, имеет специфический волнообразный характер. И эта линия, как выяснилось, выводит на самые сакральные места земного шара, такие как остров Пасхи, озеро Титикака, остров Нанмадол, Кайлас, Тунгусский метеорит и... район сердце-вершин в Якутии. Ясно, что Лабиринт создан не земными людьми, а, скорее всего, подземным миром. И вполне возможно, что здесь, в Якутском треугольнике, действуют больше законы подземного мира. Да и сам Лабиринт,

* Об этом будет написана книга.

приближающийся в этих точках к поверхности, выполняет, видимо, какую-то очень важную общеземную роль, в сравнении с которой гибель каких-то самолетов — просто мелочь.

Кроме того, я хотел бы добавить, что на математической модели глобуса у Шамиля Цыганова получилось, что при трансполярном перелете Леваневский свернул на Северном Полюсе ровно на 90° вправо... ровно на 90° , что невероятно, и... прилетел в Зону, которую называют якутским треугольником...

А тогда, в 1985 году, когда я сидел в палатке и ждал самолета, я ничего этого не знал. Только слово Зона мелькало в голове. Я во что-то верил, во что-то не верил... в общем, сумбур был в душе. И, возможно, именно тогда у меня возникла тяга к эзотерике, той самой эзотерике, которую так трудно воспринять: чуть сильнее воспринял — чокнулся, совсем не воспринял — стал бездушным «Фомой неверующим».

У Цыганова получилось, что на Северном полюсе Леваневский свернул ровно на 90° направо и попал в якутский треугольник

Что же получилось в итоге

Перечитывая свои дневники тех лет, а также опираясь на знания, полученные в ходе последующих многочисленных экспедиций, можно высказать два мнения.

Первое мнение основано на том уровне восприятия мира, которое было тогда, в 1985 году, когда я сидел в холодной палатке и, будучи несколько обиженным по жизни, думал о результатах четырех лет экспедиций по поискам погибшего экипажа Леваневского. Суть этого была в том, что мы не смогли достать из глубин озера и преподнести миру самолет, на котором было бы написано «N-209», что означало бы, что именно здесь погиб легендарный экипаж. А также мы не смогли достать из могилы золото — дар Советского Союза Америке — еще одно доказательство гибели самолета Леваневского здесь. Героического итога всех четырех экспедиций не получилось. Не получилось... хотя мы, члены наших экспедиций, убеждены, что самолет Леваневского погиб именно здесь, как и многие другие самолеты, погибшие в Зоне. Убеждены на основании многочисленных косвенных фактов, от которых, как говорится, не отвертеться. Да и память о Леваневском возродилась в те 1982—1985 годы.

Второе мнение относится к современности, а именно к 2011—2012 годам, когда я пишу эту книгу по следам экспедиций 1982—1985 годов. А пишу я так поздно не только потому, что было страшно трогать «могильно-золотую мафию», а в основном потому, что только сейчас мне удалось понять, что туда, в якутский треугольник, нас занесла судьба, та самая судьба, которая диктуется откуда-то сверху и которая ведет тебя по жизни по предначертанной кем-то линии. И не зря, наверное, вначале судьба занесла меня к месту падения Тунгусского метеорита, тоже расположенного на линии Лабиринтов, а потом занесла в якутский треугольник... а потом повела по всему миру в поисках того, не знаю чего. И вот этого «того, не знаю чего» оказалось так много, так много... что аж дух захватывало от тех чудес, которых, оказывается, так много на белом свете.

Сейчас, по прошествии многих лет, я, перечитывая свои давние дневники, смотрю на свой тогдашний человеческий уровень чуть-чуть свысока, порой усмехаясь над своим примитивизмом. Да, я, конечно, поумнел за эти годы. Но это не главное. Главное в том, что и тогда кипела страсть, пусть примитивная, но страсть, страсть, которая склонна брать все на себя и склонна прощать многое мелкое и тщедушное во имя того, ради чего разгорелась эта страсть... ведь страсть зовет к истине, которую знает только Бог. Эта истина так глубоко зарыта, так глубоко... что от твоего незнания аж тошнит. Вот и получилось у нас тогда, в 1982—1985 годах, что нас аж тошнило, что мы в эти годы все время «перли вперед», рискуя жизнью, а вот выставить под фанфары найденный самолет Леваневского так и не смогли. Сейчас-то я понимаю, что мы встретились не с банальной катастрофой самолета, а встретились с тем, что было выше этого. А вот это «выше этого» много стоит, поскольку не все в нашей власти и поскольку на Земле существуют законы, неподвластные человеческому разуму.

А тогда, в сентябре 1985 года, я сидел в холодной палатке и ждал самолета. Мне больше всего хотелось домой... домой, домой, домой... где так уютно, где жарит котлеты моя жена Татьяна, где бегает кот, где на подоконнике растет герань и... где все так по-земному, что аж дух захватывает от прелестей мира, куда послал тебя Бог.

ГЛАВА 17

Домой

Дорогой читатель! В этой главе будет только то, что я когда-то написал в своих дневниках.

Мы уже давненько жили в палатках на окраине поселка Сегян-Кюэль в ожидании самолета. Шел сентябрь 1985 года. Закончилась экспедиция по поискам пропавшего экипажа С. А. Леваевского. А сегодня утром меня растолкал Юра Лобанов:

— Вставай! Ни одного облачка, летная погода! Быстренько поешь, и надо собираться. Мы уже поели.

Я протер глаза, вылез из палатки. Умываться не стал. Не хотелось. Глотая свою порцию каши, наблюдал за ребятами. Вокруг кипела работа: собирались и упаковывались палатки, в кучу складывались оставшиеся продукты, вновь перепроверялось снаряжение. Гера с блокнотом в руках ходил от рюкзака к рюкзаку, Ришат сматывал веревки, Олег возился с кинокамерой, а Юра покрикивал, торопил всех. Мы готовились улетать. И в самом деле, ведь улетим — ни одного облачка. Часа через три из Сангара прилетят самолеты, мы загрузим наше снаряжение... и в путь, домой. А может быть, прилетят два самолета; тогда нам не хватит места — мы последние в очереди. А может, закрыт перевал...

Я поймал себя на мысли, что не хочу улетать отсюда и выискиваю всякие возможности, чтобы хоть на какое-то время еще остаться здесь. Слишком много недоделано. Обидно, что

сегодня хорошая погода. А еще обиднее то, что в другой раз летная погода может быть через один, два или даже три месяца. Все местные жители утверждают, что с погодой здесь плохо.

Я не первый раз в походах или экспедициях. Я прекрасно знаю, что всегда, когда уезжаешь домой, оста-

ется куча недоделанных дел, и привык с этим мириться. Может быть, не хватило впечатлений и душа недонасытилась романтикой? Вряд ли. Если вспомнить прожитые здесь месяцы, то каждый из них мог бы вдоволь насытить, а все месяцы вместе и пресытить романтикой. Вспоминаю, как однажды испытывали чувство пресыщения романтикой. Пройдя маршрут по вулканам Камчатки, мы получили столько впечатлений, что отказались от поездки на Командорские острова, где можно воочию увидеть морских котиков и прочих причудливых тварей, хотя эта поездка была совершенно реальной. Тогда, я помню, очень хотелось домой.

А сейчас домой не хотелось. Почему? В последние годы меня преследовали сплошные неудачи, длинная вереница которых требовала постоянного напряжения, работы на износ и постепенно расшатывала нервы, приводя к необдуманным поступкам, еще более усугублявшим мое положение. Давно, ой как давно была нужна удача, пусть самая малая, пусть временная, но она была нужна, чтобы хоть в чем-то почувствовать себя полноценно счастливым, чтобы хоть какой-то промежуток времени пожить настоящим, а не работать по-черному на будущее, в справедливость которого ты все же искренне веришь. Воля требовала отдыха. Она хотела побыть в тепле, она устала и изнасилась от противостояния холодным течениям. Вот если бы удача периодически накатывалась волнами, обдавала тебя теплом, тогда холодная волна неудачи была бы принята легко, как должное, и, в ожидании очередной удаче, ты бы мог стоять с высоко поднятой головой. Если бы жизнь всегда пульсировала как здоровое сердце, а волновым законом природы подчинялись

такие понятия, как удача и неудача, тогда жить стало бы проще и веселее, тогда многое можно было бы загадать наперед: после удачи — неудача, после радости — неприятности... К сожалению, в этом море понятий и чувств нередко наступает штиль. Хорошо тем, кого штиль застал в теплом море удачи: они купаются в этом море, вокруг плавают рыбки, летают птицы, и нет никакого желания куда-то плыть, к чему-то стремиться. Ну а тем, кого застает штиль в холодном море неудачи, приходится надрывно грести и до боли в глазах всматриваться в горизонт в поисках хоть малейшего признака лучших изменений. Приходится бороться, в противном случае холодное море неудачи поглотит человека, и он не сможет никогда из него выплыть... наступит его душевная смерть.

Да, в течение прошедших четырех лет я себя чувствовал счастливым, я купался в море удачи от того, что смог выбраться сюда, что сумел ощутить душевный подъем, что повстречал здесь настоящих чистых людей, что еще раз убедился в мужской дружбе.

Появился Петр Афанасьевич. Этот человек как-то незаметно превратился из местного жителя, у которого мы собирали сведения о неизвестном самолете, в настоящего члена экспедиции. Знание местных обычаев у него дополнялось исключительной логичностью мышления, что в целом ряде случаев делало его совершенно незаменимым. Петр Афанасьевич всей душой переживал каждую неудачу и искренне радовался нашим успехам. Однажды он мне сказал:

— Знаешь, Романыч, будет пусто без вас. Наверное, я привык...

Асейчасонторопливоподошелконе: — Только что связались по рации. Сюда из Сангара вылетели два борта. Через час будут здесь. Вас мы постараемся отправить в первую очередь.

Петр Афанасьевич
— Будет пусто без вас

— Но ведь мы последние в очереди!

— Этот вопрос обсудили в сельсовете. Никто из желающих вылететь не против. Вы, как медики, так много сделали для поселка...

— А вот я против и, думаю, выражаю мнение всех членов экспедиции. Летят студенты, больные... Мы, Петр Афанасьевич, сейчас, наверное, начнем спорить, соревнуясь в благородстве. Завтра будут самолеты?

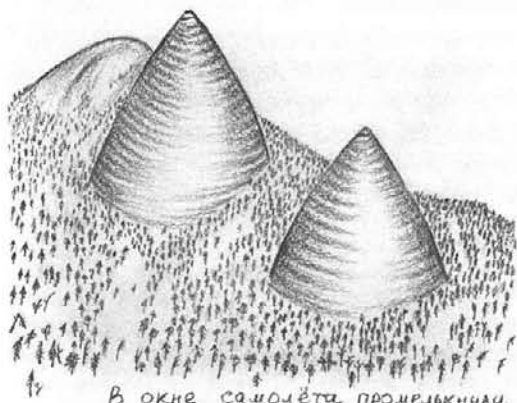
— Неизвестно.

А прилетело три борта. Теперь я не делал попыток остаться и доказывать целесообразность моего пребывания здесь. Я просто понял, что это нереально. Реальность прочной веревкой привязала меня к определенной жизненной необходимости, которая, в отличие от желаний и мечтаний, выделялась крепкими материальными контурами.

Мы погрузились в самолет. Пилот захлопнул входной люк, пробрался через груды рюкзаков и стал колдовать над приборами. Видавший виды «Антон» взревел мотором, вышел на взлетно-посадочную полосу, разбежался и легко поднялся в воздух. Я припал к окну. Мелькнула фигура Петра Афанасьевича. Он, сгорбившись и широко расставив ноги, стоял у мостика, выводившего к входным воротам его родного маленького поселка.левой рукой он потирал лоб. Наверное, как всегда, болела голова.

Промелькнули крыши домов, потом из-за леса выскочило озеро, каждый изгиб береговой линии которого был до приторности знаком, проплыло место нашего базового лагеря с оставленным полиэтиленовым навесом, и стали приближаться два пика, похожие на перевернутое сердце. За ними появилась еще одна остроконечная вершина. Может быть, именно где-то здесь покоятся останки еще одного неизвестного самолета! Надо искать, пока не выпал снег, прочесать окрестности, но... как безрассудно думать об этом в улетающем самолете. Нужно успокоиться, нужно успокоиться...

Осенние краски чахлой якутской тайги сверху выделяются контрастно. Местами, преимущественно на склонах гор, лиственницы уже пожелтели и образуют ярко-желтые пятна, а по долинам извилистых речек сохраняются темно-зеленые массивы с крапинками рано пожелтевших деревьев. Ржавые полосы болотистых марей перемежаются с белыми, словно

В окне самолёта промелькнули
две из трёх сердец — вершин

снегом, и краски осени день ото дня будут бледнеть, станут серыми, неприглядными. Жизнь заморозится на долгую-долгую зиму, и только голые ветки карликовой березки, торчащие из-под снега, и кривые лиственницы, обдуваемые ледяными ветрами, будут напоминать о ней.

Чахлая приполярная тайга. Слово «чахлая» схоже со словом полуживая. Это не так. В короткий летний период, отведенный для нее, тайга торопится жить. Растения, из которых она состоит, в ускоренном темпе цветут, не растрачиваясь на красоту своих соцветий, пускают корешки, размножаются и миллиметр за миллиметром, из года в год поднимаются все выше в горы, шершавыми языками цепляясь за камни и покоряя мертвые черные скалы или серые каменистые осыпи. Горы неблагодарны: они потоками весенней воды смывают начинающие оживать нежные стебельки, лавинами разрушают тысячелетиями завоеванные растениями ложбинки, делая их снова мертвыми. Жизнь борется с мертвым, мертвое убивает живое. Идет постоянная борьба, а в борьбу с грозными горами вступает эта самая «чахлая» тайга, захлебывающаяся в цейтноте короткого полярного лета. Жизнь ее схожа с человеком, которому для выполнения непосильного задания было отведено столь мало времени, что он, выложив силы и даже сделав невозможное, выполнил задание, а потом, будучи удовлетворенным собой, заснул крепким и долгим сном, чтобы накопить новые силы для новой борьбы. Горы проплывают под самолетом. Почему так не хочется от них уезжать? Почему хочется влезть вот на этот острый

припорошенными снегом ягельниками или с багровыми зарослями карликовой березки...

Вроде только что наступило лето, ожили зеленым цветом склоны гор, а жизнь, не успев заявить о себе, снова начала увядать, разноцветными красками осени показывая свою недавнюю многогранность. Скоро пойдут холодные осенние дожди

вперемежку с мокрым

скальный гребень, пройти по нему траверсом и достичь вон той вершины, на которой, может быть, никого еще не было? Почему не столь привлекает уютная полянка, поросшая ягелем, а хочется взбираться на эти черные скалы? Не знаю. Может быть мы, как одно из проявлений жизни, сродни с теми растениями, которые борются с мертвыми горами. Ведь мы, частицы жизни, преодолевая мертвые скалы, доходим до вершины, до того места, где по закону гор противопоставлено появляться живому. Мы своим ликованием и криками оживляем запретное место мертвого, да еще складываем тур, нарушая покой мертвых камней, вкладываем в него записку — символ жизни и борьбы. Один раз, покорив мертвое и оживив его, мы будем стремиться делать это еще и еще, как те тундровые травинки, и шаг за шагом будем идти вверх до тех пор, пока мертвые горы не всколыхнутся и не погребут нас под своей многогортной тушей, или желание бороться постепенно улетучится из нас, забрав с собой все жизненные силы. Мы едины с природой, и в нас заложен ее природный характер, рожденный в борьбе живого и мертвого.

Как известно, мозг человека состоит из двух полушарий — правого и левого. Левое полушарие отвечает за логическое мышление, занимаясь сухим анализом фактов и синтезируя наиболее рациональные решения множества жизненных задач, а правое полушарие определяет чувственное восприятие окружающего: эмоции, красоту, волю. В единстве и борьбе этих противоположных типов мышления рождается многогранность восприятия и поведения человека, куется его характер с бесчисленными вариациями. Вот и сейчас левополушарное мышление при виде проплывающих под самолетом гор будоражится, путем анализа и синтеза крутизны склонов, остроты гребней, характера осыпей и скал выбирая наиболее рациональные пути их преодоления или наиболее интересные в спортивном отношении варианты построения маршрутов в этих горах. Я увлекаюсь. Вот этот гребень я бы прошел без веревочный страховки, вон на той вершине для подъема использовал бы кулуар, а для спуска выбрал бы более крутой и ровный скально-осыпной участок с применением дюльфера, в построении маршрута могут оказаться весьма целесообразными элементы траверса целых хребтовых систем и т. д. Но правое полушарие, на какое-то время давшее волю своему рациональному левому собрату, начинает брать верх, и перед глазами все четче вырисовывается красота суровых Верхоянских гор. Скалы словно отполированы,

переливаются различными красками: то угольно-черными, то красноватыми, то голубовато-серыми. Ни одна складка земной поверхности не повторяет другую, а в комбинации эти складки образуют бессчетное множество фигур. Вдали, чуть затянутый дымкой, блещит и колеблется, как мираж, необычный хребет светло-голубого цвета. Он заснежен, а значит — под-сказывает левое полушарие — более возвышен. Вершины этого хребта громоздятся на горизонте, образуют сказочные замки, громадные чаши, неестественно склоняются. Хочется пойти туда, разгадать необычное сплетение вершин...

Клонит ко сну. Я прикрываю глаза. В этом состоянии правое полушарие, и так разогревшееся при виде гор, полностью переклюкает всю мозговую работу на себя. Возникает желание петь, но нет сил двигать ртом. Ровно гудит мотор. Засыпаю... Постепенно в рокоте мотора появляются какие-то нотки. Они выстраиваются в систему, и все отчетливее слышится мелодия. Она как будто собирается со всех горных ущелий, приближается, усиливается... и вот уже можно различить слова:

...Стелется дым, дым, дым
Куда ж теперь денешься
Станешь седым как дым
Но не изменишься...

Да это же моя любимая песня! Но она необычна и, кажется, что исполняется женским хором в сопровождении большого оркестра:

...Любовь простояла
Березкою тонкою
Костер обойдет
Где-то сторонкою...

Потом мощь песни усиливается, в ней появляются мужские нотки, и она грандиозно звучит в исполнении мужского хора:

...Ночь у костра
Грустная женщина
Как пустота
Ледниковая трещина...

Я открываю глаза — песня исчезает, чуть прикрываю — появляется вновь, закрываю — и она снова звучит с раздирающей душу силой:

...Стелется дым, дым, дым
Куда ж теперь денешься...

Сила этого голоса пробивает какую-то невидимую преграду, и песня звучит уже при открытых глазах, растекаясь по ущельям рек, хребтам и будто оплакивает меня:

...Станешь седым как дым
Но не изменишься...

Юра толкает в бок:

— Не грусти.

— Я сплю... с открытыми глазами.

Подсаживается Гера и спрашивает:

— Ну, что споем песню?

И начинает:

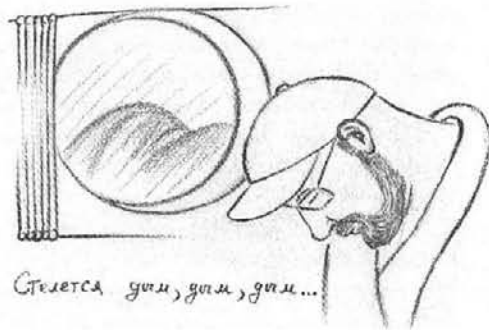
...Если парень в горах не ах
Если сразу раскис и вниз...

Но я слушаю другую песню. Чтобы лучше ее слышать, опять закрываю глаза, и кажется мне, что поет эту песню не мужской или женский хор, а поют песню горы.

Больно ударяюсь лбом об острый выступ на фюзеляже самолета, поднимаю голову и смотрю в окошко. Горы уплывают, а вслед за ними затихает песня и вскоре совсем исчезает. Я с усилием, желая услышать ее вновь, закрываю глаза. Но песни уже нет.

Самолет вылетел на широкие просторы Лены, пролетел вдоль нее еще около 40 минут и приземлился в поселке Сангар.

Перетаскивали рюкзаки, узнали о рейсах на Якутск. Цивилизация в виде шумного аэропорта, озабоченных и торопящихся людей навалилась неожидан-

но и никак не хотела укладываться в привычный ход мыслей, которые оставались еще там, в уже далеких горах. Я отошел в прилегающий к аэропорту лесок, сел под березку, закурил. Неприятно всколыхнулись события прошедших лет: унижения, человеческая жестокость, сплетни, научная беспринципность, моя собственная слабость. Возвращение домой означало начало борьбы за научные концепции, которые кое у кого становились поперек дороги и нещадно, не чураясь грязными средствами, уничтожались, но никак не хотели умирать и до сих пор жили, все более продолжая служить людям, ради которых они и были созданы. К сожалению, характерная для науки борьба мыслей нередко подменяется борьбой с людьми, которые эти мысли имеют. Что ж, людей создала природа, противоречивая по своей натуре, а люди создали цивилизацию, где философски обусловленная борьба добра и зла порождает подобные явления, от которых хочется отвернуться и не вспоминать о них никогда. Но мы вынуждены и даже хотим возвращаться в этот мир, чтобы после короткого периода адаптации к потоку человеческих страстей и противоречий снова вступить в борьбу и вести ее до тех пор, пока, вконец измотавшись, не вырвешься опять куда-нибудь в горы или тайгу, где увидишь кристально чистую и безупречно справедливую природную борьбу мертвого и живого, что невольно заразишься бойцовским характером природы и будешь бороться, не размениваясь на грязные методы, даже если тебе будет противостоять целый грязевой поток. Люди, применяющие в борьбе грязные методы, несмотря на достигнутое ими положение в обществе, никогда не будут до конца счастливы, и их радость будет напоминать радость лягушки, которая съела муху и сидит в своем родном болоте, зловоние которого распространяется на многие версты.

Неожиданно я осознал еще одну причину того состояния, которое как прозрачное препятствие стояло передо мной и не пускало в мир, крутящийся перед глазами. Загадка! Загадка исчезнувшего самолета лишь частично раскрыла свое нутро и до сих пор держала в своих сильных объятиях.

— Начальник, ты искал Никофора Павловича? — послышался сзади женский голос. — Там в аэропорту его сын — Иван. Может он тоже...

В нескольких метрах стояла одна из двух девушек, летевших с нами из поселка.

Мы подошли к зданию аэропорта, вошли внутрь, потом опять вышли. Девушка растерянно захлопала глазами:

— Ушел куда-то. Я же ему говорила...

Потом она пошла к своей подруге, сидевшей на чемоданах у двери камеры хранения, и смущенно уселась рядом. Подошел Юра Лобанов и, указав взглядом на девушек, сказал:

— Билетов до Якутска не смогли купить, да еще и камеру хранения часа полтора не откроют. Скоро и места в гостинице потеряют.

Мы прошли через зал, открыли служебную дверь и спросили работницу камеры хранения. Выслушав обычные фразы, касающиеся неправомерности нашего появления, Юра с достоинством и солидностью, как он это умеет, разъяснил причину необходимости открыть камеру хранения.

— Ой, сваты нашлись... — проговорила одна из женщин, одетых в красивые летние формы, но, тем не менее, встала и пошла к камере хранения.

Девушки, увидев долгожданный момент, заторопились, стали что-то быстро говорить, на самоделных бирках писать свои фамилии, пересчитывать мелочь...

— Эй, Захарова, еще пять копеек гони!

Девушка при виде строгого взгляда и повелительного тона совсем растерялась и никак не могла найти эти самые пять копеек. Наконец, процедура была окончена, и хранительница материальных ценностей, с хрустом повернув ключом в замке, прогарцевала мимо, наслаждаясь своей значимостью и нужностью, открыла служебную дверь и, видимо, села слушать рассказ одной из подруг, так неуважительно прерванный для нее в самом интересном месте.

Часа через два мы вылетели в Якутск. В вертолете Юра подобрался ко мне и прокричал в ухо:

— Ты долго собираешься побыть в Якутске?

— Не знаю. Как пойдут дела. Вообще-

Эй, Захарова, еще пять копеек гони!

то, работы много. Сам понимаешь, надо многих повидать, поставить в известность обком партии...

В Якутске нам повезло. Удалось купить билеты на ночной рейс на Уфу. И вот ребята идут на посадку. Завтра утром будут дома. Я жму им руки, а они говорят что-то хорошее на прощанье.

Остался один. Со мной рюкзак. Поймал такси и в три часа ночи доехал до гостиницы. Постучался. Наконец, появилась дежурный администратор, через стеклянную дверь оглядела меня и, не открывая ее, прокричала:

— Чего надо?

— Поселиться. Я...

— Мест нет, — отрезала она и, еще раз смерив меня недовольным взглядом, удалилась, не обращая никакого внимания на мои попытки объясниться.

Успокоившись и сидя на ступеньках, я оглядел себя. По-видимому, мой поношенный штормовой костюм и бесформенная борода не внушали доверия и далеко не соответствовали появлению в столь respectable учреждении, как гостиница.

Утром, дождавшись начала рабочего дня, я позвонил в обком партии и, получив бронь на место в гостинице, пошел оформляться. Как мне хотелось, будучи в том же грязном штормовом костюме и с той же бесформенной бородой, высокомерно подать тому же ночному администратору всемогущую бронь. Но того администратора после пересменки не было.

А все-таки в тот же день я сменил свою штормовку на ярко-оранжевый анорак. В нем, мне казалось, я выглядел более пристойно для городских условий. Значит, начинаю адаптироваться и скоро буду воспринимать случаи, подобные предыдущему, как нечто неприятное, но неизбежное.

Работая в Якутске, я увлекся и постепенно, сам того не замечая, стал обретать черты обычного делового человека. Я быстро вспомнил, как делать комплименты, как с важным видом входить в кабинет, солидно начинать разговор, представившись даже со своими титулами. Сложная жизнь большой цивилизации требовала этого. Грусть об оставшихся далеко горах и проведенных в тайге месяцах отошла на второй план и лишь иногда напоминала щемящим чувством, которое, однако, удавалось легко тушить, думая о чем-либо неотложном.

Однажды я решил посетить институт мерзлотоведения, чтобы оповестить специалистов о случайно найденных нами двух

кратерах, происхождение которых могло быть связано с нарушением почвы в слое вечной мерзлоты.

Я несколько раз пытался дозвониться до ученого секретаря института, но телефон каждый раз молчал. Директору или в какие-либо отделы я не звонил, так как глубоко убежден, что в научно-исследовательских институтах дела лучше начинать с ученого секретаря.

На этот раз в телефонной трубке послышался приятный женский голос, исходивший, как мне показалось, от девушки лет двадцати. Я даже переспросил, уточнив факт присутствия на другом конце провода именно ученого секретаря. Выяснив, кто я такой и что мне нужно, она попросила приехать в институт, чтобы показать имеющиеся материалы.

До конца рабочего дня оставалось чуть более часа времени. Поэтому я решил поймать такси. Прозанимавшись этим около получаса и пропустив три автобуса, я, наконец, сел в машину, и таксист, в полной мере испытав мое терпение бесчисленными кругами по городу, за пять минут до окончания рабочего дня довез до института, перед фасадом которого красовалась статуя мамонта в натуральную величину.

Ученый секретарь и в самом деле имела облик симпатичной и излишне молодой для своей должности девушки, сидевшей за огромным «директорским» столом в широком кресле. Вдобавок, при моем появлении она хихикнула. Я недоуменно уставился на нее.

— Вы как флаг... — смутившись, сказала она, взглядом указывая на мой оранжевый анорак.

Я что-то буркнул по поводу того, что оранжевых флагов в общем-то не бывает, и разложил на ее столе рисунки кратерообразных углублений. Как бы доказывая свое соответствие занимаемым ею столу и креслу, девушка-ученый секретарь предложила познакомиться и представилась: «Кандидат технических наук...» Я тоже, желая изменить первоначальное впечатление о себе, перед своей фамилией вставил ученую степень.

Далее я рассказал о кратерообразных углублениях. Ученый секретарь сказала, что наша находка может оказаться чрезвычайно интересной в научном отношении, и свела меня со специалистами, которых, оказывается, нашла и попросила ждать моего приезда сразу же после телефонного разговора.

антропогенное воздействие...

После того, как я еще раз изложил суть дела, один из специалистов спросил:

— Какова степень вероятности антропогенного воздействия эрозивного характера на почвенный слой, прикрывающий полигонально-жильные льды в данном регионе?

Зная, что «антропос» означает человек и из этого логически догадавшись о смысле предложения, я машинально подхватил научный язык и произнес:

— На мой взгляд, антропогенное воздействие необходимо исключить, поскольку отдельные индивидуумы охотников или оленеводов, возможно, изредка посещающие данный регион, не могли

столь эрозивно воздействовать на почвенный слой.

— Ваши измышления, касающиеся специфики профессиональной деятельности указанных индивидуумов (имеется в виду охотников и оленеводов), может быть, и правомерны. Однако остается неясной возможность формирования глубоких динамически-эрозивных процессов с захватом полигонально-жилых льдов в зоне льдов гольцового характера.

Тут моих знаний, ограничивающихся в этом смысле антропологией и некоторыми словами, которые я встречал в газетах, оказалось явно недостаточно, и я был вынужден сказать, что являюсь врачом и различия полигонально-жилых и гольцовых льдов мне неизвестны. И, наверное, подумалось мне, нас, врачей, когда мы читаем популярные лекции, обильно припудривая речь специфической медицинской терминологией, тоже не всегда понимают. Например, любой врач скажет или напишет «перелом верхней конечности», в то время как в русском языке существует хорошее и всем понятное слово «рука». То же самое относится к нижней конечности, т. е. ноге. А если представить, что такая терминология применялась бы в литературном русском языке, то получилось бы, к примеру, следующее: «...прощаясь, он посмотрел в глаза любимой и нежно поцеловал

ее верхнюю конечность...» Тем не менее, если бы у этой любимой рука, которую нежно целовали, вдруг сломалась, то она и в самом деле обозвалась бы верхней конечностью.

Специалист-мерзлотовед, увидев свое значительное научно-профессиональное преимущество по обсуждаемой проблеме и отстаивая свою, возникшую неизвестно отчего точку зрения, продолжал, взглядом показывая в окно:

— Наблюдаемое вами антропогенное воздействие, в частности, хлам и кучи выброшенного цемента, которые, кстати, явно не способствуют эмоциональному подъему, столь необходимому в творческом процессе и во многом определяющему плодотворность созидания ученого, могут привести к протаванию вечно-мерзлотных образований с формированием озерно-кратерообразных структур.

Я не стал спорить, отметил на карте место нахождения найденных кратеров, оставил некоторые материалы и, заверив специалиста в том, что не сообщу о нашей находке в другие научно-исследовательские институты, вышел. От общения с учеными я почувствовал себя, видимо, умнее и образованнее; по крайней мере, встретившуюся по пути статую мамонта про себя назвал «...данном экземпляром доисторического животного в виде художественного символа...».

Но как непохожи эти, в принципе весьма интересные и образованные люди на тех, с кем еще совсем недавно мы встречались. Там среди безбрежных просторов тайги и тундры существовал маленький мирок, где со своими принципами и мировоззрением жила небольшая кучка людей, на первый взгляд наивных и темных. Вначале нам, как и другим «цивилизованным» людям, казались дикими такие интерпретации человеческой сущности, как прямые высказывания: «Ты плохой человек» или «Ты хороший человек». Довольно долго мы не могли адаптироваться к чувству долга. Стоило нам проявить участие в проблемах, волнующих жителей поселка, оказать посильную помощь или просто таежное гостеприимство, как любая, даже малейшая наша просьба приобретала силу закона и выполнялась, несмотря ни на какие обстоятельства. Например, проплывая мимо нашего базового лагеря, рыбаки нередко заворачивали на наш костер. А мы поили их чаем, выкладывали на стол редкую для здешних мест колбасу и сыр. Обычный, привычный для туристов таежный этикет. Но после этого рыбаки считали своим неременным долгом оставить нам весь свой улов, отказаться

от которого удавалось далеко не всегда. Нетрудно представить то отношение, какое возникло к нам после того, как мы оказали посильную медицинскую помощь населению поселка и приезжающим из тайги оленеводам.

Наблюдая за этими людьми, я заметил, что в подавляющем большинстве у них отсутствовали чувства наживы, зависти и эгоизма. Почему? Несомненно то, что их жизнь во многом подчиняется таежным законам, выдвигающим как средства выживания в тайге взаимовыручку, честность, бескорыстие. Изолированность существования и непосредственное соприкосновение с грозной северной природой, полной всевозможных опасностей, определяют жизненную необходимость подчинения личных интересов общим, так как только общими усилиями можно противостоять силам природы. Тут не остается места для мелкого эгоистического собственного «я», а на первый план выдвигается общее «мы». Говоря иными словами, борьба с необузданными силами природы нивелирует столь ненужную, но столь же обычную для нас борьбу между отдельными личностями, порождающую эгоизм, зависть и бесчестье. Покой и отсутствие опасностей стимулируют личностное противоборство, а перед лицом общей опасности люди способны отставить личностные противоречия и всецело подчиниться общему интересу.

А ведь мы, туристы, подумал я тогда, убегаем в горы от бесконечной вереницы мелких человеческих столкновений, стараясь заменить их настоящей борьбой с силами природы. Пусть эта борьба носит несколько надуманный характер, поскольку никто не загоняет нас на маршрут или вершину, но мы от этого чувствуем себя счастливыми, делающими большое дело и обижаясь, когда нас называют чужаками.

Легкие походы и созерцание красот природы почему-то не производят на нас большого впечатления, а больше привлекают маршруты, пройденные на грани возможного, с предельным напряжением сил. Нет, отнюдь не только встреча с красотами природы зовет нас в горы, несомненно, в этом манящем зове заложено что-то более глубинное. Что же? Возможно, это естественное стремление к чистоте человеческих отношений, которую мы находим в трудных походах. Возможно, нас зовет желание освободиться от той маски, которую мы, приспособившись к обыденной жизни, надеваем, чтобы скрыть свое легкоранимое «я». И в самом деле, среди опытных туристов редко встречаются эгоистичные и черствые люди. Они постепен-

но вытравляются самой сущностью туризма. Эгоизм и черствость несовместимы с туристскими законами.

Что же получается, таежные и туристские законы имеют один общий знаменатель, одинаково воздействуя на моральный облик человека? Мне думается, что это так. Различие лишь в том, что таежные законы действуют постоянно, а туристские законы носят временный характер, ограничиваясь в основном тем периодом, когда мы бываем в походах. Наверное, поэтому нам показались столь близкими люди этого маленького изолированного поселка, первое впечатление о которых неизменно связывалось с наивностью и невежеством. И, наверное, я не боюсь этого сказать, мы стремились стать такими же, как они...

Закончилась работа в Якутске, и самолет понес меня в мой родной город.

Раннее утро. Только что прошел дождь. Полупустой автобус мчит по чистой, словно вымытой мостовой. Скоро я сойду на своей остановке, пройду два квартала, поднимусь на шестой этаж, достану из кармана брюк ключ и открою дверь своего родного дома. Мне все-таки хотелось домой.

А всё-таки
мне хотелось
домой

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Над златом чахнет

А сейчас, в 2011 году, я сидел в своем кабинете и думал о жизни, которая стала, вроде как, совсем иной, чем тогда, в 1982—1985 годах. Да, в те давние времена было больше романтики и душевной чистоты, но... в общем-то... ничего особенно не изменилось: как были настоящие мужики, так они есть и сейчас, как были гады, так их не стало меньше и сейчас, как и раньше люди любили золото, так они любят его и сейчас, как раньше людям грело душу «могильное золото», так оно греет и сейчас.

В ходе написания этой книги меня особенно пробрало выплывшее невзвест откуда выражение «могильное золото».

И решил я выяснить — хранят ли современные богатые люди золото в могиле, то есть закопанным в землю? Имея достаточно большой круг общения с богатыми... которые, к счастью, тоже болеют... я тихонько и исподволь, за бутылкой, начал выяснять этот вопрос. И вы не можете представить, дорогой читатель, что ответ был таков — хранят, да еще как хранят... золото в могиле! Тоннами хранят.

Конечно же, никто из богатеев не рассказывал об этом про самого себя. Зато про своих друзей-богатеев каждый из них рассказывал такое, что аж уши вяли... с издевкой рассказывал, подчеркивая, что он, вроде как, не такой. Вот один из этих рассказов.

Жил-был на свете богатый вор. Олигархом он стал, конечно же, на нефтяной почве. Официально имел всего-то 3,5 миллиарда долларов, зато неофициально, наличкой — еще один миллиард. Это примерно 1000 чемоданов по 1 миллиону долларов в каждом.

Олигарх, естественно, хранил официально деньги в банках разных стран (но не в России!), включая и оффшорные зоны типа Каймановых островов. А куда девать неофициальные деньги? Ну не в чемоданах же «наличку» хранить! Деньги сделаны из

бумаги, которая склонна истлевать. Да и обесцениться могут деньги. Поэтому логично купить на эти деньги (наличку!) золото, которое никогда не истлеет и не обесценится.

Вот только где и как хранить это неофициальное золото? Вполне понятно, надо купить в какой-то стране дворец, а лучше замок, где можно надежно спрятать это

Жил был на свете олигарх

золото. А где его прятать? Ну не в многочисленных сейфах же, которые, того и гляди, начнет проверять какая-то несчастная санэпидемстанция этой страны в поисках какого-то инфекционного начала с намеком на бактериологическое оружие! Ну не на полках же для книг! Вполне понятно, золото надо похоронить где-то на территории замка, лучше всего в подвале или... в древней комнате для пыток.

И купил олигарх замок

Так и поступил наш олигарх, о котором идет речь. Ничего умнее не придумал. В общем, купил он древний замок в одной из маленьких и мало влияющих на политику стран. Замок был с башнями, бойницами, комнатой для пыток, подземельями и, вполне понятно, с привидениями! Последние особо привлекали его внимание, поскольку они могли отпугивать людей от того, ради чего был куплен этот замок. Жить в нем было, конечно, неудобно, но ведь и потерпеть можно ради того, для чего был куплен замок.

Огромная работа была проделана, чтобы превратить наличку в золото. Этот вечный риск! Эти люди, склонные к предательству! Эти ненавидящие глаза! Эта тупая охрана! Это вымогательство за то, что слитки золота ведь можно передать и в полицию! Это несколько исчезнувших слитков золота...

Громадную яму, которая могла бы поместить около 20 тонн золота — эквивалент одного миллиарда долларов, — выкапывали в подземелье замка подсобные рабочие. А вот таскать туда золото, которое частями приносили в замок, приходилось

самому вместе с близким другом, которого... впоследствии, возможно, придется убрать, поскольку он, увидев золото, тоже, наверное, имеет такие же намерения. Золотой дружбы ведь не бывает.

Наконец, золото было похоронено в подземельях замка. Накидать сверху землю хватило сил. А вот чтобы уплотнить землю и положить сверху бетонные плиты, пришлось вызывать рабочих. Опасно, конечно! Но куда денешься.

— Ух! — сказал олигарх, похоронив золото. — Все, что я зарабатывал непосильным трудом, проходя через тернии, сейчас мое и только мое. Никто не притронется к моему золоту под бетонной плитой в подземелье! Никто!!! Это золото мое и только мое! Это гарантия жизни, это гарантия жизни... вечной, вечной... это мое, мое, мое... Это моя жизнь! Это я, золотой! Это я... я... я... Ведь не зря я все это зарабатывал! Не зря! Не зря! Не зря! А вон того друга, кто тоже знает, где лежит золото, надо... надо... надо убрать. Ведь не он зарабатывал, не он, не он, не он... А я... я... я... Это результат моей жизни, это опора, это гарантия...

Ух! — сказал олигарх,
похоронив золото

гарантия... гарантия... Ведь если наступит черный день, то стоит только приподнять бетонную плиту, разрыть землю и... все засверкает прекрасным желтым светом, который озарит тебя... озарит так, что ты будешь жить вечно, вечно, вечно... В жизни все можно купить, все... все... все... Золото — это сила, огромная сила, огромная... огромная... огромная... Золото — это все... все... все... А на жизнь мне хватит этих несчастных 3,5 миллиарда

долларов. Чо, мне много надо, что ли?! Водку я не пью, мяса ем мало, люблю сладкое, проституток не беру...

Прошло много лет. Друга, который помогал переносить золото в яму, уже не было. Глодала тоска. Чай с печеньем надоел. Врачи рекомендовали есть капусту. Появился диабет. И вдруг кольнуло в боку.

Кольнуло раз, кольнуло два, а вскоре боль стала нестерпимой. Жена, которая уже много лет жила отдельно в Англии, по телефону посоветовала: «Вызови скорую помощь!» Брезгливо так посоветовала, бездушно. Да еще добавила: «Чо, у тебя личного доверенного врача, что ли, нет?!»

А личного врача и в самом деле не было. Конечно, он, как и другие олигархи, хотел завести себе личного врача и даже был готов платить ему зарплату в районе этак 100 000 долларов в месяц*, но хорошей кандидатуры не подворачивалось: то тупой, то жадный, то горделивый... Но самым главным было то, что этот самый доверенный врач мог начать покушаться на его богатство, спекулируя его здоровьем. Он даже мог отравить, засунув ему в рот яд вместо таблетки. Вот и приходилось все эти годы довольствоваться самолечением, читая разделы «Здоровье» в каждой газете и осваивая основы «рекламно-газетной медицины». А тут подперло; слишком сильно болело в боку.

Наш олигарх, изнывая от боли, не придумал ничего иного, как срочно вызвать целую бригаду врачей из Америки — спе-

И тут кольнуло в боку

* Это 3 миллиона рублей.

У вас, батенька,
заворот кишок

срочно госпитализироваться в дежурную больницу, вызвав скорую помощь.

Приехала скорая помощь. Заспанные врач и фельдшер, увидев замок, обнаглели до такой степени, что попросили у олигарха каждому из них по аж 100 долларов за то, что его положат в дежурной больнице не в коридор, а в палату из... шести человек. Олигарх, конечно, стал просить, чтобы его положили в отдельную палату с индивидуальным постом, но заспанный врач скорой помощи ответил, что уже этой ночью его, скорее всего, будут оперировать, и здесь не до сантиментов с индивидуальным постом, когда каждая минута дорога... ведь кишки завернулись и идет некроз* кишечника. Местный врач, тоже получивший дополнительно свои 100 долларов, подтвердил это, добавив, что в жизни надо было больше есть овощей, а не жрать напропалую сладкое, которое вызвало, к тому же, диабет, способный осложнить экстренную операцию.

— При диабете человек очень восприимчив к инфекции и не может бороться с ней, — стал пояснять он. — А у вас, скорее

* Некроз — отмирание.

всего, некротизировалась часть кишечника и содержимое его, то есть г..., вылилось в брюшную полость. Лишь бы ваш организм поборол инфекцию, вышедшую из этого г...! Лишь бы поборол инфекцию! Лишь бы поборол!!! Надо срочно оперировать! Срочно!!!

— Давайте вызовем лучшего хирурга! — прохрипел олигарх. — Я любые деньги отдам.

— Ха! — парировал местный врач. — Пока его найдем, пока он приедет, будет поздно. Будет оперировать дежурный хирург. Таковы законы медицины.

Скорая помощь везла олигарха в дежурную больницу. Белый потолок автомобиля колебался в лучах света, попадавшего из окна. Боль была ужасной.

— У-у-у!!! — вырвалось у олигарха. — Неужели мне приходит конец?! Такой бесславный конец! Да я все отдам, чтобы спастись!!! Все, все, все... почему все так неожиданно?! Почему завернулась эта

кишка?! Какого хрена она завернулась?! О, как позорно, что меня может убить г..., какое-то г... О, как я был неправ, когда не стал вкладывать деньги в какую-то больницу и не стал содержать там самых лучших врачей... ведь на это ушло бы всего-то несколько десятков миллионов долларов! О, как я был глуп! Меня, дурака, грызла мысль, что эти лучшие врачи будут лечить не только меня, но и других людей... на мои деньги... чужих людей. Как я не понимал

Ну почему я боялся,
что на мои деньги
будут лечить чужих
людей?

того, что лучшие врачи, чтобы оставаться лучшими, должны быть все время в тренировке, оперируя чужих людей, чтобы, когда-нибудь, когда тебе приспичит, сделать мне операцию своими тренированными руками... тренированными на чужих людях, на лечение которых я, дурак, жалел деньги. То, на что я жалел деньги, ведь сущие копейки, даже для моих официальных денег — 3,5 миллиарда долларов, не говоря уж о золоте, моем драгоценном золоте... в... в... могиле! Ну зачем я поступал так?! Зачем?! Зачем?! Дурак! Дурак! А сейчас меня будет оперировать какой-то дежурный хирург... какой-то... А может отказаться от операции?! Но... а если и в самом деле будет поздно?! И в самом деле будет поздно... поздно... поздно... Лучше согласиться, как простому смертному... простому... простому...

Олигарха завезли в приемный покой. Положили на кушетку. Вызвали дежурного хирурга. Он, заспанный и квелый какой-то, подтвердил диагноз и отдал команду готовить операционную, поскольку операция и в самом деле была экстренной. Олигарху дали наркоз. Операция шла около трех часов. Отрезали почти три метра кишечника — некротизированного (умершего!) ки-

шечника. Выход из наркоза был тяжел. Тошнило. Была слабость. Казалось, все позади. Но... развился перитонит — гнойное воспаление брюшной полости, связанное с тем, что кишку, все-таки, прорвало. Жизнь опять повисла на волоске.

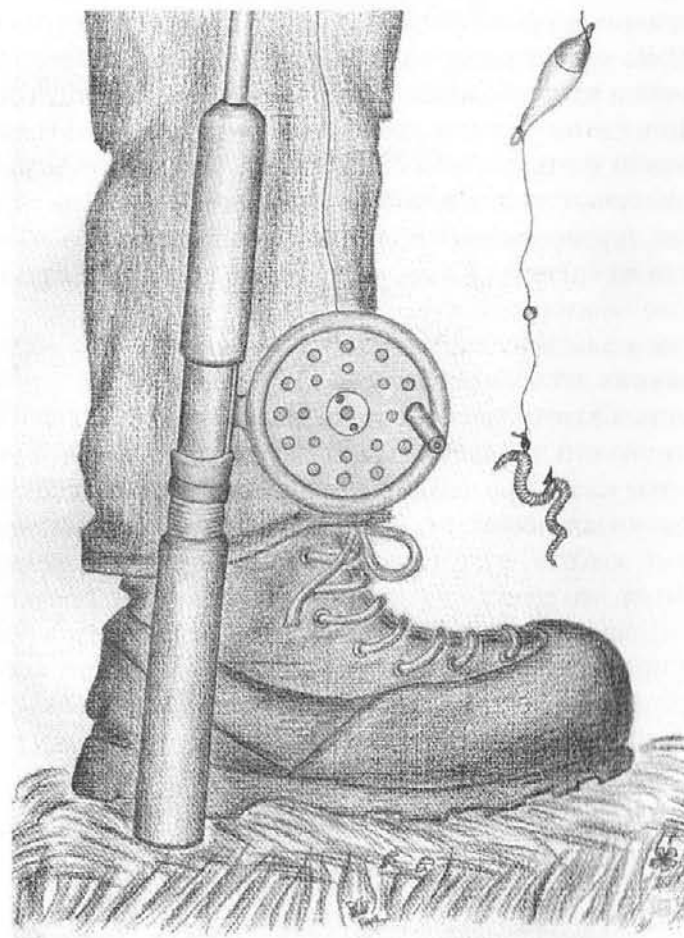
Итог всей этой истории был таков. Олигарх, переведенный в индивидуальную палату и имевший индивидуальный врачебный пост, все-таки умер.

Золото! Золото! Ну почему ты лежишь в могиле и зовешь меня туда?!

И говорят, что перед смертью он кричал: «Кто я?! Кто я?! Кто я?!», как бы задаваясь вопросом перед вечным. А еще, оказывается, он выкрикивал в бреду странные слова:

— Золото... золото... золото!!! Я прошу тебя... прошу... прошу... прошу! Почему ты не откликаешься!!! Почему ты преда-

Человек человеку рознь

ешь меня! Ну почему ты лежишь в могиле и зовешь меня туда?! Я ведь на тебя молился! Я ведь почитал тебя выше, чем Бога! Ну почему ты молчишь там... в золотой могиле?! Зачем я поклонялся тебе... зачем... зачем... зачем?! Зачем я отдал жизнь тебе... зачем... зачем... зачем?!

И скажу я вам, дорогой читатель, что только Бог знает, что с ним стало на Том Свете. Может быть, Бог учел, что хотя бы перед смертью он раскаялся в том, что посвятил свою жирную жизнь «могильному золоту», а, может быть, не учел этого раскаяния и просто-напросто отправил его в следующую жизнь в тот мир, где нет денег и золота... например, в мир червей, где он, бывший дурак, отступивший от Бога, будет всего-то навсего всю свою новую «червивую» жизнь жрать землю, пока... какой-то рыбак, появившийся в этой жизни в облике человека, не насадит его на крючок. Жизнь-то зависит от Бога, а не от Золота, тем более «могильного».

А еще я вам хочу сказать, дорогой читатель, что после тех моих давних экспедиций 1982—1985 годов я заимел глубокую ненависть к золоту, тем более «могильному». Не люблю я золото и считаю его дьявольским искушением, потому что умные и взрослые «дяди», которым бы оленей пасти или землю пахать, вдруг начинают посвящать свою жизнь этому противному «могильному золоту», от которого и проку-то нет. И я вынужден признаться, что современный мир, схватив это поганое искушение, погрузился в «золотую лихорадку», когда и... мать родную можно продать. Покопаться бы в замках, владельцы которых умерли... Но кому оно нужно — это золото, тем более «могильное», то есть то золото, от которого могилой пахнет.

Оглавление

Вместо предисловия. Закон-тайга	5
Глава 1. Как погиб экипаж Леваневского	47
Глава 2. Таинственный черный блокнот	76
Глава 3. Неужели Леваневский погиб в Якутии?	88
Глава 4. А вы не боитесь, что приехали сюда?	108
Глава 5. Куда же исчезла «доска Попова?»	132
Глава 6. Поиски деталей разбившегося самолета. Приключение в гроте	183
Глава 7. Русский в меховой куртке. Откровения 104-летней старушки	208
Глава 8. Пуля пролетела около уха	226
Глава 9. Путешествие к сердце-вершинам	243
Глава 10. Самолет под водой	270
Глава 11. Золотая могила	282
Глава 12. Блокада экспедиции. Второй «золотой самолет» ...	300
Глава 13. Приключение на горе Бубарэ	353
Глава 14. Третий «золотой самолет»	363
Глава 15. Друзей не бросают в тайге	377
Глава 16. Якутский треугольник	391
Глава 17. Домой	404
Вместо эпилога. Над златом чахнет	421

НАД ЗЛАТОМ ЧАХНЕТ

Книга написана по следам реальных событий.

Экспедиция, искавшая пропавший в 1937 году самолет Сигизмунда Леваневского, неожиданно попадает в загадочную Зону.

Выясняется, что в этой Зоне погибло 23 самолета, которые... везли золото. Экспедиция, длившаяся 4 года,

сталкивается со смертельно опасными ситуациями, но, тем не менее, обнаруживает

«золотую могилу», где похоронено 5 тонн золота — дар Советского Союза Америке.

Разворачиваются трагические события, работа экспедиции блокируется, и, в конце концов,

члены экспедиции начинают осознавать, что люди подвержены «золотой

лихорадке», когда даже жизнь не ставится ни во что, в сравнении с золотом.

Проводятся параллели с современным миром и, в частности, с олигархами,

которые копят деньги на сто жизней вперед.

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

www.olmamedia.ru

ISBN 978-5-373-05054-8

9 785373 050548